

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2021

№ 74

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Власов М.С., Сычев О.А. Сетевой жаргон в задаче лексического решения: связана ли скорость визуального распознавания слов с проблемным использованием интернета среди молодежи?	5
Дударева Я.А., Шпильная Н.Н. Обыденный медийный дискурс как интерпретационный дискурс (на материале интерпретирующих высказываний интернет-речи)	28
Зеленин А.В., Руднев Д.В. «Что значит этот <i>фон</i> »: история грамматикализации предложно-падежной формы <i>на фоне</i>	43
Иванцова Е.В. Правила речевого поведения диалектной языковой личности как составляющая языкового ландшафта сибирского старожильского села	61
Инькова О.Ю. Несвязность текста, или О некоторых подводных камнях на пути автоматической обработки текста	81
Каблуков Е.В., Ильина О.В. Региональная идентификация россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие	99
Морозова М.С., Русаков А.Ю. Албанские глаголы в славянской билингвальной речи: между переключением кодов и адаптацией заимствований	113
Резанова З.И., Рыжова О.В., Широнова Р.Х. Языки в «светлом поле» сознания билингва (на материале метатекстов шорско-русских билингвов корпуса устной речи RuTuBiC)	130
Судаков Г.В. Тайны полтавского приказа Петра I	146
Токмашев Д.М. Язык батчатских телеутов в системе алтайских диалектов – фонология и морфонология (на материале Das Altaitürkische О. Прицака)	158
Уткина Т.И., Костарева Е.В. Особенности метадискурсивной организации академического письма на английском языке студентов-экономистов	188

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Айзикова И.А. Наследие П.А. Плетнева в «придворной педагогике»	208
Гнюсова И.Ф. Модели социокоммуникативного пространства в фольклоре народов Сибири (на материале сборников под редакцией Г.Н. Потанина)	230
Кибальник С.А. Чеховский «Остров Сахалин» в контексте русской классической прозы XIX в.	252
Крюкова Е.Б., Коваль О.А. Между поэзией и правдой: Ингеборг Бахман и Жан Амери о смысле родины, языка и морали	268
Кузьмина М.Д. Учительство и ученичество в славянофильском общении: переписка А.С. Хомякова с Ю.Ф. Самаринным	289
Футляев Н.С., Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция стихотворения Роберта Бернса «A Man's a Man for A' That...»	299

ЖУРНАЛИСТИКА

Жилякова Н.В. «На два рубля больше»: цензурный сюжет о повышении платы за подписку на газету «Сибирский вестник» (Томск, 1887–1889 гг.)	317
--	-----

IN MEMORIAM

Лебедева Н.Б. Ольга Иосифовна Блинова – ученый, учитель, личность	329
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	333

CONTENTS

LINGUISTICS

Vlasov M.S., Sychev O.A. Internet Slang in the Lexical Decision Task: Does Reaction Time for Word Recognition Correlate With Problematic Internet Use in Youth?	5
Dudareva Ya.A., Shpilnaya N.N. Everyday Media Discourse as an Interpretive Discourse (Based on Interpretive Utterances of Internet Speech)	28
Zelenin A.V., Rudnev D.V. “What Does This <i>Fon</i> Mean?”: The History of Grammaticalization of the Prepositional Case Form <i>Na Fone</i>	43
Ivantsova E.V. The Rules of a Dialect Language Personality’s Speech Behavior as a Component of the Siberian Old-Resident Village Languagescape	61
Inkova O.Yu. Text Incoherence, or Some Pitfalls of Automatic Text Processing	81
Kablukov E.V., Ilina O.V. Regional Identification of Russians in Media Discourse: Sameness and Difference	99
Morozova M.S., Rusakov A.Yu. Albanian Verbs in Slavic Bilingual Speech: Between Code-Switching and Adaptation of Lexical Borrowings	113
Rezanova Z.I., Ryzhova O.V., Shirinova R.H. Languages in the “Light Field” of Bilingual Consciousness (Based on the Metatexts of Shor-Russian Bilinguals in the RuTuBiC Oral Speech Corpus)	130
Sudakov G.V. Secrets of the Poltava Order of Peter I	146
Tokmashev D.M. Teleut in the System of Altai Dialects – Phonetics and Morphophonology (Based on Das Altaitürkische by Omeljan Pritsak)	158
Utkina T.I., Kostareva E.V. Features of Metadiscourse Use (Sphere of Economics, Students’ Written Texts in English)	188

LITERATURE STUDIES

Ayzikova I.A. Pyotr Pletnev’s Heritage in “Court” Pedagogy	208
Gnyusova I.F. Models of the Socio-Communicative Space in the Folklore of the Peoples of Siberia (Based on Materials of Collections Edited by Grigory Potanin)	230
Kibalnik S.A. Chekhov’s <i>Sakhalin Island</i> in the Context of the 19th Century Russian Classical Prose	252
Kriukova E.B., Koval O.A. Between Poetry and Truth: Ingeborg Bachmann and Jean Améry on the Meaning of the Homeland, Language, and Morality	268
Kuzmina M.D. Teaching and Apprenticeship in Slavophile Communication: Aleksey Khomyakov’s Correspondence with Yuri Samarin	289
Futlyayev N.S., Zhatkin D.N. The Russian Fate of Robert Burns’s Poem “A Man’s a Man for a’That ...”	299

JOURNALISM

Zhilyakova N.V. “Two Rubles More”: A Censorship Story About an Increase in the Subscription Fee for the Newspaper <i>Sibirskiy Vestnik</i> (Tomsk, 1887–1889)	317
--	-----

IN MEMORIAM

Lebedeva N.B. Olga Iosifovna Blinova – A Scholar, Teacher, Person	329
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	333
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'23

DOI: 10.17223/19986645/74/1

М.С. Власов, О.А. Сычев

СЕТЕВОЙ ЖАРГОН В ЗАДАЧЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ: СВЯЗАНА ЛИ СКОРОСТЬ ВИЗУАЛЬНОГО РАСПОЗНАВАНИЯ СЛОВ С ПРОБЛЕМНЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ?¹

Предлагается комплексная диагностика проблемного использования интернета с применением опросного и экспериментального метода психолингвистики. На выборке русскоязычных школьников и студентов ($n = 106$) в возрасте от 12 до 22 лет было установлено, что значимыми предикторами времени реакции на жаргонизмы, бытующие в интернет-среде, являются когнитивная поглощенность подростков с размером эффекта $-0,21$ SD и регуляция настроения с размером эффекта $0,14$ SD. Средняя частотность пар слов-стимулов имеет значительный эффект на сокращение времени реакции ($-0,18$ SD).

Ключевые слова: молодежь, проблемное использование интернета, сетевой жаргон, задача лексического решения

Введение

Влияние интернета как средства коммуникации на индивидуально-личностные особенности человека по-прежнему является предметом научных дискуссий. Если авторы более ранних работ фокусировались исключительно на доказательстве гипотезы о негативном влиянии интернета как такового и количества времени, проводимого в Сети, на психологическое здоровье человека без учета всех возможных нюансов², то в настоящее время приходит понимание того, что к факторам, оказывающим потенциальное влияние на человека, относится целый спектр особенностей сетевого контента, а также когнитивный и мотивационный профиль пользователя, его социальный статус и т.д. Закономерно возникают вопросы о нормативных показателях использования интернета в мире в целом и в России в частности.

К числу объективных показателей использования интернета в мире относятся количество пользователей, их национальный и возрастной состав,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках проекта № 19-412-220004 «Лингвистические, когнитивные и эмоциональные факторы восприятия молодежного сленга субъектами деструктивного поведения: экспериментальное исследование».

² См. подробный обзор исследований в работе Н.В. Кочеткова [2].

количество времени, проводимого ими в Сети, тип используемых устройств для выхода в онлайн-пространство, наиболее посещаемые сайты и т.д. Так, на темпы роста количества пользователей интернета и социальных Сетей в последнее время указывают многие исследователи [1, 2]. Согласно последним статистическим данным число российских интернет-пользователей с 2020 по 2021 г. увеличилось на 6 миллионов человек и по состоянию на март 2021 г. составило приблизительно 124 миллиона человек. К началу 2021 г. пользователей социальных Сетей в России насчитывалось около 99 миллионов (зафиксирован прирост на 5,1% с начала 2020 г.), что составило около 67,8% населения страны. В среднем российские пользователи ежедневно проводят в сети около 8 часов. Около 75% населения мира выходят в интернет через мобильные устройства и в среднем проводят там по 4 часа в день, при этом россияне проводят «в телефонах» в среднем 3,5 часа в день. Около 50% этого времени уходит на пользование мессенджерами и социальными Сетями, просмотр видео, всевозможные развлекательные приложения и игры¹.

Использование различных онлайн-сервисов, по всей видимости, может положительно влиять на развитие коммуникативных навыков, самообучение и мотивацию к учебной деятельности [3–5], психологическое благополучие [6], эффект растормаживания [7], но подобные исследования скорее редкость в научной литературе.

Все чаще ученые связывают использование интернета с проблемным, деструктивным поведением пользователей. Целый комплекс экзогенных и эндогенных факторов может вызывать аддиктивное поведение, часто называемое в психологической литературе *интернет-зависимостью* [8]. Кроме того, используются и такие термины, как *компьютерное расстройство*, *злоупотребление интернетом*, *расстройство использования интернета*, *интернет-аддикция*, *патологическое использование интернета*, *патологическое использование электронных медиа*, *компульсивное использование интернета* и *проблемное использование интернета*. Естественно, что развитие сетевых средств коммуникации ведет к неизбежной архаизации некоторых понятий и выражений, используемых в более ранних исследованиях и инструментах измерения данного психологического конструкта. На наш взгляд, *проблемное использование интернета* (PIU) является сегодня наиболее точным определением данного типа поведения, в котором подчеркивается деструктивный потенциал онлайн-взаимодействия человека с Глобальной сетью. При таком подходе сам интернет не рассматривается как непосредственная причина изменений в поведении и личностных особенностях, но акцентируется роль негативных последствий его использования для конкретного индивида.

Как отмечают А.А. Герасимова и А.Б. Холмогорова [1], оценка проблемного использования интернета основана на современных представлениях о мотивации личности, последствиях и контексте использования раз-

¹ URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru/>

личных онлайн-сервисов [9]. Проблемное использование интернета может быть связано с базовыми потребностями человека в автономии, компетентности и связности согласно теории самодетерминации: исследование [10] отчасти подтвердило медиационный эффект психологического стресса между удовлетворением потребностей и проблемным использованием интернета.

Так, результаты метаанализа работ с 2005 по 2016 г. не обнаруживают прямой и непосредственной связи между частотой использования социальных сетей, количеством друзей и уровнем депрессии и тревожности: позитивное взаимодействие, социальное одобрение и чувство связности, переживаемые пользователями социальных Сетей, чаще всего ассоциированы с более низкими уровнями депрессии и тревожности, в то время как негативное взаимодействие и социальное сравнение в социальных Сетях связаны с более высоким уровнем депрессии и тревожности. Вместе с тем использование социальных Сетей может коррелировать с меньшим уровнем чувства одиночества, более высокой самооценкой и удовлетворенностью жизнью [11]. Однако совсем недавнее трехлетнее лонгитюдное исследование на выборке финских подростков ($n = 1\,750$) в возрасте от 16 до 19 лет показало отрицательную корреляцию между уровнем проблемного использования интернета и уровнями успеваемости, положительные корреляции между уровнем PIU, уровнями депрессивных симптомов и частотой употребления подростками психоактивных веществ. Кроме того, депрессия взаимно предсказывала PIU [12]. В другом исследовании на внушительной выборке китайских старшеклассников ($n = 2\,211$) в возрасте от 10 до 16 лет Вонг и соавт. [13] показали, что чувство одиночества является значимым предиктором депрессивной симптоматики через медиационные эффекты зависимости от онлайн-игр и использования социальных Сетей на общую шкалу PIU. Таким образом, PIU характеризуется целым спектром возможных негативных состояний, таких как чувство одиночества, повышенная тревожность и депрессия, что может говорить о деструктивном потенциале данного типа поведения.

Проблемное использование интернета: модель и инструмент диагностики

Рассматривая этиологию проблемного использования интернета в контексте современных инструментов его измерения, нам необходимо остановиться на теоретической модели, заложенной в его основе.

Согласно когнитивно-поведенческой модели патологического использования интернета Ричарда Дэвиса [14] новые интернет-сервисы и качество контента способны вызывать у пользователей переживание позитивных эмоций и стремление к их повторному переживанию, постоянному возвращению в интернет-пространство. Центральным звеном данной модели автор считает возможность развития у пользователя *когнитивных искажений* под влиянием ситуационных факторов и психопатологической симптоматики,

что может повлечь за собой развитие общего (не связанного со специфическим сетевым контентом) или специфического расстройства (например, в настоящее время – онлайн-гэмблинга, онлайн-шопинга и т.п.).

Искаженные когнитивные процессы тесно связаны с навязчивыми мыслями о выходе в интернет, «руминацией» относительно того или иного контента, слабой концентрацией внимания на других видах деятельности в реальной повседневной жизни. Когнитивные искажения могут включать неуверенность в себе, низкий уровень самооэффективности и самооценки. Человек, имеющий такие искажения, негативно относится к себе и использует Сеть, чтобы добиться положительного отклика из внешней среды наиболее легким и доступным путем. Представления о самом себе могут включать такие мысли, как: «Я хорош только в интернете»; «Я бесполезен в офлайн, но в Сети я кто-то»; «Я неудачник, когда я не в Сети». Когнитивные искажения могут проявляться в отношении не только самого себя, но и окружающих. Так, у индивида могут возникать следующие представления: «Интернет – это единственное место, где меня уважают», «Никто не любит меня в реальной жизни»; «Интернет – мой единственный друг»; «Люди плохо относятся ко мне в реальной жизни» и т.п. Дэвис [14] считает, что подобные размышления и установки по принципу «все или ничего» и представляют собой дезадаптивные когнитивные искажения, которые усугубляют патологическое использование интернета.

Основываясь на описанной выше модели, Скотт Каплан [15, 16] предложил шкалу общего проблемного использования интернета (*Generalized Problematic Internet Use Scale*), вторая версия которой (GPIUS2) предусматривает такие субшкалы, как: 1) предпочтение онлайн-общения общению «лицом к лицу»; 2) регуляция настроения; 3) когнитивная поглощенность; 4) компульсивное использование; 5) негативные последствия. Русскоязычная общая шкала проблемного использования интернета была апробирована и валидизирована А.А. Герасимовой и А.Б. Холмогоровой [1] на выборке молодежи в возрасте от 14 лет до 21 года. В нашем исследовании данный инструмент применяется для самоотчетной диагностики проблемного использования интернета среди молодежи. Кроме того, в целях контроля объективного параметра нашим участникам задавался дополнительный вопрос: «Укажи приблизительно, сколько минут или часов в день ты проводишь в интернете?» Кроме того в рамках нашего исследования мы использовали имплицитную методику – задачу лексического решения с предъявлением пар стимулов (жаргонизмов, общеупотребительных слов и неслов) в соответствии с оригинальным исследованием [17].

Связь скорости распознавания слов в задаче лексического решения с их частотностью и личностными особенностями носителей языка

Задача лексического решения – достаточно известная в психолингвистике методика диагностики семантической памяти: участникам необходимо за заданный временной интервал быстро расклассифицировать сти-

мулы как слова и неслова (или в ином варианте – пары стимулов). Недавнее экспериментальное исследование с применением данной методики показало, что скорость распознавания слов и неслов достаточно надежно может быть предсказана объемом пассивного словаря носителя языка, причем измеренного не одним, а целой серией тестов: от 27 до 46% дисперсии времени реакции математически предсказывается объемом словарного запаса [18].

Существует достаточно данных о том, что носители языка с большим объемом пассивного словаря или читательского опыта менее чувствительны к ряду лингвистических характеристик слов-стимулов в задаче лексического решения, например количеству букв [19], частоте слов [18] и количеству «орфографических соседей» [20]. Вместе с тем значительный объем вариативности времени реакции объясняется случайными факторами, которые могут быть связаны с личностными особенностями участника эксперимента. Так, ряд исследований посвящен эффектам индивидуальных различий при распознавании эмоционально окрашенных лексических единиц [21–26], в том числе в связи с психическими патологиями [27, 28]. Однако получаемые разными авторами результаты зачастую противоречивы. По итогам наших последних исследований на материале русского языка с использованием задачи лексического решения и эмоционально окрашенных слов в качестве стимулов показали, что многие эффекты индивидуальности «скрываются» за случайными эффектами, а единственным высокозначимым и воспроизводимым в разных экспериментах лингвистическим предиктором времени реакции является частотность слов, распознаваемых в ходе эксперимента [29, 30].

Частотность слов неслучайно в значительной степени определяет скорость их визуального распознавания: расширение объема корпусов национальных языков, появление больших лексических данных способствуют более интенсивному развитию квантитативных методов для контролирования лингвистических переменных в экспериментах. Так, с появлением *Генерального интернет-корпуса русского языка* (ГИКРЯ)¹ объемом более 20 млрд слов и созданного при помощи автоматической технологии сбора и разметки текстов Рунета появилась возможность фиксировать квантитативные характеристики языковых единиц из большой выборки текстов новостей, блогов, постов и т.п. Поскольку интернет является сегодня основным источником пополнения молодежного сленга и сетевого жаргона, мы сочли эффективным использование в нашем эксперименте частотности² «сетевых» жаргонизмов в качестве лингвистического предиктора скорости распознавания слов определенных семантических групп, описание кото-

¹ URL: <http://www.webcorpora.ru/>

² Частотность на миллион слов (*ipm – instances per million*). Для нашего эксперимента также рассчитывался коэффициент Ципфа, который позволяет сравнивать параметры частотности слов, извлеченных из разных корпусов и баз данных независимо от объема данных корпусов. Коэффициент Ципфа = $\log_{10}(\text{ipmw})+3$ или $\log_{10}(\text{ipmw}*1000)$, где *ipmw* – частотность конкретного слова на миллион слов.

рых будет представлено в экспериментальной части настоящего исследования. Наша рабочая гипотеза заключается в том, что скорость распознавания жаргонизмов, которые, как правило, являются низкочастотными лексическими единицами, будет возрастать у лиц с более высоким показателем проблемного использования интернета в отличие от лиц, у которых этот показатель ниже. Предполагаем, что такие пользователи в большей степени «погружены» в сетевое общение и в отличие от менее «погруженных» пользователей чаще сталкиваются с такими жаргонными словами, как, например, *сторис*, *директ*, *тред* и т.д. В экспериментальной части ставится задача выяснить, какую долю вариативности скорости распознавания таких слов можно объяснить личностными особенностями проблемного использования интернета, количеством часов, проводимых в Сети, гендерными различиями, а также лингвистическими характеристиками стимулов.

Материалы, методы и выборка участников исследования

Исследование состояло из двух частей для одной выборки участников: опросной (сбор демографических характеристик и ответов по общей шкале проблемного использования интернета) и экспериментальной (задачи лексического решения). Сбор данных проходил в онлайн-формате. Все участники исследования (в возрасте от 12 до 22 лет) предоставили информированное согласие на участие в исследовании. Их информировали о том, что они могут прекратить участие в исследовании в любой момент без объяснения причин.

Опросная часть состояла из таких пунктов, как ID, пол, возраст, регион проживания, среднее количество минут или часов в день, проводимых в интернете.

Далее для заполнения предлагалась *Общая шкала проблемного использования интернета-3 (GPIUS3)*, разработанная А.А. Колмогоровой и А.Б. Холмогоровой на основе второй версии аналогичной англоязычной шкалы. Методика включает пять субшкал: *Предпочтение онлайн-общения* (3 пункта, α Кронбаха в нашем исследовании = 0,78), *Регуляция настроения* (3 пункта, α Кронбаха = 0,79), *Когнитивная поглощенность* (3 пункта, α Кронбаха = 0,70), *Компульсивное использование* (3 пункта, α Кронбаха = 0,75), *Негативные последствия* (2 пункта, α Кронбаха = 0,77). Эти субшкалы с разных сторон характеризуют проявления проблемного поведения, связанного с использованием интернета, и демонстрируют умеренные корреляции между собой (в нашем исследовании от 0,28 до 0,61), поэтому в дальнейшем субшкалы анализировались в отдельности наряду с общим, суммарным показателем по всем субшкалам. Несмотря на небольшое число пунктов в каждой субшкале приведенные выше значения коэффициентов α Кронбаха свидетельствуют об их достаточной внутренней согласованности.

Задача лексического решения была реализована с помощью специального онлайн-сервиса *PsyToolkit* [31, 32], позволяющего регистрировать от-

веты и время реакции участников в дистанционном режиме. Точность регистрации времени реакции для данного сервиса соизмерима и с более известным десктопным приложением *E-Prime 3* [33].

В качестве стимулов использовались жаргонные слова (частотность (ipm) варьировала от 0,002 до 3,035 вхождений на миллион слов в ГИКРЯ) и общеупотребительные слова русского языка (частотность (ipm) варьировала от 0,152 до 9,6 вхождений на миллион слов в ГИКРЯ). Все стимулы являлись низкочастотными лексическими единицами с показателем до 10 ipm согласно распространенному критерию [34]. В набор стимулов также были включены неслова – непроизносимые наборы букв. Генерация неслов осуществлялась посредством специальной процедуры, описанной в наших предыдущих исследованиях [30]. Из сгенерированного ранее списка неслов были отобраны случайным образом 48 единиц.

С точки зрения процедуры дизайн исследования был основан на эксперименте 1 (*dual lexical decision task – dual LDT*) авторов оригинальной работы [17] и построен следующим образом.

Задача лексического решения была имплементирована через браузер участника исследования со следующей инструкцией: «В этом задании Вам будет предложено в парах стимулов быстро распознать слова и бессмысленные наборы букв («неслова»). Если в паре только реальные слова (например, *гамать, играть*), то нажмите кнопку «ф», если в паре есть хотя бы одно неслово (например, *скрдуап играть*), то кнопку «д». Для ответа на каждый стимул дается 2 секунды. Сначала будет тренировочный, а затем основной тест. Нажмите пробел для продолжения».

В тренировочной сессии участникам предлагались 12 пар стимулов, которые в дальнейшем не подвергались анализу. Если участник не справлялся ни с одним из тренировочных трайлов (все ответы неверные или все превышали 2 000 мс), то его данные в дальнейшем исключались из анализа.

Стимулы основной части теста ($n = 96$) представляли собой сгруппированные по парам:

- 1) тематически связанные жаргонные и общеупотребительные слова (например, хейтер – ненавистник, $n = 24$);
- 2) тематически не связанные жаргонные и общеупотребительные слова (например, хейтер – рукав, $n = 24$);
- 3) общеупотребительные слова и неслова (например, ненавистник – сцкысцк, рукав – сквуитхе, $n = 48$).

Стимулы основной части теста представлены в прил. 1 к настоящей работе.

Участнику все пары предъявлялись в случайном порядке. Жаргонизмы и нейтральные (общеупотребительные) слова каждый участник встречал дважды, но в разных условиях (в разной паре стимулов). Поскольку незнание или лишь поверхностное знакомство с сетевым жаргоном могло приводить к неверному лексическому решению или задержке реакции на пары слов, то в качестве рабочих гипотез мы выдвинули следующие предположения.

1. Эффект имплицитного знания сетевого жаргона должен проявляться в снижении времени реакции на стимулы первой и второй группы (см. выше), а также должен наблюдаться эффект увеличения времени реакции на стимулы второй группы (тематически не связанные стимулы).

2. Мы также предположили, что одним из возможных фасилитационных эффектов распознавания сетевых жаргонизмов (помимо частотности слов) может быть более высокая когнитивная поглощенность интернетом (измеряемой шкалой GPIU-3 у наших участников). Поскольку данная личностная особенность связана с нарушением процессов внимания и концентрации на стимулах вне интернет-пространства, то мы предполагаем, что носитель языка из-за постоянного мысленного возвращения в интернет будет демонстрировать и соответствующее знание специальной лексики, а это будет выражаться в ускорении распознавания соответствующих стимулов по сравнению с участниками с более низкой оценкой когнитивной поглощенности.

Выборку составили 106 русскоязычных участников, из них 76 (72%) женского пола и 30 (28%) – мужского. Средний возраст $M = 19,44$, стандартное отклонение $SD = 1,54$. В статистическом анализе результатов выполнения задачи лексического решения использовалось время 4 660 реакций. Предварительно были удалены реакции на неслова, ошибочные реакции и отложенные (более 2 000 мс) реакции как нерелевантные задачам нашего исследования.

В ходе статистического анализа данных использовались методы описательной статистики, корреляционный анализ и анализ линейных моделей со смешанными эффектами, позволяющий учесть влияние не только фиксированных, но и случайных факторов (в задачах лексического решения последние, как правило, представлены в виде факторов участника и стимула / слова) [35]. Модели со смешанными эффектами предназначены для анализа данных, в которых наблюдения могут быть сгруппированы по одному или нескольким основаниям (например, время реакции в задаче лексического решения может быть сгруппировано по участникам и по стимулам). В таком случае коэффициенты регрессии разделяются на два типа: коэффициенты для фиксированных эффектов, одинаковые для всех наблюдений, и коэффициенты для случайных эффектов, различные для разных групп наблюдений (в нашем случае для разных участников или стимулов). Обработка результатов проводилась в среде статистического анализа R с использованием пакетов `psych`, `lme4`, `lmerTest`.

Результаты исследования

Результаты анализа различий в проявлении проблемного использования интернета у мужчин и женщин, представленные в табл. 1, показывают, что мужчины в большей мере склонны использовать интернет для регуляции настроения. Также обнаружилась тенденция (с уровнем значимости $p \leq 0,05$) к большей склонности мужчин к проблемному использованию

интернета в целом. Статистически значимых корреляций возраста с измененными переменными обнаружено не было.

Т а б л и ц а 1

Результаты сравнения показателей проблемного использования интернета по опроснику GPIUS3 в выборках женщин ($N = 76$) и мужчин ($N = 30$)

Показатели проблемного использования интернета	Средние значения		Стандартные отклонения		Критерий Стьюдента			Размер эффекта d-Козна	Критерий Манна – Уитни		
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	t	df	p		U	Z	p
Предпочтение онлайн-общения	4,92	5,03	1,03	1,23	-0,44	46,06	0,660	0,10	1073	0,47	0,639
Регуляция настроения	3,81	4,88	1,37	1,44	-3,49	50,96	0,001	0,77	680	3,23	0,001
Когнитивная поглощенность	5,18	5,40	1,17	1,06	-0,93	58,07	0,354	0,19	1029	0,78	0,436
Компульсивное использование	4,82	5,10	1,32	1,28	-1,00	54,46	0,320	0,21	1001,5	0,97	0,331
Негативные последствия	5,88	6,15	1,01	0,79	-1,45	67,62	0,151	0,28	1002,5	1	0,317
Общий показатель проблемного использования интернета	4,85	5,25	0,77	0,91	-2,11	46,25	0,040	0,49	843,5	2,08	0,038

Важная роль пола в проявлении проблемного использования интернета убеждает в необходимости контроля этого фактора в общей модели предикторов времени реакции. С учетом полученных результатов при разработке линейной модели со смешанными эффектами в качестве предикторов времени реакции рассматривались шкалы опросника GPIUS3, количество часов ежедневного выхода в Сеть (самоотчетная характеристика), пол, а также две лингвистические характеристики стимулов: средний коэффициент Ципфа для вербальной пары и их тип (тематически связанные и несвязанные слова). В качестве случайных эффектов рассматривались эффекты стимула и участника исследования.

Анализ распределения зависимой переменной (время реакции) с помощью критерия Шапиро – Уилка показал, что распределение существенно отличается от нормального ($W = 0,94$; $p \leq 0,001$) при наличии умеренной правосторонней асимметрии (рис. 1). Применение стандартных преобразований (обратного, логарифмического и пр.) в данном случае приводило к росту отклонений от нормального закона распределения, так что в итоге они не были использованы. Для упрощения анализа и интерпретации результатов зависимая переменная была стандартизирована.

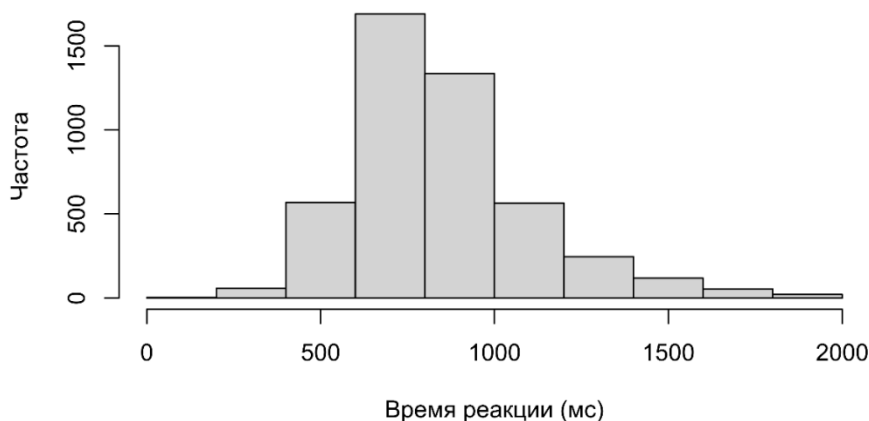

Рис. 1. Распределение времени реакции в задаче лексического решения

В ходе анализа линейной модели со смешанными эффектами были исключены реакции на неслова, неверные ответы и выбросы. Анализ остатков модели продемонстрировал симметричную форму распределения, близкую к нормальному, и отсутствие гетероскедастичности. Эти факты свидетельствуют о выполнении базовых предположений, необходимых для применения линейных моделей.

Оценка статистической значимости случайных эффектов в базовых моделях, включающих только один или два случайных эффекта в качестве предикторов, путем сравнения этих моделей между собой показала, что статистически значимым является как эффект респондента, так и эффект стимула (оба значимы при $p \leq 0,001$). Качественный анализ случайного эффекта стимула (в наглядной форме этот эффект представлен на рис. 2) не привел к обнаружению закономерных тенденций в его проявлении.

Результаты анализа фиксированных эффектов, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о наличии статистически значимых эффектов трех факторов, два из которых обратные, т.е. сочетающиеся со снижением времени реакции. Это эффекты когнитивной поглощенности ($p \leq 0,01$) и среднего коэффициента Ципфа ($p \leq 0,01$). Эффект шкалы «Регуляция настроения» является статистически значимым ($p \leq 0,01$) и прямым, то есть проявляющимся в увеличении времени реакции на стимулы. В наглядной форме фиксированные эффекты представлены на рис. 3.

Таким образом, полученные результаты указывают на наличие двух противоположных по направлению эффектов проявлений проблемного использования интернета на время реакции: прямой эффект использования интернета с целью регуляции настроения (при увеличении оценки по данной субшкале на 1 балл время реакции увеличивается на 0,14 стандартных отклонения) и обратный эффект когнитивной поглощенности (при увеличении оценки по данной субшкале на 1 балл время реакции уменьшается на 0,21 стандартных отклонения).

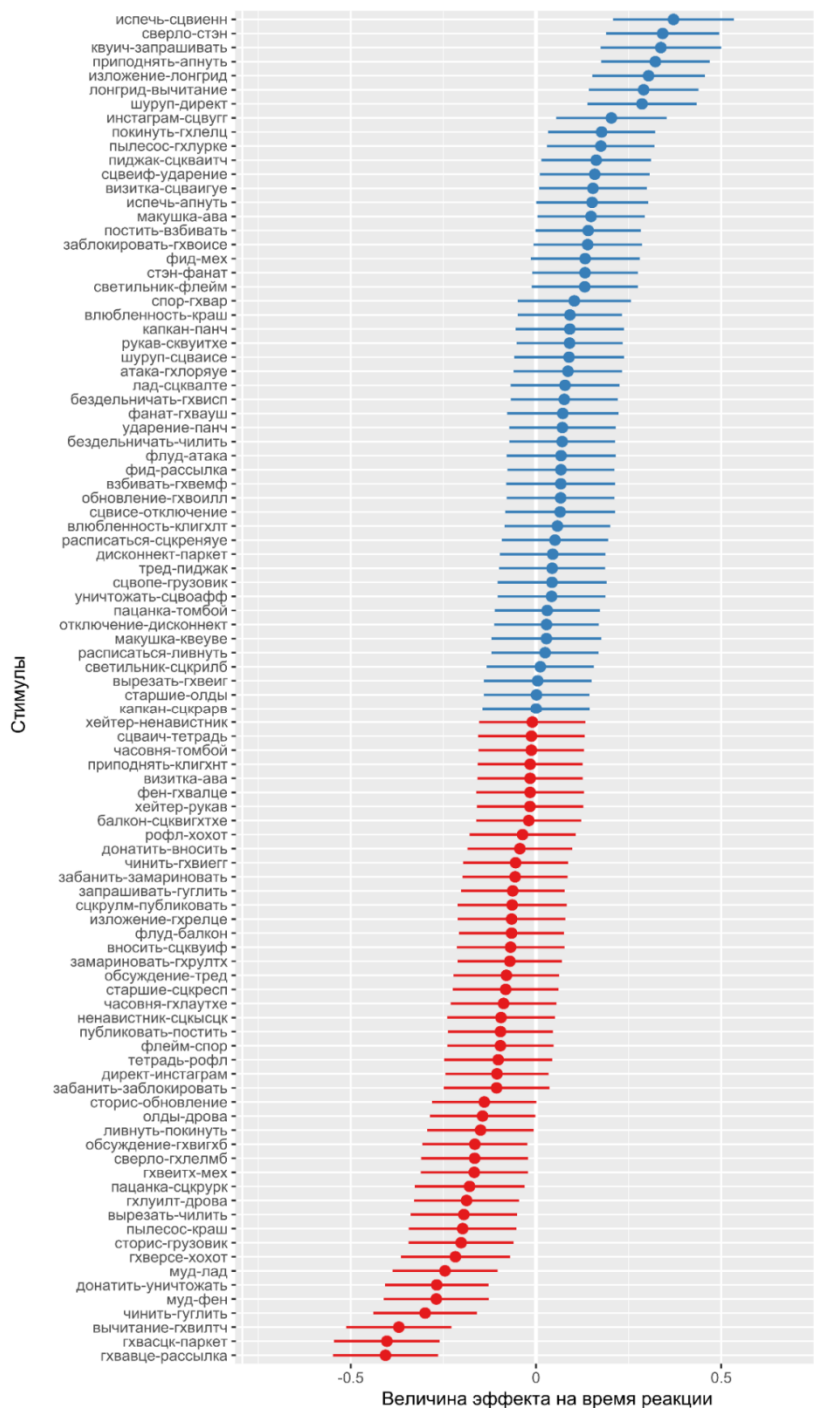

Рис. 2. Величина случайного эффекта стимулов на время реакции в задаче dual LDT

Таблица 2

**Результаты анализа фиксированных эффектов в линейной модели
со смешанными эффектами**

Предикторы	Коэф.	Стд. ош.	df	t-знач.	p(Satt)
Константа	0,97	0,50	122,30	1,94	0,054
Предпочтение онлайн-общения	0,00	0,06	104,43	0,01	0,993
Регуляция настроения	0,14	0,05	104,47	2,78	0,006
Когнитивная поглощенность	-0,21	0,07	104,51	-3,04	0,003
Компульсивное использование	0,04	0,06	104,75	0,63	0,533
Негативные последствия	-0,01	0,08	104,94	-0,09	0,927
Время онлайн (часов в день)	-0,03	0,02	104,59	-1,44	0,152
Пол (мужской)	-0,01	0,14	104,42	-0,06	0,955
Средний коэффициент Ципфа	-0,18	0,05	46,75	-3,34	0,002
Тип стимулов (несвязанные)	0,08	0,05	46,87	1,51	0,137

Примечание. $p(\text{Satt})$ – вероятность ошибки первого рода (p) с поправкой Саттертуэйта.

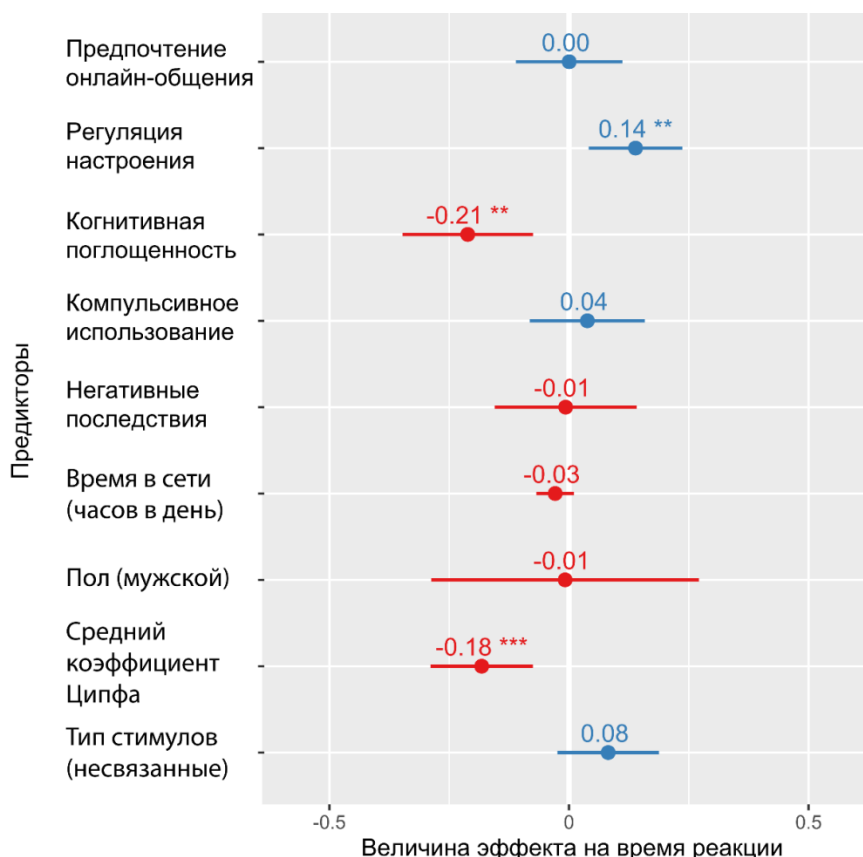

Рис. 3. Фиксированные эффекты показателей GPIUS3, пола и характеристик стимулов на стандартизованное время реакции (отрезки указывают на границы 95-го доверительного интервала, *** – $p \leq 0,001$, ** – $p \leq 0,01$)

Кроме того, результаты демонстрируют также наличие обратного эффекта среднего коэффициента Ципфа (при увеличении данного коэффициента на 1 время реакции уменьшается в среднем на 0,18 стандартных отклонения). Важно отметить, что такой предиктор, как количество часов в день, проводимых в интернете, оказался в данной модели незначимым. При этом весьма существенным остается случайный эффект как индивидуальности респондента, так и предъявляемых стимулов.

Выводы и обсуждение результатов

В настоящее время ежедневное пребывание в интернете становится все более характерным для детей и подростков, фиксируется омоложение сетевой аудитории [2]. Прогноз деструктивных эффектов использования интернета на личность с учетом их индивидуальных особенностей, различных средовых факторов представляет значительный интерес как для исследователей, так и для специалистов сферы образования.

Результаты недавних исследований показали, что представители молодежи разных стран с более высоким уровнем проблемного использования интернета обычно переживают чувство одиночества [36–38], испытывают депрессивные симптомы [39, 40], являются более застенчивыми [41], имеют проблемы в межличностных отношениях [42, 43], когнитивные искажения [44] и другие признаки психологического неблагополучия [45].

В нашем исследовании апробирована методика комплексной диагностики деструктивного потенциала использования интернета с опорой на эксплицитную и имплицитную память, с применением валидизированного психодиагностического инструмента (общей шкалы проблемного использования интернета на русском языке – GPIUS3) и экспериментальной психолингвистической методики (задачи лексического решения с использованием сетевых жаргонизмов). Применение такого сочетания методик позволяет, с одной стороны, получить осознанные ответы молодежи, а с другой – избежать социально-желательных ответов, «подключив» спонтанные реакции индивида на вербальные стимулы определенной тематической группы.

В настоящем исследовании было установлено, что лица с более выраженной когнитивной поглощенностью интернетом распознавали жаргонные слова, связанные с интернет-общением, значимо быстрее. Данный эффект объясняется, по всей видимости, объемом их пассивного словаря жаргонизмов. Эффект типа стимулов продемонстрировал ожидаемую, но слабую тенденцию: тематически не связанные жаргонизмы и общеупотребительные слова распознавались медленнее в среднем на 0,08 стандартного отклонения времени реакции. Это приводит к предположению, что пассивный словарь лиц, активно пользующихся социальными Сетями и интернетом в целом, организован по тематическому принципу, а скорость распознавания сетевых жаргонизмов в парах стимулов требует дальнейшей верификации в экспериментальных исследованиях.

Обнаруженный прямой эффект регуляции настроения на время реакции требует проверки и дальнейшего исследования.

Таким образом, результаты исследования показали, что скорость распознавания сетевых жаргонизмов в задаче *dual lexical decision task* связана не столько с семантическими характеристиками пар стимулов (связанные vs несвязанные), сколько с личностными особенностями участника эксперимента, измеренными по общей шкале проблемного использования интернета (GPIUS3): когнитивной поглощенностью и регуляцией настроения. Несмотря на то, что наша выборка представляла собой гомогенную группу по региону проживания (Алтайский край), ограничением исследования является преобладание участников женского пола (72%).

Заслуживают внимания дальнейшая разработка состава стимулов для задачи лексического решения, расширение базы данных молодежных сленгизмов и жаргонизмов для различных экспериментальных исследований в области психологии, психолингвистики, нейронауки.

Литература

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 3. С. 56–79. doi: 10.17759/cpp.2018260304
2. Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 1. С. 27–54. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>
3. Hui-Yin Hsu, Shiangkwei Wang. The Impact of Using Blogs on College Students' Reading Comprehension and Learning Motivation // Literacy Research and Instruction. 2010. Vol. 50, № 1. P. 68–88. doi: 10.1080/19388070903509177
4. De Wever B., Van Keer H., Schellens T., Valcke M. Assessing collaboration in a wiki: The reliability of university students' peer assessment // Internet and Higher Education. 2011. Vol. 14, is. 4. P. 201–206. <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2011.07.003>
5. Sung Y.-T., Chang K.-E., Liu T.-C. The effects of integrating mobile devices with teaching and learning on students' learning performance: A meta-analysis and research synthesis // Computers & Education. 2016. Vol. 94. P. 252–275. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2015.11.008>
6. Burke Moira, Kraut Robert E. The Relationship Between Facebook Use and Well-Being Depends on Communication Type and Tie Strength // Journal of Computer-Mediated Communication. 1 July 2016. Vol. 21, is. 4. P. 265–281. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12162>
7. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16, № 4. С. 98–108. doi: 10.17759/chp.2020160410
8. Young K.S. Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder // CyberPsychology & Behavior. 1998. Vol. 1, is. 3. P. 237–244. doi: 10.1089/cpb.1998.1.25
9. Demetrovics Z., Király O. Internet/gaming addiction is more than heavy use over time: Commentary on Baggio and colleagues // Addiction. 2016. Vol. 111 (3). P. 523–524. doi: 10.1111/add.13244
10. Wong T.Y., Yuen K.S.L., Li W.O. A basic need theory approach to problematic Internet use and the mediating effect of psychological distress // Front. Psychol. 2015. Vol. 5. P. 1562. doi: 10.3389/fpsyg.2014.01562

11. *Seabrook E.M., Kern M.L., Rickard N.S.* Social Networking Sites, Depression, and Anxiety: A Systematic Review // *JMIR mental health*. 2016. Vol. 3, № 4. P. e50. <https://doi.org/10.2196/mental.5842>
12. *Tóth-Király I., Morin A.J.S., Hietajärvi L., Salmela-Aro K.* Longitudinal Trajectories, Social and Individual Antecedents, and Outcomes of Problematic Internet Use Among Late Adolescents // *Child Development*. Jul/Aug. 2021. Vol. 92, is. 4. pe653–e673. doi: 10.1111/cdev.13525
13. *Wang P., Wang J., Yan Y., Si Y., Zhan X., Tian Y.* Relationship Between Loneliness and Depression Among Chinese Junior High School Students: The Serial Mediating Roles of Internet Gaming Disorder, Social Network Use, and Generalized Pathological Internet Use // *Front. Psychol*. 2021. Vol. 11. P. 529665. doi: 10.3389/fpsyg.2020.529665
14. *Davis R.A.* A cognitive-behavioral model of pathological Internet use // *Computers in Human Behavior*. 2001. Vol. 17 (2). P. 187–195. doi: 10.1016/S0747-5632(00)00041-8
15. *Caplan S.E.* Theory and measurement of generalized problematic Internet use: A two-step approach: Advancing Educational Research on Computer-supported Collaborative Learning (CSCL) through the use of gStudy CSCL Tools // *Computers in Human Behavior*. 2010. Vol. 26 (5). P. 1089–1097. doi: 10.1016/j.chb.2010.03.012
16. *Caplan S.E.* Problematic Internet use and psychosocial well-being: development of a theory-based cognitive-behavioral measurement instrument // *Computers in Human Behavior*. 2002. Vol. 18. P. 553–575. doi: 10.1016/S0747-5632(02)00004-3
17. *Meyer D.E., Schvaneveldt R.W.* Facilitation in recognizing pairs of words: Evidence of a dependence between retrieval operations // *Journal of Experimental Psychology*. 1971. Vol. 90. P. 227–234.
18. *Mainz N., Shao Z., Brysbaert M., Meyer A.S.* Vocabulary Knowledge Predicts Lexical Processing: Evidence from a Group of Participants with Diverse Educational Backgrounds // *Front. Psychol*. 2017. Vol. 8. P. 1164. doi: 10.3389/fpsyg.2017.01164
19. *Butler B., Hains S.* Individual differences in word recognition latency // *Memory & Cognition*. 1979. Vol. 7. P. 68–76.
20. *Chateau D., Jared D.* Exposure to print and word recognition processes // *Memory & Cognition*. 2000. Vol. 28, is. 1. P. 143–153. <https://doi.org/10.3758/bf03211582>
21. *Clark D.M., Teasdale J.D., Broadbent D.E., Martin M.* Effect of mood on lexical decisions // *Bulletin of the Psychonomic Society*. 1983. Vol. 21. P. 175–178. <https://doi.org/10.3758/BF03334679>
22. *Richards A., French C.C.* An anxiety-related bias in semantic activation when processing threat/neutral homographs // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A*. 1992. Vol. 45, № 3. P. 503–525. doi: 10.1080/02724989208250625
23. *Lewellen M.J., Goldinger S.D., Pisoni D.B., Greene B.G.* Lexical familiarity and processing efficiency: individual differences in naming, lexical decision, and semantic categorization // *Journal of experimental psychology. General*. 1993. Vol. 122 (3). P. 316–330. <https://doi.org/10.1037//0096-3445.122.3.316>
24. *Olafson K.M., Ferraro F.R.* Effects of emotional state on lexical decision performance // *Brain and cognition*. 2001. Vol. 45. P. 15–20. <https://doi.org/10.1006/brcg.2000.1248>
25. *Briesemeister B.B., Kuchinke L., Jacobs A.M.* Discrete Emotion Effects on Lexical Decision Response Times // *PLoS ONE*. 2011. Vol. 6, № 8. e23743. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0023743>
26. *Vinson D., Ponari M., Vigliocco G.* How does emotional content affect lexical processing? // *Cognition and Emotion*. 2014. Vol. 28, № 4. P. 737–746. doi: 10.1080/02699931.2013.851068
27. *Stip E., Lecours A.R., Chertkow H., Elie R., O'Connor K.* Influence of affective words on lexical decision task in major depression // *Journal of psychiatry & neuroscience : JPN*. 1994. Vol. 19 (3). P. 202–207.

28. *Besche-Richard C., Passerieux C., Hardy-Baylé M.* Lexical decision tasks in depressive patients: Semantic priming before and after clinical improvement // *European Psychiatry*. 2002. Vol. 17, is. 2. P. 69–74. doi: 10.1016/S0924-9338(02)00630-2

29. Власов М.С., Сычев О.А. Личностные факторы времени реакции в задаче лексического решения со стимулами различной эмоциональной окраски // *Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики: материалы II Международной научно-практической конференции*. Калуга, 2017. С. 614–622.

30. Власов М.С., Сычев О.А. Взаимодействие эмоциональных и лингвистических факторов в процессе переработки лексической информации (на материале имен существительных русского языка) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2018. № 52. С. 18–52. doi: 10.17223/19986645/52/2

31. *Stoet G.* PsyToolkit – A software package for programming psychological experiments using Linux // *Behavior Research Methods*. 2010. Vol. 42, is. 4. P. 1096–1104.

32. *Stoet G.* PsyToolkit: A novel web-based method for running online questionnaires and reaction-time experiments // *Teaching of Psychology*. 2017. Vol. 44, is. 1. P. 24–31.

33. *Kim J., Gabriel U., Gyax P.* Testing the effectiveness of the Internet-based instrument PsyToolkit: A comparison between web-based (PsyToolkit) and lab-based (E-Prime 3.0) measurements of response choice and response time in a complex psycholinguistic task // *PLoS one*. 2019. Vol. 14, № 9. e0221802. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0221802>

34. *Snider N., Arnon I.* A unified lexicon and grammar? Compositional and non-compositional phrases in the lexicon // *Frequency effects in language representation* / eds. by D. Divjak, S. Gries. Berlin : Mouton de Gruyter, 2012. P. 127–164.

35. *Baayen R.H., Milin P.* Analyzing reaction times // *International Journal of Psychological Research*. 2015. Vol. 3, № 2. P. 12–28. doi: 10.21500/20112084.807

36. *Young K.S., Rogers R.C.* The relationship between depression and internet addiction // *Cyberpsychol. Behav.* 1998. Vol. 1. P. 178–183. doi: 10.1089/cpb.1998.1.25

37. *Engelberg E., Sjöberg L.* Internet use, social skills, and adjustment // *CyberPsychol. Behav.* 2004. Vol. 7. P. 41–47. doi: 10.1089/109493104322820101

38. *Sukenick S.* Alone together: why we expect more from technology and less from each other by turkle, sherry // *J. Anal. Psychol.* 2012. Vol. 57. P. 128–129. doi: 10.1080/02650533.2013.769209

39. *Jia W.L.* Causes, behavioral manifestations and social hazards of internet addiction // *J. Shenyang Agricult. University (Social Sciences Edition)*. 2005. Vol. 7. P. 504–505. doi: 10.3969/j.issn.1008-9713.2005.04.040

40. *Zou X.M., Ding B.G., Yu J., Zhang X.P., Zou H.* The influence of network on adolescent health and counter-measures // *J. Clin. Psychosomatic Dis.* 2007. Vol. 13. P. 178–179. doi: 10.3969/j.issn.1672-187X.2007.02.046

41. *Eroglu M., Pamuk M., Pamuk K.* Investigation of problematic internet usage of university students with psychosocial levels at different levels // *Procedia – Social Behav. Sci.* 2013. Vol. 103. P. 551–557. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.10.372

42. *Sanders C.E., Field T.M., Diego M., Kaplan M.* The relationship of internet use to depression and social isolation among adolescents // *Adolescence*. 2000. Vol. 35. P. 237–242. doi: 10.1016/S0001-6918(00)00038-X

43. *Odaci H., Çikrikçi O.* Problematic internet use in terms of gender, attachment styles and subjective well-being in university students // *Comp. Hum. Behav.* 2014. Vol. 32. P. 61–66. doi: 10.1016/j.chb.2013.11.019

44. *Lu X., Yeo K.J.* Pathological internet use among Malaysia University students: risk factors and the role of cognitive distortion // *Comp. Hum. Behav.* 2015. Vol. 45. P. 235–242. doi: 10.1016/j.chb.2014.12.021

45. *Liu Q.X., Fang X.Y., Deng L.Y., Zhang J.T.* Parent-adolescent communication, parental internet use and internet-specific norms and pathological internet use among chinese adolescents // *Comp. Hum. Behav.* 2012. Vol. 28. P. 1269–1275. doi: 10.1016/j.chb.2012.02.010

Приложение 1

Стимулы с их основными характеристиками

№ п/п	Стимул 1	Стимул 2	Тип	Частотность жаргонного стимула, ipm	Частотность нейтрального стимула, ipm	Коэф. Ципфа жаргонного стимула	Коэф. Ципфа нейтрального стимула	Средний коэфф. Ципфа
1	забанишь	замариновать	2	0,33	0,30	2,52	2,48	2,50
2	пиджак	сцквацич	3	0,00	3,83	–	3,58	3,58
3	макушка	ава	2	1,00	0,28	3,00	2,45	2,72
4	лонгрид	вычитание	2	0,01	0,31	0,85	2,49	1,67
5	гхвасцк	паркет	3	0,00	1,89	–	3,28	3,28
6	испечь	сцвиенн	3	0,00	2,10	–	3,32	3,32
7	фид	мех	2	0,13	2,59	2,12	3,41	2,76
8	сцвопе	грузовик	3	0,00	2,25	–	3,35	3,35
9	донатить	уничтожать	2	0,04	2,09	1,57	3,32	2,44
10	расписаться	ливнуть	2	0,01	0,75	0,70	2,87	1,79
11	шуруп	сцваисе	3	0,00	0,26	–	2,42	2,42
12	сцваич	тетрадь	3	0,00	3,85	–	3,59	3,59
13	муд	фен	2	0,09	2,71	1,97	3,43	2,70
14	капкан	панч	2	0,07	1,77	1,83	3,25	2,54
15	сверло	стэн	2	0,90	0,26	2,96	2,41	2,68
16	постить	взбивать	2	3,04	1,99	3,48	3,30	3,39
17	вырезать	чилить	2	0,00	3,31	0,30	3,52	1,91
18	светильник	сцкрилб	3	0,00	1,68	–	3,23	3,23
19	гхлуилт	дрова	3	0,00	5,75	–	3,76	3,76
20	чинить	гхвиетг	3	0,00	1,24	–	3,09	3,09
21	рукав	сквуйтхе	3	0,00	4,64	–	3,67	3,67
22	часовня	томбой	2	0,00	1,07	0,30	3,03	1,67
23	пылесос	гхлурке	3	0,00	3,73	–	3,57	3,57
24	балкон	сцквигтхе	3	0,00	9,60	–	3,98	3,98
25	обсуждение	тред	1	0,59	7,27	2,77	3,86	3,32
26	отключение	дисконнект	1	0,02	2,05	1,38	3,31	2,35
27	приподнять	апнуть	1	0,02	0,73	1,34	2,86	2,10
28	сторис	обновление	1	0,03	5,68	1,51	3,75	2,63
29	обсуждение	гхвигхб	3	0,00	7,27	–	3,86	3,86
30	сцвисе	отключение	3	0,00	2,05	–	3,31	3,31
31	директ	инстаграм	1	0,39	3,59	2,59	3,55	3,07
32	приподнять	клингхнт	3	0,00	0,73	–	2,86	2,86
33	рофл	хохот	1	0,03	1,02	1,41	3,01	2,21
34	обновление	гхвоилл	3	0,00	5,68	–	3,75	3,75
35	флейм	спор	1	0,18	7,51	2,26	3,88	3,07
36	старшие	олды	1	0,00	2,13	0,48	3,33	1,90

№ п/ п	Стимул 1	Стимул 2	Тип	Частот- ность жар- гонного стимула, ipm	Частот- ность нейтраль- ного сти- мула, ipm	Коэф. Ципфа жаргон- ного сти- мула	Коэф. Ципфа нейтраль- ного сти- мула	Сред- ний коэфф. Ципфа
37	запраши- вать	гуглить	1	0,48	0,22	2,68	2,34	2,51
38	инстаграм	сцвугг	3	0,00	3,59	–	3,55	3,55
39	гхверсе	хохот	3	0,00	1,02	–	3,01	3,01
40	спор	гхвар	3	0,00	7,51	–	3,88	3,88
41	старшие	сцкресп	3	0,00	2,13	–	3,33	3,33
42	хейтер	ненавист- ник	1	0,15	0,15	2,16	2,18	2,17
43	квуич	запраши- вать	3	0,00	0,22	–	2,34	2,34
44	ненавист- ник	сцкысцк	3	0,00	0,15	–	2,18	2,18
45	влюблен- ность	клингхлт	3	0,00	9,07	–	3,96	3,96
46	атака	гхлоряеу	3	0,00	3,14	–	3,50	3,50
47	влюблен- ность	краш	1	0,11	9,07	2,04	3,96	3,00
48	флуд	атака	1	0,46	3,14	2,66	3,50	3,08
49	забанить	заблоки- ровать	1	0,33	2,03	2,52	3,31	2,91
50	визитка	ава	1	1,00	0,69	3,00	2,84	2,92
51	изложение	лонгрид	1	0,01	1,60	0,85	3,20	2,02
52	фид	рассылка	1	0,13	1,84	2,12	3,26	2,69
53	донатить	вносить	1	0,04	2,68	1,57	3,43	2,50
54	заблоки- ровать	гхвоисе	3	0,00	2,03	–	3,31	3,31
55	визитка	сцваигуе	3	0,00	0,69	–	2,84	2,84
56	изложение	гхрелце	3	0,00	1,60	–	3,20	3,20
57	гхвавце	рассылка	3	0,00	1,84	–	3,26	3,26
58	ливнуть	покинуть	1	0,01	7,23	0,70	3,86	2,28
59	муд	лад	1	0,09	2,93	1,97	3,47	2,72
60	ударение	панч	1	0,07	2,28	1,83	3,36	2,59
61	стэн	фанат	1	0,90	2,71	2,96	3,43	3,19
62	вносить	сцквуиф	3	0,00	2,68	–	3,43	3,43
63	покинуть	гхлелц	3	0,00	7,23	–	3,86	3,86
64	публико- вать	постить	1	3,04	1,82	3,48	3,26	3,37
65	лад	сцквалте	3	0,00	2,93	–	3,47	3,47
66	бездель- ничать	чилить	1	0,00	0,50	0,30	2,70	1,50
67	сцвеиф	ударение	3	0,00	2,28	–	3,36	3,36
68	фанат	гхвауш	3	0,00	2,71	–	3,43	3,43
69	сцкрулм	публико- вать	3	0,00	1,82	–	3,26	3,26
70	бездель- ничать	гхвисп	3	0,00	0,50	–	2,70	2,70

№ п/ п	Стимул 1	Стимул 2	Тип	Частот- ность жар- гонного стимула, ipm	Частот- ность нейтраль- ного сти- мула, ipm	Коэф. Цифа жаргон- ного сти- мула	Коэф. Цифа нейтраль- ного сти- мула	Сред- ний коэфф. Цифа
71	пацанка	томбой	1	0,00	0,29	0,30	2,46	1,38
72	пацанка	сцкрурк	3	0,00	0,29	–	2,46	2,46
73	тред	пиджак	2	0,59	3,83	2,77	3,58	3,18
74	замарино- вать	гхрултх	3	0,00	0,30	–	2,48	2,48
75	дискон- нект	паркет	2	0,02	1,89	1,38	3,28	2,33
76	макушка	квеуве	3	0,00	0,28	–	2,45	2,45
77	испечь	апнуть	2	0,02	2,10	1,34	3,32	2,33
78	вычитание	гхвилтч	3	0,00	0,31	–	2,49	2,49
79	сторис	грузовик	2	0,03	2,25	1,51	3,35	2,43
80	гхвейтх	мех	3	0,00	2,59	–	3,41	3,41
81	шуруп	директ	2	0,39	0,26	2,59	2,42	2,51
82	уничто- жать	сцвоафф	3	0,00	2,09	–	3,32	3,32
83	распи- саться	сцкреньае	3	0,00	0,75	–	2,87	2,87
84	фен	гхвалце	3	0,00	2,71	–	3,43	3,43
85	капкан	сцкравв	3	0,00	1,77	–	3,25	3,25
86	тетрадь	рофл	2	0,03	3,85	1,41	3,59	2,50
87	светиль- ник	флейм	2	0,18	1,68	2,26	3,23	2,74
88	сверло	гхлелмб	3	0,00	0,26	–	2,41	2,41
89	взбивать	гхвемф	3	0,00	1,99	–	3,30	3,30
90	олды	дрова	2	0,00	5,75	0,48	3,76	2,12
91	чинить	гуглить	2	0,48	1,24	2,68	3,09	2,88
92	хейтер	рукав	2	0,15	4,64	2,16	3,67	2,91
93	пылесос	краш	2	0,11	3,73	2,04	3,57	2,80
94	вырезать	гхвейг	3	0,00	3,31	–	3,52	3,52
95	часовня	гхлаутхе	3	0,00	1,07	–	3,03	3,03
96	флуд	балкон	2	0,46	9,60	2,66	3,98	3,32

Примечание. В колонке «Тип» используется следующее кодирование типа стимулов: 1 – связанные стимулы, 2 – несвязанные стимулы, 3 – неслова. Сокращение «коэф.» – коэффициент.

Internet Slang in the Lexical Decision Task: Does Reaction Time for Word Recognition Correlate With Problematic Internet Use in Youth?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 5–27. DOI: 10.17223/19986645/74/1

Mikhail S. Vlasov, Oleg A. Sychev, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation). E-mail: vlasov@bigpi.biysk.ru / vlasov_mikhailo@mail.ru / osn1@mail.ru

Keywords: youth, problematic Internet use, Internet slang, lexical decision task.

The study was funded by RFBR and Altai Territory Government, Research Project No. 19-412-220004: Linguistic, cognitive and emotional factors of youth slang perception by subjects of destructive behavior: An experimental study.

We proposed a complex diagnostics of problematic Internet use by implementing an online GPIUS3 survey and an experimental psycholinguistic technique (lexical decision task). Increasingly, researchers associate Internet use with problematic, destructive user behavior. Problematic Internet use (PIU) seems to be the most accurate definition of this type of behavior, which emphasizes the destructive potential of a person's online interaction with the global network. According to this approach, the Internet itself is not considered as a direct cause of changes in behavior and personality traits. The role of the negative consequences of the Internet use for a particular individual is emphasized. The stimuli for the lexical decision task ($n = 96$) were grouped in pairs: 1) thematically related slang and common words (for example, *kheyter – nenavistnik*, $n = 24$); 2) thematically unrelated slang and common words (for example, *kheyter – rukav*, $n = 24$); 3) common words and nonwords (for example, *nenavistnik – stskystsk*, *rukav – skvuitkhe*, $n = 48$). All the pairs were randomly presented to the participant. Each participant met slang and neutral (common) words twice in different conditions (in different pairs of stimuli). The sample comprised 106 Russian-speaking students aged 12 to 22 ($M = 19.44$, $SD = 1.54$), including females ($n = 76$) and males ($n = 30$). Using linear-mixed effects modeling, we found significant reaction time predictors which were relevant to Internet jargon processing. These predictors are *cognitive preoccupation* of adolescents with an effect size of -0.21 SD and *mood regulation* with 0.14 SD effect size. The number of hours a day spent on the Internet was not significant as a reaction time predictor in this model. The average frequency of word pairs (average Zipf-value) had a significant effect on reaction time reduction (-0.18 SD). The random effects of the participant and stimulus on reaction time were also significant in the study. The study revealed that individuals with a higher cognitive preoccupation on the Internet recognized Internet slang words significantly faster. This effect is most likely explained by the volume of individual slang vocabulary size. The stimulus-type effect showed the expected but weak trend: thematically unrelated slang and common words were recognized slower by an average of 0.08 SD of reaction time. The assumption is that the vocabulary of persons, who actively use social networking and the Internet in general, is organized according to the thematic principle, and the processing of slang-common words pairs recognition requires further verification in experimental studies.

References

1. Gerasimova, A.A. & Kholmogorova, A.B. (2018) The Generalized Problematic Internet Use Scale 3 Modified Version: Approbation and Validation on the Russian Sample. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy.* 26 (3). pp. 56–79. (In Russian). DOI: 10.17759/cpp.2018260304
2. Kochetkov, N.V. (2020) Internet addiction and addiction to computer games in the work of Russian psychologists. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society.* 11 (1). pp. 27–54. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2020110103

3. Hui-Yin Hsu & Shiangkwei Wang. (2010) The Impact of Using Blogs on College Students' Reading Comprehension and Learning Motivation. *Literacy Research and Instruction*. 50 (1). pp. 68–88. DOI: 10.1080/19388070903509177
4. De Wever, B. et al. (2011) Assessing collaboration in a wiki: The reliability of university students' peer assessment. *Internet and Higher Education*. 14 (4). pp. 201–206. DOI: 10.1016/j.iheduc.2011.07.003
5. Sung, Y.-T., Chang, K.-E. & Liu, T.-C. (2016) The effects of integrating mobile devices with teaching and learning on students' learning performance: A meta-analysis and research synthesis. *Computers & Education*. 94. pp. 252–275. DOI: 10.1016/j.compedu.2015.11.008
6. Burke, M. & Kraut, R.E. (2016) The Relationship Between Facebook Use and Well-Being Depends on Communication Type and Tie Strength. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1 July. 21 (4). pp. 265–281. DOI: 10.1111/jcc4.12162
7. Bovina, I.B. & Dvoryanchikov, N.V. (2020) Online and Offline Behavior: Does one Predict Another? *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 16 (4). pp. 98–108. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2020160410
8. Young, K.S. (1998) Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychology & Behavior*. 1 (3). pp. 237–244. DOI: 10.1089/cpb.1.25
9. Demetrovics, Z. & Király, O. (2016) Internet/gaming addiction is more than heavy use over time: Commentary on Baggio and colleagues. *Addiction*. 111 (3). pp. 523–524. DOI: 10.1111/add.13244
10. Wong, T.Y., Yuen, K.S.L. & Li, W.O. (2015) A basic need theory approach to problematic Internet use and the mediating effect of psychological distress. *Front. Psychol*. 5. p. 1562. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01562
11. Seabrook, E.M., Kern, M.L. & Rickard, N.S. (2016) Social Networking Sites, Depression, and Anxiety: A Systematic Review. *JMIR Mental Health*. 3 (4). p. e50. DOI: 10.2196/mental.5842
12. Tóth, K.I. et al. (2021) Longitudinal Trajectories, Social and Individual Antecedents, and Outcomes of Problematic Internet Use Among Late Adolescents. *Child Development*. Jul/Aug. 92 (4). pp. e653–e673. DOI: 10.1111/cdev.13525
13. Wang, P. et al. (2021) Relationship Between Loneliness and Depression Among Chinese Junior High School Students: The Serial Mediating Roles of Internet Gaming Disorder, Social Network Use, and Generalized Pathological Internet Use. *Front. Psychol*. 11. p. 529665. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.529665
14. Davis, R.A. (2001) A cognitive-behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*. 17 (2). pp. 187–195. DOI: 10.1016/S0747-5632(00)00041-8
15. Caplan, S.E. (2010) Theory and measurement of generalized problematic Internet use: A two-step approach: Advancing Educational Research on Computer-supported Collaborative Learning (CSCL) through the use of gStudy CSCL Tools. *Computers in Human Behavior*. 26 (5). pp. 1089–1097. DOI: 10.1016/j.chb.2010.03.012
16. Caplan, S.E. (2002) Problematic Internet use and psychosocial well-being: development of a theory-based cognitive-behavioral measurement instrument. *Computers in Human Behavior*. 18. pp. 553–575. DOI: 10.1016/S0747-5632(02)00004-3
17. Meyer, D.E. & Schvaneveldt, R.W. (1971) Facilitation in recognizing pairs of words: Evidence of a dependence between retrieval operations. *Journal of Experimental Psychology*. 90. pp. 227–234.
18. Mainz, N. et al. (2017) Vocabulary Knowledge Predicts Lexical Processing: Evidence from a Group of Participants with Diverse Educational Backgrounds. *Front. Psychol*. 8. p. 1164. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01164
19. Butler, B. & Hains, S. (1979) Individual differences in word recognition latency. *Memory & Cognition*. 7. pp. 68–76.
20. Chateau, D. & Jared, D. (2000) Exposure to print and word recognition processes. *Memory & Cognition*. 28 (1). pp. 143–153. DOI: 10.3758/bf03211582

21. Clark, D.M. et al. (1983) Effect of mood on lexical decisions. *Bulletin of the Psychonomic Society*. 21. pp. 175–178. DOI: 10.3758/BF03334679
22. Richards, A. & French, C.C. (1992) An anxiety-related bias in semantic activation when processing threat/neutral homographs. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Section A. 45 (3). pp. 503–525. DOI: 10.1080/02724989208250625
23. Lewellen, M.J. et al. (1993) Lexical familiarity and processing efficiency: individual differences in naming, lexical decision, and semantic categorization. *Journal of Experimental Psychology*. General. 122 (3). pp. 316–330. DOI: 10.1037//0096-3445.122.3.316
24. Olafson, K.M. & Ferraro, F.R. (2001) Effects of emotional state on lexical decision performance. *Brain and Cognition*. 45. pp. 15–20. DOI: 10.1006/brcg.2000.1248
25. Briesemeister, B.B., Kuchinke, L. & Jacobs, A.M. (2011) Discrete Emotion Effects on Lexical Decision Response Times. *PLoS ONE*. 6 (8). e23743. DOI: 10.1371/journal.pone.0023743
26. Vinson, D., Ponari, M. & Vigliocco, G. (2014) How does emotional content affect lexical processing? *Cognition and Emotion*. 28 (4). pp. 737–746. DOI: 10.1080/02699931.2013.851068
27. Stip, E. et al. (1994) Influence of affective words on lexical decision task in major depression. *Journal of Psychiatry & Neuroscience: JPN*. 19 (3). pp. 202–207.
28. Besche-Richard, C., Passerieux, C. & Hardy-Baylé, M. (2002) Lexical decision tasks in depressive patients: Semantic priming before and after clinical improvement. *European Psychiatry*. 17 (2). pp. 69–74. DOI: 10.1016/S0924-9338(02)00630-2
29. Vlasov, M.S. & Sychev, O.A. (2017) [Personal factors of reaction time in the lexical decision task with stimuli of different emotional coloring]. *Lichnost', intellekt, metakognitsii: issledovatel'skie podkhody i obrazovatel'nye praktiki* [Personality, intelligence, metacognition: research approaches and educational practices]. Proceedings of the International Conference. Kaluga. pp. 614–622.
30. Vlasov, M.S. & Sychev, O.A. (2018) Interaction of Emotional and Linguistic Factors in Lexical Processing: Evidence From Russian Nouns. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 52. pp. 18–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/52/2
31. Stoet, G. (2010) PsyToolkit – A software package for programming psychological experiments using Linux. *Behavior Research Methods*. 42 (4). pp. 1096–1104.
32. Stoet, G. (2017) PsyToolkit: A novel web-based method for running online questionnaires and reaction-time experiments. *Teaching of Psychology*. 44 (1). pp. 24–31.
33. Kim, J., Gabriel, U. & Gyga, P. (2019) Testing the effectiveness of the Internet-based instrument PsyToolkit: A comparison between web-based (PsyToolkit) and lab-based (E-Prime 3.0) measurements of response choice and response time in a complex psycholinguistic task. *PLoS One*. 14 (9). e0221802. DOI: 10.1371/journal.pone.0221802
34. Snider, N. & Arnon, I. (2012) A unified lexicon and grammar? Compositional and non-compositional phrases in the lexicon. In: Divjak, D. & Gries, S. (eds) *Frequency effects in language representation*. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 127–164.
35. Baayen, R.H. & Milin, P. (2015) Analyzing reaction times. *International Journal of Psychological Research*. 3 (2). pp. 12–28. DOI: 10.21500/20112084.807
36. Young, K.S. & Rogers, R.C. (1998) The relationship between depression and internet addiction. *Cyberpsychol. Behav*. 1. pp. 178–183. DOI: 10.1089/cpb.1998.1.25
37. Engelberg, E. & Sjöberg, L. (2004) Internet use, social skills, and adjustment. *CyberPsychol. Behav*. 7. pp. 41–47. DOI: 10.1089/109493104322820101
38. Sukenick, S. (2012) Alone together: why we expect more from technology and less from each other by turkle, sherry. *J. Anal. Psychol*. 57. pp. 128–129. DOI: 10.1080/02650533.2013.769209
39. Jia, W.L. (2005) Causes, behavioral manifestations and social hazards of internet addiction. *J. Shenyang Agricult. University* (Social Sciences Edition). 7. pp. 504–505. DOI: 10.3969/j.issn.1008-9713.2005.04.040

-
40. Zou, X.M. et al. (2007) The influence of network on adolescent health and counter-measures. *J. Clin. Psychosomatic Dis.* 13. pp. 178–179. DOI: 10.3969/j.issn.1672-187X.2007.02.046
41. Eroglu, M., Pamuk, M. & Pamuk, K. (2013) Investigation of problematic internet usage of university students with psychosocial levels at different levels. *Procedia – Social Behav. Sci.* 103. pp. 551–557. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.10.372
42. Sanders, C.E. et al. (2000) The relationship of internet use to depression and social isolation among adolescents. *Adolescence*. 35. pp. 237–242. DOI: 10.1016/S0001-6918(00)00038-X
43. Odaci, H. & Çikrikçi, O. (2014) Problematic internet use in terms of gender, attachment styles and subjective well-being in university students. *Comp. Hum. Behav.* 32. pp. 61–66. DOI: 10.1016/j.chb.2013.11.019
44. Lu, X. & Yeo, K.J. (2015) Pathological internet use among Malaysia University students: risk factors and the role of cognitive distortion. *Comp. Hum. Behav.* 45. pp. 235–242. DOI: 10.1016/j.chb.2014.12.021
45. Liu, Q.X. et al. (2012) Parent-adolescent communication, parental internet use and internet-specific norms and pathological internet use among chinese adolescents. *Comp. Hum. Behav.* 28. pp. 1269–1275. DOI: 10.1016/j.chb.2012.02.010

УДК 81

DOI: 10.17223/19986645/74/2

Я.А. Дударева, Н.Н. Шпильная

ОБЫДЕННЫЙ МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ДИСКУРС (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ИНТЕРНЕТ-РЕЧИ)¹

Анализируется обыденный медийный дискурс как интерпретационный дискурс. Выявлено, что модус обыденного медийного дискурса проявляется в стратегиях и типах интерпретации медиасобытия. Описаны стратегии языкового скепсиса и языкового доверия, рациональная и эмоциональная стратегии, риторически- и диалогически-ориентированный тип интерпретации медиасобытия. Установлено, что диктум обыденного медийного дискурса проявляется в пропозициональной модели интерпретации медиасобытия.

Ключевые слова: медиасобытие, обыденный медийный дискурс, модус дискурса, диктум дискурса

Введение

Данное исследование выполнено на стыке интерпретационной лингвистики, дискурсологии и медиалингвистики. Объектом изучения в статье стал интерпретационный дискурс, а предметом – обыденный медийный дискурс как интерпретационный.

Цель статьи – охарактеризовать обыденный медийный дискурс как интерпретационный дискурс, что предполагает анализ его диктумно-модусной организации. Обыденный медийный дискурс – это дискурс, организуемый вокруг медиасобытий, которые могут быть связаны с политикой, спортом, медициной, экономикой, культурой и другими сферами общественной жизни. Субъектом обыденного медийного дискурса является рядовой носитель языка.

В задачи статьи входит:

- 1) характеристика интерпретационного дискурса и определение его субстанционального статуса;
- 2) уточнение статуса дискурса адресата как интерпретационного дискурса;
- 3) описание обыденного медийного дискурса как интерпретационного дискурса посредством характеристики его диктумно-модусной организации.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00375 «Обыденный медийный дискурс: лингвокультурологический и лексикографический аспекты».

Понятие интерпретационного дискурса

Интерес к изучению интерпретационного дискурса обусловлен признанием наряду с коммуникативной и когнитивной интерпретирующей функции языка. Как отмечает Н.Н. Болдырев, понятие интерпретации может иметь широкое и узкое толкование. «В широком смысле этого слова интерпретация понимается как практически любая мыслительная операция, направленная на получение нового, вторичного знания коллективного или индивидуального уровня. Интерпретация в узком ее понимании – это языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [1]. В данной работе мы опираемся на узкое понимание интерпретации. По Н.Н. Болдыреву, узкое понимание интерпретации связано с актуализацией типизированных схем знаний (фреймы, когнитивные модели и пр.) и предполагает проявление субъективных смыслов [1].

Интерпретирующая функция языка может быть не только сведена к познавательной деятельности носителя языка (опыта), но и может применяться по отношению к внеязыковому миру и миру текстов и событий, актуализируемых в последних [2–3]. История изучения интерпретационного дискурса восходит, по всей вероятности, к Т. ван Дейку, который одним из первых сформулировал положение о том, что любой дискурс – это интерпретационный дискурс, специфика которого заключается в актуализации определенных ментальных моделей его производства или понимания [2]. Анализ интерпретационного дискурса, по Т. ван Дейку, предполагает анализ ментальных моделей дискурса: «...понять дискурс – значит истолковать его ментальную модель или интенции (ментальные модели) говорящего. И напротив, планирование дискурса означает толкование ментальной модели соответствующей коммуникативной речевой деятельности» [2]. Иными словами, ментальная модель события определяет специфику дискурса. Как следствие, разные виды дискурсов – художественный, политический, медийный и пр. – представляют собой ментальную модель того или иного события, а значит, могут быть рассмотрены как интерпретационные дискурсы.

Развивая идеи Т. ван Дейка, мы не принимаем противопоставления по дискурсивной интенции, в соответствии с которым дискурсы можно разделить на дискурсы практической и интерпретационной направленности. Согласно нашей логике любой дискурс конструирует ментальную модель события, а потому рассматривается как интерпретационный. Интерпретационный дискурс в статье трактуется и как онтологический феномен, и как аспект рассмотрения дискурса. В этом плане интерпретационный дискурс – это и родовое наименование по отношению ко всем видам дискурса, и проявление дискурса, имеющего в качестве коммуникативного события событие, являющееся дискурсообразующим в дискурсе-основе. В последнем случае интерпретационный дискурс – это дискурс адресата, который, с

одной стороны, реагирует на исходное коммуникативное событие, а с другой стороны, создает собственный дискурс.

Иными словами, в статье различаются широкое и узкое понимание интерпретационного дискурса. В широком смысле любой дискурс является интерпретационным. В узком смысле, развиваемом в данной работе, интерпретационный дискурс – это дискурс адресата, продуцируемый по поводу коммуникативного события дискурса-основы.

Дискурс адресата как интерпретационный дискурс

Актуализируя узкое понимание интерпретационного дискурса, мы полагаем, что дискурс адресата, реализуемый его репликами, представляет собой интерпретационный дискурс.

Заметим, что когда говорят о дискурсе как речевой деятельности, осуществляемой в экстралингвистическом контексте, имеют в виду дискурс адресанта. Многочисленны исследования, учитывающие образ адресата при конструировании дискурса адресанта. Так, например, дискурс СМИ ориентирован на адресата, который в современных социально-политических условиях определяет цель акта газетной коммуникации [3. С. 15]. Анализу образа адресата в различных видах дискурса посвящены работы [4–6]. Утверждается, что дискурс адресанта, представленный речевыми высказываниями, полиинтерпретируем. Ср.: «Несовпадающие интерпретации возникают вследствие того, что объект по-разному воспроизводится в сознании разных субъектов (разное опускается и добавляется), неодинаково членится ими, элементы членения по-разному монтируются, в объекте акцентируются разные стороны, он проецируется на разные эталоны и, наконец, ему приписывается различная семантика, то есть он подвергается альтернативной символизации» [7. С. 10]. Полиинтерпретируемость дискурса адресанта позволяет говорить о дискурсе адресата как интерпретационном дискурсе, осуществляющем распределение смыслов коммуникативного события, лежащего в основе дискурса адресанта. Таким образом, наряду с дискурсом адресанта может быть выделен дискурс адресата, представленный совокупностью интерпретирующих высказываний.

При таком подходе дискурс адресанта служит источником для дискурса адресата, а значит, является дискурсом-основой. Заметим, что и дискурс адресанта, и дискурс адресата будут являться интерпретационными, так как вербализуют определенную ментальную модель коммуникативного события. Разница между ними заключается в том, что дискурс адресанта условно рассматривается нами как первичный дискурс, а дискурс – как вторичный¹. Условность такого подхода очевидна на фоне идей М.М. Бахтина об ответном характере любой реплики как компонен-

¹ Оппозиция «первичный – вторичный» дискурс вводится нами по аналогии с оппозицией «первичный – вторичный» текст.

те дискурса. Иными словами, в онтологическом плане любой дискурс адресата – это вторичный интерпретационный дискурс, создаваемый в ситуации ответа.

Обыденный медийный дискурс как интерпретационный дискурс

В центре нашего внимания – обыденный медийный дискурс как разновидность интерпретационного дискурса, осуществляемый в личностно-ориентированных форматах коммуникации и организуемый вокруг медиасобытий. Специфика обыденного медийного дискурса заключается в том, что, с одной стороны, он организован вокруг коммуникативного события медийного дискурса, а с другой стороны, он представляет собой ментальную модель этого коммуникативного события.

Проблема интерпретации события медийного дискурса получила развитие в русле философии семиотики, где визуальное медиасобытие рассматривается как символический коммуникативный знак, предполагающий интерпретацию. На фоне этого появляется такое направление, как герменевтика медиаобраза [8], предполагающее изучение механизмов интерпретации медиаобраза в коллективном языковом сознании. Наше исследование вписывается в проблемный контекст данного направления, однако посвящено изучению интерпретации не визуального компонента медийного текста, а его вербальной составляющей.

Обыденный медийный дискурс описывается в работе как самостоятельное образование. Исследования, посвященные анализу обыденного медийного дискурса, направлены в основном на выявление специфики факторов, оказывающих влияние на интерпретационное функционирование медиасобытия в обыденном языковом сознании. Так, одни исследования постулируют мысль о влиянии способа подачи новостного события на его интерпретационное функционирование [9]. Другие, напротив, говорят о влиянии персоноцентрических факторов на интерпретацию медиасобытия, выделяя лингвоперсонологические стратегии комментирования и интерпретации новостных событий в обыденном дискурсе [10–14]. Актуальным в рамках нашего исследования является положение о ведущей роли адресата в организации обыденного медийного дискурса как разновидности интерпретационного дискурса [3]. Еще раз подчеркнем, что адресат при таком подходе рассматривается как субъект интерпретационного дискурса.

Рассматривая обыденный медийный дискурс как самостоятельное образование, мы полагаем, что его описание может быть осуществлено с использованием понятий «модус дискурса» и «диктум дискурса» [15]. Проецируя сказанное на описание обыденного медийного дискурса, можно сказать, что модус обыденного медийного дискурса представлен интерпретационными смыслами, отражающими эмотивно-оценочную составляющую языковой деятельности носителя языка. Это соотносится с выводом Т.В. Чернышовой, которая, исследуя проблему восприятия

медиатекста (концепта события, по терминологии автора) адресатом, отмечает оценочный характер интерпретативной деятельности адресата СМИ [3]. Модус обыденного медийного дискурса соотносится, по нашему мнению, со стратегиями и типами интерпретации медиасобытия, используемыми рядовыми носителями языка. Диктум обыденного медийного дискурса представлен ментальной моделью медиасобытия, конструируемой его адресатами. Ментальный образ медиасобытия может быть представлен в форме модели его интерпретации.

Материал исследования

Материалом для анализа служат русскоязычные интернет-комментарии к медиатекстам, размещенным на различных новостных порталах. Обращение к интернет-речи обусловлено ее эвристическим потенциалом, т.е. возможностью фиксации большого количества языкового материала, позволяющего выявить стратегии, модели и типы обыденной интерпретации медиасобытия на достаточной выборке, обеспечивающей достоверность полученных результатов. Кроме того, интернет-комментарий обладает большим гносеологическим потенциалом, поскольку этот жанр предстает как «специфическое смысловое поле, где формируются, интерпретируются и оцениваются факты и мнения» [16. С. 9].

Изучение современной интернет-коммуникации [17] основывается на ее диалогическом характере, обнаруживаемом в организации коммуникативного пространства в Интернете как пространства, образуемого двумя сферами, – сферой авторского текста, в том числе и медиатекста, и сферой пользователя, представленной комментариями к авторскому тексту и реализующей определенную интерпретационную модальность восприятия последнего. На интерпретационный характер интернет-комментариев указывают многие лингвисты (см., например, работы [10–14]).

Непосредственный предмет анализа составляет медиасобытие «Крушение украинского Boeing в Тегеране» (январь 2020 г.), которое представлено разными слотами в СМИ: «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» (<https://lenta.ru/news/2020/01/08/dvig/>); «в Украине объявили траур по жертвам крушения Boeing в Тегеране» (<https://ria.ru/20200109/1563200116.html>); «Иран отказался передать Боинг черные ящики разбившегося самолета» (<https://regnum.ru/news/2824090.html>); «Росавиация рекомендовала авиакомпаниям не летать над Ираном и Ираком» (<https://www.interfax.ru/russia/690464>); «Иран признал, что случайно сбил украинский Boeing» (<https://ria.ru/20200111/1563279027.html>).

В качестве примеров используются интерпретирующие высказывания, созданные в ответ на актуализацию слота «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» (<https://news.mail.ru/incident/40118821/comments/>) и образующие обыденный медийный дискурс. Общее количество проанализированных интерпретирующих высказываний – 158.

Результаты исследования

Дискурсивный модус обыденного медийного дискурса: стратегии и типы обыденной интерпретации медиасобытий. В данной части статьи анализируется модус обыденного медийного дискурса. Как мы уже отмечали, он реализуется в стратегиях и типах обыденной интерпретации медиасобытия, служащего коммуникативным событием медийного дискурса (дискурса-источника).

Под стратегией интерпретации мы понимаем присущий языковой личности способ субъективной оценки медиасобытия. Стратегии интерпретации определяются фактором языковой личности и актуализируют ее дотекстовые ожидания.

На основе анализа эмпирического материала мы выделили следующие виды стратегий обыденной интерпретации медиасобытий: по степени оценки истинности / ложности медиасобытия и по степени проявления модусных смыслов в интерпретации.

По степени оценки истинности / ложности медиасобытия мы выделили две стратегии интерпретации: стратегию языкового скепсиса и стратегию языкового доверия.

Стратегия языкового скепсиса представлена комментариями, в которых выражается недоверие / сомнение носителя языка к воспринимаемой информации.

Например:

Почему опять несут чушь? Причина крушения – возгорание двигателя? Вы смеётесь? Двигатель даже если взорвётся, то ничего абсолютно самолёту не сделает. Крыло двигатель повредить не мог ни при каких обстоятельствах. Второго двигателя с головой хватит даже на безопасный взлёт. А тут упал самолёт через 3 минуты после взлёта?! Какой пожар? Очнитесь, вас обманули! Упасть самолёту явно помогли, а кто и как пусть расскажут правду те кто исследует катастрофу! Украинцы, соборную! Опять гибель невинных людей, ни за что ни про что!

Или:

Упал самолет, именно в том месте где начались военные действия, где ПВО Ирана... Шанс такого совпадения равняется примерно 2–3%, посмотрим как долго нас за дурагов будут держать в этот раз.

Или:

Да, странно, что так быстро назвали и такую странную причину.

Как видим, в приведенных интернет-комментариях реализуются скептические дотекстовые ожидания языковой личности: носитель языка с сомнением относится к официальной версии медиасобытия, считая ее ложной. На языковом уровне это проявляется в использовании лексем, которые имеют семантику недоверия: *чушь, странно, странную причину*,

держат за дурагов. Семантика сомнения и недоверия выражается и на синтаксическом уровне: в использовании экспрессивных вопросов: Почему опять несут чушь? Вы смеётесь?; экспрессивных восклицаний: Очнитесь, вас обманули!

Стратегия языкового доверия представлена комментариями, в которых выражается доверие носителя языка к воспринимаемой информации.

Например:

Все мировые СМИ уже сообщили причину: техническая неисправность. В огромном аэропорту Тегерана каждые несколько минут садятся и взлетают лайнеры. Иногда они падают. Что тут особенного. И с пуском ракет разница в 6(!) часов. Да и пуски проводились не из Тегерана.

Как видим, данный интернет-комментарий реализует позитивно окрашенные дотекстовые ожидания языковой личности; так, носитель языка воспринимает официальную версию медиасобытия как истинную (реальную, а не выдуманную). Это проявляется в использовании оценочного комментария *Что тут особенного*, который, по сути, констатирует истинность той информации, которую сообщили все мировые СМИ. Автор верит официальной версии медиасобытия: причина крушения самолета – техническая неисправность. Носитель языка даже приводит аргументы, которые, по его мнению, показывают, что актуализируемое в СМИ медиасобытие является истинным (реальным). Так, автор комментария пишет, что полет лайнера и пуск ракет никак не могут быть связаны, потому что падение самолета и запуск ракет произошли с разницей в 6 (!) часов.

По степени проявления модусных смыслов в интерпретации мы выделили две стратегии: рациональную и эмоциональную.

Рациональная стратегия интерпретации медиасобытия проявляется в безэмоциональной реакции на воспринимаемое медиасобытие.

Например:

Теперь посмотрим как будут работать российские С-300 на территории Ирана.

Приведенный пример показывает, что носитель языка безэмоционально реагирует на медиасобытие. Его комментарий является сухим, в нем доминирует рациональная оценка события.

Эмоциональная стратегия интерпретации медиасобытия проявляется в выражении эмоциональных реакций носителя языка относительно медиасобытия.

Например:

Мои соболезнования

Как видим, носитель языка эксплицирует модусные смыслы соболезнования, которые отражают его эмоционально-оценочное отношение к событию.

Под типом интерпретации понимается определенный способ толкования медиасобытия, проявляющийся в совокупности интерпретирующих высказываний.

Нами выделены два типа обыденной интерпретации медиасобытия: риторически-ориентированный и диалого-ориентированный.

Риторически-ориентированный тип интерпретации представлен интерпретирующими высказываниями, в которых мнение носителя относительно медиасобытия выражается риторическим способом, не предполагающим дальнейшего комментирования. При таком типе интерпретации носитель языка не провоцирует диалог.

Например:

Довоевались

Или:

Соболезную

Наличие риторически-ориентированного типа интерпретации вовсе не предполагает, что интерпретирующее высказывание не может вызвать реакцию другого носителя языка. Здесь важно то, что по своей целевой установке оно, скорее, выражает мнение, но не провоцирует диалог.

Диалого-ориентированный тип интерпретации представлен интерпретирующими высказываниями, в которых носитель языка провоцирует диалог, дискуссию.

Например:

Первый вопрос – а что это украинский гражданский самолёт вообще в Иране делает? Они там как гастробайтеры что ли? Или достопримечательности осматривали? Что такое Украина? Сейчас уже совсем ничего, всего лишь одна из разыгрываемых империями, но уже битых карт. Они могут играть какую-то там роль уже незначительную у границ России, но при том, что США сознательно поджигают Ближний Восток, вся эта мышинная возня отойдёт на задний план.

Или:

Почему опять несут чушь? Причина крушения – возгорание двигателя? Вы смеётесь? Двигатель даже если взорвётся, то ничего абсолютно самолёту не сделает. Крыло двигатель повредить не мог ни при каких обстоятельствах. Второго двигателя с головой хватит даже на безопасный взлёт. А тут упал самолёт через 3 минуты после взлёта?! Какой пожар? Очнитесь, вас обманули! Упал самолёт явно помогли, а кто и как пусть расскажут правду те кто исследует катастрофу! Украинцы, соболезную! Опять гибель невинных людей, ни за что ни про что!

В приведенных интерпретирующих высказываниях носитель языка провоцирует диалог, он задает вопросы, которые ориентированы как автору медиатекста, так и потенциальным комментаторам. По целевой уста-

новке эти интерпретирующие высказывания провоцируют ответную диалогическую реакцию.

Дискурсивный диктум обыденного медийного дискурса: модель обыденной интерпретации медиасобытия. В данной части работы представлен анализ диктума обыденного медийного дискурса. Выше мы уже говорили о том, что диктум интерпретационного дискурса представлен в форме модели интерпретации события, служащего основой дискурса-источника.

Модель интерпретации рассматривается как процесс интерпретационного функционирования медиасобытия в дискурсе рядовых носителей языка. На основе эмпирического материала нами выделена пропозициональная модель обыденной интерпретации медиасобытия. Данная модель интерпретации предполагает актуализацию различных актантов пропозиции медиасобытия.

Специфика обыденной [пропозициональной] модели интерпретации медиасобытия заключается в том, что процесс интерпретирования предполагает актуализацию различных актантов медиасобытия независимо от варианта слота, который актуализирует это событие в СМИ.

Анализ 158 интернет-комментариев к слоту «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» медиасобытия показывает, что модель интерпретации отдельного слота представляет собой актуализацию актантов самого медиасобытия: следствие, результат, каузатор, объект, цель. При этом, конечно, актуализация актантов объясняется тем информационным фоном, который окружает медиасобытие.

Поясним сказанное.

Актант «следствие» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семой «опасность». В интерпретирующих высказываниях актуализируется идея возможной опасности при полетах на самолетах: *правильно говорите, что еще один... но это пока... скоро по 2–3 за день падать начнут, и я не удивлюсь..* Пример показывает, что носитель языка негативно оценивает последствия крушения самолета, делает обобщение относительно того, что падение самолета – это проявление тенденции.

Актант «результат» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семой «трагедия». В этом случае интерпретирующие высказывания содержат идею: есть погибшие; ср.: *ещё раз для страдальцев.. соболезновать нужно Иранцам все пассажиры кроме экипажа-иранцы...; или: Это большая трагедия, Украина, прими искренние соболезнования. Пусть всем погибшим земля будет пухом...; или: По данным МИД Украины при крушении самолета в Тегеране погибли 82 иранца, 63 гражданина Канады, 11 – Украины (9 членов экипажа), 10 – Швеции, 4 – Афганистана, по 3 – ФРГ и Великобритании.* Как видим, носители языка осведомлены о жертвах трагедии, для них важной составляющей события становится сама трагедия, скорее, ее результат.

Актант «каузатор» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семей «причина крушения». В качестве такой причины называют военные действия или сгорание двигателя. Например: *Опять стреляют...* или: *Никто его не сбивал*. В комментариях носители языка обсуждают причину крушения самолета, здесь, конечно, проявляется определенная стратегия интерпретации: либо стратегия языкового скепсиса, либо стратегия языкового доверия. Стратегия, реализующая дискурсивный модус, определяет внешнее воплощение актанта – либо стреляют, либо «никто его не сбивал».

Актант «объект» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семей «объект крушения». Объектом крушения является самолет. Например: *что-то они часто падают. эти боинги.. похоже дрянь. а не самолет... и этот случай, очередное тому подтверждение*. Или: *Что вам раздражает? Что весь мир летает на боингах или айрбасах? Странно почему бьются только боинги и айрбасы)))). Делать наверно не умеют*) Как видим, носители языка обсуждают падение боинга, оценивают частотность подобных случаев.

Актант «цель» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семей «зачем». В этом случае носители языка задаются вопросом: зачем самолет полетел в Европу? Например: *Украинский самолёт рейсовый. Этот рейс самый дешёвый и иранцы охотно им пользуются для перелётов в Европу, далее пользуются местными авиалиниями*. Приведенный пример показывает, что для обыденного языкового сознания важны все компоненты события, освещаемого в СМИ. Казалось бы, что пропозициональный смысл «цель» не имеет прямого отношения к медиасобытию, однако и он актуализуется рядовыми носителями языка, что демонстрирует «веерность» интерпретации и подтверждает идею ее объективной неизбежности.

Таким образом, мы видим, что интерпретация медиасобытия «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» осуществляется по линии актуализации пропозициональных смыслов, способствуя тем самым развитию события. Очевидно, что носители языка интерпретируют медиасобытие, выходя за пределы его текстовой версии, что, по всей видимости, можно объяснить наличием механизма вероятностного прогнозирования, который соотносится с пониманием того, что «когнитивная деятельность не является беспредпосылочной». Она «предполагает наличие предданной “гипотезы” об устройстве мира» [18. С. 6].

Выводы

Завершая статью, отметим, что в ней обыденный медийный дискурс рассматривается как разновидность интерпретационного дискурса. Интерпретационный дискурс анализируется в свете идей Т. ван Дейка как дискурс, актуализирующий ментальную модель события. Специфика обыденного медийного дискурса заключается в том, что, с одной стороны, он ор-

ганизован вокруг коммуникативного события медийного дискурса, а с другой стороны, он представляет собой ментальную модель этого коммуникативного события. Субъектом обыденного медийного дискурса является адресат дискурса-источника.

Обыденный медийный дискурс рассматривается в аспекте дискурсивного модуса и дискурсивного диктума.

Модус обыденного медийного дискурса проявляется в стратегиях и типах интерпретации медиасобытия. Выявлены стратегии языкового скепсиса и языкового доверия, рациональная и эмоциональная стратегии, риторически- и диалогически-ориентированный тип интерпретации медиасобытия.

Данные стратегии выявлены на другом языковом материале Л.Г. Ким [19], исследующей проблему вариативно-интерпретационного функционирования текста в аспекте диалектического соотношения системно-языковых и функциональных (персонологических) факторов на этот процесс. Это позволяет говорить об универсальности данных стратегий интерпретаций.

Диктум обыденного медийного дискурса проявляется в модели интерпретации медиасобытия. В работе выявлено, что интерпретация медиасобытия осуществляется по пропозициональной модели, предполагающей интерпретацию последнего как развитие события за счет актуализации составляющих его пропозициональную структуру актантов. Осуществление интерпретации как актуализации пропозициональных смыслов события коррелирует с гипотезой Г.П. Мельникова, согласно которой внутренняя форма русского языка устроена по принципу развивающегося события [20].

Многоаспектность заявляемой в статье проблемы значима для медиаиндустрии (медиалогии), ее решение позволяет прогнозировать варианты интерпретационного функционирования медиасобытия в обыденном языковом сознании и, что не менее важно, на этой основе корректировать способы подачи медийных событий в СМИ.

Дальнейшее исследование предполагает анализ универсальных и этноспецифичных особенностей обыденного медийного дискурса в русской и французской лингвокультурах.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 11–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretiruyushchaya-funktsiya-yazyka> (дата обращения: 28.02.2020).
2. Дейк Т.А. ван. Дискурс и знание. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-znaniye> (дата обращения: 28.02.2020).
3. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. 577 с.
4. Бирюкова Н.С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной массовой коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 196 с.

5. *Пикулева Ю.Б.* Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 23 с.

6. *Постнова Т.Е.* «Страсти по мехам» и «Кошмар на улице Вазов» // Русская речь. 2001. № 6. С. 69–72.

7. *Борухов Б.Л.* Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989. 17 с.

8. *Батаева Е.В.* Символика и герменевтика медиа-образа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolologiya-i-germenevtika-media-obraza> (дата обращения: 28.02.2020).

9. *Мохирева С.В.* Медиадискурс как реализация интерпретационного потенциала события (на материале публикаций в русскоязычных СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2017. 24 с.

10. *Голев Н.Д., Ким Л.Г.* Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное – имплицитное», «проявленное – ожидаемое») // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : материалы российской секции междунар. конф. «Ain't misbehavin' Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А.П. Чудинова, Э.В. Будаева. Екатеринбург ; Цюрих, 2014. С. 47–70.

11. *Мельник Н.В., Савельева И.В.* Лингвоперсонологические стратегии восприятия текста (на материале интернет-комментариев к политическим статьям) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 197–204.

12. *Штильная Н.Н.* Стратегии и тактики коммуникативного поведения языковой личности в обыденной политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2017. № 5. С. 222–228.

13. *Абросимова Е.А., Кравченко Ю.Д.* Читательский комментарий как феномен интерпретации медиатекста (на материале интернет-комментариев и данных эксперимента) // Медиаскоп. 2017. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2317> (дата обращения: 28.02.2020).

14. *Ергалиева С.Ж.* Лингвоперсонологические стратегии и тактики комментирования политических текстов в виртуальном пространстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskie-strategii-i-taktiki-kommentirovaniya-politicheskikh-tekstov-v-virtualnom-prostranstve> (дата обращения: 12.02.2020).

15. *Тубалова И.В.* Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 43 с.

16. *Карпоян С.М.* Эпистемическая модальность в интернет-комментарии : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2014. 193 с.

17. *Стексова Т.И.* Объекты комментариев в интерактивной газетной статье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 10: Журналистика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekty-kommentariiev-v-interaktivnoy-gazetnoy-statie> (дата обращения: 10.02.2020).

18. *Ушаков Д.В.* Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования: Проблема развития : сб. науч. тр. М., 2009. Вып. 3. С. 5–14.

19. *Ким Л.Г.* Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Томск, 2009. 312 с.

20. *Мельников Г.П.* Внутренняя форма русского языка ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях. URL: <http://philologos.narod.ru/melnikov/melnikov-vf.htm> (дата обращения: 20.02.2020).

Everyday Media Discourse as an Interpretive Discourse (Based on Interpretive Utterances of Internet Speech)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 28–42. DOI: 10.17223/19986645/74/2

Yana A. Dudareva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dudareva-yana@yandex.ru

Nadezhda N. Shpilnaya, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Venata85@mail.ru

Keywords: media event, everyday media discourse, discourse mode, discourse dictum.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00375.

The object of the research is everyday media discourse organised around media events. It is considered to be interpretive discourse. The article develops the idea of T. van Dijk, according to which interpretive discourse actualises the mental model of the event. The study was performed in the areas of interpretation linguistics and discourse study. Everyday media discourse is considered to be a discourse whose subject is the narratee of the source-discourse forming interpretive activity regarding the communicative event that organises it. The material for the analysis was statements in the form of Internet comments to the media event “The Crash of the Ukrainian Boeing in Tehran”. The total number of the analysed interpretive statements is 158. To describe everyday media discourse, the terminology of discourse study characterising interpretive discourses is used. Everyday media discourse is considered as the discourse mode and the discourse dictum. The modus of everyday media discourse displays itself in strategies and types of interpretation of the media event. There are the following types of media events’ everyday interpretation strategies: identified by the degree of evaluation of the truth/falsity of the media event and identified by the degree of intensity of modus meanings in the interpretation. Among the former, there is the strategy of language skepticism and the strategy of language trust. Rational and emotional strategies are identified by the degree of intensity of modus meanings in the interpretation. Rhetorically- and dialogically-oriented types of interpretation of media events are described. The dictum of everyday media discourse can be traced in the model of interpretation of media events. The model of interpretation is understood as a process of interpretive functioning of the media event in the discourse of ordinary native speakers. The propositional model of everyday interpretation of the media event based on empirical material assuming the actualisation of various actants of the media event proposition is described. The research results are significant for the media industry (medialogy) for they allow predicting the variants of the interpretive functioning of the media event in the everyday language consciousness and using it as a basis to correct the ways of presenting media events in the media.

References

1. Boldyrev, N.N. (2011) Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [The interpreting function of language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 33 (248). pp. 11–16. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretiruyushchaya-funktsiya-yazyka> (Accessed: 28.02.2020).
2. van Dijk, T.A. (2013) *Diskurs i znanie* [Discourse and knowledge]. Translated from English. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-znanie> (Accessed: 28.02.2020).
3. Chernyshova, T.V. (2005) *Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoy Rossii* [Media texts in the mental-linguistic space of modern Russia]. Philology Dr. Diss. Barnaul.

4. Biryukova, N.S. (2005) *Vospriyatie studentami pretsedentnykh fenomenov, ispol'zuemykh v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Students' perception of precedent phenomena used in modern mass communication]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
5. Pikuleva, Yu.B. (2003) *Pretsedennyi kul'turnyi znak v sovremennoy televizionnoy reklame: lingvokul'turologicheskii analiz* [Precedent cultural sign in modern television advertising: linguoculturological analysis]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
6. Postnova, T.E. (2001) "Strasti po mekham" i "Koshmar na ulitse VAZov" ["Passion for Furs" and "A Nightmare on VAZ Street"]. *Russkaya rech'*. 6. pp. 69–72.
7. Borukhov, B.L. (1989) *Rech' kak instrument interpretatsii deystvitel'nosti (teoreticheskie aspekty)* [Speech as a tool for interpreting reality (theoretical aspects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
8. Bataeva, E.V. (2013) *Symbolology and Hermeneutics of Media-Image*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolologiya-i-germenevtika-media-obraza> (Accessed: 28.02.2020). (In Russian).
9. Mokhireva, S.V. (2017) *Mediadiskurs kak realizatsiya interpretatsionnogo potentsiala sobytiya (na materiale publikatsiy v russkoyazychnykh SMI)* [Media discourse as a realization of the interpretive potential of the event (based on publications in the Russian-language media)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
10. Golev, N.D. & Kim, L.G. (2014) [Ordinary political Internet comments as a manifestation of the variability of interpretation (the opposition "explicit – implicit", "manifested – expected")]. *Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropeyskom politicheskom diskurse: materialy rossiyskoy sekti mezhdunar. konf. "Ain't misbehavin' Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse"* [Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse: Proceedings of the Russian section of the international conference "Ain't misbehavin' Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse"]. Yekaterinburg; Zurich. pp. 47–70. (In Russian).
11. Mel'nik, N.V. & Savel'eva, I.V. (2017) Linguopersonological Strategies of Text Perception (Case Study of Internet Comments to Political Discourse). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4. pp. 197–204. (In Russian).
12. Shpil'naya, N.N. (2017) Strategies and Tactics of Communicative Behavior of Linguistic Persona in Everyday Political Communication. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 5. pp. 222–228. (In Russian).
13. Abrosimova, E.A. & Kravchenko, Yu.D. (2017) Reader Comment as a Phenomenon of Media Text Interpretation (based on Internet comments and experiment data). *Mediascope* – *Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2317> (Accessed: 28.02.2020). (In Russian).
14. Ergalieva, S.Zh. (2020) *Lingvopersonologicheskie strategii i taktiki kommentirovaniya politicheskikh tekstov v virtual'nom prostranstve* [Linguopersonological strategies and tactics of commenting on political texts in the virtual space]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskie-strategii-i-taktiki-kommentirovaniya-politicheskikh-tekstov-v-virtualnom-prostranstve> (Accessed: 12.02.2020).
15. Tubalova, I.V. (2015) *Polifonicheskii tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
16. Karpoyan, S.M. (2014) *Epistemicheskaya modal'nost' v internet-kommentarii* [Epistemic modality in the Internet comment]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
17. Steksova, T.I. (2013) The Objects of Comments in the Interactive Newspaper Article. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 12 (10). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekty-kommentariy-v-interaktivnoy-gazetnoy-statii> (Accessed: 10.02.2020). (In Russian).

18. Ushakov, D.V. (2009) Kognitivnaya sistema i razvitie [Cognitive system and development]. In: *Kognitivnye issledovaniya: Problema razvitiya* [Cognitive research: The problem of development]. Vol. 3. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. pp. 5–14.

19. Kim, L.G. (2009) *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta* [Variable interpretative functioning of the text]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

20. Mel'nikov, G.P. (2020) *Vnutrennyaya forma russkogo yazyka klyuch k ponimaniyu ego osobennostey na vseh urovnyakh* [The inner form of the Russian language as the key to understanding its features at all levels]. [Online] Available from: <http://philologos.narod.ru/melnikov/melnikov-vf.htm> (Accessed: 20.02.2020).

УДК 811.161.1'373
DOI: 10.17223/19986645/74/3

А.В. Зеленин, Д.В. Руднев

«ЧТО ЗНАЧИТ ЭТОТ *ФОН*»: ИСТОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ ФОРМЫ *НА ФОНЕ*

Представлена история возникновения в русском языке и этапы грамматикализации предложно-падежной группы «на фоне». Анализируются языковые механизмы развития на основе ее исходного выделительного значения сравнительно-сопоставительного и впоследствии значения обусловленности. Устанавливается связь семантико-грамматических сдвигов с влиянием французской модели «sur un fond», с трансформацией тема-рематической структуры русского предложения, а также со стилистическими изменениями в русском языке.

Ключевые слова: служебные слова, предложно-падежная форма, определоживание, грамматикализация, производный предлог

Введение

В 1850 г. критик «Северной пчелы», скрывавшийся за инициалами Ф. Б., разбирая язык «Отечественных записок», писал: «Жаль, что почтенный и ученый автор изучал язык русский по новой грамоте, которой представитель журнал так называемые “Отечественные записки”! Неужели почтенный автор не нашел в русском языке слов для выражения своих мыслей? Читаем: “От этого изображения, служащего *фоном* в его картине?” Что значит этот *фон*?» [1. С. 971] (см. также [2. С. 128]).

Однако русский язык не только не отверг этого слова, быстро распространившегося во второй половине XIX в., но и оказался благоприятной средой для его дальнейшего семантического и грамматического развития, итогом чего явилось формирование предложного выражения (предложной единицы, функционального аналога предлога) *на фоне*.

Хотя предложное выражение *на фоне* встречалось уже в конце XIX – начале XX в., широкое распространение оно получило именно в современном русском языке, особенно в языке СМИ.

Среди исследователей нет единства мнений относительно лингвистического статуса предложного выражения *на фоне*: одни видят в этой словоформе грамматикализованную конструкцию, другие отказывают ей в этом статусе (см., например, работу [3]). Не упомянуто это сочетание и в обширной статье Е.Н. Виноградовой и Л.П. Клобуковой [4]; предложно-падежная группа не выделена как фразеологизированная конструкция, а инкорпорирована внутрь значения ‘обстановка, среда, окружение, в котором что-л. находится или что-л. происходит’ в современном толковом словаре [5. С. 1428].

Цель статьи – описать историю грамматикализации словоформы *на фоне*, проследив этапы ее включения в функционально-семантическое макрополе обусловленности.

Задачи статьи: 1) провести историко-семантический анализ существительного *фон* в русском языке; 2) вскрыть механизмы развития в предложно-падежной форме *на фоне* релятивного значения, категориального для семантики предлогов; 3) выявить динамику и хронологию развития грамматического значения и включения препозициональной группы в поле обусловленности.

1. История изучения предложно-падежной группы *на фоне*

Актуализация предложно-падежной группы *на фоне* в публицистическом и научном стилях русского языка в 1980–1990-е гг. и ее функционирование как эквивалента предлога привлекли внимание исследователей на рубеже XX–XXI вв. В научно-теоретической литературе одно из первых упоминаний этого комплекса находится в книге В.В. Бабайцевой, которая включила словоформу *на фоне* в продуктивный класс переходных явлений в лексической группе «явлений природы»: «...обстоятельства обстановки, обозначающие состояние погоды, природы, атмосферы и т. д. <...> грамматикализируются для выражения семантики ситуации» [6. С. 430–431].

При описании предложного употребления *на фоне* словарями обычно отмечается сравнительное и сопутствующее значение, например: «на фоне кого-чего, в знач. предлога с род. п. – в окружении кого-чего-н., при сопутствующих обстоятельствах. Отдельные недостатки на фоне общих успехов» [7. С. 855]. Предложно-падежная группа *на фоне* была зафиксирована в аспектном справочнике Т.Ф. Ефремовой в качестве предлога: «предлог с род. пад. 1. Соответствует по значению сл<овосочетанию>: в окружении кого-л. или чего-л. 2. *перен.* Соответствует по значению сл<овосочетанию>: при сравнении с кем-л. или с чем-л.» [8. С. 322]. Похожим образом *на фоне* квалифицировано в словаре наречий и служебных слов русского языка В.В. Бурцевой: «*На фоне* кого-чего, предлог с род. п. В окружении кого-чего-н., при сравнении с кем-чем-н. *На фоне своих друзей она отличается необычной красотой. Эти мелочи теряются на фоне твоих успехов*» [9. С. 310]. Однако более детальное обследование современных текстов показало, что использование словосочетания *на фоне* чаще обуславливает отношения логической обусловленности.

В петербургской школе функциональной грамматики отношения обусловленности рассматриваются как функционально-семантическое поле полицентрического типа, включающее отношения причины, условия, цели, уступки, следствия, мотивации, причем отношения причины занимают особое место [10. С. 67–70]. Обусловленность характеризуется обязательной биситуативностью (т.е. включают две ситуации, находящиеся в отношениях логико-смысловой зависимости, семантически такие предложения эквивалентны сложным предложениям). Специализированными способами выражения отношений обусловленности выступают: 1) придаточные предложения; 2) предложно-падежные формы; 3) наречия. К ним примыкает прямое лексическое выражение обусловленности при помощи лексем типа

причина, цель, условие и т.д. [10. С. 28–36]. Неспециализированные средства – бессоюзные сложные предложения, сложносочиненные предложения, осложняющие элементы простого предложения (причастные и деепричастные обороты, обособленные члены) и нек. др.

Жэньчжэ Ли, детально описав предложно-падежную форму *на фоне* на синхронном материале преимущественно в сопоставительных конструкциях, отметил активное развитие у этой словоформы значения обусловленности [11; 12. С. 69–82]. Было выявлено два типа отношений обусловленности: 1) ситуация, вводимая сочетанием *на фоне*, указывает на причину возникновения второй ситуации (*Смена руководства почтового ведомства произошла на фоне скандала с большим количеством зарубежных посылок, скопившихся в московских аэропортах*); 2) «сопутствующая усугубляющая ситуация, оказывающая определенное воздействие на вторую ситуацию, возникшую позже» (*Разрыв ахиллова сухожилия у футболиста произошел на фоне хронического заболевания, которое требовало хирургического лечения*) [12. С. 80] (примеры взяты из указанной работы. – А.З., Д.Р.).

2. Формирование синонимического ряда

Внешний облик сочетания слова *фон* однозначно указывает на его французское происхождение: его источником является многозначное французское слово *fond* (к этому же слову восходят также слова *фонд* и *плафон*). В словаре у него выделено три значения: 1) ‘основной цвет, тон, по которому сделан рисунок, узор и т.п.’; 2) ‘задний план картины, рисунок и т.п., способствующий выделению основных частей изображения’; 3) перен. ‘общая обстановка, среда, окружение’ [13. Т. 16. Стб. 1466–1467].

Появившись в русском языке, слово вступило в синонимические и семантические отношения с другими лексемами, ранее использовавшимися в русском языке в значении ‘основной цвет, тон, по которому сделан рисунок, узор и т.п.’, – словами *земля*, *грунт*, *поле* – кальками в некоторых специфических значениях (*земля*, *поле*) и прямыми лексическими заимствованиями (*грунт*, *фон*).

2.1. земля

Употребление слова *земля* в колоративном значении известно с начала XVII в.: ...кушак, на серебряной *земле* травы, шолк ал, лазорев, зелен, чор, цена восемь рублей... (Дворцовые разряды, февраль 1614 г. [14. Стб. 17]); 8 знамень сотенныхъ: ...на первомъ знамени *земля* черчетая, кругомъ *земли* поля желтые, на *земли* кругъ желтой, въ кругу левъ желтой (ДАИ Х. 107. 1682 г.) [15. Т. 5. С. 377].

Поздняя фиксация лексемы *земля* и узкое, специализированное употребление (геральдика, гербовники, описание фактуры ткани) – явное свидетельство заимствования. Источником является польск. *grunt*¹ (в свою очередь, из

¹ В русском языке использовалась и другая калька польского *grunt* ‘почва’ [16. С. 290], однако мы ее не рассматриваем как выходящую за рамки анализа изучаемой группы лексем.

нем. *Grund*); в польском языке (как и в немецком) это слово было многозначным, его синонимы (в разных контекстах) – *ziemia* ‘земля’, *teren* ‘участок, область’, *kraina* ‘земля, почва’, *podłoże* ‘подкладка, подложка, земля, почва, грунт’, *dno* ‘дно, земля, грунт’, *ląd* ‘суша, территория; материк’, однако в сфере геральдики, живописи, рисунка для передачи значения ‘основа, основной цвет, подложка (герба, щита)’ обычно употреблялись словосочетания *grunt*, *dno*, *tło tarczu*, *herbu* [17. Т. 2. С. 1107] (польск. *tło* ‘фон, земля; подоплека’, *tarcza* ‘щит’, *herb* ‘герб’). Таким образом, лексема *земля*, появившаяся в русском языке в начале XVII в. в жанрово и тематически ограниченных текстах, явная лексико-семантическая калька.

В языке XVIII в. она продолжала употребляться как в текстах по геральдике (их появилось чрезвычайно много в связи с геральдическим «бумом» в социальной жизни формирующейся европеизированной русской аристократии), так и в других калькированных значениях в некоторых названиях краски: *кельнская земля*, *галмейская земля*, для обозначения доминирующего фона тканей: *штоф по красной земле с золотыми травами; белой цвет <...> обыкновенно за землю для других цветов служит; бархаты пестрые – цветов ярких по земле* лиловой, темнозеленой, пунцовой, или амарантовой [18. Т. 8. С. 171].

С появлением в русском языке галлицизма *фон* лексема *земля*, как более узуальная, еще некоторое время составляла конкуренцию новому заимствованию; в следующем примере характерно использование приема лексической синонимизации семантически равных лексем: *Определение цвета, разумеется, относилось к земле (или фону), по которому могли быть и всегда бывали украшения из поливы других цветов* [19. С. 41]. В современных толковых словарях употребление слова *земля* в этом значении не фиксируется.

2.2. поле

Лексема *поле* представляет собой лексико-семантическую кальку с польск. *pole*, проникшую в русский язык в конце XVI – начале XVII в. в качестве одного из новых значений. Это значение ‘узкая полоса на краю листа, полотнища, иконы и т. п., не занятая текстом или основным изображением’ использовалось в посольских донесениях, в приходно-расходных книгах монастырей по описи церковной утвари, в описании геральдических предметов: *в той же грамоте... на поле приписано о Шевкале князе* (Посольство Жир.-Засекина. 2. 1599 г.); *около образа обложено жемчужомъ... в откосинах на полях 74 камени розных... а по полям на углах 4 евангелисты, а на исподнем поле* Дмитрий Селунский (Кн. пер. Ипат. м. 1. 1595 г.) [15. Т. 16. С. 206].

В польском языке синонимизация лексем *pole*, *grunt*, *dno*, *tło* была тематически обусловленной и семантически привязанной к геральдическим, церковно-религиозным, живописным изображениям: *pole* – «5) = *herbowe*: *grunt*, *dno*, *tło*: *W herbach Polskich pól czerwonych najwięcej* ‘в польских гер-

бах красных полей больше всего' [17. Т. 2. С. 1107], ср. также польск. *dno, tło obrazu, malarstwa, chorągwi* 'фон картины, хоругви'.

Это использование кальки *поле* в русском языке проходит через XVIII, XIX и XX вв., что находит отражение в толковых словарях: *поле* – 'грунт или полое место, на котором изображается фигура или что иное' [20. Т. 3. С. 312]. Ср. также толкование данного значения слова *поле* в словаре Ушакова: «перен. Основной цвет, фон, пространство, на к<ото>м нанесены узоры, рисунки или геральдические изображения [21. Т. 3. С. 513]. Определение значения в БАС дано менее детализированно, менее содержательно-конкретно: 'основа, на которой нанесен узор, изображение, надпись и т. п.; фон': *Его броня чернее ночи, тяжело вооружение и меч огромен. Голова мавра видна в золотом поле щита* (Марлинский. Роман и Ольга. 3); *В зале потолок изображал все небо: по синему полю были насажены звезды из сусального золота* (Мам.-Сиб. Три конца. IV. 1) [13. Т. 10. Стб. 956].

Примечательно, что составители словаря Ушакова квалифицировали это значение как переносное, составители БАС – как прямое. Это имеет непосредственное отношение к рассматриваемой теме обособления предложно-падежных конструкций в морфолого-синтаксической парадигме слова: квалификация смыслового сдвига в значении – свидетельство ослабления семантических связей лексико-семантического варианта относительно центральной номинативной семы и возможность будущих более глубоких трансформаций. Преимущественная предложно-падежная сочетаемость – *по полю, на поле* чего-л.

В отличие от слов *земля* и *грунт*, которые вышли из употребления уже в XIX в., слово *поле* использовалось для описания фона и в XX в.: *Штаны на докторе – не штаны, а фантастика: по желтому полю цветочки в клетках* (И.С. Шмелев. Солнце мертвых. 1923 [22]¹); *Лиза лежала на кровати, опираясь на локти, в домашнем платье с голубыми полосками по синему полю* (К. Федин. Первые радости. 1943–1945); *Что и говорить, гриб красив. Ярко-красный, с белыми крапинками по красному полю, он украшает черный колорит елового леса, внося прекрасное и нужное глазу разнообразие* (Владимир Солоухин. Третья охота. 1967).

Для современного узуса употребление слова *поле* в значении 'фон' в целом не характерно и, видимо, должно характеризоваться как устаревающее или устаревшее.

2.3. *грунт*

В XVIII в. в дополнение к калькированным специальным значениям в структуре слов *земля, поле* появляется заимствованное через посредство

¹ Основная часть цитат взята из Национального корпуса русского языка [22], поэтому далее ссылка на источник цитаты дается только в том случае, если цитата взята из иного источника. Отсутствие указания означает, что источником является Национальный корпус русского языка.

польского языка немецкое слово *грунт* (*Grund*): *Устьюжская финифть бывает разных цветов... грунт по большей части украшают серебряными цветочками* (Пут. Леп. III 299) [18. Т. 5. С. 252]. Слово было профессионально-ограниченным, в «Словаре Академии Российской» лексема *грунт* в значении ‘фон’ не отмечена, однако она зафиксирована в некоторых двуязычных словарях второй половины XVIII в.; например, в словаре Нордстета дано терминологическое двусловное сочетание: «*грунт картины. der Grund im Gemählde, le champ de tableau*» [23. С. 147]. В другом двуязычном словаре для передачи франц. *fond* использованы как синонимы неологизм *грунт* и уже усвоенное новое значение слова *поле* (более ранняя лексико-семантическая калька из польского): «*Le fond du tableau est trop clair. Грунт, поле картины слишком светло*» [24. С. 510].

Слово *грунт* в языковом сознании XVIII в. выступало в терминологическом значении: оно обозначало фрагмент техники живописи или ремесла, связанного со спецификой окрашивания поверхности (зодчество, церковная роспись и т. п.), но значение у него было преимущественно профессионально-ограниченным ‘слой краски; поле’, ‘земельный природный состав красного цвета для грунтования’: *Белая и красная глина похожая на мергель, здесь просто белоглинкою называемая, а красная грунтом и употребляется белая на белие печей вместо извести, а красная на краску* (Труды Вольного экономического общества. 1765. II: 131) [18. Т. 5. С. 252]. Различие между значениями невелико и обусловлено метонимическими сдвигами, характерными для профессиональной лексики: от общего значения (краска) – к частному (красная краска).

Профессиональная квалификация термина фиксируется в словаре Яновского (1803): *грунт* – «3) у живописцев так называется первая краска, которая на какую-либо плоскость наводится; *поле картины*» [25. С. 647] (курсив наш. – А.З., Д.Р.). Однако глагол-заимствование *грунтовать* (ср. польск. *gruntować* из нем. *grundieren*) в значении ‘класть грунт, первый слой краски’ был известен в русском языке раньше, уже в XVII в., в кругу профессиональной лексики: *Въ ту же церковь Сошествия св. духа кормовые золотари грунтовали... иконостась столярской* (Заб. Дом. быт. I. 614. 1685 г.) [15. Т. 4. С. 147].

Употребление слова *грунт* для обозначения доминирующего, лежащего в основе фона изображения широко использовалось в первой половине XIX в.: *Кругом, над каждою колонною, статуя музы или нимфы, руки искуснаго скульптора Германа, не резко, но прекрасно отделяющаяся на светлом грунте стен* [26. С. 81]; *Вдали показался какой-то странный ком, как черное пятно на коричневом грунте. Иван Васильевич встрепнулся. – Василий Иванович, Василий Иванович!* (В.А. Соллогуб. Тарантас. 1845); *В белом платье, тонко перехваченном в талии, с наклоненной головой и длинным локоном на плече, она отчетливо обрисовывалась на темном грунте раствореннаго окна* (П.М. Пари // Современник. 1850).

В середине XIX в. слово *грунт* для обозначения фона (но уже не названия красной краски) вошло в толковые словари, причем обратим внимание на тол-

кование его родовым термином (гиперонимом) *поле*: «В рисунках, эстампах и вышиваниях поле, заштрихованное или зашитое около изображения, чтоб выказать яснее самое изображение» [20. Т. 1. С. 297–298]. В этой дефиниции ясно показаны семантически релевантные признаки понятия: ‘составляющий основу всего полотна, поверхности’ (*поле*), ‘живописное (тканевое) произведение’ (*рисунок, эстамп, вышивка*), ‘что-л. выделенное иным цветом’ (*заштрихованное, зашитое*), ‘целевое назначение’ (*выказать яснее самое изображение*, т. е. выделить центральную часть изображения).

Сильное влияние в России немецкой литературы, философии, литературной критики в первой трети XIX в. способствовало вторичному заимствованию слова *грунт*, на этот раз в переносном значении из немецкого *Grund, Hintergrund* ‘ведущий фон повествования, подоплека, основа’ в новом для русского языка значении, отсылающем не к живописному, а к литературному (повествовательному) тексту: *В них [«Письмах из Болгарии»], посреди яркой живописи незнакомых нам людей и природы, сквозь прозрачную ткань легких замечаний, ученых исследований, резких выводов и личных отступлений, мелькает великое событие войны, развиваются древняя воспоминания и при блеске оных – дела и мнения современные рисуются вдали, на фантастическом грунте рассказа* (Предисловие к «Письмам из Болгарии» В.Г. Теплякова. 1833); *Впрочем, само собою разумеется, что история древней образованности России является не на первом плане его изложения: она, по его же выражению, только необходимый грунт его картины* (И.В. Киреевский. Публичные лекции профессора Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней. Письмо в Белев. 1845).

Словосочетания *грунт рассказа, грунт картины (повествования)* – кальки нем. *der Grund der Anstellung, Beschreibung*.

Употребление «художественного» значения слова *грунт* во второй половине XIX в. встречается реже, причем преимущественно в нарративных описаниях памятников архитектуры (дневники путешествий, путевые заметки) и является скорее всего семантической калькой нем. *Hintergrund* ‘задний план; задник’¹: *...все лица картины – волхвы, их прислуга, святой Иосиф оставались в тени и терялись в прозрачном полумраке грунта, между тем как Богоматерь и Святой младенец выдавались и выступали вперед, облитые светом и блеском* (Е.П. Ростопчина. Палаццо Форли. 1854); *То из-за угла какого-нибудь пиластра виднелась колоссальная дуга главного прохода, черная и как бы отрезанная на ярком грунте пустого пространства, образуемого куполом; то выдвигался какой-либо памятник одной частью своей, словно оторвавшейся от общего целого; то открывался вкось балдахин Бернини в темном освещении, а за ним вдали угол папской кафедры, озаренной светлым лучом из окна* (П.В. Анненков. Литературные воспоминания. 1882).

Это значение осталось периферийным для русского языка.

¹ Ср. также употребление слова *грунт* в словаре Эртеля (1841) в узком театральном значении: *le fond de la scene* ‘грунт, задняя часть сцены’ [27. С. 431].

3. Расширение синонимического ряда: фон

3.1. Начальный этап

Хотя в переводных двуязычных словарях XVIII в. уже упоминалось франц. *fond*, оно переводилось на русский язык полонизмом (этимологически – германизмом) *грунт*. Французская лексема оказалась заимствованной в русский язык дважды: впервые как варваризм (английская реалья) в начале XVIII в. в экономическом значении в письме князя Б.И. Курагина: *А о нахождении **фонда**, с чего стерлингов аглинских сыскать, еще есть не малая трудность* (письмо Б.И. Куракина А.А. Матвееву. 01.12.1710 [24. Т. 4. С. 243]), восходящий к галлицизму *fond* в английском языке. Вторичное заимствование франц. *fond* произошло в первые десятилетия XIX в.¹: *Его [хозяина] седая голова на **фоне** богатых занавесей с розовыми фигурами – вся эта блистательная пышность и вид старости, которая уже, очевидно, у порога могилы, внезапно омрачили для меня всю картину...* (Никитенко. Дневник. 1828).

В 1840-е гг. *фон* используется не только в путевых заметках (что часто бывает признаком лексического заимствования), но и в расширительном, образном значении: *Мирозозерцание есть источник и основа литературы. Это **фон**, на котором рисуются ее картины, канва, по которой вышиваются её узоры* (В.Г. Белинский. Русская литература в 1840 году). Заимствование осуществлялось тремя графическими способами: иноязычным вкраплением (*fond*), транслитерацией (*фонд*), транскрипцией (*фон*), что вызывало разноречивое довольно длительное время:

***Fond** всему – слабый характер* (Герцен, Дневник 1843 г.); *Все эти разнобразные свойства и качества составляют либо **фонд** некоторых отдельных романов Сю, либо смешиваются между собой в одном и том же его произведении* (Денегри [Л. Мечников]. Евг. Сю) (обе цитаты по: [2. С. 128]).

Таким образом, в философско-литературном лексиконе 1840-х гг. появилось два термина для обозначения одного и того же понятия – калькированное семантическое значение в уже известном слове *грунт* (нем. *Grund, Hintergrund*) и заимствованный галлицизм *фон* (*fond*); ср. возможные прототипы – нем. *der Grund / der Hintergrund der Weltanschauung* ‘основа, фон, грунт мировоззрения’ и франц. *fond de littérature* ‘фон литературы’, *fond de narration* ‘фон повествования, рассказа’.

Появление галлицизма в русском языке в уже сложившейся семантической зоне, занятой лексемами *земля, поле, грунт*, вызвало неприятие и осуждение новой лексемы: *Недавно случилось мне прочесть где-то описание церковного облачения: «рытого малинового бархата по золотому фону с такими же воздухами». Помилуйте! Ризы употребляются у нас со введения христианства, около тысячи лет, описания их, самые подробные, встречаются во всех памятниках, с древнейших времен <...> в «Выходах царских» или в «Дворцовых*

¹ Ю.С. Сорокин несколько ошибочно относит появление слова *фон* в русском языке только к 1840-м гг. [2. С. 128].

разъездах» вы найдете эти описания на всякой странице, чистым русским языком, без иностранного слова! Если же так давно предки наши умели описать облачения, не прибегая ни к какому **фону**, но нам-то как не стыдно не только не уметь выдумать русского названия, да и не знать старого, простого, ясного? Нам-то как стыдно терзать русское ухо каким-то **фоном**, которого никакой русский человек понять не может? (М. П. Погодин. Смесь // Москвитянин. 1853. № 6. С. 65); Недавно издатель «Москвитянина» заметил чудную фразу: «парча по золотому фону». По-русски говорилось: «по золотой земле». Но все забыто, и язык составляет вновь! (N. N. // Москвитянин. 1853. № 11. С. 97) (все цит. по: [2. С. 128]).

Очевидно, что, во-первых, ссылки Погодина на «памятники древнейших времен» малоубедительны, поскольку указанные им тексты относятся к началу XVII в., когда и появились в русском языке кальки с польского *земля, поле*; во-вторых, аргументация к неуместности употребления заимствования *фон* касается только одного значения и тематики использования слов – сферы художественного украшения, раскраски ткани, живописного произведения; в-третьих, авторы цитат выступают против расширения новым заимствованием сложившегося синонимического ряда *земля, поле, грунт* с данным, художественно-ремесленным, значением и не учитывают дополнительные, абстрактные значения галлицизма *фон*¹.

Однако экспансию галлицизма *фон* в русском языке уже нельзя было остановить. На широкое употребление слова *фон* в 1850–1860-е гг. и его превращение в доминанту синонимического ряда указывают такие языковые примеры: *Земля, или фон, их покрыт синею муравою довольно густого цвета. По фону расположен узор в виде больших трав и цветов, покрытый поливою желтою, белою, коричневою и других цветов* [19. С. 42]. Отметим, что в данном случае старое слово *земля* толкуется через новое слово *фон*, которое далее употребляется в качестве основного (*по фону расположен*). Ср. аналогичный случай со словом *поле*: *Резьба была половинчатая на поле, или фоне, и сквозная, более или менее крупная и мелкая. Иногда фигуры, особо вырезанные, набирались и наклеивались на фоне* [29. С. 55].

О вытеснении из употребления слова *грунт* можно судить по изменению толкования слова *фон* в словаре А.Д. Михельсона: «Фон, *фр. fond* от лат. *fundus*, основание почвы. Грунт, общий цвет в вышиванье, картине, ткани и т. п.» [30. С. 658]. Через 10 лет из толкования исчезает слово *грунт*; *фон* – «общий цвет в картине, ткани и т. п.» [31. С. 522]. Употребление галлицизма *фон* в 1840–1850-х гг. в колоративном значении явно доминировало: *...но посмотришь на этих голых, длинноволосых людей, выделяющихся на фоне светлой зелени бананов, темных листьев кокосовых пальм и стройных арековых, и тотчас же переносишься воображением в Южную Америку* (А.Д. Салтыков.

¹ Такие упреки продолжались вплоть до конца XIX в. В небольшой книге автора «Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном языке» (СПб., 1890), подписавшегося Н. Г., в качестве неуместных в русском «неправильных галлицизмов» упомянуто (среди прочих) и слово *фон* [32. С. 21].

Письма из Индии. 1841); *Сестре ее прислали материйку: это такое очарование, которого просто нельзя выразить словами; вообразите себе: полосочки узенькие-узенькие, какие только может представить воображение человеческое, фон голубой и через полосу все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки...* (Н.В. Гоголь. Мертвые души. 1842); *Внутри одной из галерей, сзади портика, на потолке, есть картина, в которой на позолоченном фоне представлена битва четырех мавританских рыцарей с четырьмя кастильскими* (В.П. Боткин. Письма об Испании. 1847).

Предложно-падежная форма *на фоне*, употребляясь в колоративном значении, часто отражала калькированные французские глагольно-именные обороты: *выделяться на фоне* – *se démarquer sur le fond*, *казаться на фоне* – *apparaître sur le fond*, *оттеняться на фоне* – *ombre sur le fond*, *рисоваться на фоне* – *dessiner sur le fond*, *сверкать на фоне* – *briller sur le fond* и т.д.: *Яркая зелень банана резко оттенялась на фоне темно-зеленых фиговых и грушевых деревьев* (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада». 1855); *На фоне занавески резко обрисовывался ее профиль* (А.О. Осипович (Новодворский). Тетушка. 1880).

Таким образом, непосредственным источником предложно-падежной группы *на фоне* в русском языке следует признать франц. *sur un/le fond* в первичном колоративном значении.

3.2. Развитие релятивного значения в предложно-падежной группе *на фоне*

Появление нового значения в словоформе *на фоне* было связано, во-первых, с расширением значения существительного *фон*; во-вторых, с вовлечением в сочетаемостный потенциал предложно-падежной группы новой, неколоративной лексики. Действительно, уже в представленных выше цитатах в семантике словосочетаний заключена сема сопоставления двух визуальных изображений, фигур, цветовых гамм. В расширительном употреблении (уже не с колоративами) эта сопоставительно-выделительная сема сохранялась и служила основой развития грамматического значения релятивности в предложно-падежной группе *на фоне*¹. Ослабление связи с визуальным контекстом привело к постепенной трансформации выделительного значения в значение сравнения, противопоставления, контраста. Эти семантико-грамматические процессы стали активно протекать в русском языке начиная с 1860-х гг.: *Так некоторые впечатления почему-то делаются неизгладимыми и выделяются ярко на фоне памяти* (Н.И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача. 1879–1881); *Только два человека выделялись на фоне общей почтительности, размеренно мягких и*

¹ «[Л]юбая материя, и материя языка в том числе, никуда не исчезает и ниоткуда не появляется. Следовательно, и значение материи знаменательного слова в процессе его перехода в служебное тоже никуда не исчезает, оно лишь преобразуется в иное качество» [33. С. 65].

медленных **движений** и сдержанного **выражения** лиц... (А.И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. 1889).

Развитие сравнительно-сопоставительного значения на месте выделительного – важное условие для появления у словоформы *на фоне* релятивного значения, которое втягивало ее в круг служебной лексики.

К концу XIX – началу XX в. оборот «*на фоне* + существительное в Р. п.» приобрел контрастивное значение (значение противопоставления), которое производно от его исходного, выделительного значения; ср.: *выделиться* – ‘обособиться, отделиться от общего, целого’ [34. Т. 1. С. 252], *противопоставить* – ‘сравнить, сопоставить с кем-, чём-л., указав несходность, противоположность признаков одного и другого, дать рядом что-л. несходное, противоположное по каким-л. признакам’ [34. Т. 3. С. 534]. Выделение изображения на общем фоне включает в себя операцию отграничения, которая имеет перцептивный характер; применительно к картинам указание на фон часто содержит рационально-оценочный компонент резкого отделения, противопоставления изображения и фона: *...и повсюду всеобщее недовольство, рост оппозиционной партии, открытые возмущения рабочего народа, готовые перейти в затяжную революцию во имя социализма и свободы, и – на фоне всего этого – террористические акты...* (Б.В. Савинков (В. Ропшин). Воспоминания террориста. 1909).

Контрастивное значение словоформы сохраняется и сегодня: *Бурный роман королевича с великой американкой на фоне пуританизма первых лет революции воспринимался в московском обществе как скандал, что усугубилось довольно значительной разницей лет между молодым королевичем и босоножкой бальзаковского возраста* (В.П. Катаев. Алмазный мой венец. 1975–1977); *На фоне кризиса, который настиг некоторых ее соседей, Магадан выглядит островком спокойствия и благополучия* (А. Градов. «Медведи» залили партийный фундамент. 2003).

Предложное сочетание *на фоне* передает в этих случаях значение ‘в отличие от’, ‘в противоположность’, а предложения, включающие эти сочетания, обслуживают эпистемический (я думаю (считаю, полагаю и т.д.), что...), а не перцептивный модус.

3.3. Включение в поле обусловленности

Значение противопоставления, возникающее в данных контекстах, выступает как частный случай более общего грамматического значения обусловленности одной ситуации другой. Уже с начала XX в. в предложно-падежной форме *на фоне* начинает развиваться причинно-следственное значение, хотя фиксируется это значение очень редко и не вполне отчетливо: *На фоне общей социальной суматохи, общего сдвига русской жизни эти личные разрывы со всем тем, с чем срослись и сжились дети, были для них мучительнейшей операцией, против которой протестовала и боролась вся душа* (В.В. Зеньковский. Детская душа в наши дни. 1925); *У Виктора Гюго – на фоне бредовых грез и мучительных раздумий приго-*

воренного к смерти – сон ставится в непосредственное семантическое с ними соотношение, понимается как их субъективно-символическое разрешение (В.В. Виноградов. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. 1920–1929).

Сочетание «*на фоне* + существительное в Р. п.» вводит в предложение вторую пропозицию, которая вследствие формы выражения (предложно-падежная форма) занимает подчиненное положение, является вторичной. Подчиненность одной пропозиции другой начинает восприниматься как обусловленность одной ситуации другой. Между тем значение сопоставления и противопоставления выражается в составе однородного ряда, где все компоненты имеют одинаковое формальное выражение и равноправны.

Развитие подчиненности, обусловленности на основе исходного сравнительно-сопоставительного значения было вызвано не только различным формальным выражением двух пропозиций, но и исходным лексическим (колористическим) значением конструкции, в которой не просто происходит цветовое сопоставление задней части и главной фигуры (фигур) изображения, но и их неодинаковое акцентирование – описание задней части (фона) изображения, в отличие от главной фигуры, не находится в коммуникативном фокусе.

Наконец, две пропозиции в составе предложений с предложным выражением *на фоне* различаются не только способом оформления (одна из них выражена финитным глаголом, а другая – существительным в Р. п.) – они могут различаться и коммуникативным статусом: основной предикат относится к реме высказывания, тогда как отглагольное существительное – способ вторичной номинации ситуации, т.е. способ ее переноса в тему высказывания¹. Следствием этого является частотное употребление сочетания «*на фоне* + существительное в Р. п.» в абсолютном начале предложения; например: *На фоне его [Льва Гумилева] последних интервью по телевидению и в журналах эти простые, человеческие слова звучат для меня как просветление в затемненном сознании* (Эмма Герштейн. Лишняя любовь. 1985–2002); *На фоне фундаментальных перемен в международной среде, нарастания неуправляемости и самых разнообразных угроз нам необходим новый глобальный консенсус ответственных сил* (Владимир Путин. Оптимистичный пессимизм. 2014).

Коммуникативная функция, наряду с различным формальным выражением и остатками исходного лексического значения, также способствует созданию неравноправия между двумя пропозициями и развитию между ними отношений обусловленности на месте значения сопоставления и противопоставления.

Значение обусловленности, которое переводится предложным выражением *на фоне*, оказалось широко востребовано в публицистических текстах. Одной из возможных причин этого является отсутствие у этого предложного выражения стилистической окраски научного и делового

¹ Аналогичные наблюдения и выводы при анализе других предложно-падежных групп см. в работе [35].

стиля, с одной стороны, и диффузность, неопределенность значения обусловленности – с другой.

Можно констатировать, что в современном русском языке предложно-падежная форма *на фоне* имеет три значения, отражающих три разные хронологические стадии ее развития:

1) выделительное: *Ночная гроза на фоне звездного неба...* (Эксперт. 2014. № 11 (890));

2) сравнительно-противопоставительное (= *в отличие от, в противоречии с, не в пример*): *Рост стоимости бензина идет на фоне снижения котировок мирового рынка* (Известия. 2014.07.09);

3) причинно-следственное (= *в связи с, вследствие*): *Этот пакт был принят еще в конце 1990-х годов, но Еврокомиссия ужесточила контроль над его соблюдением в 2012 году на фоне европейского долгового кризиса* (РБК Дейли. 2014.07.01).

Выводы

1. Вхождение лексемы *фон* в состав русского языка произошло дважды: в начале XVIII в. как единичного варваризма, не имевшего продолжения и развития в языке, и в первой трети XIX в. К середине XIX в. происходит сложение синонимического ряда со значением обозначения общего цвета (картины, ткани, полотна) с участием ранних калек (XVII в.) из польского *поле, земля* и заимствованного в XVIII в. германизма *грунт*. К середине XIX в. слово *фон* становится доминантой синонимического ряда, постепенно оттесняя другие элементы.

2. Слово *фон* было заимствовано как в колоративном значении, семантически пересекаясь и накладываясь на семантику лексем *поле, земля, грунт*, так и в более абстрактном значении ‘общий план’. Калькирование глагольно-именных сочетаний из французского языка, включавших в свой состав предложно-падежную форму *на фоне* (первоначально в колоративном значении), к 1860-м гг. привело к расширению сочетаемости лексемы *фон* со словами-неколоративами. Внутриязыковой причиной послужило межстилевое перемещение выражения из профессионально-ограниченной сферы живописи, обозначения социально-статусной (геральдика), церковно-изобразительной терминологии в область развивающейся демократической публицистики 1860–1870-х гг. Этот семантико-стилистический процесс происходил как расширение семантической валентности словоформы *на фоне* для выражения более абстрактных логико-предметных отношений во внеязыковой действительности.

3. Развитие у предложно-падежной формы *на фоне* функциональных признаков предлога к концу XIX в. стало возможным благодаря ослаблению или даже утрате связи с визуальным (колоративным) контекстом и формированию контекстуального выделительного грамматического значения на основе исходного лексического. Сочетание *на фоне* + существительное в Р. п. стало обозначать ситуацию, в противопоставлении которой описывается действие, выраженное предикатом предложения; процесс грамматикализации выражения шел

рука об руку с изменением и углублением логико-семантической структуры пропозиции. Предложение приобрело полипропозитивный характер.

4. Значение контраста, противопоставления, передающееся предложным выражением *на фоне*, явилось результатом трансформации исходного выделительного значения. Причинно-следственное значение в аналоге предлога *на фоне* стало формироваться в начале XX в., но в первые десятилетия XXI в. обнаруживает очевидную усиливающуюся тенденцию к развитию более общего значения обусловленности. Таким образом, можно утверждать, что аналог предлога *на фоне* существует в русском языке в такой функции уже по крайней мере сто лет, однако эту квалификацию получил только на рубеже XXI в.

5. Развитие значения обусловленности характерно и для иноязычных аналогов предложно-падежной формы *на фоне*: *sur un fond* во французском языке, *en el ambiente* в испанском, *taustalla* в финском, *a háttérben* в венгерском, *mot bakgrund* в шведском, *vor dem Hintergrund* в немецком, *against the background* в английском. По-видимому, следует говорить о языковой грамматической модели, возникшей под воздействием некоторых доминирующих в электронно-медийной коммуникации языков при выражении грамматического значения обусловленности (the meaning of conditionality). Это явление фиксируется зарубежными исследователями в последние два десятилетия.

Литература

1. *Северная пчела*. 1850. № 243. 28 сент. С. 969–972.
2. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского языка в 30–90-е годы XIX в. М. ; Л. : Наука, 1965. 565 с.
3. Богданов С.И., Рыжова Ю.В. Русская служебная лексика: Сводные таблицы. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1997. 168 с.
4. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Предлог: большие проблемы маленькой части речи // Вестник РУДН. Сер.: Рус. и иностр. яз. и методика их преподавания. 2017. № 15 (3). С. 299–316.
5. *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
6. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа, 2000. 638, [1] с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 938, [3] с.
8. Ефремова Е.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. 2-е изд., испр. М. : Астрель; АСТ, 2004. 814, [1] с.
9. Бурцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М. : Русский язык-Медиа, 2005. 750, [2] с.
10. Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтакстических категорий. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1997. 197, [1] с.
11. Ли Жэньчжэ. Средства выражения сопоставительных отношений в простом предложении: отыменный релятив *на фоне* // Филологические науки. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал (Научный журнал). 2017. № 9 (75). С. 125–128.
12. Ли Жэньчжэ. Новообразования предложного типа в системе средств выражения сопоставительных отношений в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток : ДВФУ, 2019. 132 с.

13. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949–1965.
14. *Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным*. М., 1882. Ч. 1. XV с., 912 стб.
15. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / отв. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 1–. М. : Наука: Азбуковник, 1975–.
16. *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков* / под ред. О.С. Мжельской. Вып. 4. (Гагара – Гуца). СПб. : Наука, 2011. 310, [2] с.
17. *Słownik języka polskiego*. Wilno : wydany staraniem i kosztem Maurycego Orgelbranda, 1861. Т. 1–2.
18. *Словарь русского языка XVIII в.* / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 1–6. Л. : Наука, 1984–1991; Вып. 7–. СПб. : Наука, 1992–.
19. *Забелин И.Е.* Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России. СПб., 1853. [2], 101 с.
20. *Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук*. СПб., 1847. Т. 1–4.
21. *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д.Н. Ушаков. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Т. 1–4.
22. *Национальный корпус русского языка*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>
23. *Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом*. Ч. 1: А–Н. СПб., 1780. [4], 434 с.
24. *Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный собранием ученых людей*. Т. 1, ч. 1–2: От А до К. СПб., 1786. [8], 1–346, [2], 347–684 с.
25. *Яновский Н.М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... Ч. 1: От А до И. СПб., 1803. [8], IV с., 868 стб.
26. *Башицкий А.П.* Возобновление Зимнего дворца в Санктпетербурге. СПб. : Гуттенберг. тип., 1839. 136 с.
27. *Эртель В.А.* Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников В. Эртелем. СПб., 1841. Т. 1. [1], VIII, 572 с.
28. *Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый под ред. М. И. Семевского*. Кн. 1–10. СПб., 1890–1902.
29. *Древности Российскаго государства, изданныя по высочайшему повелению*. Отд. 1: Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовнаго. М., 1849. VIII, IV, XLIII, 174, [1] с.
30. *Михельсон А.Д.* Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865. [2], 718 с.
31. *Михельсон А.Д.* Объяснение всех иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М., 1876. 560, [2] с.
32. *Н. Г.* Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном языке. СПб., 1890. 23 с.
33. *Конюшкевич М.* О механизме опредложивания знаменательной лексики // Лінгвістичні студії: 36. наук. праць. Вип. 13 / под ред. А. Загнітко. Донецьк, 2005. С. 65–70.
34. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988.
35. *Конюшкевич М.* Функциональный потенциал полнзначных слов для образования предлогов // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння. Даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск, Беларусь, 9–14 кастрычніка 2006 г. Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. Мінск : Права і эканоміка, 2006. С. 115–121.

“What Does This *Fon* Mean?”: The History of Grammaticalization of the Prepositional Case Form *Na Fone*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 43–60. DOI: 10.17223/19986645/74/3

Aleksandr V. Zelenin, Tampere University (Tampere, Finland). E-mail: aleksandr.zelenin@tuni.fi

Dmitriy V. Rudnev, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation); Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: rudnevd@mail.ru

Keywords: auxiliary words, prepositional case form, transition to preposition, grammaticalization, derivative preposition.

The aim of the article is to comprehensively study the mutual influence of semantic, lexical, grammatical (primarily syntactic) factors that explain the genesis of a new analogue of a preposition in Russian *na fone* ‘against the background’. Various sources were used as material of research: fiction, dictionaries of Russian and foreign languages, modern mass media texts. Research methods are diachronic, component analysis, definitional, case study. When it appeared in Russian, the lexeme *fon* (from French *fond*) entered into a lexical-semantic interaction with other synonymous words of the coloristic meaning: *grunt* ‘soil’ (from German *Grund*), *zemlya* ‘land’ (calque from Polish *ziemia*), *pole* ‘field’ (calque from Polish *pole*). During the second half of the 19th century, the word *fon* displaced the words *grunt* and *pole* in the coloristic meaning, and pushed to the periphery the word *zemlya*, which left the language in the second half of the 20th century. The earliest cases of using the prepositional-case form of *na fone* ‘against the background’ were associated with the expression of coloristic (differentiating) meaning: the prepositional-case group calqued the verb-nominal constructions of the French language, including the combination *sur un fond (de)*. The expansion of the compatibility of the prepositional-case form *na fone* led to a gradual transformation of the differentiating meaning into the comparative one. The activation of the prepositional-case group *na fone* in the Russian language took place in the 1860s–1880s in the texts of the scientific and journalistic style. Comparative meaning became the basis on which since the beginning of the 20th century the meaning of conditionality began to form. In modern Russian, the meaning of conditionality is the leading one in the prepositional-case form *na fone*. At the end of the 19th – beginning of the 20th centuries the group *na fone* entered into active interaction with the actant and rheme-theme structure of the sentence. The expression *na fone* signals the theme by directing the addressee’s attention to the rheme of the phrase. The introduction of this group into a sentence deepens its logical-semantic perspective, makes the sentence polypropositive. The prevailing use of expression *na fone* in scientific and mass media texts in recent decades has found support in active interaction with foreign language sources and corresponding genres of texts, for example, *sur un fond (de)* in French, *vor dem Hintergrund* in German, *against the background* in English. It allows us to assert that the expression *na fone* is included in the repertoire of lexico-grammatical universals when expressing the grammatical meaning of conditionality.

References

1. *Severnaya pchela*. (1850) 243 (28 September). pp. 969–972.
2. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo yazyka v 30–90-e gody XIX v.* [The development of the vocabulary of the Russian language in the 1830s–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.
3. Bogdanov, S.I. & Ryzhova, Yu.V. (1997) *Russkaya sluzhebnyaya leksika: Svodnye tablitsy* [Russian functional vocabulary: Summarizing tables]. St. Petersburg: Izd-vo SPb.
4. Vinogradova, E.N. & Klobukova, L.P. (2017) Preposition: The Biggest Challenges of a Small Part of Speech. *Vestnik RUDN. Ser.: Rus. i inostr. yaz. i metodika ikh prepodavaniya – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. 15 (3). pp. 299–316. (In Russian).

5. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
6. Babaytseva, V.V. (2000) *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language]. Moscow: Drofa.
7. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and idioms]. 4th ed. Moscow: A TEMP.
8. Efremova, E.F. (2004) *Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Functional Parts of Speech of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Astrel'; AST.
9. Burtseva, V.V. (2005) *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of adverbs and functional words of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk-Media.
10. Evtyukhin, V.B. (1997) *Kategoriya obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke i voprosy teorii sintakticheskikh kategoriy* [The category of conditionality in the modern Russian language and issues of the theory of syntactic categories]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
11. Li Renzhe. (2017) Means to Express Comparative Relations in a Simple Sentence: Denominative Relative na fone "Against the Background". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (75). pp. 125–128. (In Russian).
12. Li Zhen'chzhe (2019) *Novoobrazovaniya predlozhnogo tipa v sisteme sredstv vyrazheniya sopostavitel'nykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke* [New formations of the prepositional type in the system of means of expressing comparative relations in modern Russian]. Philology Cand. Diss. Vladivostok: FEFU.
13. Chernyshev, V.I. (ed.) (1949–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Zabelin, I. (1882) *Dopolneniya k Dvortsovyim razryadam, po porucheniyu grafa Dmitriya Nikolaevicha Bludova sobrannyya iz knig i stolbtsov prezhdelyvshikh dvortsovykh prikazov arkhiva Oruzheynoy palaty Ivanom Zabelinyim* [Additions to the palace register books collected on behalf of Count Dmitry Nikolayevich Bludov from books and columns of former palace prikazes from the archive of the Armory Chamber by Ivan Zabelin]. Part 1. Moscow: Universitet. tip. (M. Katkov).
15. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975–present) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka; Azbukovnik.
16. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2011) *Slovar' obikhnodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka.
17. Orgelbrand, M. (1861) *Słownik języka polskiego*. T. 1–2. Wilno: wydany staraniem i kosztem Maurycego Orgelbranda.
18. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984–present) *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
19. Zabelin, I.E. (1853) *Istoricheskoe obozrenie finifyanogo i tseninnogo dela v Rossii* [Historical review of the enamel and glaze business in Russia]. St. Petersburg: tip. Ekspeditsii zagotovleniya gos. bumag.
20. Second Department of the Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlenyy Vtorym otdeleniem imperatorskoy Akademii nauk* [Dictionary of the Church Slavonic and Russian languages, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Vols 1–4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
21. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. Moscow: Gos. in-t "Sov. entsikl."; OGI; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.

22. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (In Russian).

23. Nordstet, I. (1780) *Rossiyskiy s nemetskim i frantsuzskim perevodami slovar', sochinenny nadvornym sovetnikom Ivanom Nordstetom* [Russian dictionary with German and French translations, composed by court councilor Ivan Nordstet]. Part 1. St. Petersburg: tip. I. K. Shnora.

24. Anon. (1786) *Polnoy frantsuzskoy i rossiyskoy leksikon, s poslednyago izdaniya leksikona Frantsuzskoy akademii na rossiyskoy yazyk perevedenny sobranie uchenykh lyudey* [A complete French and Russian lexicon, translated into Russian from the latest edition of the lexicon of the French Academy by a team of learned people]. Vol. 1 (1–2). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

25. Yanovskiy, N.M. (1803) *Novyy slovotolkovatel', raspolozhenny po alfavitu...* [A new explanatory dictionary, arranged alphabetically ...]. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

26. Bashutskiy, A.P. (1839) *Vozobnovlenie Zimnego dvortsa v Sanktpeterburge* [Restoration of the Winter Palace in St. Petersburg]. St. Petersburg: Guttenberg. tip.

27. Ertel', V.A. (1841) *Frantsuzsko-russkiy slovar', izvlecheny iz noveyshikh istochnikov V. Ertel'm* [French-Russian dictionary extracted from the latest sources by V. Ertel']. Vol. 1. St. Petersburg: tip. N. Grecha.

28. Semevskiy, M.I. (ed.) (1890–1902) *Arkhiv knyazya F.A. Kurakina* [Archive of Prince F.A. Kurakin]. Books 1–10. St. Petersburg: tip. V. S. Balasheva.

29. Solntsev, F. (1849) *Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva, izdannyya po vysochayshemu povelenyu. Otd. 1: Sv. ikony, kresty, utvar' khramovaya i oblachenie sana dukhovnago* [Antiquities of the Russian state, published by the highest command. Part 1: Holy icons, crosses, temple utensils and vestments of the dignity of the spiritual]. Moscow: tip. Aleksandra Semena.

30. Mikhel'son, A.D. (1865) *Ob'yasnenie 25 000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s oznacheniem ikh korney* [Explanation of 25 000 foreign words that have come into use in the Russian language, with an explanation of their roots]. Moscow: A. I. Manukhin.

31. Mikhel'son, A.D. (1876) *Ob'yasnenie vseh inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s ob'yasneniem ikh korney* [Explanation of all foreign words that have come into use in the Russian language, with an explanation of their roots]. Moscow: tip. Indrikh.

32. N.G. (1890) *Nepravil'nosti v sovremennom razgovornom, pis'mennom i knizhnom yazyke* [Irregularities in modern spoken, written, and bookish language]. St. Petersburg: tip. I.N. Skorokhodova.

33. Konyushkevich, M. (2005) O mekhanizme opredlozhivaniya znamenatel'noy leksiki [On the mechanism of notional vocabulary's transformation into prepositions]. In: Zagnitko, A. (ed.) *Lingvistichni studii* [Linguistic Studies]. Vol. 13. Donetsk: Donetsk National University. pp. 65–70.

34. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

35. Konyushkevich, M. (2006) [Functional potential of notional words for the formation of prepositions]. *Funktsyonal'nyye aspekty slovaïtvarenniya* [Functional aspects of word formation]. Proceedings of the International Conference. Minsk, Belarus. October 9–14, 2006. Minsk: Prava i ekonomika. pp. 115–121. (In Russian).

УДК 801.3: 800.87 (571.1)
DOI: 10.17223/19986645/74/4

Е.В. Иванцова

ПРАВИЛА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА СИБИРСКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО СЕЛА¹

Анализируются правила речевого поведения в повседневном бытовом общении диалектоносителей. Речевой кодекс реконструировался с опорой на дискурсивные практики диалектной языковой личности типичного представителя старожильческого села среднеобского региона. В системе речевых правил выявлены ядерные и периферийные зоны, определено их своеобразие с учетом результатов предшествующих исследований, установлена соотношенность элементов кодекса с базовыми ценностями традиционной народной культуры.

Ключевые слова: речевое поведение, нормы коммуникации, русские говоры Сибири, народно-речевая культура, языковой ландшафт, диалектная языковая личность

Речевая коммуникация и правила, регламентирующие речевое поведение носителей языка, начали привлекать внимание ученых в период формирования лингвистической прагматики в 60–70-е гг. XX в.

Отталкиваясь от идей логики и философии языка, Г.П. Грайс выдвинул принцип Кооперации, на который опираются участники диалога, и обозначил систему соотносимых с этим принципом постулатов количества (говори не больше и не меньше, чем требуется), качества (говори правду), отношения (не отклоняйся от темы) и способа (выражайся ясно, кратко, последовательно) [1. С. 213]. Хотя автор отмечает, что в коммуникации могут также соблюдаться этические, социальные, моральные постулаты, он рассматривает в качестве главенствующей цели общения передачу информации; развивают эту идею Д. Гордон и Дж. Лакофф [2]. Другие исследователи обратились к анализу этической стороны общения с учетом социолингвистических параметров взаимодействия коммуникантов. Р. Лакофф сформулировала Правила прагматической компетенции, выделив максимы «не навязывай свое мнение», «предоставляй адресату возможность выбрать» и «будь дружелюбен» [3]. Дж. Лич дополнил эти правила Принципом вежливости, который включает постулаты такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [4].

С развитием новых областей науки о языке – психолингвистики, генристики, неориторики, коммуникативистики, когнитивно-дискурсивного анализа – правила речевого поведения (далее также ПРП) начинают иссле-

¹ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

доваться и отечественными учеными ([5–12] и др.). Лингвисты формулируют общие принципы и более частные правила речевой коммуникации, реконструируя систему этих правил, именуемую также Кодексом речевого поведения. В качестве источников анализа используются художественная и публицистическая литература, пословицы и поговорки, значительно реже – фрагменты устной литературной речи. Заметим, что на данный момент конвенциональные ПРП в дискурсивной практике диалектоносителей системно не описаны, хотя отдельные наблюдения над ними встречаются при анализе лексики семантической группы «речь» и метязыкового сознания в местных говорах ([13–15] и др.).

В настоящей статье предпринята попытка описания этих правил, отраженных в речи В.П. Вершининой, 1909 г. рождения, коренной жительницы с. Вершинино Томской области. Вершинино – старожильческое село в 33 км от Томска, основанное, по архивным данным, в XVII в. одним из потомственных казаков, посланным в Сибирь для строительства острогов. На протяжении нескольких столетий вершининцы жили компактной общиной. Основную часть населения деревни составляли потомки ее основателей; по свидетельству старожилов, переселенцев принимали не часто и только после испытательного срока. Миграционные процессы усилились в период перестройки, однако и в наши дни часть семей носит фамилию Вершинины. Эти особенности поселения, в котором длительное время ограниченный коллектив существовал «при относительной хозяйственной, социальной, культурной самодостаточности» [16. С. 63], определили специфику высокой степени сохранности доминант традиционной сельской культуры речевого общения [16] в языковом ландшафте данного локуса. В широком смысле под языковым ландшафтом понимаются не только язык города в различных формах визуализации, но и разнообразие территориальных особенностей региона с акцентом на «особенностях территориальных диалектов в качестве архаических языковых проявлений» [17. С. 37–38].

ПРП диалектоносителей как компонент языкового ландшафта сибирского старожильческого села в соответствии с принципами лингвоперсоналогического анализа выявляются в фокусе диалектной языковой личности типичного представителя вершининского говора.

Источником работы послужил авторский архив магнитофонных записей спонтанной речи информанта, сформированный в течение 24 лет методом включения в языковое существование сибирского села. Такой способ сбора материала, предполагающий долговременное общение в неофициальной обстановке и установление доверительных отношений (см. подробнее [18]), позволяет фиксировать, по образному выражению Н.Д. Арутюновой, максимально близкую к естественной «речь, погруженную в жизнь».

Поскольку ПРП «относятся к сфере молчаливых соглашений между коммуникативно обязанными членами общества» [19. С. 24], встает проблема их выявления. Сущность этих правил обнаруживается в большинстве случаев на тех участках речевой коммуникации, где они нарушаются.

Т.В. Шмелева отмечает, что при осознании субъектом нарушений речевых правил в высказывании эксплицируются метасмыслы, «суть которых состоит или в объяснении мотивов отступления, или в извинениях по этому поводу» – они и позволяют выявлять обычно скрытые значения модуса [7. С. 73]. Ряд исследователей [5; 10–12] также привлекают для реконструкции речевого кодекса пословицы, извлекая из их толкований имплицитные смыслы поведенческих норм.

С учетом упомянутых методик из текстового архива была произведена выборка высказываний, фиксирующих рефлексии сибирской крестьянки в отношении речевого поведения, а также пословицы и поговорки из ее паремнологического фонда. При анализе метасмыслов рассматривались как явные, так и скрытые показания метаязыкового сознания говорящего в их разнообразных проявлениях – от развернутых суждений говорящего о языке до косвенных маркеров (интонация, эвфемизмы, формулы извинения, показатели неуверенности и др.) осмысления и оценки своей и чужой речи [20].

ПРП, реконструируемые из дискурсивной практики информанта, не имеют четкой структуры, иногда не поддаются однозначной интерпретации (в ряде случаев фрагменты живой речи синтезируют одновременно несколько правил), чаще вербализуются как антинормы, на основе которых исследователь должен составить представление о нормах. Все эти факторы осложняют решение поставленной задачи, позволяя очертить контуры речевого кодекса диалектоносителя лишь в первом приближении.

Выявленные правила кажутся весьма разнородными, однако все они прямо или косвенно соотносятся с базовыми ценностями традиционной народной культуры.

1. Центральное место в системе ПРП диалектной языковой личности занимают предписания, ориентированные на **нравственные общечеловеческие ценности**, поддерживаемые традициями крестьянского мира: это дружелюбие, уважительное отношение к людям, честность, порядочность и др. Речевые правила в нашем материале проецируются как на этические, так и на этикетные нормы. Хотя эти понятия не тождественны, «в современных исследованиях преобладает тенденция к сближению этикета с вежливостью и нравственностью» [21. С. 7]. Их тесные связи (и этика, и этикет регулируют жизнедеятельность людей, устанавливая правила поведения; этикет является внешним проявлением этики применительно к конкретным ситуациям) дают основание объединить описание правил соблюдения речевого этикета и отраженных в речи моральных норм.

Одним из основополагающих принципов коммуникации является уважительное общение, тесно связанное с категорией вежливости. В дискурсе В.П. Вершининой рефлексированы разнообразные составляющие вежливости: использование этикетных формул, употребление антропонимов и апеллятивов, особенности произношения, следование принципам доброжелательности, тактичности и скромности. Охарактеризуем ПРП в этой области.

Используя выражения, которые принято произносить в разных ситуациях как знак вежливости. Формулы речевого этикета в ситуациях

установления и завершения контакта, извинения, благодарности и др. часто являются объектом языковой рефлексии информанта. Обычно его внимание привлекает отсутствие этикетных выражений в тех случаях, когда они должны использоваться: *Дак наза́втра идёт [сосед, накануне в не-
трезвом виде угрожавший В.П.], смеётся, даже не сказал, что «Тётя Ве-
ра, прости меня», ли «извини» ли; Они пришли, Марина да Юра, по деньги
пришли. Я говорю: «А у меня нету, мало осталось». Кто ё́ знает, кода' да-
дут? Ну они как вроде, Юра так тут сидел – даже «до свидания» не ска-
зал, встал и пошёл; Ни «спасибо», ни насери'д, говорю. Пихнул [деньги,
которые брал займы] и пошёл. Жалко, трезвому-то отдавать; И от она
придёт, я ей чё-нибудь дам [еды] – она никогда' не говорит [в благодар-
ность] ни «царьство небе'сно», ничё, [в]станет и пойдёт. <...> Ну она
ненорма'льна. Больна'. Соблюдение нормы как признак вежливости отме-
чается реже, но всегда с одобрением: *А они так ве'жливы, хоро'ши. Всегда
здороваются; «Иди, – говорю, – чай пить пойдём, иди чай пить!» – «Нет,
не хочу, не хочу. Спасибо, спасибо, уж извините, извините...» – так-то
она ве'жлива.**

Крестьянка свидетельствует также, что многие этикетные благопожелания, принятые в прошлом, на рубеже XX–XXI вв. вышли из активного употребления, сожалея об их архаизации: *Захо'дют, чё-нибудь делают ли-
бо чё, ли в огороде чё-нибудь делают – [говорили] «помогай вам Бог!».
[А если хозяйка корову доит?] «Море под корьмилицей». <...>
А стря'пашь... стря'пашь кода', приходят: «Спорина' тебе в тесто!»
Спорина' тебе тесто... чтобы спо'ро было, чтобы много было. <...>
Стирали-то – говорят. «Беле'нько тебе в корыто... в корыте». Чтобы
бе'ло было бельё. <...> И всё ра'неишо это. Теперь и ничё не скажут. Кто
скажет? Раньше, правда, негра'мотны были, а у'мны люди, всё равно.*

Выбирай вежливые формы именования людей. Метаязыковой рефлексии активно подвергаются антропонимы. Одобрительно оценивается уважительное обращение к старшим по имени-отчеству (*Я говорю: «Ты садила, Шура, каку' мелочь-то?» – «Нет, Вера Прокофьевна, но'нче не садила» – навели'чивает меня*), ласкательные формы имен, обращенные к детям (*У ей же [соседки] много внучат-то. Восемь штук у ей. <...> Никак не назовёт [грубо], всё «Наташа, Оля... Женечка всё там, Сашенька да Олечка да...»*). В метатекстах отражаются и комментарии диалектоносителя, в которых негативную оценку получают имена с суффиксом -к(а) в адрес взрослых, пейоративные имена и прозвища: *Я говорю: «Пошто' так зовёшь-то его? "Мишка", ему уж шеися'т... под се'мисят лет, я говорю, ты его "Мишка"»; Свекровь-то мою – Федосьюшкой¹ называю её! Худо-го-то она мне ничё не делала, а из-за Степана [ушедшего из семьи] так зову; Я её зову «Нина Васильевна». Ну не буду я звать «Лабужиха», как люди. Мне неудобно.* Комментируются также как отклонения от нормы вежливо-

¹ В вершининском говоре имена с суффиксом -ушк- имеют уничижительную коннотацию.

сти пренебрежительные апеллятивы, используемые при назывании человека: *Тане'рь всё ба'бкими зовут: «Бабке передай».* *Лекса'ндр Иваныч всё говорил: «Бабка у коро'ви»;* *Старушонка-то не приехала? – я-то её старушонкой зову!*

Контролирую употребление сниженных слов. Сниженные слова и выражения (в состав которых входят обсценизмы, бранные необсценные единицы, скатологизмы и злопожелания) не исключаются полностью из лексикона диалектоносителя, но их использование контролируется с учетом ряда факторов. Как нарушение ПРП чаще всего оценивается вербализация бранных лексем и фразеологизмов в присутствии коммуниканта – «в глаза»: *Я говорю ей [сварливой соседке]: «Ты колючка!» В глаза говорю. «Прям, колючка, ка'жного человека ука'лываешь»;* *Ленка пришла, у их был день рожденья, она пришла ко мне. Это, как его, мулинэ'з, ли как ли называют. Взяла баночку. <...> А потом лежу – идут по скамейку. <...> Идут по стопки. Идут по тарелки. И – то всё брали, то то', то друго', всё брали... <...> Лена приходит: «Баб! Соли мне дай». Я говорю: «Ну-у, ядри'т твою мать! У вас и соли нету?» <...> В глаза ей сказала.*

Чем больше дистанция между участниками общения, тем строже отбор сниженных средств. Нарушения этого правила (обычно при общении с образованными горожанами) сопровождаются извинением говорящего: *А Физа сразу: «У нас [в]он Алёнка, дак всё де'лат [по дому в городе]». <...> Я говорю: «А каку' жопу там делать?» – прости ты бог! взяла да так сказала; Я говорю: «Гутя, чижело' тебе приташишь' битончик мне ягодки? Купила бы там, в городе». <...> А [она] свою набрала. Говна' набрала, приташишла мне, извините меня) или признанием неудачного выбора языковой единицы (*Надо было побольше дать [картошки городскому знакомому], да я два [ведра] дала. А он гыт это: «Тебе деньги отдам?» <...> Я говорю: «Ты чё, с ума сошёл?» – на его так. Как-то неудобно получилось у меня тоже. Сказанула).**

Говори доброжелательно. Звуковые особенности вежливого контакта отражаются говорящим обычно через имитирование этикетных просодических признаков: доброжелательного тона, умеренной громкости голоса и демонстрации психологической готовности к общению. Оценочное высказывание крестьянки с подражанием чужой речи иллюстрирует следование такой норме в одном случае и ее нарушение в другом при сходных ситуациях: *Я говорю: «Можно?» – «Можно». Я зашла. Он [мальчик] говорит [передает приветливую, доброжелательную интонацию]: «К бабушке?» Я говорю: «Ага». – «Она, гыт, утром ешо убежала, и всё-то ешо нет!» <...> А мне пондра'вилось, я говорю: не Лексе'я Константи'нычевы [внуки], те бы сказали, как от раньше они ма'леньки были, я помню [изображая, говорит сердито, отрывисто]: «Чё! Нету ма'ми дома, бабушки нету!» – сказали бы. А этот прям тако-ой [приветливый], я говорю, в Гошину породу-то, в эту.*

Как несоблюдение нормы, наряду с недружелюбностью и отрывистостью произношения, расцениваются повышение тона в сочетании с инто-

нациями недовольства, раздражения, язвительности: *Валя сама грубова'та, я посмотрю на её, дак она тоже... сидит да чё-нибудь рявкнет. Груба' всё равно она; Вот вишь кака', так сидит, подку'сывает, подку'сывает [изображает]: «Чё и не было, тапе'рь говорят, чё и не было!»; Я говорю: «Ты чё нава'дился на меня реветь-то таку' беду? – говорю. – Это дома орёшь, дак я говорю, и тут на меня так же, а я тебе чё?»; А я говорю: «А Коля-то де?» А она так взъелась на меня: «О'споди, а я почём знаю? Он не был тут-ка!» <...> А я говорю: «А ты чё? Я тебя чё, обругала ли чё ли, чё ты на меня взъелась?» А она так потише, потише стала.*

Не говори о том, что может задеть чувства собеседника. Вежливость подразумевает также выстраивание деликатного, тактичного общения. Эти нормы «характеризуют обращение субъекта с другими людьми, указывая на то, что субъект избегает делать то, что могло бы вызвать у партнера неприятные чувства»; он ведет себя так, «чтобы партнер не начал испытывать по вине субъекта отрицательных эмоций – обиды, смущения или неловкости» [22].

С учетом бережного отношения к чувствам коммуниканта речевое правило предполагает молчаливое сопереживание при сознательном умолчании говорящего о каких-либо жизненных проблемах, касающихся личной сферы собеседника. Так, крестьянка при общении с близким родственником, у которого неудачно сложилась семейная жизнь, никогда не затрагивает эту тему: *А я, вот он так живёт, плохо, а я никогда-а ему ничё не говорю [об этом].*

При упоминании информантом *вслух* негативных склонностей собеседника или его родственников озвучивается смягчающая нарушение правила просьба не обижаться: *Не-ет, она [односельчанка] упива'т, она только так, не пьёт, как попало, что вот... ну, как например, ты – вслух скажу я, не обижайся. Ты кода' ду'маешь, тогда' и вы'пнешь. А она не пьёт так. А вот за конпа'нию она пьёт-от!; А я думаю: о'споди, пошто' [калитка открыта]? <...> А потом Ольга приходит, я говорю: «У тебя мамочка вчара' не упива'ла?» Говорю: «Ты не обидься, Оля! <...> Я говорю: «Поди, по вино приходила ко мне, это я так думаю».*

На соблюдение норм деликатного речевого поведения часто указывает маркер *неудобно*: *Конфеты привозили... Ну я не хожу [в магазин] – кого возьму? [А вы бы попросили соуработника.] Неудобно как-то, стеснять её; Направили холодильник Татьяне Васильевне. Она принесёт тоже всё [продукты в холодильник В.П.] – а у меня прям совершенно некуда! И сказать неудобно...; Как-то неудобно её спрашивать [о сыне, сидящем в тюрьме], она всё таит. Осознание языковой личностью того, что ее речевое действие – просьба, отказ, вопрос и т.п. – может вызвать негативную реакцию адресата, блокирует предполагаемое высказывание.*

Скромность как качество человека, «не ставящего личность свою наперед» [23. С. 210], интересующегося людьми, уважающего их и при этом не акцентирующего внимания на себе, диктует в процессе выстраивания коммуникативных отношений с партнером следование правилам паритетного ведения диалога или полилога.

Не говори слишком много о себе. Нарушением правила равного вклада коммуникантов в диалогическое общение является речевое поведение того, кто слишком много говорит о собственной персоне, выставляя себя в лучшем свете: *Аксинья наша говорит: «Хоро'ша Гутя хозяйка, хоро'ша хозяйка!» <...> А Валя-то [изображает]: «А я чё, не хозяйка? А я чё, не хозяйка? Меня не похвалишь? А Гутя кака' хозяйка? Как Иван Васильич [муж Гуте] по'мер, так и коров продала, и... никого, ни овечку, ни телёнка, ни ягнёнка, никого доржа'ть не стала! Хоро'ша хозяйка? Сено не косит ничё! А я? Идино'ка женишына, одино'ка! Мне столько-то лет. И я всё делаю. Гутя с 28-го, а я с 38-го хоть года, дак я всё, женишына, да вот всё работаю да, всё у меня, всё через мои руки идёт, да сено ставлю, да овечек держу да... Всё, всё делаю <...>. Вот я так работаю-работаю», – всё себя подставля'т, – работаю так», ага. Злоупотребление местоимением я отражает и поговорка Я да я – бе'ла свинья: «Я купила». Так она пошто' я'кат-то? «Я да я» – бе'ла свинья.*

Не перебивай говорящего. Как ненормативное речевое поведение воспринимается стремление участника общения захватить инициативу в разговоре, не дослушивая других: *Она приходит [на именины без приглашения]. Ну горя мало, не объела бы, ну чё, пусь, посидела... То'ко чё не ндра'вится: кто чё заговорит – она тут и есь: всех перебива'т всё. «Вот! Вот...»; Не даёт никому слова сказать <...> всех перебива'т, всё одно и то же, всё, всё!; Н.Н. Щас он там у нас, в этом, ну, у меня на покосе... В.П. Ну, ты дай им [гостям] сказать-то, пошто' перебива'шь-то? Я не люблю, кода' перебивают.*

При необходимости вмешательства в речевую деятельность присутствующего (даже письменную) информант предупреждает его о нарушении нормы: *Катя! Я перебую тебя, там ты пишешь... А у тебя нету нигде там блату, в поши'вошной, нигде, ничё? Нету? Передают, там платья лёгки шьют...*

Не спорь с говорящим, настаивая на своем. Нарушение данного правила отражается в пословице *Дарья-дыра, тут и была*. Паремия осуждает того, кто вмешивается в разговор, настаивая на своей точке зрения как единственно верной.

Следуй общей теме разговора. В диалоге важно следование общей тематике беседы. Собеседник должен поддерживать начатую партнером тему, внося в нее посильный вклад: *В.П. Этот был у меня... М.А. [диалектологу:] Говорят, ши-ибко надо верить. Там [в книге про магию] не написано, ничё? А это, а там де-то надписано есть что... В.П. Ты про своё, я про своё! М.А. Ну ладно, не буду. В.П. Зоя была Рожкова у меня.*

Вариантом отклонения от этого правила можно считать постоянный переход одного из коммуникантов на тему, интересующую только его. Эту ситуацию вербализуют известные пословицы: *В.П. А у А'нне [сестры М.Л.] зажила грудь-то? Я всё про своё, вишивый всё про баню. Так и я. М.Л. Ну она тоже какой раз отдаёт, а...; В.П. А у меня от здесь от больно, и под мышкой, и суды'; Но-оет [нога], но-оет... Всё жалуюсь! Не могу тер-*

петь. Правда: у кого чё болит, тот про то и говорит. Думаю: никому не буду говорить. Чё, легче мне будет?

Несколько особняком в системе ПРП, связанных с этикетом, стоит представление диалектоносителя о нормативном поведении хозяина в присутствии гостя.

Ради разговора с гостем откладывай все дела. В традиционной народной культуре гость занимает важное место; в древности он рассматривается как «лицо, соединяющее сферы «своего» и «чужого», объект сакрализации и почитания, представитель «иногo» мира» [24. С. 531]. Принятие гостя представляет собой ритуал, включающий обмен приветствиями, расспросы, потчевание и другие компоненты. Особо ритуализированным является общение со зваными гостями по торжественным поводам, однако в повседневной практике жителей сибирского села Вершинино основные его элементы в упрощенном виде соблюдались, по нашим наблюдениям, и при бытовых контактах односельчан. Вежливый прием гостей, по мнению информанта, предполагает максимальное внимание пришедшему с полным отказом от дел, которыми была занята хозяйка: *В.П. [пришла навестить подругу; та во время разговора почиает носки. Через некоторое время гостя говорит]: Ну пойдём, Катерина Вадимовна. Хозяйка гостям не рада. А я вот не люблю – кума, не обижайся на меня... Хоть обижайся, горя мало. У меня кто зайдёт – хоть я пряду либо чё, я сразу бросаю. Не люблю я. Чё... Чё, ты бы не починила бы? Поговорила бы, посидела, да и всё. М.А. Ну ладно [откладывает починку]. Не торопи'тесь.* Реализация правила подразумевает выбор между повседневной домашней работой и разговором с гостем в пользу общения как одной из ценностей народной культуры.

Ряд ПРП соотносится с категорией правдивости.

Г.П. Грайс в состав соотносимых с передачей информации постулатов включает максимум «не говори того, что считаешь ложным» [1]. Хотя понятие «правда» включает сему «информация», в русской культуре оно относится к ключевым концептам, связанным с нормами этики. В речевом кодексе диалектной языковой личности правдивость занимает важное место.

Говори правду. Лживость как нарушение нормы речевого поведения находит отражение в употребляемых информантом пословицах: *Да мужик-то не ши'бко самостоятельный, врёт. Скажет, где огонь, а там вода; В.П. Да она и наврёт, дак недорого возьмёт. Ей чё. А.П. «Какой-то, говорит, топором меня ударил по голове». В.П. Ага. [иронически:] И ты бы жила!*

Отражено в паремиях также неодобрительное отношение к таким разновидностям лжи, как похвальба тем, что обычно не соответствует действительности, и лицемерие.

Не преувеличивай своих мнимых достоинств, достатка. Недостоверность сообщаемых говорящим сведений часто связана с хвастовством. Как нарушение ПРП расценивается преувеличение заслуг – обычно мнимых (*В.П. Ишь, от у Аникиных был – зачем туды' потти' тебе?! Пожи-*

лому мушнына. А.М. Тётя Вера! Ну как я не зайду? Они там все молодёжь. <...> А я их... я их всех сборол. Ей-богу! Не веришь? <...> В.П. Не похвастовать, да не пожить!) либо достатка (Хвастливый, человек – нету [у него ничего], а он всё равно скажет, как вчара' Валя эта была. «Насолила [огурцы]». Да у ей ни черта' нету! Она прям... Только чё купит, дак пожру'т. Ничё нету. А вишь, как хва'стоват. Всё у ей много, и всё хоро'ше. Хвастливый с богатым в ряд).

Не одобряется в поговорке сам с усам похвальба мнимой самостоятельностью: *И не по'лоны [картошки], и не подбиты, так и трава, и всё. Море морем, ничё не будет. Я говорю: «Ты найми», говорю – я-то говорю. – «Я сам выполю!» Ага, и «сам», [иронически] вот тебе сам с усам!*

Если информант говорит о себе, упоминая какие-то положительные качества, им используется маркер *не хва'стоваю*, подчеркивающий правдивость высказывания: *Зубы хоро-оши были, густы', да бе'лы, не чистила никогда', а хоро'ши были, не хва'стоваю. Густя'шны, всё завидовали.*

Выражай свои чувства искренне, без притворства. В пословицах с иронией и неодобрением представлены проявления лицемерия: несоответствие слов человека его предпочтениям (*Противна нишшему гривна! [Это вы про Гену?] Да. Гена [сказал]: «Бутылка проти'вна». Любит упива'ть тоже!)* и показная доброжелательность собеседника, с которой не соотносятся его поступки (*Соседка хвалит хозяйку гостям в её присутствии:] А.Н. Она хоро'ша. Я никогда' её не ругаю. <...> В.П. [иронически] А за глаза костят, а в глаза лестя'т; Таня – пошла собирать это, деньги за коров. Я думаю: счас уж она обязательно мне дас [денег в долг]. <...> Да она сама подошла: «Тётя Вера, тётя Вера», так прям, ну – куды' там!.. Я думаю: ну, я'звы тебя, мягко стелешь, зёско спать будет. А я говорю это: «Таня, у тебя деньги есь? Дай мне сот пять, денег». – «Ой, тётя Вера, дала б, с удовольствием дала бы – нет»).*

Будь откровенен с близкими. В некоторых публикациях список ПРП включает предписание «не будь излишне откровенен» [7, 11], однако в нашем материале это правило имеет несколько иные акценты.

Откровенность речевого поведения тесно связана с правдивостью. По мнению диалектной языковой личности, общение предполагает возможность делиться с окружающими особенностями своего быта, отношений в семье и т.д. – в том числе и тогда, когда в этих сферах проявляются какие-то отклонения от стандартной нормы. Открытость такой информации для родни и подруг-односельчанок оценивается крестьянкой положительно как знак доверия близкому окружению: *Ну Володя тоже вот говорит... <...> ну, он про столо'ву говорит, он откровенный так. «Я, говорит, в столовой, зыт, питаюсь».* Питание женатого племянника в столовой не соответствует представлениям диалектоносительницы о традиционном семейном укладе, но о его речевом поведении она рассказывает с одобрительной интонацией. В разговорах с собирателем, воспринимаемым в качестве близкого человека, В.П. тоже делится подробностями собственной жизни. Признание в том, о чем обычно не совсем удобно, не принято говорить, марки-

руется фразеологизмом *чѣ/что греха таить*: *Да что греха таить, он кода' придѣт – бражонка-то была. Я возьму да из-под стола-то вытаишу – там как полочка, ему налью в кружечку; Ну, я в баню сходила – чѣ греха таить? Штанишек бы'ино четверо [нужно постирать], в баню сходила, – рубашонка, платышко, кофтѣнка, наволочку, простыни'шку сняла. <...> Замочила вечером. Заметим, что близкий круг общения в старожильческом селе значительно шире, чем в городском сообществе, за счет поддерживания связей с многочисленными кровными и некровными родственниками и активных контактов соседей на территории небольшого поселения.*

Противоположную оценку получает скрытность, утаивание каких-либо неприятностей от лиц из постоянного круга общения: [*Коля болеет?*] *Горло зажгло. У его ши'бко ноги болели. И щас болят у него. А он же такой скрытый – ой! Ничѣ не говорит; А Гутя говорит: «А Нина давно не живѣт» [с мужем]. <...> А но'нче, гыт, он запился, ит вина, гыт, с Вовкой [сыном Гутя] вместе в больнице лежали, лечился, гыт, там». Надо же... А она [мать Нины] даже виду не подала!; Я говорю: кака' же Таня скры'та-то! Я говорю: ну чѣ, ходит, прямо как свои же тут, всё равно – у меня [в]он и Гутя, и все, как мы свои все... Я говорю: ходим всё [друг к другу]... <...> Я говорю: Таня таит, что Агне'я-то... А'га что там [у себя] не живѣт.*

Рассматривая ментальные различия жителей городского и сельского социума, психологи и социологи отмечают, что социальное уединение и недоверие горожан противопоставляются открытости и доверию сельчан в традиционной культуре [25].

Выполняй то, что обещал. Как с правдивостью, так и с обманом может быть связано данное человеком обещание. В ряде паремий из пословичного фонда исследуемой языковой личности отражен значимый для нее принцип выполнения договоренности, соответствия слова и дела (*Я говорю: «Вот тебе разобрал печку – десять рублей, как [договаривались] – договор дорожке денег; А я это, режу [дрова], он: «Да не режь да не майся, тѣтя Вера, не майся! Не майся! Я от за'втре не приду, а послеза'втре приду» – правда, как словом, так и делом. Пришѣл, «и Галя, гыт, придѣт». И все мне их изрезал) и осуждение не выполняющих обещанного (*[Пообещали выделить льготнику автомобиль.] А ему фигу догнали да ешо дали. Никаких там льготных, никого; Сули'ха Недава'ся родна' сестра. Посулила – не дала. <...> Вот раньше Катерина Владимирова была – ну чѣ бы еѣ ни спроси, она обязательно не откажет. Ну хоть чѣ так посулит и не дас. Ну я уж не надеялась на неѣ никогда' больше).**

Сначала подумай о последствиях, потом говори. В ПРП обозначена соотнесенность слова не только с последующим делом, но и с предшествующей ему мыслью. Необдуманность речевых действий чревата негативными последствиями. Так, бездоказательное, нелепое обвинение может вызвать обиду адресата: *Аксинья мылась, мылась у меня в бане зимой, а потом и говорит: «Ты знаешь чѣ, дорога' товарка, я у тебя в бане заразилась. Сыть изде'лалась». Беда прямо с еѣ. Чѣ на уме, то и на языке. Из-*

лишнее откровенное сообщение в присутствии посторонних способно принести вред самому говорящему: *И вот, мы куда' поехали [в гости в другое село] <...> он [вор], мо'жетъ, и выжидал... <...> Я говорю: «Гуля-ать поехали, на Усть-Сосновку!» А мне только бы сказать «проводить поехала» ли чё ли, надо... простота хуже воровства! Это-то уж у меня есь – болтану'ть... Ага. А он, наверно, вылил воду [из бачка в огороде] да и утаишыл кому про'дал.* В последней из описанных информантом ситуаций видна соотнесенность с правилом откровенности: предписание открытости с близкими дополняется ее ограничением для посторонних, неблагонадежных людей.

2. Г.Р. Власян отмечает, что вежливость речевой коммуникации как особая коммуникативная стратегия способствует предотвращению конфликтных ситуаций [26]. Многие ПРП, соотносимые с категорией вежливости, действительно могут способствовать устранению конфронтации сторон. Однако в речи информанта есть не связанные напрямую с вежливостью правила, направленные на погашение уже начавшихся конфликтов или их ликвидации на предконфликтной стадии. Они связаны с такой ценностью, как **бесконфликтность сосуществования**, особенно значимой для сельского социума с частыми личными контактами жителей небольших деревень.

В ответ на нападки молчи. Эта рекомендация неоднократно фиксировалась и в спонтанной диалогической речи крестьянки (М.Л. *Вот, Ве'ронька, и ши'бко не поладили [с сестрой]. В.П. Разругались? М.Л. Ой, Вера! Ши'бко. В.П. Ну, а ты бы молчала; [Невестка жалуется на свекровь:] «Дак она на меня напада'т, напада'т всё время». Я говорю: «Ну, уж ты склоняйся как-нибудь, молчи да всё...»), и в упоминаемой ею пословице *Ти'хо молчанье – короткий ответ.**

Еще одно правило бесконфликтного речевого поведения подразумевает сохранение конфиденциальности сообщаемых фактов и оценок негативно-го характера.

Не передавай другим нечто плохое об общих знакомых, не называй источник такой информации. Прежде всего это правило проявляется в речи индивида, высказывающего собеседнику отрицательную информацию о человеке или людях, которые известны им обоим. Как правило, в доверительном разговоре он предостерегает при этом слушающего о нежелательности передачи таких сведений другим, используя клише *не в обсу'д / осу'д, не в перенос* и *между нами*: *Я вот это, думаю – правда, так уж, не в обсу'д, не в перенос, а... я-то прямо всё думаю: как это полу-ча'тся-то так? Ира жили с Володей – двое детей, квартирка была двух-ко'мнатка <...> Ну и вот, они разошлись. <...> Им же счас трёхко'мнат-ну дали! Дак это де от, правда, справедливось? Де правда-то она? И вот мне-то не жалко, там не быть, и бог с имя, а... дак а кото'ры-то стра-дают, как с детьми, му'чутся-то как, живут-то, без квартир-то!; Наши [о родственнике] тоже где-то подпил, гыт, пришёл. Они же овечек про'дали. Ну, Физа, так уж, горя мало – не в перенос, конешино. Она*

[жена] бы купила ему, дала на бутылку, он бы и успокоился; Этот пил – с ума сошёл. <...> Здесь, Татьяна Лексе'вна сказывала [о ссоре суженого]. Прямо, гыт, это, говорит: [муж] руга'тся... ну не сообража'т тоже: «Я тебе не подпишу! Я любовнице дом подпишу!» Она [жена]: «Не зду'май подписывать!» – Валя-то тоже. Ой-ой, она прям тоже, как чёкнута. Между нами, конечно.

В случае, если говорящий считает необходимым предать огласке отрицательные факты, он также может обратиться с просьбой не упоминать его имя третьим лицам. Передающий эти сведения далее, в свою очередь, не называет их первоисточника: *А мне пришла Таня Сивохина: «Чё, Леночка ваша вза'муж идёт? А мне её жалко, – говорит. – Он такой пьянчужка!»* <...> Таня гыт: «На меня не говори. Сказать скажи гыт, мне её жалко, говорит, а он... у его таки' гыт есь заскоки, запои, гыт – не дай бог!». <...> *Ну так поговорила, а я взяла да ей [матери девушки] сказала. Она: «Кто тебе говорил, кто тебе говорил?» Я говорю: «Я забыла, не знаю, кто».* Последний контекст показывает, что при выяснении матерью невесты источника данных о пьющем женихе В.П. сознательно нарушает норму правдивости ради предотвращения конфликта родственников и ее подруги-односельчанки.

3. Особое место в системе ПРП занимают речевые правила, связанные с **верованиями традиционной народной культуры** как одной из ее ценностей. Хотя исследуемая нами языковая личность выросла в семье верующих родителей, в зрелом возрасте следование многим религиозным обычаям сочеталось у нее с сомнением в существовании загробной жизни и скептическим отношением к суевериям. Тем не менее ряд суеверных представлений «наивной религии» зафиксирован в речевых правилах информанта: они сохраняются как дань передававшейся из поколения в поколение традиции, отражая описанную Л.Г. Гынгазовой укорененность коллективного религиозного знания в языковых формах [27].

В запретах и рекомендациях, соотносимых с этими правилами, тесно переплетаются христианские и языческие верования. Прежде всего они касаются умерших.

Нельзя говорить плохое об умерших. Это ПРП относится не только к славянам: оно существует в традициях и верованиях многих народов, у которых существовал культ предков с почитанием душ умерших. В христианстве злословие – большой грех: только Бог вправе судить о поступках ушедшего из жизни. Считается, что на протяжении сорока дней после смерти душа может посещать землю; если о человеке говорят плохо, она не сможет попасть в рай [28].

Комментарии относительно этого запрета отмечены в речи крестьянки только в случаях нарушения нормы. Сказав что-либо негативное о покойном, обвинив в чем-то или употребив в его адрес бранное слово, говорящий осознает свое прегрешение и использует формулы извинения, обращенные к Богу: *Пошто' он ей писал-то? Чёрт его знает, не знаю, прости ты меня Господи, грешницу: мёртвого обозвала; Он [отец] же у нас сер-*

дитый был. *А это... царство небесное, грех, поди, говорить, а я так говорю на него; А он же пил. Мо'жеть, и он [украл]. Не знаю. Конечно, грех на его говорить на мёртвого. Мо'жеть, и не он; В тридцать девятом году мы горели, всё [сгорел дом]. Дак вот Степана-то кода' ругаю (а так говорят, грех мёртвых ругать-то), он... пойду там плачу, он подойдёт уговариват, уговорит меня, чё-то... мы вдвоём пережили всё. В аналогичных ситуациях используется также выражение *не тем помянуть*, подразумевающее, что этическая норма требует вспоминать о хороших качествах ушедшего из жизни: *Мама <...> любила ходить лечить. Уйдёт, дома всё бросит, а хозяйство, да дети, – она уйдёт! Ей море по колено. Царство небе'сно ей. Не тем помянуть.**

Нельзя упоминать умерших перед наступлением ночи. Не рекомендуется говорить о покойном, когда заканчивается день. В народных представлениях славян дневная часть суток – время активной деятельности человека, ночь же принадлежит потусторонним существам, опасным для него, и потому приближение чужого, ночного времени налагает запрет на упоминание мертвых [29]. В этих случаях используется выражение *не к ночи помянуть*: *Тя'тя у нас аржано'й хлеб не любил, покойничек, царство ему небе'сно. Не к ночи помянуть; Зелёно сено, хоро'шие! Сметали. Вот Анна Петровна-то была, царство небе'сно, не к ночи, гыт, помянуть. Я её поминаю всё. <...> Она сразу на стог, така' ёмка была она.*

Нельзя разговаривать через порог. С культом умерших соотносится не только время, но и пространство. В архаических представлениях древних славян порог считался границей домашнего и чужого, местом пребывания предков и домашних духов. «Бытовой этикет и ритуалы при вступлении в дом или уходе из дома предполагают особое почитание порога. <...> Через порог с пришедшим не здороваются, не прощаются, не подают руки, не беседуют, не передают предметы...» [30. С. 173–174]. Следы этих верований сохраняются и в речевом поведении сибирской крестьянки: *К. [заглядывает в комнату, обращаясь к крестной матери:] Лёля! В.П. А? К. Куда это, мелкую картошку? В.П. Ну идите, зайди, чё, через порог нельзя разговаривать!*

Если хвалят детей или животных, используй оберег. Вера в сглаз («уро'к») – «вредоносное магическое воздействие на человека, его хозяйство, работу и скот посредством взгляда, слов похвалы, злых, завистливых мыслей и намерений», но иногда происходящее и без злого умысла [31. С. 597], по нашим наблюдениям, широко распространена среди жителей старожильческого села Вершинино и сейчас. Хотя диалектоносительница критиковала многие суеверия и суеверных людей, обереговые сигналы при потенциальной возможности сглаза в ее дискурсе встречаются регулярно. Она корректирует речевое поведение односельчанки, похвалившей маленького сына хозяйки (*А она приходит к нам. Ну, и... посидела-посидела: «Минька, а Минька?» – на Мишу. <...> «Какой хороший стаёт [сын], большой». Я говорю [с усмешкой]: «Тыпун тебе на язык. Ты чё, изуро'чишь!» Ну и поговорили, так посмеялись, всё...»); если в ее собствен-*

ной речи появляется похвала, звучит маркер опасности (*До'ма всё де'лат [сын племянника]. Он и корову может доить, и всё. [Работающий?] Ага, работающий, правда... не сглазить бы*) или междометие-оберег, сопровождаемое символическим жестом (*Коровка-то шла, кака' хоро'ша, краси'ва-то кака'. Тьфу-тьфу-тьфу [сплёвывает через левое плечо], не изуро'чить бы!*). Опасность сглаза, как можно видеть по примерам, касается прежде всего детей и домашних животных.

Говоря о чьей-либо серьезной болезни, используй оберег. Упоминание какой-либо серьезной болезни также расценивается говорящим как опасное для себя и окружающих и сопровождается обереговой формулой не к нам сказано: *Особенно-то как вроде бы горло у его [болит]. Я говорю: это же у нас у многих, не у нас, ну... у знакомых. То ли рак, то ли кто ли, горла. И то и... трубочки вставляют, не к нам сказано, я говорю: «Будешь шептаться!»; А потом из ар'мии пришёл, женился, потом пошто'-то стал толстеть. Прямо от такой стал! Ой! Соумали они это обреза'ть, жир. Тринадцать килограмм сре'зали, у его заражение пошло, и ногу отня'ли – о'споди, не к нам сказано! И... по'мер.*

4. Последняя из выделенных групп ПРП соотносится с такой ценностью традиционной культуры, как **речь**. Правила этой сферы касаются норм словоупотребления языковых единиц и выстраивания говорящим текста с позиций эффективности коммуникации.

Соблюдай языковые нормы. Метатекстовые показатели относительно языковых норм нельзя назвать высокочастотными в речи В.П. Вершининой, но они регулярно встречаются в ее высказываниях при оценке нарушений нормативного словоупотребления и в чужой, и в собственной речи. Так, ею отмечается избыточность словесного выражения (*А тепе'рича прие'зжают, а он мёртвый виси'тся на удавке. [Усмехается:] «Мёртвый виси'тся на удавке!» На удавке виси'тся, дак какой живой будет?*), неверный выбор лексемы (*А потом шла [односельчанка], ни'мо меня идёт: «Кона ставила, а он хра'пат». «Ржёт» надо сказать, а она «хра'пат». [Так не говорят?]* Ну говорят, дак хра'пат как уж редко, как испуга'тся кого-то. Так идёт, он никогда' не хра'пат), искаженное воспроизведение звуковой оболочки слова (*[Вспоминает раннее детство:] Едут из городу, кото'ры на теле'гав-то там. А я спрашиваю: «Тя'тю там нашего не на'лили?» «Не видали» [надо], а я «не на'лили»*).

Своеобразие реализации этого правила у диалектоносительницы проявляется в том, что она опирается прежде всего на представления об узусе своего родного говора, но при общении с собирателями обращает внимание и на осваиваемые ею литературные единицы. В таких случаях языковая личность уточняет их нормативное произношение или обозначение в кодифицированном языке: *А ей врачи сказали, у ей эти гиглоби'ны-то, я их называю неправильно, не могу я выговорить... Как их правильно? А это, у ей чё-то мало было; У меня есь мале'нько бутебро'дно [масло.] Как его правильно говорят?; Тоже дочка у ей гра'мотна, она преподаёт, только у ей таки' – как их называют? – стеби'льны, ли каки' ли? Дураки, в обизм и т.п.*

ПРП, отражающие ориентацию на логичность и информативность речевого общения, в дискурсивной практике диалектной языковой личности немногочисленны. Прежде всего они касаются логической стройности и завершенности повествования.

Рассказывай по порядку. Начав рассказывать не с самого начала, информант корректирует свое речевое поведение, возвращаясь к описанию завязки происшествия: *В общэм, Аксинья говорит... Ну, с краю ужэ [начну рассказ]. Овечек гнали, а к Владимиру Прокофьичу забежала чужа' овечка...* Пословица предписывает также необходимость завершения начатого сообщения или разговора: «Ой, не знаю, сказать – не сказать тебе, тётя Вера?» – «Надсе'кла, дак отрубай!». Ведя развернутое повествование, говорящий иногда подчеркивает связи между отдельными его частями, если отвлекается от центральной темы рассказа: *Мне кажется, Катя, всё равно, это ничё не изде'лать счас с народом. Как ужэ они заставляют – или стали, может, кото'ры? Ну, кото'ры они и раньше ве'ровавши были, так и счас, тем на' руку, хорошо. Это, один зашёл у нас – и упивал он, и бабу, се'мью бросил свою, на Степановке взял жену, женился... [затем рассказывает подробнее о биографии односельчанина] <...> А теперь – вот я к чему разговор-то завела! А теперь боуу молится, лечит, как Кашиповский, он, всё... <...> Это, упива'ет тоже, упива'л, и всё, и за бабами бегал, а тепе'рича такой боуомол! ой, даже и не знаю, какой, господи, ши'бко.*

Несколько правил связаны с информационной насыщенностью высказывания.

Поясняй неясное собеседнику. Исследуемая языковая личность, в лексиконе которой достаточно много диалектных слов и фразеологизмов, обычно не комментирует нелитературные единицы в присутствии носителей литературного языка, очевидно, считая их общепонятными: *По ходу речи мы-то понима'м друг друга.* Пояснения семантики языковых средств в спонтанной речи носителя диалекта встречаются только при некоторых устаревших лексемах – как областных, так и общерусских: *Наснуёшь та'мо-ка стену, «стена» называлась» – десять аршин [холста], это стена; Дак они [пряники], поди, были, нет ли мя'жки-то? От есть поскрёбыши, как раньше называли – ква'иню выскребут, да поскрёбный калачик испекётся – раскусить нельзя!; А раньше-то ведь это фунты были, четыреста граммов фунт.*

Не повторяй уже сказанного. При оценке содержания речи как нарушение нормы информативности говорящим расцениваются содержательные повторы. Такие случаи единичны: *Н.Н. Здорово. А чё за яшишк там? В.П. Ты вчара' спрашивал, сёдня опе'ть спра'шивашь. <...> А это... соолнышко позавчара' было! Я взяла яшишк, думаю: хоть посижу... да села [около дома]. Ну и мале'нько посидела.*

Говори определенно. В отдельных примерах слушающий обращает внимание на отсутствие точности, определенности высказывания партнера: *В.П. Жирная [свинина], не рубил так? Н.Н. Ну-у... В.П. Ну чё ны'кашь-то? Ну, жирный, ли не жирный? Ну так, кажется, жирный. [Передразнивает:] «Ны-ы...»*

Таким образом, дискурсивные материалы диалектной языковой личности демонстрируют наличие развернутой системы правил речевого поведения.

Ядерную зону этой системы составляют правила, соотносимые с базовыми нормами морали. В целом они близки к постулатам, которые отражены в Правилах прагматической компетенции Р. Лакофф и Принципа вежливости Дж. Лича, но более детализированы и высокочастотны в мета-языковой рефлексии носителя говора. Периферию кодекса занимают правила, касающиеся логичности и информативности речи. Обращает на себя внимание отсутствие у диалектоносительницы некоторых правил, выявленных Т.В. Шмелевой с опорой на художественные и публицистические тексты («не сообщай банального», «избегай штампов», «говори точно, стремясь найти единственно верные слова») [7. С. 76]. Очевидно, что высокий уровень информативности, логичности и оригинальности речи коммуникантов неактуален для устного бытового общения в целом и диалектного дискурса в частности.

К специфике ПРП носителя сибирского старожильского говора можно отнести: норму открытости личной сферы для людей из близкого круга общения (не ограничиваемого только семьей), ориентацию на бесконфликтность коммуникации, следование языковым нормам своего говора и традициям народных верований.

Выявленные правила, вероятно, имеют индивидуальные акценты. Вместе с тем совпадение многих языковых и ментальных черт языковой личности В.П. Вершининой с чертами, отмечаемыми у диалектоносителей разных регионов (см. детальнее [32]), позволяет предполагать, что речевой кодекс традиционной народно-речевой культуры имеет много общего с системой ПРП сибирской крестьянки.

Литература

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 208–228.
2. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 276–306.
3. Lakoff R.T. Language in Context // Language. 1972. Vol. 48, № 4. P. 907–927.
4. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London : Longman, 1983. 250 p.
5. Рождественский Ю.В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремнологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст). М., 1978. С. 211–230.
6. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41, № 4. С. 327–33.
7. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.
8. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М. : Высшая школа, 1989. 159 с.
9. Азнабаева Л.А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 46 с.

10. *Сперанская А.Н.* Правила речевого поведения в русских поговорках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 21 с.
11. *Гынгазова Л.Г.* Кодекс речевого поведения в пословицах и поговорках В.И. Даля // Православие и Россия: канун третьего тысячелетия : материалы Духовно-исторических чтений. Томск, 2000. С. 57–59.
12. *Шумарина М.Р.* «Народная лингвистика» в русских пословицах и поговорках // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 98–101.
13. *Крючкова О.Ю.* Оценки речи как выражение специфики народного речевого сознания. URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/ocenki.html> (дата обращения: 27.08.2021).
14. *Юрченко С.А.* Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества (на материале донских казачьих говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук Волгоград, 2008. 24 с.
15. *Лагута Н.В.* Размышления о языке в речи носителей диалекта // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 107–124.
16. *Гольдин В.Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М. : Наука, 2002. С. 58–64.
17. *Красовская Н.А.* Языковой ландшафт: возможные подходы к использованию термина // 2-е Милоновские краеведческие чтения, Тула, 18 октября 2018 г. Тула, 2020. С. 36–39.
18. *Иванцова Е.В., Соломина Е.В.* Об эффективных методах записи спонтанной устной речи при изучении языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3(29). С. 14–27.
19. *Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 3–42.
20. *Иванцова Е.В.* Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово ; Барнаул, 2009. Ч. 1. С. 321–356.
21. *Федорова Т.В.* Семантика вежливости и средства ее выражения в современном русском языке (на материале произведений современной драматургии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. 18 с.
22. *Крылова Т.В.* Понятие деликатности и такта в русском языке и наивно-языковые представления о негативной вежливости // Доклады международной конференции Диалог-2004. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/krylova/ponyatiya%20delikatnosti%20-%20krylova%202004.pdf> (дата обращения: 03.09.2021).
23. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1991. Т. 4. 684 с.
24. *Агапкина Т.А., Невская А.Г.* Гость // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 531–533.
25. *Козырева М.П.* Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.
26. *Власян Г.Р.* Различные подходы к определению лингвистической вежливости // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3. С. 29–39.
27. *Гынгазова Л.Г.* Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная религия // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 158–165.
28. Эдем. URL: <https://edemrs.com/pochemu-o-pokojnikah-ne-otzyvayutsya-ploho-istoki-obychaya/> (дата обращения: 10.09.2021).
29. *Раденкович Любинко.* Опасное время в народных представлениях славян. URL: <http://book.lib-i.ru/25kulturologiya/566313-1-lyubinko-radenkovich-institut-balkanistiki-sanibelgrad-opasnoe-vremya-narodnih-predstavleniyah.php> (дата обращения: 10.09.2021).
30. *Плотникова А.А.* Порог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М., 2009. Т. 4. С. 173–177.

31. Левкиевская Е.Е. Сглаз // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М., 2009. Т. 4. С. 597–602.

32. Иванцова Е.В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпилюной. М., 2014. С. 308–347.

The Rules of a Dialect Language Personality's Speech Behavior as a Component of the Siberian Old-Resident Village Languagescape

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 61–80. DOI: 10.17223/19986645/74/4

Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivantsova@yandex.ru

Keywords: speech behavior, communication norms, Russian dialects of Siberia, folk speech culture, languagescape, dialect language personality.

The study is carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

The article is dedicated to the research of the speech behavior rules in dialect language personalities' everyday living communication. The speech code was reconstructed by the materials of a dialect language personality's discourse practice. The author's tape recording archives of the spontaneous speech of a typical representative of an old-resident Middle-Ob village (a peasant woman) were used as the source in the research. The communication rules were identified based on the metatext fragments of the speaker's discourse. The rules reflect the speaker's reaction to the breaking of non-written communication standards. Proverbs and proverbial phrases of the speaker's paremiological "fund" were also employed. The speech behavior standards are more often verbalized as "anti-norms" based on which researchers shape their ideas of norms. The analysis shows that the speaker's discourse data demonstrate an extended system of speech behavior rules. All these rules, directly or indirectly, correlate with basic values of traditional folk culture. These are the standards of morality (politeness, benevolence, tact, modesty, honesty, frankness, obligatory keeping of promises, deliberate speech actions); non-conflict existence; adherence to the traditional culture's beliefs (cult of the dead, belief in the "evil eye"); and speech (observance of dialect rules, logical symmetry, and completeness and informativeness of narration). The revealed rules are realized via language means, speech strategies and tactics of the dialect speaker. The nuclear zone of the system of the rules correlates with norms of ethics. They are close to the standards reflected in Robin Lakoff's rules of pragmatic competence and Geoffrey Leech's politeness principle, but more detailed and frequent in the dialect speaker's metalanguage reflection. The rules of logicity and information richness are at the periphery of the system. The author observes an absence of some rules that function in fiction and journalistic texts ("avoid commonplaces"; "avoid cliches"; "speak clearly, only with correct words") in the dialect speaker's communication. Obviously, such rules are irrelevant for verbal everyday communication generally and dialect discourse in particular. The specificity of the Siberian old-resident dialect speaker's rules consists in: the openness of the private life for people from the close communication circle (not limited by family only); the orientation on non-conflict communication; adherence to the local dialect norms and traditions of folk beliefs. The revealed rules probably have individual features. At the same time, the coincidence of a concrete person's many language and mental traits with traits noted in dialect speakers of different regions allows suggesting that the system of the Siberian peasant woman's speech behavior rules has much in common with the traditional folk speech culture code.

References

1. Grice, G.P. (1985) *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and speech communication]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress. pp. 208–228.

2. Gordon, D. & Lakoff, G. (1985) Postulaty rechevogo obshcheniya [Conversational postulates]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16 Moscow: Progress. pp. 276–306.
3. Lakoff, R.T. (1972) Language in Context. *Language*. 48 (4). pp. 907–927.
4. Leech, G.N. (1983) *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
5. Rozhdestvenskiy, Yu.V. (1978) O pravilakh vedeniya rechi po dannym poslovits i pogovorok [On the rules of speaking according to the data of proverbs and sayings]. In: Permyakov, G.L. *Paremiologicheskii sbornik: poslovitsa, zagadka (struktura, smysl, tekst)* [Paremiological collection: proverb, riddle (structure, meaning, text)]. Moscow: Nauka. pp. 211–230.
6. Dem'yankov, V.Z. (1982) Konventsii, pravila i strategii obshcheniya: (Interpretiruyushchiy podkhod k argumentatsii) [Communication conventions, rules, and strategies: (An interpretive approach to argumentation)]. *Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 41 (4). pp. 327–33.
7. Shmeleva, T.V. (1983) Kodeks rechevogo povedeniya [Code of Speech Behavior]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 72–77.
8. Formanovskaya, N.I. (1989) *Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya* [Speech etiquette and communication culture]. Moscow: Vysshaya shkola.
9. Aznabaeva, L.A. (1999) *Printsipy rechevogo povedeniya adresata v konventsional'nom obshchenii* [Principles of the recipient's speech behavior in conventional communication]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Speranskaya, A.N. (1999) *Pravila rechevogo povedeniya v russkikh paremiyakh* [Rules of speech behavior in Russian proverbs]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
11. Gyngazova, L.G. (2000) [Code of speech behavior in proverbs and sayings of V.I. Dahl]. *Pravoslavie i Rossiya: kanun tret'ego tysyacheletiya: materialy Dukhovno-istoricheskikh chteniy* [Orthodoxy and Russia: The eve of the third millennium]. Proceedings of the Spiritual and Historical Readings. Tomsk. pp. 57–59. (In Russian).
12. Shumarina, M.R. (2014) “Narodnaya lingvistika” v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [“Folk linguistics” in Russian proverbs and sayings]. *Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta*. 77. pp. 98–101.
13. Kryuchkova, O.Yu. (2021) *Otsenki rechi kak vyrazhenie spetsifiki narodnogo rechevogo soznaniya* [Evaluations of speech as an expression of the specifics of people's speech consciousness]. [Online] Available from: <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/ocenki.html> (Accessed: 27.08.2021).
14. Yurchenko, S.A. (2008) *Rech' kak bazovaya tsennost' v yazykovom soznanii donsogo kazachestva (na materiale donskikh kazach'ikh govorov)* [Speech as a basic value in the linguistic consciousness of the Don Cossacks (based on the Don Cossack dialects)]. Abstract of Philology Cand. Diss Volgograd.
15. Laguta, N.V. (2013) Razmyshleniya o yazyke v rechi nositeley dialekta [Reflections on language in the speech of dialect speakers]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh*. 10. pp. 107–124.
16. Gol'din, V.E. (2002) Dominanty traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [Dominants of traditional rural culture of speech communication]. In: *Avanesovskiy sbornik* [Avanesov collection]. Moscow: Nauka. pp. 58–64.
17. Krasovskaya, N.A. (2020) Yazykovoy landschaft: vozmozhnye podkhody k ispol'zovaniyu termina [Language landscape: possible approaches to the use of the term]. In: Romanov, D.A. & Safonova, T.V. (eds) *2-ye Milonovskie kraevedcheskie chteniya* [2nd Milonov local history readings]. Tula, October 18, 2018. Tula: Tula State Pedagogical University. pp. 36–39.
18. Ivantsova, E.V. & Solomina, E.V. (2014) On the Effective Methods of Recording Spontaneous Speech in Language Personality Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (29). pp. 14–27. (In Russian).

19. Arutyunova, N.D. & Paducheva, E.V. (1985) Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Origins, problems, and categories of pragmatics]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress. pp. 3–42.
20. Ivantsova, E.V. (2009) Metazykovoe soznanie dialektnoy yazykovoy lichnosti [Metalinguistic consciousness of a dialect language personality]. In: Golev, N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects]. Part 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 321–356.
21. Fedorova, T.V. (2004) *Semantika vezhливости i sredstva ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke (na materiale proizvedeniy sovremennoy dramaturgii)* [The Semantics of Politeness and Means of Its Expression in the Modern Russian Language (Based on the Works of Modern Drama)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kaliningrad.
22. Krylova, T.V. (2004) Ponyatie delikatnosti i takta v russkom yazyke i naivno-yazykovye predstavleniya o negativnoy vezhливости [The concept of delicacy and tact in the Russian language and naive-linguistic ideas about negative politeness]. *Dialog 2004*. [Online] Available from: <http://www.ruslang.ru/doc/krylova/ponyatiya%20delikatnosti%20-%20krylova%202004.pdf> (Accessed: 03.09.2021).
23. Dal', V.I. (1991) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
24. Agapkina, T.A. & Nevskaya, A.G. (1995) Gost' [Guest]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskoe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 531–533.
25. Kozyreva, M.P. (2009) Mezhlichnostnoe doverie v kontekste formirovaniya sotsial'nogo kapitala [Interpersonal trust in the context of the formation of social capital]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 43–54.
26. Vlasyan, G.R. (2010) Razlichnye podkhody k opredeleniyu lingvisticheskoy vezhливости [Different approaches to the definition of linguistic politeness]. *Vestnik Nizhnevarotvorskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 3. pp. 29–39.
27. Gyngazova, L.G. (2005) [Picture of the world of the language personality of the dialect speaker: naive religion]. *Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and society in synchrony and diachrony]. Proceedings of the International Conference. Saratov: Nauchnaya kniga. pp. 158–165. (In Russian).
28. Edem. (2021) *Pochemu o pokojnikakh ne otzyvayutsya plokho: istoki obychaya* [Why they never speak ill of the dead: the origins of the custom]. [Online] Available from: <https://edemrs.com/pochemu-o-pokojnikakh-ne-otzyvayutsya-ploho-istoki-obychaya/> (Accessed: 10.09.2021).
29. Radenkovich, L. (2021) *Opasnoe vremya v narodnykh predstavleniyakh slavyan* [Dangerous time in the folk ideas of the Slavs]. [Online] Available from: <http://book.lib-i.ru/25kulturologiya/566313-1-lyubinko-radenkovich-institut-balkanistiki-sani-belgrad-opasnoe-vremya-narodnih-predstavleniyah.php> (Accessed: 10.09.2021).
30. Plotnikova, A.A. (2009) Porog [Threshold]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskoe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 173–177.
31. Levkievskaya, E.E. (2009) Sglaz [Evil Eye]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskoe drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 597–602.
32. Ivantsova, E.V. (2014) Issledovanie tipologicheskikh chert dialektnoy yazykovoy lichnosti [Study of the typological features of a dialect language personality]. In: Golev, N.D. & Shpil'naya, N.N. (eds) *Yazykovaya lichnost': Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language personality: Modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology]. Part 1. Moscow: LENAND. pp. 308–347.

УДК 81'37; 81'42
DOI: 10.17223/19986645/74/5

О.Ю. Инькова

НЕСВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА, ИЛИ О НЕКОТОРЫХ ПОДВОДНЫХ КАМНЯХ НА ПУТИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА

Рассматривается малоизученный вопрос анализа единиц, обеспечивающих членение информации на семантические блоки, интерпретируемые относительно заданного ими критерия (временного, пространственного и коммуникативного) и предлагает описание семантических свойств и текстовых функций рамочных выражений и их взаимодействия с другими сигналами, обеспечивающими адекватную интерпретацию текста. Этот аспект, как правило, не принимается во внимание в корпусах текстов, аннотированных с точки зрения параметров их связности.

Ключевые слова: связность текста, семантика, автоматическая обработка текста, риторические отношения, рамочные выражения

Вводные замечания

Большинство исследователей, занимающихся проблемами изучения текста, согласны с тем, что между составляющими его высказываниями существуют отношения связности, позволяющие превратить последовательность фраз в сообщение, имеющее смысл и коммуникативную цель. Несмотря на то, что проблемы связности текста занимают ученых разных областей знания уже более полувека, вопросы о том, что понимать под этими отношениями, какова их природа и т.д., продолжают вызывать дискуссии. Были сделаны многочисленные предложения, которые, однако, являются скорее инструментом семантического анализа текста, чем теоретической моделью его организации, поскольку основное внимание при анализе уделяется в первую очередь микроструктуре текста. Это справедливо, прежде всего, для представителей компьютерной лингвистики, которые несколько упрощенно – в силу принципа единственности, сформулированного У. Манном и С. Томпсон [1. Р. 248], – полагают, что между следующими друг за другом высказываниями существует только одно «риторическое отношение». Однако еще Дж. Хоббс в свое время подчеркивал, что при интерпретации текста читатель совершает параллельно несколько когнитивных операций, в частности интерпретирует смысл составляющих его слов, определяет коммуникативное намерение говорящего, устанавливает референтов анафорических выражений и то, в каких отношениях находятся между собой ситуации, описанные в тексте [2. Р.71]. Это значит, что связность текста устанавливается одновременно между взаимодействующими языковыми сущностями разной природы.

Принцип связанности, как он сформулирован У. Манном и С. Томпсон, постулирует также, что между всеми фрагментами текста должно быть обязательно некоторое «риторическое отношение» [1. Р. 248]. Создание корпусов текстов, аннотированных с точки зрения отношений связности, позволило, однако, заметить, что между соседними высказываниями может не существовать никакого «риторического отношения», что привело, в частности, разработчиков Penn Discourse Treebank (PDTB) к введению метки NoRel. Она проставляется в тех случаях, когда между смежными предложениями в пределах одного абзаца не может быть установлено никакого «дискурсивного отношения» [3. Р. 5]. Ср. (1):

(1) Jacobs Engineering Group Inc.'s Jacobs International unit was selected to design and build a microcomputer- systems manufacturing plant in County Kildare, Ireland, for Intel Corp. *Jacobs is an international engineering and construction concern. NoRel Total capital investment at the site could be as much as \$400 million, according to Intel* (пример из [4. Р. 25]).

В свою очередь, внимание к макроструктуре текста позволило увидеть, во-первых, что структуры более высокого уровня организации текста, например абзацы, оказывают влияние на интерпретацию структур более низкого уровня, а во-вторых, что в текстах присутствуют не только сигналы непрерывности сообщения, но и сигналы дискретности, предупреждающие о том, что между предыдущим и последующим контекстом нет непосредственной связи или что эта связь ослабляется (подробнее см. [5]). Эти сигналы играют не менее важную роль для правильной интерпретации текста, чем сигналы связности, устанавливая границы, в рамках которых должна быть интерпретирована информация, содержащаяся в микроединицах. Этот аспект семантического анализа текста остается пока малоизученным, поскольку доминирующим является восходящий подход к анализу текста, при котором основное внимание уделяется процессам интеграции минимальных дискурсивных единиц в единицы более высокого уровня; см., прежде всего, исследования, выполненные в рамках Теории риторической структуры (далее TRC).

Однако не менее продуктивным может быть нисходящий подход, ставящий во главу угла сегментирование текста на более мелкие единицы (ср., например, работы Ж.-М. Адама). Действительно, при интерпретации текста читатель одновременно осуществляет два процесса. Единицы, составляющие текст, расчленяются путем сегментации (типографически на письме, паузами, интонацией, движением глаз или головы в устной речи). Дискретность словесной цепочки начинается с разделения на слова, постоянного на письме и менее выраженного в устной речи; далее на графическом уровне сегментация продолжается делением на абзацы (в прозе) или строфы (поэтический текст) и делением на главы, части и т.д. в зависимости от длины текста. В то же время эти единицы текста, в частности благодаря соответствующим показателям, связываются друг с другом, создавая непрерывность текста на основе его дискретности. Поэтому в тексте важно различать два вида сигналов: «открывающие» показатели (ориентирован-

ные на то, что следует) и «закрывающие» показатели (ориентированные на то, что предшествует). Например, заглавная буква, начинающая предложение, и точка, его завершающая, открывающие и закрывающие скобки. К ним надо добавить полифункциональные показатели, например пробел или двойное тире (в отличие от тире, открывающего реплику прямой речи), которые могут быть как открывающими, так и закрывающими.

В структуре текста существует еще один уровень (рис. 1), промежуточный между макро- и микроструктурой, который, как правило, не принимается во внимание¹, но именно на этом уровне, который мы вслед за Ж.М. Адамом предлагаем называть мезоструктурным [6], происходят семантические процессы, играющие важную роль в понимании текста. Вертикальными стрелками обозначены процессы сегментирования в тексте, а горизонтальными – процессы интеграции микроединиц в более крупные единицы.

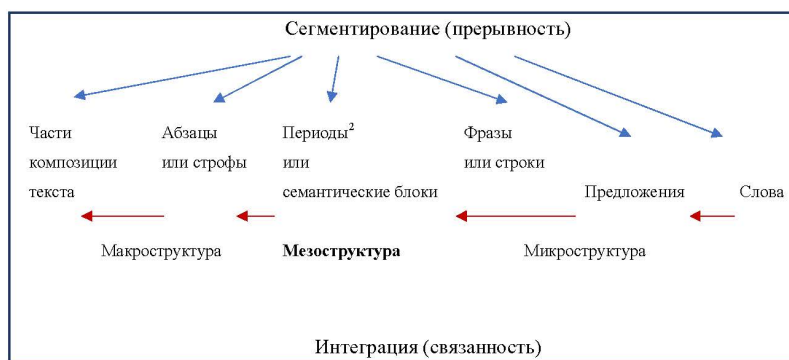

Рис. 1. Интеграция и сегментирование языковых единиц в тексте в подходе Ж.М. Адама

Взаимодействие мезо- и макроструктур, как и взаимодействие показателей связности, действующих на уровне этих структур, является довольно сложным, в частности потому, что границы единиц, относящихся к макро-, мезо- и микроструктуре, могут совпадать, а могут и пересекаться. Примером совпадения всех трех уровней можно считать мини-текст «Парикмахерская», где минимальная текстовая единица слово-предложение является одновременно и максимальной – текстом. С другой стороны, вряд ли можно, например, считать союз *а* в предложении 11 примера (2) «формальным маркером абзаца», единицы макроструктуры, в приводимом в [7. С. 148] примере, который мы даем в сокращении:

¹ Во многих аннотированных корпусах анализ дискурсивных отношений не выходит за пределы абзаца. Ср., в частности, приведенное выше определение NoRel в PDTB, в состав которого включен этот критерий.

² В русской грамматической традиции более распространен термин «сложное синтаксическое целое».

(2) 1. Аппарат набирал высоты, выше и выше, шел к снежным облакам, которые до горизонта обволокли небо плотным куполом. 2. Там, выше этих облаков, – яркое-яркое солнце, а внизу ослепительно белая пустыня – те же облака сверху. 3. Два мотора вертели два винта. 4. За их треском трудно было слушать друг друга пассажирам, которые сидели в каюте аппарата. 5. Они переписывались на клочках бумаги. <...> 8. «А мы все поднимаемся», – написал на бумажке веселый толстый пассажир, смотревший в окно, своему обалдевшему соседу. 9. Тот прочел, махнул раздраженно рукой, натянул еще глубже свою шляпу и ниже наклонился к полу. 10. Толстый пассажир достал из саквояжа бутерброды и принялся спокойно есть. 11. А впереди, у управления, сидели пилот, механик и ученик. 12. Все были тепло одеты, в кожаных шлемах. <...>

Считать союз *а* маркером абзаца значило бы, что каждый раз, когда мы употребляем этот союз, мы должны начинать новый абзац, что явным образом не соответствует языковой действительности. Об этом свидетельствует, в частности, предложение 2 в этом же тексте. В нем союз *а* употреблен в такой же семантической структуре сопоставления («там, выше этих облаков» – «а внизу») не просто внутри абзаца, а внутри сложного предложения.

И тем более можно считать, на наш взгляд, явным упрощением проблемы описания смысловой организации текста возможность применять тот же набор «дискурсивных отношений» к единицам его микро- и макро-структуры, что иногда ставится в заслугу ТРС.

Интеграция и сегментация единиц текста на мезоуровне

К мезоструктуре относятся явления семантического и макросинтаксического связывания. Само понятие мезоструктуры предполагает, что текст состоит не из последовательности предложений, а из упорядоченных фразовых объединений, семантических блоков, которые и определяют понимание текста [8. Р. 19]. Вопрос разработки теоретических принципов описания этих промежуточных единиц организации текста и их интерпретации, по мнению Ж.М. Адама, является центральным для сегодняшней лингвистики текста [6. Р. 22] и, добавим, его автоматической обработки и генерации. Как показывает рис. 1, мезоструктура находится на стыке микро- и макроструктуры и охватывает такие явления, которые уже не подчиняются строгим синтаксическим правилам и которые нельзя описывать в терминах валентностей, согласования и подобных синтаксических категорий, относящихся к микросинтаксису. Как известно, дискурс начинается именно там, где заканчивается действие этих правил, поэтому строгое определение элементов мезо- и макроструктуры текста вряд ли возможно¹. Т. ван Дейк так

¹ Заметим в этой связи, что даже определение предложения уже вызывает дискуссии, и определений, в зависимости от того, какой критерий кладется в его основу, дано более сотни, в том числе и в русской грамматической традиции. Ср., например, очень разные определения Ф.И. Буслаева, Д.Н. Овсяннико-Куликовского или Ф.Ф. Фортунатова.

предлагает определять упорядоченные фразовые блоки: «значение (или истина) данного предложения S зависит от значения (или истинности) упорядоченного кортежа предшествующих предложений» [8. Р. 20].

Показатели, действующие на мезоуровне, довольно разнородны, но их можно, не вдаваясь в детали, разделить на два класса. С одной стороны, языковые средства, которые сигнализируют о том, что между смежными или близкими сегментами текста можно установить некоторое отношение. Этот класс, в свою очередь, может быть разделен на два подкласса в зависимости от того, устанавливается ли это отношение между референтами (анафорические повторы) или между положениями вещей (коннекторы). С другой стороны, языковые единицы, указывающие на то, что несколько положений вещей должны быть интерпретированы одинаково относительно некоторого критерия, заданного этими единицами¹. Действительно, в любом тексте некоторые положения вещей, описывающие события, ситуации, мнения, оценки и т.д., имеют сферу действия, ограниченную, например, определенным временным отрезком (временной критерий) или местом (пространственный критерий). Автор текста вынужден также часто передавать информацию, которая считается обоснованной лишь некоторыми людьми или группой людей (коммуникативный критерий) и, как правило, сигнализирует об этих ограничениях, чтобы они были понятны читателю. Языковые единицы, задающие эти ограничения, мы предлагаем называть рамочными выражениями, или рамками, по аналогии с французским термином «cadre», английским «Framing Adverbials» или русским «рамка», использующимся в основном в сочетании «модальная рамка». Функция рамочных выражений заключается в том, что они задают критерий, с учетом которого должны быть интерпретированы попадающие в их сферу действия положения вещей.

Именно этим показателям, действующим на мезоуровне, и посвящено настоящее исследование. Оно не претендует на исчерпывающий характер, а лишь ставит проблему, пока еще мало исследованную при описании параметров, определяющих интерпретацию текста. В российской лингвистике работ, посвященных рамочным выражениям как в русском, так и в других языках, насколько нам известно, не существует. Наиболее разработан этот вопрос применительно к данным французского языка в исследованиях М. Шароля и его последователей; ср. основополагающую работу [12]. Редко принимается во внимание текстовая функция рамочных выражений и при автоматической обработке письменного текста. В силу своей синтаксически периферийной позиции они остаются за пределами синтаксической разметки (ср. деревья синтаксических зависимостей), а из-за того, что они не считаются показателями дискурсивных отношений, они остаются за пределами разметки дискурсивной (аннотирование с точки зрения «риторических» отношений).

¹ Ср. понятия «univers de discours» «дискурсивные миры» в [9] и «espaces mentaux» «ментальные пространства» в [10], а также теорию дискурсивных репрезентаций [11].

В связи с неразработанностью этой проблематики, в частности для русского языка, у лингвиста возникает целый ряд теоретических вопросов. Прежде всего, необходимо создать перечень языковых средств, способных образовывать рамки для объединения положений вещей в единый семантический блок, а также определить, каковы их виды в русском языке. Кроме того, следует выяснить функцию этих блоков в тексте и то, как взаимодействуют рамочные выражения и создаваемые ими семантические блоки, а также как взаимодействуют рамки с другими языковыми единицами, действующими на мезоуровне, в первую очередь, с коннекторами. Наконец, необходимо понять, как можно учитывать функцию рамочных выражений в аннотированных корпусах. На эти вопросы мы предлагаем ответы в следующих разделах.

3. Рамочные выражения: семантика, свойства, функции в тексте

Рассмотрим такой пример, в котором говорится о существующих в мире традициях встречать Новый год.

(3) **В Греции** существует обычай, согласно которому, ровно в полночь глава семейства выходит во двор и разбивает об стену плод граната. Если его зерна разлетятся по двору, в новом году семья будет жить счастливо. Отправляясь в гости, греки приносят с собой в подарок замшелый камень и оставляют его в комнате хозяев. Говорят: «Пусть деньги хозяев будут так же тяжелы, как этот камень». А **в Дании** лесники придумали отличный способ сохранить свои леса от браконьеров, желающих украсить свой дом лесной красавицей («Новогодние традиции в разных странах мира»: <http://welcomeworld.ru/spravochnik-puteshestvennika/traditsii-i-kharakter-narodov-mira/item/411-newyearstraditions/411-newyearstraditions>).

Обстоятельство места «в Греции», находящееся в начальной тематической позиции, задает пространственную рамку, т.е. определяет место описанных во всех следующих предложениях ситуаций, которые более никак не локализованы в этом абзаце. Эта пространственная рамка завершается введением новой рамки, также пространственной, «в Дании», которая определяет интерпретацию положений вещей, находящихся в ее правом контексте. Рамочные выражения «в Греции» и «в Дании» группируют таким образом последовательность предложений в единые блоки, указывая, что они должны быть интерпретированы относительно заданного им критерия и отдельно от соседних семантических блоков. При этом границы эти двух семантических блоков совпадают с разбиением текста на абзацы, а кроме того эти блоки соединены сопоставительным союзом *а*, который добавляется к семантическим отношениям, заданным рамочными выражениями. Заметим также, что единая временная рамка для всех положений вещей, описанных в тексте, занимающем несколько страниц, задается его названием «Новогодние традиции в разных странах мира». На этом основании и при отсутствии других указаний мы понимаем, например, обстоятельство «ровно в полночь» в первой фразе в (3) как ‘ровно в полночь новогодней ночи’.

В (4) временную рамку задает обстоятельство «по воскресеньям», и благодаря ему универсальный квантификатор *всегда* понимается не как ‘всегда вообще’, а как ‘всегда по воскресеньям’.

(4) Отношения с Маяковским были ровными, он не был так ревнив и категоричен, и их жизнь на даче в Пушкине 1920–1921 годов ЛЮ вспоминала как самую спокойную и мирную. **По воскресеньям** приезжало много гостей. Аннушка *всегда* готовила котлеты. Если гостей было мало, давали две котлеты, если много – по одной (Василий Катанян. Лиля Брик. Жизнь (1999))¹.

Наконец, в (5) рамка «в принципе» задает обобщающий взгляд на вещи: сказанное может считаться верным, если не вдаваться в детали; следующая за ней рамка «с научной точки зрения» связывает истинность сказанного с определенной сферой деятельности: наукой.

(5) **В принципе**, идея «множества вселенных», идея «параллельных миров» находит все больше приверженцев среди астрономов. **С научной точки зрения** в ней нет ничего невозможного (Александр Грудинкин. Мир по «Планку» // Знание-сила. 2013).

В этой связи прежде всего возникает вопрос о том, какие именно языковые единицы могут создавать рамку для интерпретации событий. В работе [12] М. Шароль относит к таким единицам обстоятельства места и времени в начальной тематической позиции, синтаксически периферийной по отношению к предикату, а также вводные слова и выражения, соответствующие русским *с точки зрения X*, *согласно X*, *в принципе*, *вообще говоря*, показателям смены темы *что касается X* и др., не входящие в синтаксическую структуру предложения (рис. 2).

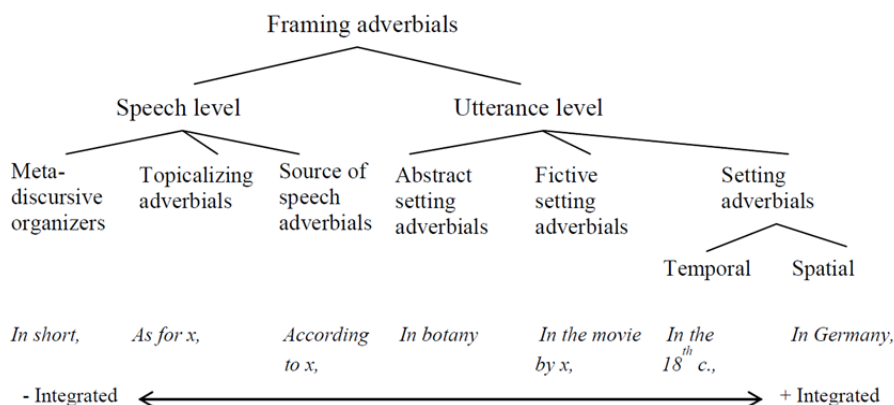

Рис. 2. Классификация рамочных выражений в подходе М. Шароля [14. Р. 6]

Общим для всех классов рамочных выражений является тематическая и синтаксически периферийная позиция, причем, как показано на рис. 2, сте-

¹ При отсутствии других указаний использованы примеры из Национального корпуса русского языка [13].

пень интеграции неодинакова у разных видов рамочных выражений. Наиболее интегрированными в синтаксическую структуру содержащего их высказывания являются обстоятельства места и времени, которые в русском языке, в отличие от французского, не отделяются запятыми. Наименее интегрированными – метатекстовые показатели типа *короче (говоря)*, *другими словами*, которые, однако, в других подходах принято относить к коннекторам (см., например, [4–6]).

Термин «рамочные выражения» в таком понимании близок термину «детерминант», предложенному Н.Ю. Шведовой [15], но не получившему развития в российской лингвистике. Н.Ю. Шведова также обращает внимание на слабую синтаксическую зависимость детерминантов от предиката, говоря, вслед за В.В. Виноградовым, о связи «свободного, присоединительного характера» [15. С. 84]. Об этом, в частности, свидетельствует возможность заменить рамочные выражения времени и места на независимые синтаксические структуры. Ср. (3) выше и (6):

(6) **Колумбия.** Персонаж под названием Старый год провозглашается главным героем колумбийского карнавала. Он передвигается на ходулях и развлекает детей забавными историями (<https://evspb.ru/novyj-god-v-raznyx-stranax-samye-interesnye-fakty/>).

Напротив, обстоятельства, находящиеся в рематической позиции или входящие в обязательную валентность предиката, свойством задавать рамку не обладают; ср. функционирование «по воскресеньям» в (7), в отличие от (4), и «в Париже» в (8), в отличие от (3):

(7) Он разведен, в прошлом браке остались дети. Теперь они приходят **по воскресеньям** в гости. Она добралась до чертогов Гименея далеко не девицей, к тому же и ребенок зачат вне брака (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // Русская Жизнь. 2008).

(8) Замечательный гербарий Александра Александровича Бунге (1803–1890) не был куплен Санкт-Петербургской академией и оказался **в Париже**. Многие типовые образцы российским ученым ныне приходится искать в Берлине, Женеве, Токио или Киото (обобщенный. Вести из институтов, лабораторий, экспедиций // Наука и жизнь. 2007).

Следующий вопрос, который требует решения, касается взаимодействия рамок двух смежных предложений. Возможны как минимум следующие варианты (подробнее см. [12]):

1) положение вещей *q* интегрируется в рамку¹, открытую положением вещей *p* и остающаяся открытой, как, например, в (3) или (4);

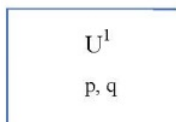

Рис. 3. Интеграция положений вещей в единой рамке

¹ На рисунке она обозначена заглавной буквой U («univers de discours» ‘дискурсивные миры’ в [9]).

2) положение вещей q интегрировано в рамку U^2 , закрывающую рамку U^1 , как в (5);

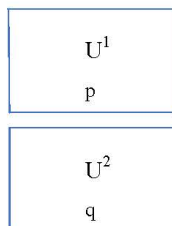

Рис. 4. Новая рамка

3) положение вещей q интегрировано в рамку U^2 , подчиненную рамке U^1 , как в (9) или (10).

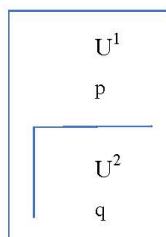

Рис. 5. Интеграция рамок

(9) **В Аргентине** по давней традиции служащие учреждений в последний день уходящего рабочего года выбрасывают из окон старые календари, ненужные ведомости и бланки. **В деловой части страны – Буэнос-Айресе** – уже к полудню тротуары и проезжая часть густо покрываются пухлым слоем бумаги. Никто не знает, *как и когда возник этот обычай. Не обходится без казусов.* Однажды не в меру разыгравшиеся сотрудники *одной из газет* выкинули за окно весь архив («Новогодние традиции в разных странах мира. URL: <http://welcomeworld.ru/spravochnik-puteshestvennika/traditsii-i-kharakter-narodov-mira/item/411-newyearstraditions/411-newyearstraditions>).

Рамочное выражение «в Аргентине» локализует положение вещей p = «по давней традиции служащие учреждений в последний день уходящего рабочего года выбрасывают из окон старые календари, ненужные ведомости и бланки». В следующем предложении устанавливается новая рамка «в деловой части страны – Буэнос-Айресе», она подчинена предыдущей, поскольку этот город, как известно, является столицей Аргентины. Следующие три предложения находятся в сфере действия этой рамки и соответствуют первой конфигурации. Таким образом, выбор между закрытием предыдущей рамки и подчинением ей зависит во многом от экстралингвистических знаний говорящих.

В (10) временная рамка «иногда» второго предложения встроена во временную рамку «по воскресеньям», открытую в первом предложении, т.е. ситуация «Лора читала вслух русскую газету» имеет место *иногда по воскресеньям*, а не просто *иногда*:

(10) **По воскресеньям** Алик и Лора долго завтракали, беседовали, курили. **Иногда** Лора читала вслух русскую газету. Проблемы, волновавшие эмигрантов, казались им надуманными (Сергей Довлатов. Третий поворот налево. 1984).

В связи с этим примером возникает также вопрос о том, как интерпретировать следующее предложение «Проблемы, волновавшие эмигрантов...»: как находящееся в сфере действия рамки «иногда (по воскресеньям)», в сфере действия более широкой рамки «по воскресеньям» или как находящееся вне этих рамок, т.е. проблемы казались надуманными вообще.

Не менее важным для анализа текста является вопрос взаимодействия рамок с дискурсивными отношениями, которые также устанавливаются на мезоуровне вторым классом показателей связности текста, коннекторами. Как мы видели, группировка предложений относительно некоторого критерия может накладываться на дискурсивные отношения, маркированные соответствующим показателем или нет. Здесь также возможны разные варианты соотношений сфер действия коннекторов и рамочных выражений. Положения вещей, связанные дискурсивным отношением, могут находиться в сфере действия единой рамки, как в (11):

(11) **На Руси** когда-то выпекали на Новый год из теста домашних животных: коней, коров, быков. *А когда* в дом приходили колядовать, гостей одаривали этими фигурками, разными сладостями, орехами. *Также* считали, что Новый год надо встречать в новом платье, обуви – *тогда* и весь год ходить в обновках. Обычно перед Новым годом отдавали все долги, прощали все обиды (Новогодние традиции в разных странах мира. URL: <http://welcomeworld.ru/spravochnik-puteshestvennika/traditsii-i-kharakter-narodov-mira/item/411-newyearstraditions/411-newyearstraditions>).

В пределах семантического блока, заданного обстоятельством места «на Руси», существует несколько логико-семантических отношений. В первом предложении – отношение спецификации, маркированное двоеточием: от обобщающего понятия «домашние животные» говорящий переходит к перечислению некоторых их видов. Второе предложение связано с первым отношением сопоставления, маркированным союзом *а*. В его правом контексте находится временное отношение, оформляемое союзом *когда*. Следующее высказывание присоединяется аддитивным отношением, маркируемым *также*, в правом контексте которого – отношение следствия, маркированное *тогда*, а в левом – оба высказывания, соединенные союзом *а*. Наконец, последнее высказывание связано с предыдущим также аддитивными отношениями, не имеющими показателя. В (3) выше ситуация несколько иная. Союз *а* устанавливает сопоставительные отношения между двумя положениями вещей, но как имеющими место в разных пространственных рамках.

В некоторых случаях, однако, именно рамочное выражение задает отношение, которым должны быть связаны положения вещей, и определяет границы фрагментов текста, связанных этим отношением. Так, в (12) рамочное выражение «с их точки зрения» определяет границы левого контекста последнего союза *но*: *p* = «она права в том, что ей не нравится строй жизни ее семьи и что ей хочется другого».

(12) Но из отвлеченных рассуждений и из других примеров она видела, что, **с их точки зрения**, [она права в том, что ей не нравится строй жизни ее семьи и что ей хочется другого.] *p* Но [теперь надо подчиниться и выждать, а потом устроиться по-своему.] *q* (Вера Микулич. Мимочка на водах. 1892).

При отсутствии рамки левым контекстом для *но* становится все предложение в целом, вводимое первым союзом *но*, как показывает трансформация (13). Снимается также и полифония говорящих.

(13) Но [из отвлеченных рассуждений и из других примеров она видела, что она права в том, что ей не нравится строй жизни ее семьи и что ей хочется другого.] *p* Но [теперь надо подчиниться и выждать, а потом устроиться по-своему.] *q*

М. Шароль [12. С. 18] приводит примеры, где рамочное выражение задает само дискурсивное отношение, которым должны быть связаны положения вещей. Ср. (14) с рамочным выражением и (15) без него, поскольку обстоятельство времени находится в позиции ремы и не задает рамки, замещенные у М. Шароля:

(14) **Le dimanche**, Paul va au café. Il ne veut pas y aller avec ses collègues de bureau. ‘**По воскресеньям** Поль ходит в кафе. Он не хочет туда ходить со своими коллегами по работе’ (перевод наш. – О.И.).

(15) Paul va au café **le dimanche**. Il ne veut pas y aller avec ses collègues de bureau. ‘Поль ходит в кафе **по воскресеньям**. Он не хочет туда ходить со своими коллегами по работе’ (перевод наш. – О.И.).

Вариант (14) с обстоятельством «le dimanche» ‘по воскресеньям’ в функции временной рамки может быть понят либо как (а) = ‘По воскресеньям Поль ходит в кафе, *но* он не хочет туда ходить (по воскресеньям) со своими коллегами по работе’, либо как (б) = ‘По воскресеньям Поль ходит в кафе, *потому что* он не хочет туда ходить (в остальные дни недели) со своими коллегами по работе’. В интерпретации (а) сфера действия рамочного выражения распространяется и на второе предложение, в (б) второе предложение находится вне сферы его действия. Вариант (15) может быть понят только как (в) = ‘Поль ходит в кафе по воскресеньям, потому что он не хочет туда ходить (вообще) со своими коллегами по работе’. Оба предложения толкуются *par défaut* как имеющие место вообще.

Таким образом, рамочные выражения играют важную роль в процессе интерпретации текста. Они не только группируют находящиеся в сфере их действия высказывания, которые должны быть интерпретированы относительно некоторого единого критерия, но и могут определять, какие дискурсивные отношения следует установить между высказыванием, находящимся в их сфере действия, и последующими.

4. Рамочные выражения в аннотированных корпусах

В различных теориях дискурсивных отношений и созданных на их основе аннотированных корпусах текстов группировка положений вещей в семантические блоки, задаваемые рамочными выражениями, как правило, не учитывается. Причин на то несколько. Прежде всего, в некоторых корпусах, например в Penn Discourse Treebank (www.seas.upenn.edu/~pdtb) или в Надкорпусной базе данных коннекторов (<http://a179.frccsc.ru/RSCF10004/main.aspx>), предметом аннотирования являются логико-семантические отношения, т.е. только те, которые потенциально могут быть выражены вторым классом единиц, обеспечивающим связность текста на мезоуровне, а именно коннекторами. В корпусах, опирающихся на подходы, в которых дискурсивные отношения понимаются более широко, в частности в тех, которые опираются при аннотировании на ТРС (см., например, RST Discourse Treebank, [16]), тип связности, обеспечивающийся рамочными выражениями, тоже не учитывается. Это связано, с одной стороны, с тем, что минимальной дискурсивной единицей в подавляющем большинстве подходов считается клауза, тогда как рамочные выражения в своем большинстве являются непредикативными структурами, а некоторые из них входят в пропозициональное содержание предложения, в составе которого они находятся. С другой стороны, связность текста, обеспечиваемая рамочными выражениями, и связность, в основе которой лежат отношения, выражаемые коннекторами, часто накладываются друг на друга; см. (3) выше. Ситуация усложняется и тем, что некоторые рамочные выражения, указывающие, например, на источник информации, выполняют в тексте ту же функцию, что и глаголы речи (16), и размечаются в аннотированных согласно ТРС корпусах как вводящие сателлит отношения Attribution (17). Однако этот случай специально оговаривается, причем, как правило, только для *according to*¹:

(16) По данным аналитического центра «Индикаторы рынка недвижимости IRN.RU», средняя стоимость квадратного метра жилья в Фили-Давыдовке составляет 171 тыс. руб., в Кунцеве – 173 тыс., в Тропареве-Никулине – 178 тыс., в районе Филевский парк – 187 тыс., в Крылатском – 203 тыс., в районе Проспект Вернадского – 210 тыс. руб. Средняя цена однокомнатной квартиры в панельном доме в указанных районах – около 7,3 млн руб., двухкомнатной – 9,5 млн руб., сообщили «Газете.Ру» в компании «Пересвет-Инвест» (URL: <https://www.irn.ru/articles/36629.html>).

(17) [September orders for machine tools rebounded from the summer doldrums, but remained 7.7% below year-earlier levels,]N [according to figures from NMTBA – the Association for Manufacturing Technology.]S – Attribution (wsj_628: 4-5/6-7) (пример из [17. P. 25]).

¹ “When the source of the attribution is a phrase, beginning with the expression *according to*, rather than a clause, it should also be marked as an elementary discourse unit” [16. P. 8].

Мы видели, однако, что в случаях типа (12), когда ядро отношения Attribution содержит рамочное выражение, источник содержащейся в нем информации может не совпадать с источником, указанным в сателлите: в примере «Она видела, что она права» $\neq$ «Она видела, что она права с их точки зрения».

Что касается пространственных и временных рамок, то они не принимаются во внимание при разметке согласно TPC, поскольку они не имеют пропозициональной структуры и не выделяются, следовательно, в самостоятельные дискурсивные единицы. Исключение составляют случаи типа (6), т.е. когда временная или локализирующая рамка оформлены в независимое предложение. В корпусе RST Discourse Treebank [16, 17] такие семантические конфигурации относятся не к собственно дискурсивным отношениям, а к организации текста. Для них предлагается следующая разметка:

(18) [Friday, October 27, 1989]^{DATE} [The key U.S. and foreign annual interest rates below are a guide to general levels but don't always represent actual transactions...]^{TEXT} wsj_0602 (пример из [17. P. 72]).

(19) [CHICAGO:]^{POINT-OF-ORIGIN} [Sears, Roebuck & Co. is struggling as it enters the critical Christmas season...]^{TEXT} wsj_1105 (пример из [17. P. 73]).

Иной подход представлен в аннотированном корпусе ANNODIS, разработанном в рамках SDRT Н. Ашера [18]. В первоначальной версии SDRT вопрос о сегментировании текста на минимальные дискурсивные единицы не обсуждался, а за основу по умолчанию был принят все тот же пропозициональный подход (минимальная единица = клауза). Однако в последующих работах [19, 20] было показано, что рамочные выражения обладают определенной дискурсивной самостоятельностью: их сфера действия может выходить за рамки предложения, в котором они находятся. Это привело к пересмотру критерия выделения минимальной дискурсивной единицы: в его основу легло наличие у сегмента текста, претендующего на такой статус, дискурсивной функции независимо от его синтаксической природы [21]. Это позволяет унифицировать разметку непропозициональных показателей отношения Attribution и других видов рамочных выражений, для которых в корпусе ANNODIS предлагается проставлять дискурсивное отношение Encadrement 'Рамка' (при разметке используется английский термин Frame; рис. 6).

[En médecine,]_10 [la psychothérapie est rattachée à la psychiatrie,]_11 [et [en psychologie,]_12 elle relève d'une formation post-graduée.]_13
 continuation(10,12), frame(10,11), frame(12,13)

Рис. 6. Пример разметки рамочных выражений в корпусе ANNODIS [22. P. 21]

В приведенном на рис. 6 высказывании использованы два рамочных выражения, задающие области знаний, для которых верно сказанное в попадающих в их сферу действия предложениях: «en médecine» 'в медицине' (сегмент 10) и «en psychologie» 'в психологии' (сегмент 12). Отношение

Continuation ‘Продолжение’, вводимое союзом *et* ‘и’, устанавливается между положениями вещей «психотерапия является частью психиатрии» (фрагмент 11) и «она преподается как часть специализации» (фрагмент 13), находящимися в сфере действия соответствующих рамок: фрагмент 10 («*en médecine*») и фрагмент 12 («*en psychologie*»), о чем говорят номера сегментов текста, связанных этим отношением: Continuation (10, 12).

Поскольку примеров аннотирования в работе [23] приводится довольно мало и не на все случаи, остается неясным, как должны быть размечены высказывания типа (12), когда фрагмент текста содержит одновременно отношение Attribution и рамочное выражение, которые вступают в своего рода конфликт: содержание главного предложения приписывается глаголом *видеть* «ей» (Bave), а на самом деле эта точка зрения принадлежит другим субъектам, к которым отсылает местоимение *их*. По-видимому, разметка должна иметь следующий вид:

(20) Но [из отвлеченных рассуждений и из других примеров она видела,]_1 что, [с **их точки зрения**,]_2 [она права в том, что ей не нравится строй жизни ее семьи]_3 [и что ей хочется другого.]_4 [*Но* теперь надо подчиниться и выждать,]_5 [а потом устроиться по-своему.]_6 Attribution(1, 2), Frame(2, 3–6), Continuation(3, 4), Temp(5, 6), Contrast(3–4, 5–6).

Согласно такой разметке отношение Attribution устанавливается непосредственно с рамочным выражением, а не с пропозицией, входящей в сферу его действия, что позволяет отразить полифонию говорящих и представить более адекватно семантику данного высказывания.

С другой стороны, нельзя не подчеркнуть, что рамочные выражения и коннекторы имеют разную семантическую природу и особенности функционирования и часто вступают в довольно сложное взаимодействие, поэтому разметка дискурсивных функций языковых средств этих двух классов может потенциально привести к конфликту при аннотировании.

Заключительные замечания

Анализ средств связывания на мезоуровне, промежуточном между микро- и макроструктурой текста, показал, насколько важно учитывать их взаимодействие при интерпретации текста, а значит, и при его аннотировании. Это еще раз подчеркивает справедливость гипотезы Дж. Хоббса о том, что понимание текста складывается в результате одновременной интерпретации языковых единиц разных уровней и разной семантической природы, и ставит под вопрос правомерность утверждения, что между единицами всех уровней иерархии текста существуют дискурсивные отношения одного и того же типа. Если говорить о двух классах единиц мезоуровня – коннекторах и рамочных выражениях, то в отличие от коннекторов, связывающих фрагменты текста, рамочные выражения группируют находящиеся в их правом контексте высказывания и в то же время сигнализируют, какие единицы должны быть интерпретированы относительно заданного им единого критерия, а какие – нет. Смена рамки указывает на

то, что между предыдущим семантическим блоком и блоком, открываемым новой рамкой, нет непосредственной связи, что новый семантический блок должен быть интерпретирован отдельно от предыдущего и относительно другого критерия. Представляет, таким образом, интерес не только изучение процессов интеграции минимальных дискурсивных единиц в большие (т.е. восходящий подход), но и процесс членения макро-единиц на меньшие (т.е. нисходящий подход). В восходящем подходе рамки будут считаться сигналом интеграции высказываний в более крупную дискурсивную единицу, в нисходящем подходе – сигналом локального прерывания связности, началом новой дискурсивной единицы. Применение нисходящего подхода ставит, однако, перед лингвистами целый ряд вопросов, на которые еще предстоит найти ответы: как мы интерпретируем ситуации при отсутствии рамок, как взаимодействуют их сферы действия при наличии в тексте нескольких рамок, каковы языковые средства, сигнализирующие завершение сферы действия рамочного выражения (в частности, какую роль в закрытии рамки играют абзацы и другие единицы макроуровня).

Наконец, в том, что касается аннотирования текстов, следует, по-видимому, признать, учитывая разнородность языковых единиц, участвующих в организации текста и обеспечивающих его связность, что каждый разряд этих единиц должен размечаться отдельно и лишь затем могут быть показаны механизмы их взаимодействия.

Литература

1. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: Towards a Functional Theory of Text Organization // *Text & Talk*. 1988. № 8 (3). P. 243–281.
2. Hobbs J.R. Coherence and Coreference // *Cognitive science*. 1979. № 3. P. 67–90.
3. Webber B., Prasad R., Lee A., Joshi A. The Penn Discourse Treebank 3.0. Annotation Manual. 2019. URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/docs/LDC2019T05/PDTB3-Annotation-Manual.pdf>.
4. PDTB Research Group. The Penn Discourse Treebank 2.0 Annotation Manual. Technical Report IRCS-08-01. Philadelphia : Institute for Research in Cognitive Science, University of Pennsylvania, 2008. URL: <https://www.seas.upenn.edu/~pdtb/PDTBAPI/pdtb-annotation-manual.pdf>.
5. Инькова О. Логико-семантические отношения: проблемы классификации // Инькова О., Манзотти Э. Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М., 2019. С. 11–98.
6. Adam J.-M. éd. Faire texte. Frontières textuelles et opérations de textualisation. Besançon : Presses universitaires de Franche-Comté, 2015. 356 p.
7. Кибрик А.А. Дискурс // Кибрик А.Е. и др. Введение в науку о языке. М., 2019. С. 126–163.
8. Dijk T.A. van. Text grammar and text logic // *Studies in Text Grammar* / eds by J. Petöfi, H. Rieser. Dordrecht : Reidel, 1973. P. 17–76.
9. Martin R. La logique du sens. Paris : PUF, 1983.
10. Fauconnier G. Espaces mentaux. Paris : Minuit, 1984.
11. Kamp H., Reyle U. From Discourse to Logic. Dordrecht : Kluwer, 1993.
12. Charolles M. L'encadrement du discours // *Cahier de Recherche Linguistique*. 1997. № 6. P. 1–73. URL: <https://hal.archivesouvertes.fr/hal-00665849>

13. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru
14. Sarda L., Carter-Thomas Sh., Fagard B., Charolles M. *Adverbials in Use. From Predicative to Discourse Functions*. Louvain-La-Neuve : Mons, Presses Universitaires de Louvain, 2014.
15. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 77–93.
16. Carlson L., Marcu D., Okurovsky M.E. RST Discourse Treebank. Philadelphia, Linguistic Data Consortium. 2002. URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC2002T07>
17. Carlson L., Marcu D., Okurovsky M.E. Building a Discourse-Tagged Corpus in the Framework of Rhetorical Structure Theory // Proceedings of the Second SIGdial Workshop on Discourse and Dialogue. 2001. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/W01-1605>
18. Asher N., Lascarides A. *Logics of conversation*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
19. Charolles M., Le Draoulec A., Péry-Woodley, Sarda L. Temporal and spatial dimensions of discourse organization // Journal of French Language Studies. 2005. Vol. 15. P. 203–218.
20. Vieu L., Bras M., Asher N., Aurnague M. Locating adverbials in discourse // Journal of French Language Studies. 2005. Vol. 15. P. 173–193.
21. Prévot L., Vieu L., Asher N. Une formalisation plus précise pour une annotation moins confuse : la relation d'élaboration d'entité // Journal of French Language Studies. 2009. Vol. 19. P. 207–228.
22. Muller P., Vergez M., Prevot L., Asher N., Benamara F., Bras M., Le Draoulec A., Vieu L. Manuel d'annotation en relations de discours du projet ANNODIS. (Carnets de grammaire, Rapport n°21. CLLE-ERSS.) Toulouse : Université de Toulouse Jean Jaurès, 2012.

Text Incoherence, or Some Pitfalls of Automatic Text Processing

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 81–98. DOI: 10.17223/19986645/74/5

Olga Yu. Inkova, University of Geneva (Geneva, Switzerland), Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: olga.inkova@unige.ch

Keywords: text coherence, semantics, automatic text processing, rhetorical relations, frame expressions.

The article discusses the little-studied aspects of analysis of framework expressions, i.e. units that divide information into semantic blocks interpreted according to certain criteria (temporal, spatial, or communicative) set by framework expressions thus ensuring text coherence. The analysis is based on examples from the Russian National Corpus. Unlike most studies using the ascending approach to text coherence, i.e. the integration of minimal discourse units higher-level units, such as in the Rhetorical Structure Theory, this article uses a descending approach, analyzing, on the contrary, the segmentation of the text into smaller units. This approach proves its productivity by allowing to show that texts have not only signals of coherence, but also signals of discreteness, warning that there is no direct connection between the previous and the subsequent context or that there is no such connection at all. Frame expressions function as those signals. The article, without claiming to be exhaustive, raises questions that arise while describing framework expressions; the author gives answers to some of them. First of all, semantic and functional properties of framework expressions are described: 1) weak syntactic dependence on the predication (peripheral syntactic position), 2) topic status, 3) certain semantics features. The author then analyzes how scopes of frame expressions interact and gives a number of possible configurations: 1) the state of affairs q is integrated into the U_1 frame that opens with the state of affairs p and

remains open; 2) the state of affairs q is integrated into the U_2 frame that closes the U_1 frame; 3) the state of affairs q is integrated into the U_2 , a frame that is subordinate to the U_1 frame. Finally, the author analyzes the interaction of frame expressions with connectives as logical-semantic relations markers. This interaction is manifested in the fact that the frame defines the boundaries of text spans between which this relation is established. The final section shows, using four resources as examples (Penn Discourse Treebank, Supra-corpora database of connectives, RST Discourse Treebank, ANNODIS) the way in which frame expressions are used in the text annotation process. Establishing the heterogeneity of the linguistic units ensuring text coherence, the author concludes that each category of these units should be annotated separately and only in that case the mechanisms of their interaction can be shown. The results obtained can be used to study the discourse structure and in text annotation.

References

1. Mann, W.C. & Thompson, S.A. (1988) Rhetorical Structure Theory: Towards a Functional Theory of Text Organization. *Text & Talk*. 8 (3). pp. 243–281.
2. Hobbs, J.R. (1979) Coherence and Coreference. *Cognitive Science*. 3. pp. 67–90.
3. Webber, B., Prasad, R., Lee, A. & Joshi, A. (2019) *The Penn Discourse Treebank 3.0. Annotation Manual*. [Online] Available from: <https://catalog.ldc.upenn.edu/docs/LDC2019T05/PDTB3-Annotation-Manual.pdf>.
4. PDTB Research Group. (2008) *The Penn Discourse Treebank 2.0 Annotation Manual. Technical Report IRCS-08-01*. Philadelphia: Institute for Research in Cognitive Science, University of Pennsylvania. [Online] Available from: <https://www.seas.upenn.edu/~pdtb/PDTBAPI/pdtb-annotation-manual.pdf>.
5. In'kova, O. (2019) Logiko-semanticheskie otnosheniya: problemy klassifikatsii [Logical-semantic relations: problems of classification]. In: In'kova, O. & Manzotti, E. *Svyaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya* [Text connectivity: mereological logical-semantic relations]. Moscow: YaSK. pp. 11–98.
6. Adam, J.-M. (ed.) (2015) *Faire texte. Frontières universitaires de Franche-Comté. textualisation*. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté.
7. Kibrik, A.A. (2019) Diskurs [Discourse]. In: Kibrik, A.A. et al. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow: Buki-Vedi. pp. 126–163.
8. van Dijk, T.A. (1973) Text grammar and text logic. In: Petöfi, J. & Rieser, H. (eds) *Studies in Text Grammar*. Dordrecht: Reidel. pp. 17–76.
9. Martin, R. (1983) *La logique du sens*. Paris: PUF.
10. Fauconnier, G. (1984) *Espaces mentaux*. Paris: Minuit.
11. Kamp, H. & Reyle, U. (1993) *From Discourse to Logic*. Dordrecht: Kluwer.
12. Charolles, M. (1997) L'encadrement du discours. *Cahier de Recherche Linguistique*. 6. pp. 1–73. [Online] Available from: <https://hal.archivesouvertes.fr/hal-00665849>
13. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: www.ruscorpora.ru (In Russian).
14. Sarda, L. et al. (2014) *Adverbials in Use. From Predicative to Discourse Functions*. Louvain-La-Neuve: Mons, Presses Universitaires de Louvain.
15. Shvedova, N.Yu. (1964) Determiniruyushchiy ob'ekt i determiniruyushchee ob'stoyatel'stvo kak samostoyatel'nye rasprostraniteli predlozheniya [Determining Object and Determining Circumstance as Independent Distributors of the Sentence]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 77–93.
16. Carlson, L., Marcu, D. & Okurovsky, M.E. (2002) *RST Discourse Treebank. Philadelphia, Linguistic Data Consortium*. [Online] Available from: <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC2002T07>
17. Carlson, L., Marcu, D. & Okurovsky, M.E. (2001) Building a Discourse-Tagged Corpus in the Framework of Rhetorical Structure Theory. *Proceedings of the Second SIGdial Workshop on Discourse and Dialogue*. [Online] Available from: <https://www.aclweb.org/anthology/W01-1605>

18. Asher, N. & Lascarides, A. (2003) *Logics of conversation*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Charolles, M. et al. (2005) Temporal and spatial dimensions of discourse organization. *Journal of French Language Studies*. 15. pp. 203–218.
20. Vieu, L. et al. (2005) Locating adverbials in discourse. *Journal of French Language Studies*. 15. pp. 173–193.
21. Prévot, L., Vieu, L. & Asher, N. (2009) Une formalisation plus précise pour une annotation moins confuse: la relation d'élaboration d'entité. *Journal of French Language Studies*. 19. pp. 207–228.
22. Muller, P. et al. (2012) *Manuel d'annotation en relations de discours du projet ANNODIS*. (Carnets de grammaire, Rapport n°21. CLLE-ERSS.) Toulouse: Université de Toulouse Jean Jaurès.

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/74/6

Е.В. Каблуков, О.В. Ильина

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЯН В ДИСКУРСЕ СМИ: ЕДИНСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ¹

*Рассматривается региональная идентификация россиян в дискурсе СМИ. Показано, что практики пространственной и темпоральной идентификации конструируют, с одной стороны, уникальность жителей регионов, а с другой – их общность, обеспечивающую интеграцию в общероссийский пространственно-временной контекст и единство национальной идентичности (ср. с дихотомией *idem* и *ipse* у Рикера). Материалом исследования служат тексты печатных СМИ Калининградской, Свердловской областей и Республики Татарстан за 2017–2019 гг.*

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, дискурсивная практика, СМИ, идентичность, идентификация, региональная идентичность

Роджерс Брубейкер отмечает, что «перечень употреблений слова «идентичность» обнаруживает не только чрезвычайную разнородность, но и очевидную противоположность позиций, которые выдвигают на первый план основополагающее и стабильное тождество, и установок, отчетливо отвергающих концепции базового тождества. Первые можно назвать сильными или жесткими концепциями идентичности, а вторые – слабыми или мягкими» [1. С. 81–82]. «Жесткие концепции», как правило, связаны с эссенциалистской парадигмой, доминировавшей вплоть до второй половины XX в. (см., например, [2. Р. 19–32]). В это время эссенциализм подвергается жесткой критике, что приводит к «кризису идентичности в общественных науках» [1. С. 63–68]. Переосмысление и реактуализация термина «идентичность» происходят в рамках социального конструкционизма (см., например, [3]), приверженцы которого подчеркивают изменчивый характер идентичности и рассматривают ее как социальный конструкт, при этом предметом анализа становится не столько сама идентичность, сколько идентификация как процесс, который никогда не заканчивается [4. С. 2]. В результате формируются «мягкие концепции», которые, впрочем, также получают свою порцию критики, в том числе за искусственное переосмысление идентичности, неразрывно связанной с устаревшим эссенциализмом, в терминах модного конструкционистского подхода (см., например, [1. С. 62; 4. Р. 2]).

Лингвистическое осмысление идентичности в ее «мягком», конструкционистском варианте осуществляется главным образом в рамках дискурсивных исследований, причем одни представители этого направления при-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00143 «Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие».

знают ментальную природу идентичности, а другие ее отрицают. Так, в статье «Дискурсивное конструирование национальной идентичности» [5] последняя рассматривается как ментальный конструкт, который «производится, воспроизводится, трансформируется и разрушается посредством языка и других семиотических систем» и при этом соотносится с такими понятиями, как «воображаемое сообщество» (см. [6]) и «габитус» (см. [7]), кроме того, авторы показывают, что идентичность характеризуется динамичностью, фрагментарностью и всегда связана с конструированием различий и уникальности. Между тем И.И. Сандомирская отмечает, что «идентичность складывается в языке и ни в какой другой форме, кроме форм языка, не существует. Неверно говорить, что идентичность отражается в языке, выражается через язык или опосредуется при помощи языка. Это позволило бы заключить, что идентичность существует как самостоятельная сущность где-то вне и независимо от языка. Идентичность дискурсивна, то есть лингвистична» [8]. С нашей точки зрения, такой радикальный конструкционизм (ср. [9. С. 53–71]) справедлив лишь отчасти: мы солидарны с отказом от попыток изучить «то, что происходит в сознании субъекта, и то, что непосредственно недоступно наблюдению» [10. С. 27], но при этом воздерживаемся от выводов относительно исключительно дискурсивной природы идентичности, поскольку эти выводы касаются содержания той самой не поддающейся лингвистическому изучению сферы ментального и, следовательно, являются логически противоречивыми.

Настоящее исследование развивает традиции уральской школы дискурсивного анализа, основанной на принципах социального конструкционизма и идеях Мишеля Фуко, получивших лингвистическое осмысление в трудах Э.В. Чепкиной и других авторов, объектом внимания которых является главным образом медиадискурс (см. [11–14]). Такой подход предполагает изучение дискурсивных практик, представляющих собой «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [15. С. 227–228]. При анализе медиадискурса выделяются практики формирования объектов дискурса, в том числе отбора, номинации и описания этих объектов, практики формирования субъектных позиций дискурса, а также практики конструирования истины (см. [12]; ср. [16]). Таким образом, мы рассматриваем идентичность как условный дискурсивный конструкт, результат идентификаций субъектов медиадискурса, причем такие идентификации осуществляются посредством перечисленных выше дискурсивных практик: конструируя реальность, субъект дискурса конструирует также и себя, т.е. свою идентичность (ср. с концепцией К. Маркса, согласно которой «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [17. С. 3]).

Следующий важный методологический принцип нашего исследования связан с тем, что понимаемая таким образом идентичность оказывается

чрезвычайно сложным конструктом, для исчерпывающего описания которого необходимо полностью воссоздать все акты идентификации говорящего субъекта. Потому исследователь имеет дело не столько с идентичностью, сколько с ее упрощенной моделью, получаемой в результате научного реконструирования исследуемой идентичности, осуществляемого в соответствии с выбранной методикой [18. С. 26]. Наши предыдущие исследования показали, что ключевыми составляющими модели региональной идентичности (как и любой другой территориальной идентичности) являются темпоральная и пространственная идентификации, задающие систему координат той реальности, в которой существуют субъекты дискурса, осуществляющие идентификацию, т.е. «носители» данной идентичности [18. С. 27–28; 19]. При этом можно выделить различные тематические направления идентификации, в том числе экономическую, политическую, этноконфессиональную, культурную и др., которые не включаются в один ряд с пространственной и темпоральной, а наслаиваются на них, т.е. существуют внутри описанной системы координат [19]. Представляется, что данная модель является универсальной для изучения всякой территориальной идентичности, конструируемой в любом дискурсе, однако результат моделирования идентичности зависит от типа дискурса (медийный, религиозный, академический и т.д.) и набора актуализируемых в нем практик.

Мы обращаемся к анализу идентификации в дискурсе СМИ (медиадискурсе), так как последний представляет собой чрезвычайно влиятельный институт, субъекты которого оказывают воздействие на массовую аудиторию. Это воздействие проявляется и в том, что субъекты медиадискурса, осуществляя идентификацию, предлагают аудитории ту или иную модель идентичности, в том числе региональной, которую аудитория может принять (см. [9. С. 39–41, 80–81, 149–151]). При этом субъектом медиадискурса становится далеко не каждый. Эта привилегированная позиция [16. С. 50–51] связана с институциональным статусом коммуниканта и доступна прежде всего журналистам (или редакции в целом, когда речь идет о неавторизованных текстах), политикам, реализующим властную интенцию, а также некоторым персонажам журналистских текстов, получившим возможность перейти на позицию отправителя речи [11. С. 61–62]. Таким образом, реализацию высказывания в медиадискурсе можно рассматривать как акт власти, осуществляемый тем, кому принадлежит соответствующее право (см. [16. С. 51]).

Проведенный нами анализ региональной идентичности россиян в дискурсе СМИ позволил выявить традиционную для всякой идентичности дихотомию самости и тождественности (см. [20. С. 17]; см. также: [21–22]), которая лежит в основе любой идентификации и в нашем случае демонстрирует, с одной стороны, уникальность жителей данного региона, а с другой – их общность с жителями других регионов, с россиянами вообще. В настоящей работе мы рассмотрим, как конструируется эта уникальность (самость), обеспечивающая региональное разнообразие россиян, и эта общность (тождественность), гарантирующая единство национально-гражданской идентичности и, очевидно, целостность государства. Матери-

алом для исследования служат тексты печатных СМИ Калининградской и Свердловской областей, а также Республики Татарстан, вышедшие в свет в 2017–2019 гг. и включенные в базу данных «Интегрум» [23]. Выбор регионов обусловлен стремлением охватить этнокультурное и географическое разнообразие современной России. Так, Татарстан – это регион, имеющий яркую этническую и религиозную специфику, связанную с преобладанием татарского населения, традиционно исповедующего ислам. Свердловская область является ядерной территорией вернакулярного района Урал с преобладанием русского населения (см. [19. С. 122]). Калининградская область представляет собой географически отдаленный регион, прошлое которого связано с прусскими культурой и государственностью.

1. Разнообразие региональных идентификаций: конструирование уникальности регионов

Конструируя **пространство** региона, субъекты медиадискурса используют не только первичные номинации данной территории, но и экспрессивные перифразы, а также другие вторичные номинации, подчеркивающие ее уникальный статус: *Российская Балтика, Янтарный край, Урал, Средний Урал* и др. Примечательно, что эта практика активна в медиадискурсе областей, наименование которых не выявляет специфику региона, а лишь констатирует подчиненность территории некоему областному центру (в том числе уже давно переименованному Свердловску). При этом подобные вторичные номинации не встречаются в СМИ Татарстана, официальное название которого в полной мере отражает уникальность данного субъекта Федерации.

Другая практика предполагает приписывание региональному центру особого столичного статуса, причем не того, которым этот город наделен формально: *При этом чудом сохранившееся в областном центре здание, которое непосредственным образом связано с превращением нашего города в янтарную столицу мира, находится в ужасном состоянии* (Страна Калининград. 08.03.2017); *Мы уже много раз писали о том, что наш город становится столицей не только бокса, но и единоборств в целом* (Областная газета. 03.08.2018); *Араик Маргарян внёс значительный вклад в укрепление международного авторитета республики, популяризацию Казани как спортивной столицы России, ведёт активную общественную деятельность* (Татарстан. 28.06.2019).

Таким образом, для идентификации россиян важно, что главный город их региона занимает особое место на карте страны или мира в целом. Впрочем, это не исключает ироничного осмысления данного статуса: *Анемичные препирания о бренде Калининграда ведутся уже третий десяток лет. Регион, к примеру, зовется «Янтарной столицей», «Российским Гонконгом», «Футбольными воротами Балтики». Как бы то ни было, эти названия не выдерживают критики* (Дворникъ. 04.05.2017); *Меж тем в уральской столице до сих пор говорят о том, что город вошёл в Книгу рекордов Гиннеса по объёму потребления майонеза. Но пока официального*

подтверждения этой информации нет (Вечерний Екатеринбург. 27.12.2017); *Раньше мы жили в Вятских Полянах, там никаких проблем с скорой не было, а теперь живем в третьей столице и нам предлагают самим ехать в больницу...* (Вечерняя Казань. 28.08.2019).

Употребление местных топонимов без каких-либо пояснений также является способом идентификации, позволяющим, с одной стороны, объединить редакцию и читателей данного СМИ в «свой круг» (см. [19. С. 121]), а с другой – продемонстрировать уникальность своей территории: *Но потом их покорило гостеприимство, открытость. А еще – наши Куршская коса и Светлогорск* (Страна Калининград. 29.08.2018); *Конец света в Нижней Ослянке, стоящей на двух берегах Чусовой, наступил в мае 2007 года* (Областная газета. 21.03.2017); *Потом мы вместе склонились над книгой, выискивая знакомые географические названия: Казанская губерния, Лаишевский монастырь, Мензелинский уезд, деревня Варяи-Баи...* (Татарстан. 26.03.2018).

Разнообразие региональных идентификаций россиян проявляется также при конструировании ближайших соседей и других территорий, значимых для данного региона. В случае со Свердловской областью это соседние регионы Урала, особенно Челябинская область (*Южный Урал*), а также субъекты Федерации и вернакулярные районы, примыкающие к Уралу, например Курганская область (*Зауралье*) и Сибирь: *Пока прогноз сбывается. Например, на Южном Урале в эти дни холоднее, чем в Свердловской области. У наших южных соседей погоду устанавливает казахстанский антициклон, который и принёс морозы* (Областная газета. 21.12.2017); *Сын Никиты Демидовича, Акинфий Никитич Демидов – считается основателем горнозаводской промышленности на Урале и в Сибири* (Уральский рабочий. 18.10.2018).

Для жителей Татарстана особую роль играют другие регионы Поволжья (республика входит в данный вернакулярный район), а также территории (российские субъекты Федерации и зарубежные государства), населенные тюркоязычными народами и народами, исповедующими ислам: *«Восток Капитал» действует всего 1,5 года, но за это время вам удалось создать довольно обширную сеть покупателей по всему Поволжью: в Татарстане, Оренбургской области, Башкортостане, Самарской области* (Татарстан. 29.05.2017); *В ходе беседы Минтимер Шаймиев и Фариддин Насриев обсудили вопросы о расширении контактов между Татарстаном и Узбекистаном в сфере экономики, культуры, науки и образования. «Мы очень многое можем и должны сделать. У нас общие традиции, общая группа языков, общая история...»* (Республика Татарстан. 01.03.2019).

Иная ситуация, обусловленная уникальным географическим положением эксклава, фиксируется при анализе практик идентификации калининградцев. Важными соседями для них являются соседние государства Европы: Польша, Литва, а также Германия (несмотря на отсутствие общей границы): *Она дала толчок к созданию и работе круглых столов с Польшей и Литвой, решающих массу задач – от безвизового режима до транспортного регионального сотрудничества* (Дворникъ. 05.09.2017); *Радует, что, как и раньше, документы на немецкий шенген можно подать в любой рабочий день без предваритель-*

ной записи. Другие новости, связанные с нашими ближайшими соседями, читайте на стр. 4 (Страна Калининград. 30.01.2019).

Темпоральная идентификация жителей территории связана с конструированием прошлого, будущего и настоящего, при этом исследователи отмечают, что особое значение для формирования коллективной идентичности имеет общее прошлое (см. [24. Р. 14]). Так, специфика исторического нарратива Калининградской области определяется ее прусским прошлым: *Если же погрузиться в историю более глубоко, то мы увидим, что улица Сергеева, у немцев Hintertragheim, что в переводе «позади Трагхайма», закладывалась в XVI веке, во времена Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, первого герцога Пруссии (Гражданин. 23.03.2017); Конечно, мало кто из господ читателей бывал в довоенном Кенигсберге, но хотя бы из литературы многие представляют себе, каким было лицо того города: замок, собор, средневековые улочки центра, район старинных фахверковых складов Ластадия... (Тридевятый регион. 09.06.2017).*

Для жителей Свердловской области оказываются значимыми события и персонажи, обеспечившие формирование промышленного потенциала региона в дореволюционный и советский периоды: *Место для строительства завода выбрал Василий Татищев, строительство крупнейшего в Европе железодельного завода было завершено под руководством Вильгельма де Геннина (Вечерний Екатеринбург. 06.12.2018); Здесь был создан опорный край державы, мощь которого была направлена на достижение главной цели – Победу в Великой Отечественной войне (Областная газета. 06.05.2017).*

При анализе исторического нарратива в СМИ Татарстана периодически выявляется противопоставление двух субъектов истории, представляющих татарскую и собственно российскую государственность: *И татарстанская делегация положила перед российской текст «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (Казанские Ведомости. 13.07.2017); В книге рассматриваются политические отношения между Москвой и татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды... (Казанские Ведомости. 03.08.2018).*

Будущее конструируется в текстах СМИ как «прогнозируемое время» [25. С. 21], связанное с реализацией масштабных проектов, причем отбор этих проектов демонстрирует самобытность рассматриваемых регионов: *Празднование 300 лет со дня рождения И. Канта дает прекрасный повод подчеркнуть, что Россия была и остается частью европейской цивилизации (Тридевятый регион. 24.11.2017); Проект ЭКСПО-парка уникален ещё и тем, что он может стать самым большим в истории Всемирной выставки (Вечерний Екатеринбург. 14.11.2018); Для нас это масштабное и важное мероприятие, поскольку Татарстан готовится к чемпионату мира по профессиональному мастерству, который пройдет в Казани в 2019 году (Казанские Ведомости. 30.11.2017).*

Настоящее в медиадискурсе – это чрезвычайно сложный конструктор, «информационный образ актуальности» (ср. с определением журналистики [26. С. 8]), который уместно рассмотреть как набор разнородных тематических

идентификаций, в частности политической и экономической – именно на них мы остановимся в настоящей работе. Роль некоторых других тематических идентификаций, участвующих в конструировании настоящего российских регионов (например, культурной и этноконфессиональной идентификации уральцев), рассмотрена нами ранее (см. [19. С. 127–128]). При этом следует отметить, что аналогичный набор тематических идентификаций можно использовать также для более детального анализа конструкторов прошлого и будущего.

Политическая идентификация, среди прочего, предполагает отбор и конструирование образа региональных политиков (особенно глав регионов и городов), для номинации которых используются лишь имена собственные, которые знакомы «своему кругу» читателей и потому не требуют упоминания должностей: *«Янтарная порнография» – так охарактеризовал недавно Антон Алиханов вид торговых палаток у Музея янтаря в Калининграде* (Тридевятый регион. 31.10.2017); *Александр Высокинский придерживается принципиально жесткой позиции в вопросе повышения стоимости проезда в наземном общественном транспорте* (Уральский рабочий. 13.04.2019); *Вот и герою данного комикса – татарскому рейнджеру дана своеобразная «суперспособность» – вызывать Рустама Минниханова, вооруженного «миниганом»...* (Вечерняя Казань. 21.03.2017).

Перейдем к экономической идентификации. У калининградцев она определяется географическим положением и приморским статусом региона. Важными для жителей оказываются рыболовство и даже столь экзотический промысел, как добыча янтаря: *Ежегодно через рыбоперерабатывающие цеха на их судах проходит около 150 тысяч тонн сырца* (Дворникъ. 10.07.2018); *Анализ деятельности Янтарного комбината поводов для оптимизма не дает. <...> 90 процентов добытых самоцветов ювелирных фракций уходит на экспорт* (Тридевятый регион. 20.01.2017).

Особую роль в экономической жизни уральцев по-прежнему играет металлургическая отрасль, которая может быть источником не только благополучия, но и проблем, особенно если речь идет о депрессивных моногородах: *Так, на Среднеуральском медеплавильном заводе модернизация металлургического производства позволила в разы снизить выбросы вредных веществ в атмосферу* (Областная газета. 16.02.2017); *После инцидента с НТЗТИ правоохранные органы проявляют повышенный интерес к предприятиям-должникам. Например, по факту невыплаты зарплаты на Алапаевском металлургическом заводе возбуждено уголовное дело...* (Областная газета. 22.07.2017).

СМИ Татарстана уделяют значительное внимание таким сферам экономики, как сельское хозяйство и нефтяной сектор: *При этом наши ключевые приоритеты остаются неизменными – это проекты по использованию нефти как ценнейшего сырья для нефтехимии* (Татарстан. 31.10.2018); *Наша республика по валовой продукции сельского хозяйства традиционно входит в число лидеров наряду с более южными регионами – Краснодарским краем, Белгородской и Ростовской областями...* (Республика Татарстан. 08.06.2019).

2. Общность региональных идентификаций: конструирование национально-гражданского единства

Как уже было сказано, **пространственная идентификация** жителей российских регионов предполагает использование номинаций, фиксирующих уникальный статус этих регионов и региональных центров. Однако эти номинации часто закрепляют особое положение соответствующей территории именно на карте России и тем самым участвуют в формировании единой национально-гражданской идентичности россиян. Так, для наименования Калининградской области используется перифраз «российская Балтика», основанный на метонимическом переносе (Балтика как территория, омываемая Балтийским морем) и включающий определение «российский», а номинация «третья столица», обозначающая в уральских СМИ Екатеринбург, а в татарстанских Казань, предполагает включение соответствующего города в традиционную иерархию российских столиц – вслед за Москвой и Санкт-Петербургом. Вообще сопоставление с Москвой – это типичная практика идентификации жителей регионов, обеспечивающая их интеграцию в общероссийское пространство, центром которого является Москва: ***Мы почти сравнялись со столицей в расходах, а вот в зарплатах разница огромная. И, увы, не в нашу пользу*** (Страна Калининград. 15.03.2017); ***Пройти определенное восстановительное лечение или сделать операцию у нас стоит значительно дешевле, чем в Москве или Питере*** (Уральский рабочий. 26.04.2019); ***За последние десять лет количество хамства на душу населения в нашем городе резко снизилось. По сравнению с Москвой Казань – просто какая-то толерантная Швейцария*** (Вечерняя Казань. 24.05.2019). Интересно, что Москва при этом далеко не всегда служит эталоном, на который равняются другие города и регионы, а выступает также в качестве отрицательного примера чрезмерной суеты, дороговизны, нетерпимости и т.д.

Темпоральное единство. Историческая идентификация жителей российских регионов связана с конструированием нарратива, обеспечивающего включение этих территорий в общероссийский исторический процесс. Например, для уральцев оказывается значимым освоение региона российскими промышленниками и строительство первых железоделательных заводов в XVIII в.: ***Становление Горнозаводского Урала состоялось именно во времена Российской империи. Наши демидовские заводы в Нижнем Тагиле и Верхней Салде, завод в Билимбае, основанный графом Строгановым, были одними из ведущих в стране по выплавке чугуна. Была открыта железная дорога, которая стала важнейшей транспортной артерией*** (28.07.2017).

Медиа Татарстана периодически рассказывают о сложном и неоднозначном процессе вхождения региона в состав Московского княжества: ***Таким образом, Свияжск, выражаясь языком современных военных, стал своего рода базой, плацдармом для наступления на Казань, которая была взята уже в октябре 1552 года. Но и после присоединения Казанского ханства Свияжская крепость, именовавшаяся тогда Иван-городом, не потеряла своего значения, долгое время являясь приграничным форпостом Российского государства*** (Республика Татарстан. 25.04.2019).

В калининградских СМИ можно найти материалы, демонстрирующие переплетение исторических процессов Пруссии и России еще до того, как Кенигсберг вошел в состав Российской империи: *В 1697 году в Кенигсберг приехал русский урядник по имени Петр Михайлов. Прибыл он буквально накануне грандиозного события – въезда в столицу Пруссии **Великого российского посольства*** (Гражданин. 22.03.2018).

Отметим, что особую роль в исторической идентификации жителей российских регионов и конструировании их общего прошлого играет Великая Отечественная война, события и персонажи которой актуализируются в связи с Днем Победы. Впрочем, обращения к событиям Великой Отечественной имеют место не только в канун праздника: почти любое значимое событие в жизни ветерана может попасть в повестку СМИ, также упоминание войны встречается при конструировании личных нарративов других персонажей медиадискурса: *В поселке Мозырь Правдинского городского округа Ивана Малышева знает каждый. Еще бы – ветеран Великой Отечественной, рядовым солдатом сражался на Первом Прибалтийском фронте, закончил войну в Кенигсберге* (Страна Калининград. 22.08.2018); *Проживающий в Верх-Исетском районе Екатеринбурга участник Великой Отечественной войны Михаил Ефимович Плеханов на днях отметил свой золотой, столетний юбилей* (Вечерний Екатеринбург. 19.09.2018); *Особенно непросто приходилось ее отцу, Мирзе Халиулловичу Габайдуллину, участнику Финской и Великой Отечественной войн, вернувшемуся с полей сражений с ранением и контузией* (Известия Татарстана. 02.03.2017).

Конструкт будущего в региональном медиадискурсе часто связан с реализацией проектов всероссийского масштаба. Одним из таких проектов стала подготовка к чемпионату мира по футболу, матчи которого должны были пройти в одиннадцати городах страны, в том числе в Екатеринбурге, Калининграде и Казани: *Также сегодня в Калининграде стахановскими темпами строятся тренировочные базы к чемпионату мира. Реконструкция стадионов «Пионер» и «Локомотив» завершена на 95 %* (Страна Калининград. 01.11.2017); *Глобальные перемены ждут центр Екатеринбурга, где к мундиалю создадут новые общественные пространства* (Областная газета. 04.08.2017); *...к чемпионату мира по футболу будет создана пешеходная зона между зданием Татмедиа и входом на станцию метро «Козья слобода», будет достроен участок дороги по улице Бондаренко, который соединит улицы С. Хакима и Чистопольскую, и капитально отремонтирована улица Рабочая* (Вечерняя Казань. 13.11.2017).

Рассматривая практики конструирования настоящего, вновь обратимся к экономической и политической сферам. Так, экономическая идентификация может быть различной, но при этом непременно предполагает интеграцию регионов в единую финансово-экономическую систему страны: *За счет средств **федерального бюджета** в регион поступили 25 новых автомобилей СМП, за счет регионального бюджета – 9 реанимобилей* (Страна Калининград. 13.06.2018); *Совместно с **федеральным правительством** мы готовим проектную документацию для строительства центра, ведем*

работу над разработкой номенклатуры изделий, которые будут производиться в центре механообработки, ищем участок под новое производство (Уральский рабочий. 16.01.2019); *Учитывая геополитические сложности, Татарстан выступает точкой входа для иностранных инвестиций в экономику России...* (Вечерняя Казань. 12.04.2018).

Упоминание *федерального бюджета и федерального правительства* вызывает включенность региона в общегосударственное экономическое пространство. Точно так же третий пример демонстрирует отношения «часть – целое», при которых регион рассматривается как составной элемент (*точка входа*) экономики страны. В то же время приведенные примеры показывают совершенно разные типы экономических отношений между регионом как частью и национальной экономикой как целым: отношения зависимости региона (связаны, например, с дотациями из федерального бюджета), отношения сотрудничества (предполагают равноправные отношения), отношения зависимости национальной экономики (в таком случае регион является донором федерального бюджета или имеет иное особое экономическое значение – та самая *точка входа*).

Общая практика политической идентификации, объединяющая жителей разных регионов России, связана с конструированием вертикали власти, на вершине которой находится президент России Владимир Путин: *Федеральная антимонопольная служба проверит обоснованность повышения стоимости авиабилетов в Калининград. Такое поручение дал Президент РФ Владимир Путин. Об этом сообщается на официальном сайте ФАС. Специалисты уже запросили информацию о системе формирования цен, продаж и бронирования у крупнейших авиакомпаний России* (Страж Балтики. 20.10.2017); *«Первое – безусловное выполнение всех установок нового майского указа президента России и увязанных с ним мероприятий программы "Пятилетка развития" <...>, – сказал Алексей Орлов* (Уральский рабочий. 25.10.2018); *Более трех десятков казанцев вышли сегодня на митинг в сквере им. Тинчурина с требованием поднять мизерное пособие для родителей, которые ухаживают за детьми-инвалидами. <...> Мы очень надеемся на то, что Владимир Путин нас услышит! Ведь таких, как мы, в стране более 2,5 миллиона человек* (Вечерняя Казань. 03.12.2018). Приведенные примеры показывают, что президент выступает как «последняя инстанция», к которой апеллируют жители разных регионов, и в то же время как носитель абсолютной истины, который точно знает, что и как нужно делать.

Также единство политической повестки в региональных СМИ обеспечивается за счет обращения к актуальным для современной России официальным идеологемам, таким как «импортозамещение», «майские указы» и «национальный проект» (см. [27]): *Я думаю, что это обязательно будет реализовано, потому что такая задача содержится в национальном проекте и в целом это просто необходимо* (Дворникъ. 12.09.2017); *В августе в рамках выполнения майских указов Владимира Путина в Академическом районе Екатеринбурга открылась первая очередь школы № 23* (Областная газета. 25.01.2017); *Сейчас более половины необходимых сельхозпредприятиям России средств*

защиты растений ввозится из-за рубежа. Так что новое предприятие позволит сделать большой шаг в деле импортозамещения и снижения зависимости от внешних рынков (Республика Татарстан. 29.06.2019).

Выводы

Построение модели региональной идентичности россиян на материале изданий Калининградской и Свердловской областей, а также Республики Татарстан позволило выявить набор практик, посредством которых осуществляется региональная идентификация субъектов медиадискурса, основанная на их отношении к пространству и времени.

С одной стороны, это практики, выявляющие уникальность рассматриваемых регионов:

1) практики пространственной идентификации, такие как использование выразительных перифразов для номинации регионов и их административных центров, употребление местных топонимов без родовых слов и прочих пояснений, конструирование значимых соседей;

2) практики темпоральной идентификации, конструирующие особый исторический нарратив региона, специфическое представление о его будущем и многомерный образ настоящего, указывающий, в частности, на политическую и экономическую самобытность территории.

С другой стороны, это практики, фиксирующие общность рассматриваемых регионов и их включенность в общероссийский хронотоп:

1) практики пространственной идентификации, в том числе использование вторичных номинаций, закрепляющих особое положение территории на карте России, и сопоставление регионального центра с Москвой;

2) практики темпоральной идентификации, демонстрирующие интеграцию территорий в общероссийский исторический процесс и общероссийскую информационную повестку, которая намечает контуры будущего страны, а также определяет образ ее настоящего, связанный с единым бюджетным процессом и политической централизацией («вертикаль власти», в которую включены все рассматриваемые регионы).

Сочетание перечисленных практик, обеспечивающих разнообразие региональных идентификаций и при этом единство национально-гражданской идентичности россиян, представляется весьма гармоничным, что свидетельствует об отсутствии рисков, связанных с сепаратизмом или, напротив, нивелированием различий между жителями разных регионов страны.

Литература

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. Benwell B., Stokoe E. Discourse and identity. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. 328 p.
3. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. London : Penguin Books, 1966. 249 p.
4. Hall S. Who needs identity? // Questions of Cultural Identity / eds by S. Hall, P. Du Gay. London : SAGE Publications, 1996. P. 1–17.

5. *De Cillia R., Reisigl M., Wodak R.* The discursive construction of national identities // *Discourse & society*. 1999. Vol. 10, № 2. P. 149–173.
6. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
7. *Бурдые П.* Структура, габитус, практика // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. 1, № 2. С. 44–59.
8. *Сандомирская И.* Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien : Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 281 p.
9. *Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
10. *Ревзина О.Г.* Язык и дискурс // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 1999. № 1. С. 25–33.
11. *Чепкина Э.В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.
12. *Чепкина Э.В., Енина Л.В.* Журналистский дискурс: анализ практик // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2. С. 76–85.
13. *Майданова Л.М., Чепкина Э.В.* Медиаатекст в идеологическом контексте. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.
14. *Kablukov E.* The Practices of Construction Vladimir Putin's Personality Cult in Modern Russian Media Discourse // *Slavia časopis pro slovanskou filologii*. 2016. Vol. 85, № 2. P. 166–181.
15. *Фуко М.* Археология знания. СПб. : Гуманитарная Академия ; Университетская книга, 2004. 416 с.
16. *Фуко М.* Порядок дискурса // *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996. С. 47–97.
17. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1955. Т. 3. С. 1–5.
18. *Каблуков Е.В.* Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: теоретические аспекты научного моделирования // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. № 3. С. 23–29.
19. *Ильина О.В., Каблуков Е.В.* Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области // *Политическая лингвистика*. 2019. № 2 (74). С. 119–131.
20. *Рикер П.* Я-сам как другой. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
21. *Енина Л.В., Чепкина Э.В.* Самоидентификации журналиста в прямом эфире на радио // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3. С. 159–167.
22. *Ильина О.В.* Практики конструирования образа персонажа в прессе: между тождественностью и самостью // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 2. С. 60–64.
23. *Интегрум*. URL: <https://integrum.ru/> (дата обращения: 20.10.2019).
24. *Smith A.D.* National Identity. Reno : University of Nevada press, 1991. 221 p.
25. *Купина Н.А.* Аксиологическая стратегия и ее речевая реализация в региональном газетном издании // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. № 4. С. 19–31.
26. *Калмыков А.А., Коханова Л.А.* Интернет-журналистика. М. : Юнити-Дана, 2005. 384 с.
27. *Каблуков Е.В.* Официальные идеологемы: специфика функционирования в современном российском медиадискурсе // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 6. С. 84–88.

Regional Identification of Russians in Media Discourse: Sameness and Difference

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 99–112. DOI: 10.17223/19986645/74/6

Evgenii V. Kablukov, Olga V. Ilina, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kablukov.usu@gmail.com / ilina.usu@gmail.com

Keywords: discourse, media discourse, discursive practice, media, identity, identification, regional identity.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-312-00143.

The article explores the practices of regional identification of Russians in media discourse. The material includes the texts of the print media of Kaliningrad and Sverdlovsk Oblasts and the Republic of Tatarstan in 2017–2019. Identity is considered as a discursive phenomenon, which is an aggregate of identifications of subjects of discourse. The authors propose a new methodology for the analysis of territorial identity, involving the construction of its model, the key elements of which are spatial and temporal identifications. The main identification practices that construct the unique space of a region are: nomination of the region and the regional center through periphrases; the use of local toponyms without generic words and other explanations; construction of significant neighbors. Analyzing temporal identification, the authors identify the features of discursive constructs of the past, present, and future of the regions under consideration. A unique historical narrative plays a special role: in Kaliningrad Oblast, it relates to the Prussian past; in Sverdlovsk Oblast, to the formation of the industrial potential; in Tatarstan, to the opposition of Russian and Tatar statehood. The future is constructed as “predicted time”, associated with the implementation of large-scale projects, the selection of which demonstrates the identity of the regions. The present in media discourse is an extremely complex construct, which is considered as a set of thematic identifications. As an example, the authors show that political identification involves the selection and construction of images of regional politicians, economic identification is determined by the sector of the economy that is significant for the territory. Also, the authors describe main identification practices that ensure the integration of regions into the all-Russian space. These include the use of secondary nominations that fix the special position of the territory on the map of Russia, and comparison of the regional center with Moscow. The authors show that temporal unity is ensured, firstly, through a historical narrative telling about the inclusion of territories in the all-Russian historical process. The construct of the future in regional media discourse is often associated with the implementation of projects of an all-Russian scale, for example, with the World Cup. The practices of constructing the present related to the economic and political spheres are considered. Economic identification demonstrates the inclusion of regions in the all-Russian budget process, political identification demonstrates the construction of officious ideological concepts and the power vertical, at the top of which is Russian President Vladimir Putin. The conclusion is that the practices of spatial and temporal identifications construct, on the one hand, the uniqueness of the Russian regions, and, on the other, their commonality, ensuring the unity of the national identity of Russians.

References

1. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: HSE.
2. Benwell, B. & Stokoe, E. (2006) *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
3. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. London: Penguin Books.
4. Hall, S. (1996) Who needs identity? In: Hall, S. & Du Gay, P. (eds) *Questions of Cultural Identity*. London: SAGE Publications. pp. 1–17.
5. De Cillia, R., Reisigl, M. & Wodak, R. (1999) The discursive construction of national identities. *Discourse & Society*. 10 (2). pp. 149–173.

6. Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Translated from English. Moscow: Kuchkovo pole.
7. Bourdieu, P. (1998) Structures, habitus, practices. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 1 (2). pp. 44–59. (In Russian).
8. Sandomirskaya, I. (2001) *Kniga o rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik* [The book about the motherland: Experience in the analysis of discursive practices]. Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien.
9. Phillips, L. & Jorgensen, M (2008) *Diskurs-analiz: teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
10. Revzina, O.G. (1999) Yazyk i diskurs [Language and discourse]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya*. 1. pp. 25–33.
11. Chepkina, E.V. (2000) *Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995–2000)* [Russian journalistic discourse: text-generating practices and codes (1995–2000)]. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Chepkina, E.V. & Enina, L.V. (2011) Zhurnalistskiy diskurs: analiz praktik [Journalistic discourse: analysis of practices]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2. pp. 76–85.
13. Maydanova, L.M. & Chepkina, E.V. (2011) *Mediatekst v ideologicheskom kontekste* [Media text in an ideological context]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet.
14. Kablukov, E. (2016) The Practices of Construction Vladimir Putin's Personality Cult in Modern Russian Media Discourse. *Slavia časopis pro slovanskou filologii*. 85 (2). pp. 166–181.
15. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [The archeology of knowledge.]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga.
16. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years]. Translated from English. Moscow: Kastal'. pp. 47–97.
17. Marx, K. (1955) Tezisy o Feyerbakhe [Theses on Feuerbach]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Politizdat. pp. 1–5.
18. Kablukov, E.V. (2018) Regional Identity of Russians in Media Discourse: Theoretical Aspects of Scientific Modeling. *Izvestiya Ural. fed. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 3. pp. 23–29. (In Russian).
19. Il'ina, O.V. & Kablukov, E.V. (2019) Practices of Constructing Ural Identity in the Media Discourse of Sverdlovsk Region. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (74). pp. 119–131. (In Russian).
20. Ricouer, P. (2008) *Ya-sam kak drugoy* [Oneself as Another]. Translated from English. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.
21. Enina, L.V. & Chepkina, E.V. (2010) Samoidentifikatsii zhurnalista v pryamom efire na radio [A journalist's self-identification live on the radio]. *Izvestiya Ural. fed. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 3. pp. 159–167.
22. Il'ina, O.V. (2012) Praktiki konstruirovaniya obraza personazha v presse: mezhdutozhdestvennost'yu i samost'yu [The practice of constructing the image of a character in the press: between identity and selfhood]. *Izvestiya Ural. fed. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2. pp. 60–64.
23. *Integrum*. [Online] Available from: <https://integrum.ru/> (Accessed: 20.10.2019).
24. Smith, A.D. (1991) *National Identity*. Reno: University of Nevada Press.
25. Kupina, N.A. (2017) Axiological Strategy and Its Speech Realization in Regional Newspaper. *Izvestiya Ural. fed. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 4. pp. 19–31. (In Russian).
26. Kalmykov, A.A. & Kokhanova, L.A. (2005) *Internet-zhurnalistsika* [Internet journalism]. Moscow: Yuniti-Dana.
27. Kablukov, E.V. (2012) Ofitsial'nye ideologemy: spetsifika funktsionirovaniya v sovremennom rossiyskom mediadiskurse [Official ideologems: the specifics of functioning in modern Russian media discourse]. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 11 (6). pp. 84–88.

УДК 81'246.2

DOI: 10.17223/19986645/74/7

М.С. Морозова, А.Ю. Русаков

АЛБАНСКИЕ ГЛАГОЛЫ В СЛАВЯНСКОЙ БИЛИНГВАЛЬНОЙ РЕЧИ: МЕЖДУ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕМ КОДОВ И АДАПТАЦИЕЙ ЗАИМСТВОВАНИЙ¹

Анализируется функционирование албанских глаголов в речи билингвальных представителей четырех славяноязычных сообществ на территории Албании. Албанские глагольные включения рассматриваются в контексте двух теоретических проблем, привлекающих в последнее время внимание исследователей: различий в поведении глаголов и существительных при языковых контактах и отнесения одиночных включений из одного языка в речь на другом языке к случаям переключения кодов или заимствования.

Ключевые слова: переключение кодов, заимствование, глаголы, однословные включения, адаптация, вставка парадигмы, албанский язык, славянские диалекты, билингвизм

Введение

Целью исследования является изучение свойств албанских элементов в славянской речи билингвов в ситуации актуального языкового контакта. Рассматриваются четыре относительно крупных (от 5 до 15 сел каждое) языковых сообщества, расположенных на территории Албании. Объектом изучения в статье являются, прежде всего, однословные включения албанских глаголов в речи представителей рассматриваемых сообществ. *Однословными включениями* мы будем считать отдельные слова, имеющие албанскую основу, оформленные грамматически по албанской или по славянской модели и находящиеся в славянском (включая служебные слова и клитики) лексическом окружении. С теоретической точки зрения такие включения анализируются в работе на пересечении двух проблем, привлекающих в последнее время особое внимание исследователей.

Первая теоретическая проблема заключается в определении того, что, собственно, представляют собой однословные включения из одного языка в речь на другом языке. Являются ли они *лексическими заимствованиями* (далее – заимствования), явлениями *переключения кодов* (далее – ПК²) или могут быть отнесены к обоим этим классам?

В работах, посвященных языковым контактам и билингвизму, заимствования и ПК достаточно последовательно изучаются в рамках разных

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Балканский билингвизм в доминантных и равновесных контактных ситуациях в диа-топии, диахронии и диастратии», № 19-18-00244).

² Мы не используем в статье термин «смешение кодов», не имеющий четкого и однозначного референта.

исследовательских парадигм. Заимствования являются одним из типов контактно-обусловленных *изменений* в лексической системе языка-реципиента, поэтому процесс заимствования принято рассматривать, прежде всего, с диахронической точки зрения. Под ПК подразумевается то, как би- или мультилингвальный говорящий использует языки, которыми он владеет, в процессе речевой коммуникации. Соответственно, ПК изучается с психолингвистической, социолингвистической и собственно лингвистической точек зрения практически всегда в синхронном плане. О различных подходах к ПК и заимствованию см., например, [1].

Точкой пересечения этих двух явлений служат, по-видимому, однословные включения из одного языка в речь на другом языке. В качестве критериев различения случаев ПК и заимствований среди таких включений чаще всего приводятся:

1. Критерий наличия / отсутствия (и степени) адаптации к грамматической и фонетической системе языка-реципиента. По замечанию М. Хаспельмата, «заимствования обычно подвергаются разным типам фонологической и морфологической адаптации, тогда как переключение кодов по определению не демонстрирует никаких признаков адаптации» [2. Р. 41]. Надо заметить, что безусловность этого критерия вызывает сомнения: с одной стороны, большинство однословных включений демонстрирует, по крайней мере, морфологическую адаптацию (см. [3. Р. 258; 4]), а с другой стороны, в некоторых случаях явные заимствования не адаптируются к грамматической системе языка реципиента [5. Р. 119–123] (см. также [6]).

2. Критерий конвенционализации подразумевает, что заимствование может конвенционально употребляться как элемент языка, в частности в тех ситуациях, в которых не возникает переключения кодов, например в речи монолингвов [2. Р. 40]. Применимость этого критерия ограничена тем обстоятельством, что однословные включения часто имеют место в речи представителей сообществ с высоким уровнем би- и мультилингвизма, где «чистые» монолингвы практически отсутствуют.

3. Критерий частотности / регулярности может быть сформулирован следующим образом: «Если какие-то значения очень часто или регулярно выражаются словом иноязычного происхождения, тогда как другие значения демонстрируют вариативность, первая группа слов может быть признана заимствованиями, тогда как вторая – случаями ПК» [2. Р. 41] (подробнее см. [7. Р. 191–204]). К сожалению, этот критерий может эффективно использоваться лишь при наличии достаточно обширного текстового материала, который не всегда удастся получить в нужном объеме при работе в полевых условиях.

Заметим, что никто из исследователей не сомневается в том, что среди однословных включений есть и явные заимствования, и явные случаи ПК (ср., например, точку зрения К. Майерс-Скоттон [3. Р. 253–260] и Ш. Поплак [4]); речь идет скорее о трудностях, возникающих при попытке провести границу между ними.

Следует обратить внимание также на то, что, по всей видимости, существенно связанные критерии конвенционализации и частотности / регулярности выделяют собственно заимствования, укорененные в языке и вошедшие в языковую систему. Возникает вопрос, как мы должны охарактеризовать оставшуюся часть однословных включений. На этот вопрос существуют различные и даже противоположные ответы. Так, К. Майерс-Скоттон считает, что однословные включения, не являющиеся «укорененными» заимствованиями, представляют собой случаи ПК, хотя и имеющие некоторые особенности [3. Р. 260]. Ш. Поплак выделяет их в особый класс «окказиональных заимствований» (англ. *nonce borrowings*), отличающийся от собственно заимствований именно окказиональным характером. По функциональным свойствам, в частности синтаксическому поведению, они ничем не отличаются от заимствований и резко противопоставлены ПК [4. С. 156–157]¹.

Не вставая окончательно на ту или иную теоретическую позицию, мы склонны не проводить резкую границу между включениями «окказионального» типа и (другими видами) ПК. Кроме того, в нашей статье ограниченный объем анализируемых текстов часто не позволяет однозначно определить, является ли албанский глагол укорененным в языке заимствованием или случаем ПК, с помощью вышеприведенных критериев конвенционализации и частотности / регулярности. Поэтому ниже мы будем анализировать все встреченные в текстах одиночные албанские глаголы, не забывая о том, что за общим понятием одиночного включения скрываются разные по сути явления.

Вторая проблема – разное поведение глаголов и именных частей речи в ситуациях языковых контактов – рассматривалась как с точки зрения поведения слов, относящихся к разным частям речи, при ПК (см. работы К. Майерс-Скоттон [7], П. Мэйскена [8] и мн. др.), так и в рамках описания стратегий лексического заимствования. Важным шагом в изучении адаптации глагольной лексики явилась обобщающая монография Я. Вольгемута [5], выделившего на основе анализа большого массива языкового материала три основные адаптационные стратегии:

1) прямое включение (англ. *Direct Insertion*) – форма глагола языка-донора интегрируется в систему языка-реципиента без использования специальных адаптационных показателей: нем. *download-en* ‘загрузить’ < англ. *download* [5. Р. 88];

2) не прямое включение (англ. *Indirect Insertion*) – глагол языка-донора оформляется в языке-реципиенте при помощи специальных адаптационных морфем: греч. *tsek-ar-i* <проверять-VBLZ-3SG> ‘проверяет’ < англ. *check* [5. Р. 96];

3) стратегия легких глаголов (англ. *Light Verb Strategy*) – нефинитная форма глагола языка-донора употребляется в языке-реципиенте в составе

¹ Ш. Поплак признает возможность существования однословных включений, представляющих собой случаи ПК, а не «окказиональные заимствования», но считает их чрезвычайно редкими [4. Р. 147].

конструкции с легким (полувспомогательным) глаголом, чаще всего «делать»: говор албанцев Украины *bu-r-a sluzhitj* <делать-AOR-AOR.1SG служить.INF> ‘(я) служил (в армии)’ < русск. *sluzhitj* [9. Р. 476].

Любопытно, что при употреблении глаголов из одного языка в речи на другом языке в рамках ПК могут использоваться те же стратегии. Подобное совпадение стратегий при заимствовании и ПК является дополнительным свидетельством отсутствия четкой границы между этими двумя явлениями¹.

Особый интерес для проблематики ПК имеет четвертая, значительно более редкая стратегия, выделенная Я. Вольгемутом, – вставка парадигмы (англ. *Paradigm Insertion*). Она заключается в том, что заимствованные глаголы спрягаются в языке-реципиенте по грамматическим моделям языка-донора. В своей обширной базе данных Я. Вольгемут приводит всего три случая использования такой стратегии [5. Р. 118]. За последнее десятилетие было обнаружено еще полтора десятка случаев использования стратегии вставки парадигмы (неадаптированного употребления иноязычных глаголов). В большинстве ситуаций это явление затрагивает как относительно устойчивые заимствования, так и случаи, которые скорее можно трактовать как ПК².

Материал исследования. Характеристика изучаемых сообществ

Материал для настоящего исследования взят из четырехтомной монографии Дж. Юллы и К. Штайнке «Славянские меньшинства в Албании» [11]. Монография представляет собой подробное социолингвистическое и лингвистическое описание практически всех имеющихся на территории Республики Албании относительно значительных языковых сообществ, в которых славянские идиомы используются как родной язык (далее – L1), а албанский является вторым языком (L2) для большей части населения. В статье анализируются тексты из регионов Преспа [11. Т. 1. S. 175–252], Голо Бордо [11. Т. 2. S. 145–247], Гóра [11. Т. 3. S. 168–223] и Врака [11. Т. 4. S. 103–136]. Данные о количестве и названиях пунктов, в которых были записаны тексты (названия приводятся на албанском языке / на местном славянском идиоме), количестве текстов, информантов и примерном объеме каждого текстового корпуса представлены в табл. 1. Общий объем текстов составляет порядка 154 000 слов.

¹ Здесь мы не касаемся важного вопроса о разных путях проникновения лексических заимствований в язык и о роли ПК в этом процессе, см. [2. Р. 41–42].

² Имеются примеры, когда вставка парадигмы, несомненно, характеризует только заимствования. Так, в некоторых современных диалектах цыганского языка на Балканах турецкие заимствованные глаголы спрягаются по турецкой модели [10]. При этом контакты цыганских диалектов с турецким языком, во время которых так оформлялись, по всей видимости, и однословные включения в рамках ПК, прекратились много десятилетий тому назад.

Преспа. Регион вокруг озер Преспа и Малая Преспа, разделенный государственной границей между Албанией, Северной Македоницией и Грецией, имеет смешанное население. В албанской части региона, в окружении албаноязычных поселений, на берегу Преспанского озера расположены 9 славянских сел (см. табл. 1). В некотором отдалении от них, рядом с городом Билишт, находится село Врбник (алб. *Vërník*). Жители всех этих сел православные, владеют западномакедонским диалектом и государственным албанским языком (вероятно, в стандартной и/или диалектной тоскской форме); кроме этого, в восьми школах муниципалитета Пустец, к которому относятся села, ведется преподавание литературного македонского языка [12].

Таблица 1

Материал исследования

Регион	Пункты	Кол-во			
	Названия	Кол-во	текстов	информантов	слов
Преспа	<i>Liçenas</i> / Пустец, <i>Cerje</i> / Церје, <i>Dielas</i> / Шулин, <i>Gollomboç</i> / Гломбоч, <i>Gorica e Madhe</i> / Горна Горица, <i>Gorica e Vogël</i> / Долна Горица, <i>Kallamas</i> / Туминец, <i>Lajthizë</i> / Леска, <i>Zaroshkë</i> / Зрноско	9	26	20	45 000
Голо Бордо	<i>Gjinovec</i> / Гиновец, <i>Klenjë</i> / Клење, <i>Kojavec</i> / Којовци, <i>Lejçan</i> / Лешничани, <i>Lladomeriçë</i> / Ладомерица, <i>Orzhanovë</i> / Оржанова, <i>Ostreni i Madh</i> / Големо Острени, <i>Ostreni i Vogël</i> / Мало Острени, <i>Pasinkë</i> / Пасинки, <i>Radovesh</i> / Радовеш, <i>Stëblevë</i> / Стебљо, <i>Trebisht</i> / Требишта, <i>Tuçer</i> / Тучепи, <i>Vërnice</i> / Врница, <i>Sebisht</i> / Себишта	15	53	37	58 000
Гора	<i>Borje</i> / Борје, <i>Cërnalevë</i> / Црнелево, <i>Kosharisht</i> / Кошаришта, <i>Orçikël</i> / Очикле, <i>Oreshkë</i> / Орешек, <i>Orgjost</i> / Орѓост, <i>Pakisht</i> / Пакишта, <i>Shishtavec</i> / Шиштаец, <i>Zapod</i> / Запод	9	30	25	32 000
Врака	<i>Boriçi i Madh</i> / Борич Вели, <i>Boriçi i Vogël</i> / Борич Мали, <i>Grilë</i> / Гриль, <i>Kamicë</i> / Каменица, <i>Omaraj</i> / Омара, <i>Shtoj</i> / Штој	6	6	11	19 000
Всего		39	115	93	154 000

Голо Бордо. Славяноязычное население полиэтничного региона Голо Бордо (алб. *Gollobordë*) на северо-востоке Албании – в основном мусульмане-сунниты и редко православные – сосредоточено в приграничной зоне в его восточной части. На западной периферии, в непосредственном соседстве с моноэтничными албанскими районами, проживают албанцы – пре-

имущественно мусульмане суннитского толка и в малой степени христиане-католики. Значительная часть славян Голо Бордо – билингвы, которые владеют наряду с местным западномакедонским диалектом (см. диалектологическую характеристику в [13]) также литературным албанским языком. Македонский диалект они усваивают в раннем детстве в семье как L1, а государственный албанский язык преподается в школе и усваивается как L2 (как правило, им не владеют только пожилые женщины и дети дошкольного возраста) [14. С. 707–714; 15. Р. 10–11].

Гора. Гора представляет собой славяноязычную область, расположенную на территории Албании, Косово и Северной Македонии. В албанскую часть Горы входят 9 сел, населенных по преимуществу славянами-мусульманами (горанами), говорящими на идиоме, диалектная принадлежность которого является предметом длительных научных дискуссий. Население Горы является двуязычным, славянский идиом сохраняется как L1 и продолжает передаваться детям; в школе он, однако, не преподается [11. Т. 3. S. 9–42].

Врака. Регион к северу от Шкодры, включает в себя 6 сел (табл. 1). Во всех селах славянское население, говорящее на черногорском диалекте, является преобладающим, имеются православные славяне и славяне-мусульмане (последние более многочисленны). Славянское население появилось в этом районе сравнительно поздно, в конце XVIII – начале XIX в. В отличие от регионов, рассмотренных выше, здесь наличествуют явные признаки происходящего языкового сдвига – язык перестал передаваться детям в полной мере, и дети разговаривают со своими старшими родственниками в основном на албанском [11. Т. 4. S. 9–23].

Албанские глаголы в славянской билингвальной речи

Используя тексты, упомянутые в предыдущем разделе, мы произвели количественный и качественный анализ албанских глагольных включений в славянской речи билингвов всех четырех сообществ. Вначале подсчитали общее количество включений одного и нескольких албанских слов в четырех корпусах текстов, а также количество и долю различных типов включений (одиночные существительные, глаголы, прилагательные и числительные, неоднословные включения и др.). В табл. 2 показаны (а) глаголы, которые находятся в фокусе настоящего исследования; (б) существительные, которые представляют собой наиболее распространенный тип однословных включений / заимствований в разных билингвальных ситуациях [4]; (в) неоднословные включения – словосочетания и предложения на албанском языке, содержащие или не содержащие глагол («острова включенного языка», англ. *embedded language islands* в терминологии К. Майерс-Скоттон). Вопрос о разграничении ПК и заимствования в случае однословных вставок специально не рассматривался, и в подсчет были включены все подобные элементы албанского происхождения.

Как видно из таблицы, любые албанские включения и/или заимствования (далее – ПК) чаще встречаются в славянской речи Голо Бордо и Горы, чем в

Преспе и Враке: их доля от общего количества слов в текстах составляет примерно 0,015. Одиночные албанские глаголы почти с одинаковой частотой используются билингвами всех регионов, кроме Враки, при говорении на местных славянских идиомах (доля их употреблений от общего количества случаев ПК составляет от 0,1 в Голо Бордо до 0,14 в Преспе и Горе).

Т а б л и ц а 2

Некоторые типы албанских включений в славянской речи билингвов

Регион	Все случаи ПК в корпусе текстов		Одиночные глаголы		Одиночные суще- ствительные		Неоднословные включения (с глаголом и без)	
	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
Преспа	214	0,005	30	0,14	106	0,50	20	0,09
Голо Бордо	864	0,015	91	0,1	440	0,52	80	0,09
Гора	484	0,015	68	0,14	212	0,44	64	0,13
Врака	118	0,06	5	0,04	46	0,39	21	0,18
Всего	1680	0,095	194	0,12	804	1,85	185	0,49

Использование одиночных албанских существительных, вполне ожидаемо, является преобладающим типом ПК. Существительные одинаково часто встречаются в Преспе и Голо Бордо, где составляют половину всех случаев ПК (106 из 214 и 440 из 864 случаев, что соответствует доле, равной 0,50 и 0,52 соответственно), и несколько реже – в Горе и Враке (0,44 и 0,39 от общего числа ПК соответственно). Наконец, включения, состоящие из нескольких слов (словосочетания и предложения) во Враке встречаются чаще, чем в других регионах: их доля составляет 0,18 от общего числа ПК.

В табл. 3 показано соотношение адаптированных и неадаптированных включений албанских глаголов, используемых в славянской речи билингвов четырех регионов. Во Враке глаголы в основном используются в неадаптированном виде как часть неоднословных включений (13 из 18 случаев, или 0,72 от общего числа обнаруженных глагольных включений). Поэтому примеры из Враки не будут рассматриваться в данном разделе подробно. Что касается славянской речи в трех других регионах, количество неоднословных включений, содержащих глагол, сравнительно невелико и в целом глаголы в основном употребляются в адаптированном виде. Обращает на себя внимание одна особенность Голо Бордо: здесь меньше всего неадаптированных одиночных глаголов (0,06 от общего числа употреблений албанских глаголов при ПК), а количество неоднословных переключений с глаголом несколько выше, чем в Преспе и Горе (34 случая, или 0,27 от общего числа ПК с глаголами).

Анализ адаптированных албанских глаголов показывает, что в трех регионах – Преспе, Горе и Голо Бордо – имеется одна наиболее распространенная стратегия, см. примеры (1–3).

Албанские глаголы с основой на гласный, оканчивающиеся на *-j* в 1-м лице единственного числа настоящего времени, которые составляют

самый многочисленный и продуктивный класс в албанском языке, в славянской речи регулярно получают суффикс –ov- / -uv-: (Преспа) РТСР *krijovano* от алб. *krijoj* ‘создавать’, FUT.1PL *k’e caktovame* от алб. *caktoj* ‘определять, уточнять’, PRS.1PL *festuvame* от алб. *festoj* ‘праздновать’, PRS.3SG/PL *važdovjat* от алб. *vazhdaj* ‘продолжать’; (ГБ) РТСР *krijoveno*, FUT.3SG/PL *k’e se caktovjat*, РТСР *festovjani*; (Гора) PRS.3SG/PL *se festuvat*, PRS.3SG *da važduje*¹. Подобные случаи представляют собой типичный пример непрямой вставки, согласно [5].

(1) Преспа *e taka, što festuva-me,* *k’e klavi-me martinki...*

э так что праздновать.IPFV-PRS.1PL FUT ставить.IPFV-PRS.1PL мартеницы

‘вот так, что празднуем, делаем мартеницы...’ [11. Т. 1. S. 199].

(2) ГБ *stárite se bideni, se festóvjani Bájram*

старые AUX.PRS.3PL быть.РТСР.PL AUX.PRS.3PL быть.РТСР.PL Байрам

‘старика были, праздновали Байрам’ [11. Т. 2. S. 167].

(3) Гора *alétnik vazhdimisht se festuva-t*

летник постоянно REFL праздновать.IPFV-PRS.3SG

‘летник постоянно (алб. *vazhdimisht*) празднуется’ [11. Т. 3. S. 206].

Таблица 3

Албанские глаголы в славянской речи билингвов

Регион	Кол-во глаголов	Глаголы в неодно-словных включениях (неадаптированные)		Одиночные глаголы			
				неадаптированные		адаптированные	
		Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
Преспа	39	9	0,23	6	0,15	24	0,62
Голо Бордо	125	34	0,27	7	0,06	84	0,67
Гора	87	19	0,22	15	0,17	53	0,61
Врака	18	13	0,72	3	0,17	2	0,11
Всего	269	75	1,44	31	0,55	163	2,01

Албанские глаголы с основой на согласный могут быть адаптированы в славянской речи методом прямой вставки, но часто и они следуют стратегии с присоединением вербализатора -ov- / -uv-. Ср. алб. *përgatit* ‘готовить, приготавливать’ > (Гора) РТСР *përgaditena* vs (Преспа) *përgatitvet*, (ГБ) *pregativeše*, (Гора) *përgadituje, pregatitujeme*; алб. *zhdukem* ‘исчезать’ > (Гора) РТСР *izhdukili, uzhdukile* vs (ГБ) РТСР *zhdukovjani*. Соотношение стратегий прямой и непрямой вставки показано в табл. 4. Как видно из таблицы, глаголы с основой на согласный с одинаковой частотой адаптируются

¹ Здесь и далее диалектные примеры приводятся с сохранением орфографии источника. Примеры на литературном албанском, македонском и болгарском языках приводятся в соответствующей стандартной орфографии. Сентенциальные примеры сопровождаются переводом и глоссами. Используется частичное глоссирование: поморфемный разбор получают только анализируемые глаголы, а также аналитические глагольные словоформы с вспомогательными глаголами и формообразующими частицами, не соответствующие русским, и местоименные клитики.

с помощью этих стратегий в Преспе, чаще интегрируются методом прямой вставки в Горе и непрямой вставки – в Голо Бордо.

Об интерпретации глаголов с вербализатором *-ov-* / *-uv-* на примере говора Голо Бордо подробно см. [16]. С одной стороны, в македонском и болгарском языках действительно имеется суффикс имперфективации *-ува-* / *-ова-* / *-ва-* (мак. *седн-ува* ‘сидится’), который также продуктивен при образовании отыменных глаголов (мак. *збор-ува* ‘говорит’ < *збор* ‘слово’) [17. Р. 284].

Т а б л и ц а 4

Стратегии адаптации албанских глаголов в Преспе, Горе и Голо Бордо

Регион	Кол-во глаголов	Прямая вставка (глаголы на согласный)		Непрямая вставка (<i>-ov-</i> / <i>-uv-</i> и <i>-sa-</i>)			
				Глаголы на <i>-j</i>		Глаголы с основой на согласный	
		Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
Преспа	24	2	0,1	20	0,16	2	0,11
Голо Бордо	84	7	0,37	67	0,54	10	0,56
Гора	53	10	0,53	37	0,3	6	0,33
Всего	161	19		124		18	

В болгарских грамматиках указывается, что в целом основным вербализирующим суффиксом иноязычных глаголов в этом языке является *-ир-*, однако суффикс *-ува-* / *-ова-* / *-ва-* тоже может использоваться в этой функции, по крайней мере в разговорном болгарском языке. Ср. различные болгарские глаголы со значением «образовывать, формировать»: *формирам* / *формовам* / *формувам* / *формиравам* / *формирувам* [18. С. 529]. С другой стороны, в албанском формы 1-го и 2-го лица единственного числа аориста глаголов на *-j* образуются с помощью суффикса *-v-* (изначально – эпентетического согласного): *kalo-v-a* <проходить-AOR-AOR.1SG> ‘я прошел, прошла’, *kalo-v-e* <проходить-AOR-AOR.2SG> ‘ты прошел, прошла’. Албанские и славянские (неодноморфемные) форманты вида *-ова-* (*-ове-* / *-ива-* / *-ве-* / *-ва-*) представляют собой морфологические элементы, которые могут быть идентифицированы в ситуации контакта из-за похожего звукового оформления (о важности таких элементов для реализации стратегии «конгруэнтной лексикализации» см. [8. Р. 123]). Это облегчает адаптацию большого числа албанских глаголов, принадлежащих к наиболее многочисленному албанскому словоизменительному типу; став превалирующей, данная стратегия адаптации распространяется и на другие типы албанских глаголов, как показали примеры дериватов от алб. *përgatit* и *zhdukem*.

Еще одна заслуживающая внимания стратегия адаптации албанских глаголов часто встречается в речи жителей Горы и, что примечательно, существует только в этом регионе. См. примеры адаптации глаголов *festoj* ‘праздновать’ в (4) и *përpunoj* ‘обрабатывать’ (5). Чтобы объяснить, как интегрированы в славянский диалект Горы эти глаголы, обратим внимание на еще один продуктивный глагольный суффикс балканославянских язы-

ков – суффикс греческого происхождения *-с-* (и греко-турецкий *-дис-*, состоящий из турецкого суффикса *-di-* 3-го лица единственного числа перфекта и греческого суффикса аориста *-s-* [19. Р. 113–114]). Этот суффикс используется чаще всего с глаголами совершенного вида, от которых могут затем образовываться глаголы несовершенного вида с помощью уже упоминавшегося *-ува-* (6б).

(4) Гора *gi* *feste-s-úva-le* *nápre* *féste*
ACC.3PL праздновать-PFV-IPFV-PTCP.PL раньше праздники

‘раньше праздновали праздники’ [11. Т. 3. S. 209].

(5) Гора *stári go* *zná-le* *da go* *përpunój-s-úja-t*
старые ACC.M.3SG знать-PTCP.PL SBJV ACC.M.3SG обрабатывать-PFV-IPFV-PRS.3PL

‘старики знали, как его обрабатывать’ [11. Т. 3. S. 212].

(6а) алб. *përpuno-j*

обрабатывать-PRS.1SG

‘обрабатываю’

(6б) мак. *калаи-с-ува-ø*

лудить-PFV-IPFV-PRS.3SG

‘лужу, покрываю оловом’ (от *калај* ‘олово’) [17. Р. 284].

Албанские глаголы на *-j* (*përpunój* и мн. др.) в примерах типа (5), вероятно, интегрируются именно в форме 1-го лица единственного числа презенса, показанной в (6а). Албанское окончание *-j* при этом отождествляется со славянским формантом *-и-*, который является частью суффикса *-дис-* в глаголах типа мак. *бојадис* ‘красить’ или частью корня, как в македонском отыменном глаголе *калаис* ‘лудить’ (6б). Пример (4) из говора горанов, по-видимому, также представляет собой отыменный глагол, от алб. *festë* ‘праздник’. И существительное, и глагол, по-видимому, можно считать заимствованиями, поскольку их славянские соответствия (ср., например, лит. мак. *слава*, *празник* ‘праздник’ и *слави*, *празнува* ‘праздновать’) в текстах не встречаются; по той же причине скорее как заимствование можно трактовать глагол из примера (5).

Обращает на себя внимание полное отсутствие стратегии адаптации с помощью легких глаголов. Ср. с говором албанцев Украины [9], где эта стратегия, наоборот, стала основной – возможно, под влиянием гагаузского языка.

Наконец, в рассмотренном материале имеется некоторое количество употреблений одиночных неадаптированных албанских глаголов, явно превышающее случайное. В текстах из Преспы, Горы и Голо Бордо обнаружено около 20 примеров (не считая ненадежных и плохо интерпретируемых случаев), которые можно разделить на несколько групп.

Во-первых, около половины примеров в выборке составляют случаи, в которых употребление неадаптированных глагольных форм может объясняться особенностями дискурса. Часто они представляют собой обрывки начатых, но неоконченных фраз и, по всей видимости, не могут считаться

полноценными одиночными включениями. Сюда же относятся разнообразные металингвистические комментарии (7).

Во-вторых, в нескольких случаях в славянской речи употребляются албанские аналитические формы (*daviš* в примере (8) – ср. лит. алб. *do tē vi-sh* <FUT SBJV приходить-SBJV.PRS.2SG> ‘придешь’), которые мы, по всей видимости, не можем считать одиночными включениями в полном смысле слова.

- (7) Преспа *k'e izdrobe en so drug, t'i thye-jn*
 FUT разбивать.PRS.3SG один с другой SBJV:ACC.3PL разбивать-PRS.3PL
 ‘разбивает [яйца] одно об другое, разбивают’ [11. Т. 1. S. 245].

- (8) Преспа *daviš na svadba*
 FUT:приходить.SBJV.PRS.2SG на свадьба
 ‘придешь на свадьбу’ [11. Т. 1. S. 175].

Наконец, имеются единичные примеры употребления одиночных глагольных форм, которые отличаются от (7, 8) и действительно могут считаться однословными включениями. В примере (9) албанская глагольная форма *pregatitim* 1-го лица множественного числа презенса употребляется вместо соответствующей славянской формы в полностью славянском лексическом окружении. Пример (10) показывает, как албанский глагол может быть включен в славянскую конструкцию с частицей *да*, трактуемой в грамматических описаниях болгарского и македонского языков как показатель конъюнктива [20. С. 286; 17. Р. 269]. В албанском языке есть эквивалент этой конструкции с частицей конъюнктива *tē* и склоняемым глаголом. Структурное подобие албанской и славянской конструкций позволяет использовать в них албанские включения, сохраняющие албанское грамматическое оформление (стратегия «конгруэнтной лексикализации» по П. Мэйсену).

По всей вероятности, возможность внедрения неадаптированных форм албанских глаголов в славянскую грамматическую рамку облегчается относительной структурной близостью албанского и славянского идиомов или, по крайней мере, сходством некоторых конструкций. Это не объясняет, однако, употребления в неадаптированном виде именно этих глагольных форм.

- (9) Гора *Za vo zime pregatit-im, jenoš za naš... našinski... brašno...*
 для в зима готовить-PRS.1PL один.раз для нас по-нашему мука
 ‘На зиму мы готовим, для себя... по-нашему... муку...’ [11. Т. 3. S. 208].

- (10) ГБ *sikur da ish-in dzizdōive za tūrven'e ot pëshana*
 если SBJV быть-IPF.3PL опоры для установка от вес
 ‘чтобы были опоры для удерживания веса’ [11. Т. 2. S. 174].

Заключение

Проанализировав однословные включения албанских глаголов, зафиксированные в речи билингвов в четырех славяноязычных сообществах Албании, с точки зрения их принадлежности к случаям ПК / адаптированным заимствованиям, можно сделать следующие выводы. Ограниченный объем текстов, как уже было сказано, не позволяет различать среди однословных включений случаи ПК и заимствования, поскольку нельзя проверить их по критерию частотности и определить, насколько они конвенционализированы в том или ином языковом сообществе. Тем не менее, можно предположить, что некоторые глаголы, неоднократно используемые в текстах в адаптированной форме, являются скорее заимствованиями, чем случаями кодового переключения. Среди них *važdovjame* и другие формы от алб. *vazhdoj* 'продолжать' (ГБ, Гора), *caktovano* и др. < алб. *caktoj* 'определять, устанавливать' (Преспа, ГБ). Это же относится и к глаголам *festesuvale* (и др. формы, от алб. *festoj* 'праздновать') и *përpunojsujat* и др. < алб. *përpunoj* 'обрабатывать' в Горе (примеры (4) и (5) выше), не имеющим, по всей видимости, славянских соответствий.

Неадаптированные глаголы, которые представляют собой несомненные примеры ПК, используются в основном в протяженных «островах» албанского языка (см. табл. 3). Использование одиночных неадаптированных глаголов не превышает 15% во всех регионах, кроме Враки, для которой нет достаточной информации, поскольку количество текстов в [11. Т. 4] весьма невелико. При этом примерно половина подобных примеров представляет собой разного рода металингвистические комментарии, повторы и неоконченные фразы, не являющиеся однословными включениями. Часть неадаптированных глагольных форм представляют собой аналитические конструкции, большие чем слово, и в этом случае мы также не можем говорить об «однословном» включении. Иногда неадаптированные албанские глаголы используются в аналитических конструкциях, которые изоморфны в обоих языках (случаи «конгруэнтной лексикализации», согласно [8], см. пример (10)).

Так или иначе, случаи неадаптированного употребления албанских глаголов немногочисленны и не могут быть истолкованы как примеры последовательной реализации стратегии вставки парадигмы [5] и, следовательно, как случаи лексического заимствования. Заметим, что во всех языках, где фиксируется эта стратегия (как при адаптации заимствований, так и при ПК), она является одной из основных и используется регулярно (см., например, русские глаголы в цыганских диалектах в [6]). Вместе с тем сам факт употребления неадаптированных глагольных форм может служить своего рода индикатором высокого уровня билингвизма в рассмотренных языковых сообществах.

Что касается второй проблемы, которой мы коснулись в настоящей статье (разное поведение глаголов и именных частей речи в ситуациях языковых контактов), в Голо Бордо и Горе соотношение разных типов однослов-

ных албанских включений не различается (см. табл. 2). Существительные численно преобладают над остальными типами включений из албанского языка (об их адаптации в говоре Голо Бордо подробнее см. [16]). Албанские глаголы сравнительно многочисленны и обычно адаптированы. Это сходство между двумя регионами можно объяснить аналогичной социолингвистической ситуацией. Оба региона представляют собой пример языкового «острова» с хорошим уровнем сохранения L1.

Напротив, тексты из Преспы демонстрируют более низкий уровень ПК / заимствования (некоторые носители почти полностью избегают использования албанских глаголов в речи на македонском диалекте). Причиной может быть постоянное наличие обучения македонскому языку в школе. Наконец, относительно высокое количество случаев ПК, в том числе ПК с неадаптированными глаголами, и появления «островов включенного языка» во Враке можно считать следствием продолжающегося языкового сдвига (см. [11. Т. 4. С. 23]).

Несмотря на разный уровень ПК в целом, отношение глагольных включений к другим частям речи в нашем материале довольно постоянное во всех регионах (от 15 до 18%) и очень близко к общетипологическим наблюдениям на основе Всемирной базы данных о заимствованиях, англ. World Loanword Database (14%, см. [21. Р. 59–60]). Большинство албанских глаголов в наших текстовых корпусах используются в адаптированной форме. Соотношение адаптированных и неадаптированных глаголов во всех регионах, кроме Враки, существенно не различается.

Говоря о стратегиях адаптации албанских глаголов, можно заключить, что среди адаптированных глаголов преобладает стратегия прямой вставки, согласно [5]. Наиболее последовательно эта стратегия реализована в Голо Бордо и Преспе: регулярно используется один адаптационный суффикс *-ov(j)-* / *-uv-*, фонетически напоминающий исход основы албанского аориста 1-го и 2-го лица единственного числа. В Горе сосуществуют несколько суффиксов адаптации. Стратегия прямой вставки в целом используется нечасто. Употребления неадаптированных албанских глаголов следует считать скорее случаями ПК, чем вставкой парадигмы, поскольку большую часть таких употреблений составляют примеры использования в составе протяженных «островов включенного языка», а единичные примеры однословных включений не составляют единой стратегии.

Список сокращений

алб. – албанский, англ. – английский, ГБ – Голо Бордо, греч. – греческий, лит. – литературное, мак. – македонский, нем. – немецкий, ПК – переключение кодов, русск. – русский, L1 – первый язык билингва, L2 – второй язык билингва; ACC – аккузатив, AOR – аорист, AUX – вспомогательный глагол, F – женский род, FUT – будущее время, INF – инфинитив, IPF – имперфект, IPFV – имперфектив, M – мужской род, PFV – перфектив, PL – множественное число, PRS – настоящее время, PTCP – причастие, REFL – рефлексивный показатель, SBJV – конъюнктив, SG – единственное число, VBLZ – вербализующий суффикс.

Литература

1. *The Routledge handbook of language contact* / ed. by E. Adamou, Ya. Matras. London ; New York : Routledge, 2021. 576 p.
2. *Haspelmath M.* Lexical borrowing: Concepts and issues // *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook* / ed. by M. Haspelmath, U. Tadmor. Berlin : De Gruyter Mouton, 2009. P. 35–54.
3. *Myers-Scotton C.* Multiple voices. An introduction to bilingualism. Malden, MA : Blackwell Publishing, 2006. 457 p.
4. *Poplack Sh.* Borrowing. Loanwords in the speech community and in the grammar. Oxford : Oxford University Press, 2018. 272 p.
5. *Wohlgemuth J.* A typology of verbal borrowings. Berlin ; New York : de Gruyter Mouton, 2009. 459 p.
6. *Rusakov A.* The North Russian Romani dialect: Interference and code switching // *Circum-Baltic languages. Vol. 1* / ed. by Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2001. P. 313–331.
7. *Myers-Scotton C.* Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford : Clarendon Press, 1993. XIV + 263 p.
8. *Muysken P.* Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 324 p.
9. *Морозова М.С.* Говор албанцев Украины: грамматический очерк // А.А. Новик, Ю.В. Бучатская, Д.С. Ермолин, А.С. Дугушина, М.С. Морозова. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины. Ч. 1, т. 2. / под ред. А.А. Новика, Д.С. Ермолина и М.С. Морозовой. СПб. : МАЭ РАН, 2016. С. 421–506.
10. *Friedman V.* The impact of Turkish on Romani // *The Palgrave handbook of Romani language and linguistics* / ed. by Y. Matras, A. Tenser. Cham : Palgrave Macmillan, 2020. P. 231–260.
11. *Ylli Xh., Steinke K.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 1. Teil. Prespa – Vërmë – Boboshtica. München : Otto Sagner, 2007. 2. Teil. Golluborda – Herbel – Kërçishti i Epërm. München : Otto Sagner, 2008. 3. Teil. Gora. München, Berlin : Otto Sagner, 2010. 4. Teil. Vrakë – Borakaj. München, Berlin, Washington DC : Otto Sagner, 2013.
12. *Korhonen J., Makartsev M., Petruševska M., Spasov Lj.* Ethnic and linguistic minorities in the border region of Albania, Greece, and Macedonia: An overview of legal and societal status // *Slavica Helsingiensia*. 2016. № 49. P. 13–49.
13. *Соболев А.Н.* Славяне Голо Бордо. Язык. Фонетика и грамматика // Голо Бордо / Gollubordë, Албания : материалы балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / под ред. А.Н. Соболева, А.А. Новика. Санкт-Петербург ; München, 2013. С. 40–60.
14. *Соболев А.Н., Макарова А.Л., Морозова М.С., Кусилиер М.Л., Козак В.В., Ко-нёр Д.В., Русаков А.Ю.* Южнославянские диалекты в симбиотических сообществах Балкан // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2018. Т. 14, вып. 2. С. 685–746. doi: 10.30842/alpi23065737190818
15. *Rusakov A.Yu.* Contemporary language contacts in the Balkans: Situations and outcomes // *Between separation and symbiosis : South Eastern European languages and cultures in contact* / ed. by A.N. Sobolev. Boston ; Berlin : De Gruyter Mouton, 2021. P. 1–26.
16. *Морозова М.С.* Албанские элементы в славянской речи билингвов Голо Бордо: смешение кодов или заимствование? // *Slovëne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 372–394. doi: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.16
17. *Friedman V.* Macedonian // *The Slavonic Languages* / ed. by B. Comrie, G. Corbett. London ; New York : Routledge, 1993. P. 249–305.
18. *Котова Н., Янакиев М.* Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. 889 с.

19. Bağrıçık M., Ralli A., Melissaropoulou D. Borrowing verbs from Oghuz Turkic: two linguistic areas // *Borrowed Morphology* / ed. by F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze. Berlin ; Boston ; München : Mouton De Gruyter, 2015. P. 109–137.

20. Маслов Ю.С. Очерк болгарской грамматики. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 289 с.

21. Tadmor U. Loanwords in the world's languages: Findings and results // *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook* / ed. by M. Haspelmath, U. Tadmor. Berlin : De Gruyter Mouton, 2009. P. 55–75.

Albanian Verbs in Slavic Bilingual Speech: Between Code-Switching and Adaptation of Lexical Borrowings

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 113–129. DOI: 10.17223/19986645/74/7

Maria S. Morozova, Alexander Yu. Rusakov, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: morozovamaria86@gmail.com / ayurusakov@gmail.com

Keywords: code-switching, borrowing, verbs, single-word inclusions, adaptation, paradigm insertion, Albanian, Slavic dialects, bilingualism.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00244.

The article analyzes the functioning of Albanian verbs in the speech of bilinguals in four Slavic-speaking communities of Albania (Prespa, Gollobordë, Gora, Vraça), in which Slavic dialects are used as the first language, and Albanian is the second language for most of the population. The study is based on the dialectal texts published in the monograph *Slavic Minorities in Albania* by J. Ylli and K. Steinke. Albanian verb inclusions are studied in the context of two relevant theoretical problems: (1) attribution of single inclusions from one language to speech in another language to code switching (CS) or borrowing and (2) differences in the behavior of verbs and nouns in language contact. In the first case, we base on the works by K. Myers-Scotton, Sh. Poplack, and P. Muysken, and in the second case we compare our data with the typological observations of M. Haspelmath and U. Tadmor and apply J. Wohlgemuth's approach to determine the adaptation strategies of Albanian verbs in the speech of Slavic bilinguals in Albania. The results of quantitative and qualitative analysis of Albanian verb inclusions are interpreted taking into account the sociolinguistic situation in the four communities. Having analyzed the single-word inclusions of Albanian verbs from the point of view of their belonging to the cases of CS/adapted borrowings, we assume that some verbs repeatedly used in texts in the adapted form are rather borrowings than cases of CS, since they do not have Slavic correspondences (at least in these texts). Non-adapted verbs, being undoubtedly examples of CS, are found mainly in the long Albanian "islands". A quantitative analysis of verbal inclusions showed that the use of single non-adapted verbs does not exceed 15% in all regions except Vraça, where a high percentage of "embedded language islands" (in the terminology of K. Myers-Scotton) can be considered a consequence of the ongoing language shift. Single Albanian verbs are relatively numerous and usually adapted in the texts from Gollobordë and Gora, and this similarity between the two regions can be explained by a similar sociolinguistic situation: both regions represent an example of a linguistic island with a good level of preservation of the first language. The ratio of verbal inclusions to other parts of speech in our material is fairly constant in all regions (from 15% to 18%) and is very close to the general typological observations (14%). Among the adapted verbs, the Indirect Insertion strategy prevails, according to the typology of J. Wohlgemuth. The use of non-adapted Albanian verbs is rather a case of CS than of the Paradigm Insertion strategy, since most of them are used within long "embedded language islands", while the rare examples of single-word inclusions do not constitute a consistent strategy.

References

1. Adamou, E. & Matras, Y. (eds) (2021) *The Routledge handbook of language contact*. London; New York: Routledge.
2. Haspelmath, M. (2009) Lexical borrowing: Concepts and issues. In: Haspelmath, M. & Tadmor, U. (eds) *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 35–54.
3. Myers-Scotton, C. (2006) *Multiple voices. An introduction to bilingualism*. Malden, MA: Blackwell Publishing.
4. Poplack, Sh. (2018) *Borrowing. Loanwords in the speech community and in the grammar*. Oxford: Oxford University Press.
5. Wohlgenuth, J. (2009) *A typology of verbal borrowings*. Berlin; New York: de Gruyter Mouton.
6. Rusakov, A. (2001) The North Russian Romani dialect: Interference and code switching. In: Dahl, Ö. & Koptjevskaja-Tamm, M. (eds) *Circum-Baltic languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. pp. 313–331.
7. Myers-Scotton, C. (1993) *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press.
8. Muysken, P. (2000) *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Morozova, M.S. (2016) Govor albansev Ukrainy: grammaticheskij ocherk [Ukrainian Albanian dialect: a grammatical essay]. In: Novik, A.A. et al. (eds) “*Priazovskiy otryad*”. *Yazyk i kul'tura albansev Ukrainy* [“Azov region detachment”. Language and culture of Albanians in Ukraine]. Part I (2). St. Petersburg: MAE RAS. pp. 421–506.
10. Friedman, V. (2020) The impact of Turkish on Romani. In: Matras, Y. & Tenser, A. (eds) *The Palgrave handbook of Romani language and linguistics*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 231–260.
11. Ylli, Xh. & Steinke, K. (2007–2013) *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA)*. Vols 1–4. München; Berlin; Washington DC: Otto Sagner.
12. Korhonen, J. et al. (2016) Ethnic and linguistic minorities in the border region of Albania, Greece, and Macedonia: An overview of legal and societal status. *Slavica Helsingiensia*. 49. pp. 13–49.
13. Sobolev, A.N. (2013) Slavyane Golo Bordo. Yazyk. Fonetika i grammatika [Slavs of Gollobordë. Language. Phonetics and Grammar]. In: Sobolev, A.N. & Novik, A.A. (eds) *Gollobordë, Albaniya. Materialy balkanskoy ekspeditsii RAN i SPbGU 2008–2010 gg.* [Gollobordë, Albania. Materials of the Balkan expedition of the Russian Academy of Sciences and St. Petersburg State University, 2008–2010]. St. Petersburg: Nauka; München: Otto Sagner Verlag. pp. 40–60.
14. Sobolev, A.N. et al. (2018) South-Slavic dialects in the symbiotic societies of the Balkan. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 14 (2). pp. 685–746. DOI: 10.30842/alpi23065737190818
15. Rusakov, A.Yu. (2021) Contemporary language contacts in the Balkans: Situations and outcomes. In: Sobolev, A.N. (ed.) *Between separation and symbiosis. South Eastern European languages and cultures in contact*. Boston, Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 1–26.
16. Morozova, M.S. (2020) Albanskije elementy v slavyanskoy rechi bilingvov Golo Bordo: smeshenie kodov ili zaimstvovanie? *Slověne*. 9 (2). pp. 372–394. DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.16
17. Friedman, V. (1993) Macedonian. In: Comrie, B. & Corbett, G. (eds) *The Slavonic Languages*. London; New York: Routledge. pp. 249–305.
18. Kotova, N. & Yanakiev, M. (2001) *Grammatika bolgarskogo yazyka dlya vladeyushchikh russkim yazykom* [Grammar of the Bulgarian language for those who speak Russian]. Moscow: Moscow State University.

19. Bağrıaçık, M., Ralli, A. & Melissaropoulou, D. (2015) Borrowing verbs from Oghuz Turkic: two linguistic areas. In: Gardani, F., Arkadiev, P. & Amiridze, N. (eds) *Borrowed Morphology*. Berlin; Boston; München: Mouton De Gruyter. pp. 109–137.
20. Maslov, Yu.S. (1956) *Ocherk bolgarskoy grammatiki* [Essay on Bulgarian grammar]. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh.
21. Tadmor, U. (2009) Loanwords in the world's languages: Findings and results. In: Haspelmath, M. & Tadmor, U. (eds) *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 55–75.

УДК 811.161.1'28

DOI: 10.17223/19986645/74/8

З.И. Резанова, О.В. Рыжова, Р.Х. Ширинова

**ЯЗЫКИ В «СВЕТЛОМ ПОЛЕ» СОЗНАНИЯ БИЛИНГВА
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАТЕКСТОВ ШОРСКО-РУССКИХ
БИЛИНГВОВ КОРПУСА УСТНОЙ РЕЧИ RuTuBiC)**

Представлены результаты анализа метаязыковых рефлексий билингвов, непосредственным источником наблюдений являются записи интервью и свободных бесед с шорско-русскими билингвами. На основе сопоставления с опубликованными данными выявлены специфические и общие для других типов дискурсивных условий и языковых личностей характеристики метаязыковых рефлексий. Полученные данные соотнесены с результатами текстологического анализа речевых практик и экспериментальных исследований шорско-русского билингвизма.

Ключевые слова: русский язык, метаязыковое сознание, метатекст, билингвизм, шорско-русский билингвизм

Введение

Рефлексии носителями языка разных аспектов речи, языковых единиц, используемых в процессе коммуникации, относятся к сфере языкового сознания, в структуре которого выделяется глубинный, контролирующий уровень – «автоматизированные действия говорящего при порождении речи» – и уровень поверхностный, метаязыкового сознания, который «находит выражение в рефлексии говорящего по поводу языковой организации, в суждениях индивида о языке, о собственных речевых тактиках и т.д.» [1. С. 53].

Ссылаясь на работы А.Н. и А.А. Леонтьевых, разграничивающих «четыре уровня осознаваемости речепроизводства: актуальное осознание, сознательный контроль, бессознательный контроль и неосознаваемое, между которыми постоянное реализуются взаимодействия», А.А. Залевская замечает, что «на уровень актуального сознания может поступать только ограниченное число единиц... осознаваемое как вершина, или пик огромного айсберга, который опирается на массивную платформу того, что за пределами актуализируемого обеспечивает его осмысление» [2. С. 30–31]. Поддерживая это положение, отметим, что обращение к данным метаязыкового сознания в нашем исследовании интерпретируется как фрагмент построения интегративных моделей сложно структурированного языкового сознания билингва, вариации функционирования которого определяют множеством факторов.

Метаязыковое сознание выражается в системе метатекстов, в текстовых фрагментах, объективирующих интроспекцию носителей языка, которые определяются как выраженное «в высказывании суждение говоря-

щего о своём языке, зафиксированное в графической, аудио- или видео-записи» [3. С. 55].

Интроспективная рефлексия носителей языка может быть стимулирована в исследовательских практиках:

1) в лингвистических и психолингвистических экспериментах разного типа, когда носителю языка предлагается дать оценки каким-то языковым явлениям, в том числе с применением методик шкалирования, степени выраженности исследуемого параметра (например, [4]);

2) в широко распространённых ассоциативных экспериментах при исследовании разных аспектов семантики (например, [5]);

3) при применении экспериментальных заданий на построение разного типа речевых произведений от высказываний до целостных текстов (см., например, [6–7]).

Весьма важным для понимания соотношения разных уровней языкового сознания является сравнение результатов экспериментов, выстраиваемых на одном и том же материале с использованием разных методик:

1) актуализирующих осознанное оценочное отношение носителей языка к единицам языка;

2) построенных на выведении исследуемых единиц из сферы актуального внимания респондента.

Так, например, в экспериментах А.В. Васильевой при анализе своеобразия восприятия и когнитивной обработки эмоциональной лексики русского языка применялись методики оценочного шкалирования и поведенческие эксперименты с измерением времени реакции при выполнении респондентами задания лексического решения [8]. Результаты такого типа исследований позволяют выявить соотношение лингвистических рефлексий, выстраиваемых учеными, и рефлексий носителей языка разных социальных, возрастных, этнокультурных, этноязыковых групп, а также соотношение элементов разных уровней языкового сознания (по А.А. Залевской).

Второй путь исследований данного феномена – анализ непосредственных речевых практик, спонтанной речи носителей языка в разных дискурсивных, жанровых реализациях как среды актуализации метаязыкового сознания. О весьма значительном разнообразии аспектов рефлексии языка и речевых условий их актуализации можно судить по материалам сборников статей и коллективных монографий, опубликованных в проекте сибирских лингвистов под руководством Н.Д. Голева [9–11], который, обосновывая теоретическую и социальную значимость обращения исследователей к метаязыковому сознанию обыденных носителей языка, писал: «Обыденное метаязыковое сознание... составляет ядерный компонент ментально-языковой ситуации в современной России, поскольку с ним связан механизм синтеза онтологического и гносеологического бытия языка» [12. С. 9].

В широком спектре исследуемых лингвистами дискурсов и языковых ситуаций, актуализирующих метаязыковую рефлексия обыденных носителей языка, на наш взгляд, выделяется языковое существование личности

в иноязыковом окружении, особым образом стимулирующее выведение в «светлое поле сознания» элементов языковых структур.

В данной статье представлены результаты анализа метатекстовых фрагментов речи билингвов, проживающих в районах активного языкового контактирования. Основная направленность анализа – отражение в метаязыковых рефлексиях языкового существования личности, имеющей коммуникативный опыт с использованием не одного языка. Полученные данные соотносятся с результатами, представленными в литературе и являющимися результатами анализа других дискурсивных практик и другого языкового опыта, что дает основание для выявления общих и различных черт в направленности метаязыковых рефлексий. Наиболее значимым для нас является сравнение с выводами, полученными в результате анализа метаязыковых рефлексий носителей сибирских диалектов, полученных А.Н. Ростовою [3].

Возвращаясь к справедливому утверждению А.А. Залевской о необходимости реализации интегративного подхода к исследованию языкового сознания, отметим, что постановка и разрешение данного исследовательского вопроса является частью комплексного проекта, в котором изучается языковое сознание билингвов с помощью экспериментальных методов и собственно лингвистических методик – по текстовым «следам», в том числе и метаязыковым рефлексиям [13]. Наличие таких данных позволяет соотнести результаты анализа метаязыкового сознания с особенностями речевой деятельности и теми аспектами языкового сознания билингвов, которые определяются своеобразием их языкового опыта, но не выводятся в поле рефлексий.

Материал и источники

В данной статье мы обращаемся к материалам одного варианта билингвальных языковых ситуаций: непосредственным источником наших наблюдений являются материалы записей спонтанной речи шорско-русских билингвов, представленные в базе данных бимодального корпуса устной речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC [14, 15]. Записи были сделаны в ходе экспедиций членов лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета в 2017–2019 гг. в Шерегеш и Таштагол Кемеровской области и прилегающие села. Это регион компактного проживания шорцев, носителей шорского языка. В настоящее время в шорском языке выделяются два диалекта – J-кающий кондомский и z-кающий мрасский, противопоставленные на всех уровнях языковой системы, наряду с литературной формой, сформировавшейся на основе мрасского диалекта [16. С. 5]. Языковая ситуация в регионе характеризуется как билингвальная несбалансированная. Несбалансированность языковой ситуации определяется доминированием русского языка во всех сферах общения, вытеснением шорского языка в сферу обыденной и эстетически опосредствованной коммуникации [17].

Проанализированы записи бесед с 19 респондентами, общий объем звучания – более 26 часов. Анализируемые тексты представляют собой, с одной стороны, записи интервью, направленных на сбор информации о социолингвистическом статусе билингвов на основе анкеты, разработанной О.А. Казакевич [18], и анкеты языкового опыта билингва [19], с другой – записи бесед на свободные темы. Вследствие этого исследуемые тексты, на наш взгляд, следует отнести к «третьему типу» по отношению к обсуждавшимся выше, так как беседы носили тематически направленный характер, однако речь респондента не была детерминирована вопросами интервьюера в той степени, как это происходит в процессе направленных экспериментов. При этом мы все же отмечаем, что сами условия сбора материала стимулировали метаязыковую рефлексия наших собеседников¹.

В нашем материале представлены метаязыковые рефлексии, возникающие в двух типах дискурсов.

Во-первых, в анализ были включены рефлексии, стимулированные общей направленностью беседы на анализ условий функционирования языка, его освоения. Однако в интервью не содержались вопросы о структуре языка, такие вопросы могли возникнуть только как уточняющие. Отметим, что в анализ не включались ответы респондентов на прямые вопросы о знании языков самим респондентом и членами семьи по восходящей и нисходящей линии, об их использовании, об оценках качеств родного и приобретенного языка.

Во-вторых, анализировались метаязыковые рефлексии, отмеченные в контекстах бесед на разные темы, не связанные с языком. В записях представлены беседы на темы детства, семейной жизни, отношений с соседями, традиционной духовной и материальной культуры, социальных аспектов языкового существования шорцев на протяжении более чем полувековой истории – с 30-х гг. прошлого века по настоящее время. Доминируют жанровые формы беседы, рассказа, воспоминания.

Во второй половине XX в. шорский язык переместился в сферу домашнего и дружеского общения, замещаясь русским языком со все нарастающей интенсивностью во всех разнотипных социальных коммуникациях, обретая черты херитажного языка (в другой терминологии – эритажного, наследованного языка, наследуемого языка, языка семейного наследия, языка семейного общения). При этом в последние годы и эта функция деактуализируется. Язык в первую очередь поддерживается в центрах культуры, в меньшей степени – в образовании. Многие из наших респондентов являются участниками народных коллективов, общественных организаций,

¹ И в этом аспекте наш материал схож с материалом, полученным в ходе диалектологических экспедиций, в практике проведения которых также стимулируется метаязыковая рефлексия диалектоносителей. Может быть, поэтому именно материал диалектологических экспедиций послужил основой обобщающих работ по метаязыковому сознанию, как, например, работы А.Н. Ростовской [3], О.И. Блиновой [20].

направленных на сохранение шорского языка и культуры, участвуют в исследовательской экспедиционной работе, некоторые из респондентов получили высшее образование в сфере шорского языка, вследствие чего обсуждаемые в наших беседах вопросы зачастую были глубоко и разносторонне ими отрефлексированы ранее. При этом многие аспекты шорского языка осознаются нашими респондентами независимо от уровня образования и профессии (далее приводимые контексты сопровождаются нотацией, в которой маркируется образование респондента и отнесение к одной из возрастных групп)¹.

Результаты анализа

Как показал анализ, наиболее активно рефлексировались следующие аспекты онтологии родного языка и его функционирования: 1) своеобразие шорского языка, его вариативность; 2) включенность его в тюркское языковое единство; 3) сравнение родного языка с русским языком – вторым языком билингвов; 4) отдельные языковые, прежде всего лексические, единицы.

1. Рефлексия шорской языковой идентичности, вариативности шорского языка. В рассуждениях наших собеседников о шорском языке одной из ведущих является тема значительной степени вариативности шорского языка, своеобразие литературного шорского языка и его диалектов.

Наши респонденты отмечают наличие значительных различий шорского языка у жителей разных поселков: *У нас здесь... вот, например, здесь деревня Суета есть... они тоже шорцы, но у них язык другой. Вот. В сторону Кабырзы, за Таштаголом там – у них тоже друг... они шорцы тоже. У них тоже язык другой. Ну, и это... и другие есть. Т- Кумандинцы есть и это... ну, всякие-всякие есть. Много. И вот у них языки все разные* (М.Н., н., 3); *Вот в сторону Кабырзы они.... Да. И, по-моему, этот, в Мысах тоже шорцы уже не те, не так* (Н.Н., с, 2); *...потому что... вот дети со*

¹ Здесь и далее фрагменты речи приводятся из базы данных корпуса текстов тюркско-русских билингвов Южной Сибири, хранящейся в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ. Вследствие обязательств о конфиденциальности информации, имена респондентов не приводятся. В корпусе информация хранится под кодовыми обозначениями, пользователю корпуса будут доступны только социолингвистически и психолингвистически релевантные характеристики информанта, личная идентификация недоступна. В данной статье контекст сопровождается инициальным идентификатором, дополнительно фиксируются **возраст** на время записи; **отнесенность** к возрастной группе: 1 – до 35 лет, 2 – от 35 до 65 лет, 3 – от 66 лет; **образование**: н. – начальное, с. – среднее, в. – высшее, нв. – неполное высшее. Таким образом, социолингвистическая характеристика данных групп, выделяемых при описании корпуса, представлена в [21]. Записи речи в корпусе и в данной статье не редактируются, в них отражены в орфографической (не в транскрипции) отклонения от норм литературной речи, в том числе в произношении (включая произношение имен собственных), а также особенности устной речи, обусловленные спонтанным, неподготовленным характером говорения неканоническая редукция, хезитация и под.).

стороны Шерегеша, Усть-Анзаса, там поселок есть, вот там у них другой говор. А вот здесь дети, которые именно Тоштагол, Кабырза, поселки, которые у нас есть, оттуда у них другой (Э.Н., в., 1).

Респонденты по-разному маркируют варианты шорского языка: «другой язык», «другой говор», «другой диалект». Данные именования не используются в строго терминологическом обозначении, не коррелируя с оценкой степени вариаций от «немножко другой» до указания на уровень, препятствующий успешной коммуникации носителей разных диалектов: ...допустим в Кабырзе, тоже немножко диалект другой, но хотя вот этот район Тоштагульский, ааа, Кабырза, Кичи, Тоштагул, мы совпадаем по диалекту, а Мрассу, Усть-Янзас, у них немножко диалект другой вот, говорят немножко по-другому (Г.Н., нв., 2); Через тридцать километров отъедешь, и уже там совсем по-другому говорят (В.С., сс., 3). Естественно, терминологически корректное определение внутриязыковых вариантов мы находим в речи наших собеседников, получивших высшее филологическое образование или вовлечённых в культурно-просветительскую, исследовательскую деятельность в регионе.

Особой темой обсуждения становится уровень понимания и говорения на родном языке в зависимости от территориального варианта: Ну в зависимости, у нас есть нижнемратский диалект... и есть кондомский диалект, ну наверное, проценто сем...семьят у меня есть понимание. Каждого диалекта. А нижнемратский свой, ну процентов девяносто. Понимаю я кон.. больше, чем говорю (Р.С., в, 3); ...акцент у меня кондомский диалект... я не считаю, что у меня акцента нет, и я разговариваю на своем диалекте, то есть на кондомском диалекте. Я не разговариваю. Я понимать знаю мрасский диалект. Поскольку наши ученые словарь составили на мрасском диалекте (Р.С., в., 3); У меня младший брат женился, девушку привёл оттуда, со стороны Кабырзы – мы, знаете, как над ней хохотали дома? Если вот к нам приедет в деревню, к маме, эй-это, она начнёт говорить – мы или сидим молчим, не знаем, чё, чё делать, чё она говорит, или чё-нить скажет – если поймём, дак это переспрашиваем (М.Н., н., 3).

Отмечаются основные параметры различий вариантных форм на разных уровнях языковой системы:

– лексические несоответствия: Слушаю, я даже...так... строго себя держу, думаю, ну, понять, какие слова понимаю, какие не пойму...подразделение у нас вишь по посёлкам... по-разному говорят. Вот, например, «платок» мы «плат» говорим, «пля» – почти материнское слово говорят они. Вот такое «пля», «пля» как-то говорят они. Ну, как «плять» говорят (Н.Н., с, 2); Ну слова у нас бывают некоторые совсем разные. Вот допустим, эти мрастинские говорят дом, они говорят м-м э:м называют дом, а мы называем здесь ууэ. Совсем слово другое (М.А., в., 2);

– лексические несоответствия как причина коммуникативных неудач: Ну, она говорит, мол: «Ну, давай мы расправлять койку и на пол стелить». Так

она, это, сказала так, а я оторопел, грю: «Чё, – грю, – сказала?». «Ну, вроде как, матрас надо вытаскавать, стелить надо». «Тык ты, – грю, – чё сказала, какое слово-то сказала, это же, – грю, – это... пол». Ну, тахтэ. Они грит: «Давай, грит, тахтэ, – грит, – это... разбирать». Я грю: «Кого ты собралась, – грю, – с пол разбирать, что ли?». «Ну почему, – грит, – стелить я буду матрас». «Так это же, – грю, – не... не так». «Ну, мы, – грит, – так говорим». Ну то есть, тахтэ – это пол (М.Н., н., 3);

– фонетическое своеобразие: *Вот в Усть-Янзасе: ай, эйзе. Угу, эйзе, вот такой эйзе, вот это вот, вроде да, вот вместо да, вместо того, что правда или чё тама, согласие у них одним эйзе. А Кабызе уже кептыдыр ошындай тыдыр, там Р. Мы их рыкалки зовём (В.С., сс., 3); Да. И, помоему, этот, в Мысках тоже шорцы уже не те. Не так. Мож, они говорят, они правильно говорят, а я думаю, мы правильно говорим. Окончания, ударения не те. (Н.Н., с, 2);*

– отражение в графике фонетического своеобразия: *В деревне, где я учился, ближе к сельсовету, в поселке, все языки сходятся шорски, а чуть подальше, у них уже разница. Окончания, они какие-то букву...букву добавляют. Уже... ниже Кабарзы поселок есть, Тайга, вот там уже тоже язык как-то нечисто или как там сказать...Мы вот так говорим по-шорскому, а они чуть-чуть по-другому. Какие-то буквы изменяются или, наоборот, добавляются, да. Уже разница есть немного (П.Н., сс., 3); Там-то, если на шорский писать, там какие-то буквы изменяются же, там, вот например, «у» с двумя точками, типа как двойное ударение или че там. ну бывает, там, иногда я сам замечаю (П.Н., сс., 3).*

Особая тема рассуждений – системное отличие современного литературного шорского языка, который создавался в практике языкового строительства на базе мрасского диалекта. Нашими собеседниками, которые в большинстве своем являются носителями кондомского диалекта, отмечается отдалённость литературного от их разговорного языка: *Я живу здесь, у нас кондомский диалект. Я передачу веду на кондомском диалекте. Понимать, все меня понимают, все знают (Р.С., в., 3); ...пока считается литературным это мрасский диалект. У нас основных два диалекта – мрасский и кондомский, а вот мы-то кондомский диалект, поэтому не все слова там сходятся (М.А., в., 2).* Вследствие этого отмечаются затруднения как в общении с жителями соседних деревень, говорящих на другом диалекте, так и в понимании литературного языка: *...мысковские шорцы, у них свой эээ своя лексикон, эээ у счаньжанских – своя, у нас своя, ну в общем, в каждом логу каждый по-своему чирикает, вот ну, да, диалект, всё это разное, да... Ну я совсем не понимаю мысковский прямо. Я лучше киргизов понимаю, ка...алтайцев, ааа своих шорцев, мысковский литературный не могу понять (В.С., сс., 3).*

Противопоставляется привычный, «свой» разговорный язык и «новый» шорский язык молодых шорцев, изучающих его в центрах шорской культуры, иногда – на факультативных школьных курсах и в университете:

И это какие-то слова, видать, пишут или говорят ли. Вот напишет, принесёт мне: «Пап, – говорит, – переведи вот это». Я, посмотрю, мь... я говорю: «Ничё я не пойму, на, иди, у кого, это, там кто ты заставил писать, у того, – грю, – спрашивай». Ну, непонятно, чё это такое, что за слова пишут (М.Н., н., 3); И от кто учителем, от это... выучился – он ток будет на свой язык тянуть, вот ...А у нас совсем по-этом, по-другому. Вот чё. (М.Н., н., 3).

Степень схождения литературного шорского и родного диалекта может интерпретироваться как подобная той, которая существует между шорским и другими языками тюркского единства: *Не-не-не, не можете читать на шорском... Потому что лексикон этот московский и я также владею и ээ литературным шорским так же, как и могу разговаривать с алтайцами, с у...киргизами, на таком же уровне, угу, угу (В.С., сс., 3).*

2. Вторая большая тема метаязыковых рефлексий – шорский язык в составе тюркского языкового единства. Доминантная линия в развитии данной темы – близость тюркских языков. Частными темами являются:

– общая идея близости языков: *...телеуты тоже большие, ну, телеуты у нас, ну, они языки все схожи просто, я не знаю, почему они телеуты, почему мы шорцы, я не могу объяснить. Я не знаю! (Г.Н., нв., 2); С крымскими татарами, с астраханскими татарами у нас очень язык схожий, вот мы жили с казахами, они тоже откуда, с самарской области, у них казахи на... больше сходится (Р.С., в, 3);*

– возможность понимания и говорения на родственных языках в бытовых ситуациях: *...для общения. С другими народами тюркской группы. Вот так можно. Тюркской группы именно. Потому что там же языки же понимаешь. Они разговаривают когда (Е.Н., в, 2); Ну, алтайский тоже, у них же тоже диалекты немного разные. Много мы понимаем по-алтайски, что говорят основное, ну процентов пятьдесят алтайского языка (Р.С., в., 3); У татар, казахи. Казахи – я тоже улавливаю, вот, когда они говорят. Вот зять у меня, когда в гости в Казахстан приезжали, они начинали говорить с дедом, я уши на остро держу. «Амарат, я-то понимаю, – говорю, – что говоришь ты». Который слова я уловлю (Н.Н., с, 2); Мы общались с этими, там же в основном узбеки, вот. Так я вот запросто могла вот, как на рынок пойти, по-узбецки тоже, ну и много слов, как бы и сходились, вот это. Как вот, э, хлеб там, эта, нож, что у нас это, что у них тоже. Также татарский вот это (Г.П., с., 3);*

– проявления единства и различия языков на лексическом уровне, при этом доминирует фиксация близости звучания слов как основная тактика в демонстрации единства: *Да, видите вот, м... хакасов, чай мы говорим чай, они говорят сый вот, а в Усть-Янзасе, у них будет звучать, более грубее ещё (Г.Н., нв., 2); Я вот три недели жила в Казахстане, вот когда гостила, я уже как-то вот это, прислушалась и уже видела, что есть... и счет у них. У них, например, «бир», у нас «пир»... ага, у них «еде», у нас тоже «еде»... они говорят «уч», а у нас «уш» (Н.П., в., 2); Тюркский язык – очень*

близкий, но, например, мы говорим баш, а они – анчалы, они говорят бас, мы говорим ээ аргыштад, а они говорят аргыжитат, а у них аргустав, а у нас авгастов по-шорски значит лодырь (И.А., нв., 2);

– собственно фонетические соответствия (установление таких соответствий в нашем материале представлено единичными примерами: Ну язык хакасский – на с произношение, а у нас на ш, а с казанскими татарами у нас языки не сходятся (Р.С., в, 3);

– установление лексических соответствий как основание рассуждений о происхождении: Аа, ну вот серьезно говорю, есть такое. А персидский, ну вот самое главное слово, какое, знаете?.. Пайрам... Это персидское же слово. Калык у вас есть? Нет? Ну, у нас есть, и вроде у остальных так-то... народ. Это из персидского тоже. ...Персидских слов много и в русском языке. Даже у финн есть персидские слова, то есть они были продвинутые ребята такие (Н.С., в., 2).

3. Появление третьей темы метаязыковых рассуждений наших респондентов – соотношение шорского и русского языков – определяется как общими условиями языкового опыта в сфере двух языков: родного и приобретенного, функционально доминирующего, так и ситуативными условиями диалога между русскоязычными интервьюерами и двуязычными респондентами. В рамках этой общей тематики выделим следующие подтемы [20]:

– лексические соответствия шорского и русского языков: ...и в восьмь-сят восьмом году у нас вот здесь в тештегельском районе начала выпускаться газета, которая называлась «Кызил шор», в переводе на русский означает «Красная шория»; Библия есть на шорском языке. э-э «Бичик» – это значит букварь по-русски, то есть он и на русском, и на шорском языке, да (Н.С., в., 2); Это русские называют шаман... по-шорски-то Кам (И.А., нв., 2); А камлать и шамла... <...> шаманить и камлать, ну, это мы камлаем, так говорим. Камла – это, ну, вон как бубен ходит и ... как... ну, через бубен э-э он общается с духами что ли, ну вот попроще вам объясняю, это тоже сложно (Н.С., в., 2); ...а это, солили и вешали в теньке, как бы объяснить, это были, по-шорски скажем чапе, а по-русски это будет, ну типа, наверное, шалаша (Г.Н., нв., 2).

Такие комментарии появляются «по случаю»: в рассуждениях респондент может переходить от шорского наименования к переводу на русский и комментарию или в обратном направлении – от русского к шорскому: Духи... Мы идём, как грится, заходим, чтоб очищение, идём, вначале очищение идёт, как грится, а потом заходит все и проводят «Чил Паж», то есть «Рождение Года» (З.И., с., 2); ...имя журавля Турун. Турун – это как эта, когда огонь обгара... вот конец палки или еще чего-нибудь обгоревшая головешка, это называется турун. И вот у птицы, журавля название турун, то есть потому что он принес для людей (С.Г., в., 2); Ну, эта, например, это обряд, это обряд поклонения воде, обряд поклонения, эта, как земле, обряд поклонения, эта, горе, да, эта. Ну, это по-шорски это называется сюэзинге, доэзинге, эта (С.Г., в., 2); Ну, эту

Калинную гору, я его перевожу с шорского. Это Калинная гора, а по-шорски он звучит, эта, Шаништа (С.Г., в., 2);

– соотношение грамматических систем попадает в сферу рассуждений гораздо реже. В нашем материале только один респондент обратился в своих размышлениях к этому аспекту соотношения языков: *Ну у нас, например, у шорцев, он, она, оно. У нас нету средний род, там мужской, там женский род. Да, ол. Он. Вот и всё. И если сказать она, то катки же – женищина, если сказать мужчина, он, то эргище (В.С., сс., 3). Рассуждения респондента о наличии уменьшительно-ласкательных слов в шорском языке было непосредственно стимулировано вопросом интервьюера: Ну, бала, бала – ребёнок, угу. Ну, балачак как-то не звучит, как-то, ну, ребёночек. Как-то так не говорят, бала и всё. Ну, балачак. Да-да-да, если есть, то их мало по сравнению с русским, их ну не такое количество ...Хотя вот, допустим, вот я, допустим, смотрю, вот солнце, да – кун. А уже солнышко ... уже такого я не слышала, чтобы солнышко говорили. Ну, бывает, что кунижек можно тоже так сказать. Ну, я думаю, просто это думать надо. Просто вы такой вопрос задали, я над ним никогда не задумывалась (В.С., сс., 3);*

– различия языков на разных уровнях: *...я не люблю писать, но мысль-то такая есть, конечно, писать я не пишу, помочь кому перевести – пожалуйста... сложно, сложность, потому что это как бы своеобразно, на русском языке можно сказать, три-четыре предложения можно сказать, а я скажу просто двумя словами... да, или даже могу одно слово сказать, это все будет понятно... или наоборот, русское предложение маленькое, а мне надо вот сказать вот столько, но бывает можно не добавлять, если мо... мы, то есть это мой – ым добавляется, это мой, а могу сказать мел, номым, то есть я могу подтвердить, что именно это мой, моя книга, по-разному, да. А одно слово вот, номым, это понятно, ым добавляется, моя книга, а если конкретизировать что-то, моя, мем, номым есть эн, а есть ым, мем (Р.С., в., 3); ...у нас в шорском языке 39 букв, а в русском языке 33, а у нас 39, вообще 43 было. Вот к по-шорски: к есть и есть кэ, есть у и есть ую, есть о, есть оэ, и в отличие от русского языка у нас есть слова, которые начинаются на ы <...>, например, самое главное слово это ыныс – это счастье. Ырыс, ырыстых – это счастливый, ырыстыхчи – осчастливленный... И еще у нас есть ырымар, ы-ры-мар – это находящийся на другой стороне, бегущий со стороны (И.А., нв., 2).*

Обсуждение

Наши материалы позволяют выявить общее и специфичное в метаязыковых рефлексиях билингвов в сравнении с рассуждениями о языке представителей других типов носителей русского языка и проявленных в других вариантах дискурсивных практик.

Сравнение с результатами анализа метаязыковых рефлексий носителей русских сибирских диалектов, представленного в монографии А.Н.

Ростовой [3]¹, свидетельствует о ярком отличии нашего материала. Факт билингвального существования определяет включенность в сферу рефлексий не только родного языка, его вариативности, нормативности отдельных единиц, что отражено в исследовании А.Н. Ростовой, но и разные аспекты включенности родного языка в более широкое единство родственных языков и в поле сопоставлений со вторым, приобретенным русским языком.

Возвращаясь к вопросу о соотношении языкового сознания, его глубинного уровня, уровня регуляции речевой деятельности и уровня метаязыковой рефлексии, отметим, что наши данные подтверждают утверждения А.А. Залевской о том, что на уровень осознания выводится только незначительная часть айсберга, обеспечивающего владение языком, речевую деятельность [2. С. 30–31].

1. В «светлое поле сознания» носителей тюркско-русского билингвизма вовлекаются прежде всего лексикон, фонетика языка и ее отражение в графике. И в данном случае проявляется общая тенденция: практически во всех работах, отражающих метаязыковую деятельность различных типов говорящих рассматриваются прежде всего лексические единицы (см., например, работы, представленные в уже упоминавшихся коллективных монографиях и сборнике статей, в которых анализируются проявления метаязыкового сознания в разных дискурсах (поэтическом – Н.А. Кузьмина [11. С. 279–304], А.Н. Черняков [11. С. 325–335], Н.А. Николина [11. С. 336–353], философском – Ю.С. Паули [11. С. 239–253], медицинском – Н.В. Гончаренко [9. С. 357–364], интернет-коммуникации – Н.Б. Лебедева [9. С. 297–310] и др.). Единичные работы, посвященные метаязыковым рефлексиям грамматики и текстуальности, например грамматического рода (В.О. Макавчик [9. С. 123–129]), жанра (О.П. Сологуб [11. С. 254–278]), представляют результаты направленных экспериментов.

Актуализация же аспектов фонетики и графики родного языка в метатекстах наших респондентов определяется, на наш взгляд, спецификой данного типа билингвальной ситуации, которую представляли наши респонденты, – значительное варьирование фонетических систем основных диалектов шорского языка, наличие отличий в алфавите шорского языка, построенного на основе кириллицы с введением дополнительных элементов.

Вместе с тем практически не попадают в сферу осознания нашими респондентами вопросы грамматики, в том числе в общей тематике сравнения систем родного и второго – русского – языков. При этом, как показали результаты проведенных исследований, в речевых практиках шорско-русских билингвов преобладают речевые сбои, связанные с грамматиче-

¹ Отметим, что выводы А.Н. Ростовой построены на материале, собранном в аналогичных условиях, аналогичными способами – в ходе интервью и свободных бесед, при этом она включала в анализ и ответы на прямые вопросы, направляющие тему метаязыковых рефлексий [22], в данной статье, как уже было отмечено нами, такой материал не анализировался.

ской категоризацией по роду (отсутствующей в материнском языке наших респондентов) и падежу (имеющему значительные различия в частных значениях и системе формального маркирования) [23], аспект родовых различий был отмечен только одним респондентом, проблемы падежного управления не попали в сферу рефлексий вообще.

Эти данные коррелируют с результатами психолингвистических экспериментов, фиксирующих влияние определенных аспектов языкового опыта на процессы когнитивной обработки единиц второго языка, проведенного в рамках общего проекта исследования языкового взаимодействия языков Южной Сибири. Результаты экспериментов показали доминирование лексико-семантических, а не формально-грамматических стратегий обработки грамматического рода тюркско-русскими билингвами [24].

В докторской диссертации А.Н. Ростовой отмечены гендерные различия в характере метаязыковых рефлексий, особенностях женского и мужского типов метаязыковой деятельности [22. С. 36]. Наши материалы, гораздо более ограниченные по объему, не позволяют подтвердить или опровергнуть данные выводы, как и зависимость направленности рефлексий о языке от типа темперамента, экстравертированности / интравертированности, когнитивного стиля мышления, как это сделано в исследовании А.Н. Ростовой. Однако согласимся с утверждением данного автора о значительной степени индивидуальных различий в этом типе когнитивно-коммуникативной деятельности билингвов. При том что все наши респонденты отвечали на прямые вопросы, касающиеся разных аспектов функционирования языка и его оценки (анализ этих ответов был представлен в публикациях [17, 21]), только некоторые из них возвращались к метаязыковым рассуждениям в свободной беседе: были проанализированы записи интервью и бесед 19 респондентов, однако метатекстовые вкрапления в свободных беседах отмечены у 11 респондентов со значительным различием в обращении к данной общей теме.

Таким образом, наши материалы подтверждают наблюдения исследователей, анализирующих метаязыковое сознание на материале больших выборок респондентов, о том, что метаязыковая деятельность определяется «внутренней, личностной предрасположенностью к анализу языка» [3. С. 73]. Данная склонность не зависит напрямую от уровня образования, которое влияет скорее на характер рассуждений, которые могут нести в себе следы филологического образования, практики преподавания родного языка, но не на наличие предрасположенности к этому типу рефлексивной деятельности. При наличии такой предрасположенности значительное влияние на характер рефлексий оказывает специфика языкового опыта.

Литература

1. Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвузовский сборник научных статей / отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово ; Барнаул, 2008. С. 49–57.

2. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 30–34.
3. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 193 с.
4. Резанова З.И., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики имен существительных в восприятии носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов (на основе психолингвистической базы данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 32–40. doi: 10.17223/15617793/455/5
5. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков ; Москва : РА Каравелла, 2001. 320 с.
6. Голев Н.Д. Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке : тезисы докладов конференции. Кемерово, 1994. С. 82–84.
7. Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Языковая картина мира как текстопорождающая категория (на материале сочинений по картине «Девочка с персиками» В.А. Серова // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 11–16.
8. Васильева А.В. Влияние билингвизма на когнитивную обработку эмоциональных слов (тюркско-русский билингвизм) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 5–11. doi: 10.17223/15617793/455/1
9. Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвузовский сборник научных статей. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 480 с.
10. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Ч. 1. 532 с.
11. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Томск : Изд-во ТГПУ, 2009. Ч. 2. 437 с.
12. Голев Н.Д. От редколлегии: лингвистика метаязыкового сознания (проблемы и перспективы) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. Кемерово ; Барнаул, 2008. С. 5–12.
13. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117.
14. Бимодальный корпус устной речи жителей южно-сибирского региона». Свидетельство о государственной регистрации базы данных № RU 2019620803. Артёменко Е.Д., Буб А.С. Васильева А.В., Душейко А.С., Машанло Т.Е., Нагель О.В., Резанова З.И., Сафиуллина Е.Ш., Степаненко А.А., Темникова И.Г.
15. *The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC)* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2019. Вып. 18, дополнительный том. С. 200–210. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvolplus.pdf
16. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.
17. Резанова З. Образ языка в дискурсах этнолингвистической и этнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев // Interface. Journal of European Languages and Literatures. Autumn 2020. Is. 13. P. 97–120. doi: 10.6667/interface.13.2020.
18. Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 221–231.
19. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2005. Vol. 50, № 4. P. 940–967.

20. Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989. С. 122–126.

21. Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (шорско-русское и татарско-русское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68.

22. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Томск, 2000. 40 с.

23. Резанова З.И., Дыбо А.В. Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие // Русин. 2020. № 62. С. 144–158. doi: 10.17223/18572685/62

Languages in the “Light Field” of Bilingual Consciousness (Based on the Metatexts of Shor-Russian Bilinguals in the RuTuBiC Oral Speech Corpus)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 130–145. DOI: 10.17223/19986645/74/8

Zoya I. Rezanova, Olga V. Ryzhova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru / ryzhova19931993@mail.ru

Raima H. Shirinova, National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan) E-mail: Shirinova.raima@gmail.com.

Keywords: Russian language, metalanguage consciousness, metatext, bilingualism, Shor-Russian bilingualism.

The article presents the results of the analysis of meta-linguistic reflexions of bilinguals; the direct sources of observations are the recordings of interviews and free conversations with Shor-Russian bilinguals. The research is based on the theoretical statements about the presence of a complex structure of language consciousness, in which the deep, controlling level and the surface level of metalanguage consciousness are distinguished (A.A. Leontiev and others), about the expression of metalanguage consciousness in the system of metatexts, in text fragments that objectify the introspection of native speakers (O. Blinova, A. Rostova, N. Golev, and others). A direct source of observations is recordings of spontaneous speech of Shor-Russian bilinguals presented in the database of the bimodal corpus of oral speech of Turkic-Russian bilinguals, made during expeditions of members of the Laboratory of Linguistic Anthropology of Tomsk State University in 2017–2019 in Sheregesh and Tashtagol, Kemerovo Oblast, and the adjacent villages. Recordings of conversations with 19 respondents were analyzed, the total volume of audios is more than 26 hours of sound. Our data confirm A.A. Zalewska’s statements that only a small part of language consciousness, providing for language proficiency and oral activity is deduced to the level of consciousness. The fact of bilingual existence determines the inclusion of not only the native language, its variability and normativity of separate units, but also various aspects of the inclusion of the native language in the broader unity of related languages and in the field of comparisons with the second, acquired, Russian language into the sphere of reflections. The lexicon, and phonetics with its reflection in the script are first to get involved in the “light field of consciousness” for Turkic-Russian bilinguals. In this case, there is a general tendency noted by almost all researchers of metalinguistic consciousness. The actualization of phonetic and graphic aspects of the native language in the metatexts of our respondents is determined by the specifics of the type of bilingual situation our respondents represented. They were a significant variation of phonetic systems of the main Shor dialects, the presence of differences in the alphabet of the Shor language built on the basis of the Cyrillic alphabet with the introduction of additional elements. At the same time, our respondents’ awareness of grammar issues, including the general topic of comparing the systems of the native and the second Russian languages are practically nonexistent. Our materials confirm the researchers’

observations that meta-linguistic activity is determined by one's internal, personal predisposition to language analysis. This disposition does not directly depend on the level of education, which affects rather the character of reasoning, which may bear traces of philological education, the practice of teaching the native language, but not the presence of a predisposition to this type of reflexive activity. However, in the presence of such disposition, the specificity of language experience has a significant influence on the character of reflexions.

References

1. Rostova, A.N. (2008) Obydennoe metazykovoe soznanie: status i aspekty izucheniya [Ordinary metalinguistic consciousness: status and aspects of study]. In: Rostova, A.N. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika* [Ordinary metalinguistic consciousness and naive linguistics]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 49–57.
2. Zalevskaya, A.A. (2003) Yazykovoe soznanie: voprosy teorii [Linguistic consciousness: issues of theory]. *Voprosy psikholingvistiki*. 1. pp. 30–34.
3. Rostova, A.N. (2000) *Metatekst kak forma eksplikatsii metazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri)* [Metatext as a Form of Explication of Metalinguistic Consciousness (on the Material of Russian Dialects of Siberia)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2020) Pertseptivnyy komponent semantiki imen sushchestvitel'nykh v vospriyatii nositeley russkogo yazyka kak rodnogo i tyurksko-russkikh bilingvov (na osnove psikholingvisticheskoy bazy dannykh RuWordPerception) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 32–40. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/455/5
5. Goroshko, E.I. (2001) *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta* [An integrative model of a free associative experiment]. Kharkiv; Moscow: RA Karavella.
6. Golev, N.D. (1994) [Variation of derivative contexts as a way to identify and study the potential of the derivational functioning of the word]. *Yavlenie variativnosti v yazyke* [The phenomenon of variability in language]. Abstracts of the Conference. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 82–84. (In Russian).
7. Golev, N.D. & Shpil'naya, N.N. (2009) Yazykovaya kartina mira kak tekstoporozhdayushchaya kategoriya (na materiale sochineniy po kartine "Devochka s persikami" V.A. Serova [Language picture of the world as a text-generating category (on the material of essays based on the painting "Girl with Peaches" by V.A. Serov)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 11–16.
8. Vasil'eva, A.V. (2020) The Influence of Bilingualism on Emotional Words Cognitive Processing (Turkic-Russian Bilingualism). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/455/1
9. Rostova, A.N. (ed.) (2008) *Obydennoe metazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika* [Ordinary metalinguistic consciousness and naive linguistics]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University.
10. Golev, N.D. (ed.) (2009) *Obydennoe metazykovoe soznaniy: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects]. Part 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University.
11. Golev, N.D. (ed.) (2009) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects]. Part 2. Tomsk: TSPU.
12. Golev, N.D. (2008) Ot redkollegii: lingvistika metazykovogo soznaniya (problemy i perspektivy) [From the Editorial Board: Linguistics of Metalinguistic Consciousness (Problems and Prospects)]. In: Rostova, A.N. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika* [Ordinary metalinguistic consciousness and naive linguistics]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 5–12.

13. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of Psycho-Linguistic and Cognitive Aspects of Language Contacting in the Project "Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diahrony: Interaction of Languages and Cultures". *Rusin.* 2 (52). pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8
14. Artyomenko, E.D., Bub, A.S., Vasilyeva, A.V., Dusheiko, A.S., Mashanlo, T.E., Nagel, O.V., Rezanova, Z.I., Safiullina, E.Sh., Stepanenko, A.A. & Temnikova, I.G. (n.d.) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № RU 2019620803 "Bimodal'nyy korpus ustnoy rechi zhiteleyuzhno-sibirskogo regiona"* [Certificate of State Registration of Database No. RU 2019620803 "Bimodal Corpus of Oral Speech of People of the Southern Siberia"].
15. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G., Artemenko, E.D., Stepanenko, A.A., Datsyuk, V.V. & Dybo, A.V. (2019) The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC). In: Selegey, V.P. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]. Issue 18. Supplementary volume. pp. 200–210. [Online] Available from: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvollplus.pdf
16. Dyrenkova, N.P. (1941) *Grammatika shorskogo yazyka* [Grammar of the Shor language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
17. Rezanova, Z. (2020) Modern Shors in Siberia – the image of language in the discourses of ethno-linguistic self-determination. *Interface. Journal of European Languages and Literatures.* 13. pp. 97–120. DOI: 10.6667/interface.13.2020
18. Kazakevich, O.A. (2006) Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya) [Documentation of endangered languages of Siberia (on the material of two villages of Krasnoyarsk Krai)]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda.* 3 (44). pp. 221–231.
19. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2005) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research.* 50 (4). pp. 940–967.
20. Blinova, O.I. (1989) Yazykovoe soznanie i voprosy teorii motivatsii [Linguistic consciousness and issues of the theory of motivation]. In: Shmelev, D.N. (ed.) *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. Moscow: Nauka. pp. 122–126.
21. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of Sociolinguistic Processes in Southern Siberia Mirrored in Bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar Language Interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 436. pp. 56–68. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/8
22. Rostova, A.N. (2000) *Metatekst kak forma eksplikatsii metayazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri)* [Metatext as a form of explication of metalinguistic consciousness (on the material of Russian dialects of Siberia)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
23. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2020) Deviations From the Speech Standard in the Regional Version of Oral Russian Speech: Intralingual and Interlingual Interactions. *Rusin.* 62. pp. 144–158. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/62

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/19986645/74/9

Г.В. Судаков

ТАЙНЫ ПОЛТАВСКОГО ПРИКАЗА ПЕТРА I

Исследуется памятник письменности, известный как «приказ» Петра I, якобы объявленный войскам 27 июня 1709 г. Рассматриваются три версии текста, изданные в разное время и имеющие расхождения в содержании и в языке. Доказывается, что основные идеи «приказа» были изложены в тридцатых годах XVIII в. Феофаном Прокоповичем, а версия текста, популярная нынче, сформулирована и опубликована в 1821 г. Д.П. Бутурлиным. Приведены данные лексико-семантического и синтаксического анализа, подтверждающие эту точку зрения.

Ключевые слова: Петровская эпоха, история языка, лингвистическое источниковедение, памятники письменности, лексико-семантический анализ, синтаксические модели

Введение

«Приказ» или речь Петра I, впервые прозвучавшая 27 июня 1709 г., в день Полтавской битвы, имеет три основные версии, относящиеся к разным датам публикации: запись в «Журнале государя Петра с 1695 по 1709 год» (издан в 1788 г.); «История имп. Петра Великого» Феофана Прокоповича (1773); публикация в «Военной истории походов россиян в XVIII столетии Д. Бутурлина (1821). Данные публикации ранее специалистами не сравнивались и язык их лингвистами не анализировался.

Вопрос об истории памятника в среде историков является особенно дискуссионным, сам факт произнесения речи, пусть короткой и на ходу, признан вполне вероятным. Филологи участия в этой дискуссии ещё не принимали, прежде всего, по той причине, что о реформах Петра в области языка и словесности писали много, но язык Петровской эпохи, в частности первого десятилетия XVIII в., изучен недостаточно. Известны исследования о лексике отдельных памятников, об эпистолярном наследии и языковой личности Петра Великого, о нормах в языке начала XVIII в. [1–5].

Последний по времени публикации вариант петровской речи, наиболее лаконичный и наиболее привлекательный по содержанию, часто транслируется в научно-популярной и учебной литературе, см.: «27 июня 1709 г. войскам был зачитан приказ Петра: *«Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и бога, поборающего по вас. А о Петре ведай-*

те, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе, для благосостояния вашего» [6. С. 33]. Но этот текст многократно издавался и раньше, особенно в учебной литературе для военных учреждений и популярных пособиях: 1839, 1846, 1851, 1865, 1871, 1889, 1891, 1909, 1945, 1947 гг. и т.д.

Данный вариант приказа Петра был впервые напечатан в 1821 г. в сочинении Д.П. Бутурлина, флигель-адъютанта его императорского величества и военного историка [7. С. 52]. У Д.П. Бутурлина Полтавская баталия описана подробно, но в этом описании не упоминаются ни факт речи Петра, произнесенной перед войсками, ни зачитание некоего особого приказа. Вспомним, что Петр намечал решающее наступление на 29 июня, но шведы выступили 27 июня в 2 часа ночи. Никакого специального объезда войск с произнесением речей в полночь 27 июня не было, да и трудно было бы за короткое время объехать почти сорокатысячное войско. К 11 часам дня сражение закончилось: шведы беспорядочно отступали, тысячами сдаваясь в плен [8].

Процитированный выше «приказ» Д.П. Бутурлин приводит в третьем томе первой части. Оценим место, занимаемое «приказом» в структуре книги. Он включен в список документов под № 5 «Договоры». Вначале приводятся два договора 1708 г. гетмана малороссийских казаков Мазепы с королями шведским и польским, затем размещается этот самый «Приказ, отданный Е.В. царем Петром 1-м воинству своему в день Полтавского сражения июня 27 дня 1709 года». Скажем сразу, не самое почетное место в книге занимает этот памятник.

Языковые особенности приказа в варианте 1821 г.

Заметим, что в 1709 г. слогом, приближенным к нашему времени, каким написан «приказ», ещё не выражались и тем более так не писали. Рассмотрим языковые особенности «приказа», состоящего из пяти предложений.

В первых трех предложениях выделяются три смысловых блока: 1) оценка исторического момента: *пришел час, который решит судьбу Отечества*; 2) определение цели сражения: *вы сражаетесь за государство... за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь*; 3) критическая оценка неприятеля: *слава неприятеля, будто бы непобедимого, – ложь, вы победами над ним это неоднократно доказали*.

Последние два предложения приказа посвящены воодушевляющим мотивам предстоящего сражения (с вами правда и Бог, поддерживающий вас) и патриотическому примеру Петра (Петру важно, чтобы *жила Россия в блаженстве и в славе, для благосостояния вашего*).

Отличительный риторический прием, использованный составителем текста, – противопоставление. В композиции текста использованы три противопоставления.

Первое имеет следующий смысл: Воины, вы сражаетесь не за Петра, но за государство, Петру врученное, за Отечество, за православную веру, за

церковь. Известная формула «за веру, царя и Отечество» появится позже. А в 1709 г. Отечество (место, где я живу) и вера (церковь, которую посещаю) были ближе и дороже каждому воину, чем личность правителя.

Во втором случае противопоставляются ложная слава будто бы непобедимого противника и реальные неоднократные победы над ним русского воинства.

Третье противопоставление посвящено патриотическому примеру Петра: собственная жизнь ему не дорога, а дороже блаженство и счастье России, и благосостояние её граждан.

Эта композиция вызывает сомнения по поводу времени создания текста. Троекратный повтор слова или оборота, тождественного или близкого по смыслу, – это традиционный фольклорный прием. Но трехкратный повтор сложного по структуре и смыслу противопоставления – это прием, освоенный русской литературой в конце XVIII–XIX в. в период перехода от классицизма к сентиментализму и романтизму под влиянием эпидейктических, т.е. хвалебных, жанров риторики.

Что касается лексики анализируемого текста, то все использованные слова и их грамматические формы существовали в начале XVIII в. Здесь есть очевидные славянизмы, употребление которых оправдано темой текста: *благосостояние, блаженство, очи, поборающего по вас, смущать*. Правда, есть некоторые нюансы в их семантике и сферах употребления.

Так, слово *блаженство* в значении «высшая степень благополучия, довольства, счастья» применительно к мирской жизни, а не к религиозным переживаниям, судя по лексикографическим данным, начинает фиксироваться только во второй половине XVIII в., начиная с Ломоносова (текст 1757–1759 гг.), Хемницера (текст 1782 г.), Радищева (текст 1790 г.) (Сл. XVIII в. Вып. 2. С. 58).

Возникают вопросы по поводу слова *смущать* в значении «волновать, вызывать недоумение, сумятицу в мыслях»: *Не должна вас также смущать слава неприятеля*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. лексема иллюстрируется примерами, где это слово обозначает состояние, вызванное душевными переживаниями на религиозной основе (Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 25. С. 222–223). Судя по данным картотеки Словаря русского языка XVIII века, светский спектр семантики слово приобретает во второй половине XVIII в. (произведения Державина, Сумарокова, Богдановича, Попугаева). Это тоже свидетельствует о невозможности отнесения текста к первому десятилетию XVIII в.

Оборот (*бог*), *поборающий по вас* в значении «защитающий, поддерживающий кого-либо; помогающий кому-либо» употреблялся изредка только в языке культовой литературы, содержание которой не выходило за пределы религиозного обряда (Сл. XVIII в. Вып. 20. С. 79–80). В данном тексте Бог поддерживает воинов, а за православную церковь надо сражаться.

Оборот *имейте пред очами вашими (правду и Бога)* имеет значение «имейте в памяти, в воображении». В словаре XVIII в. оборот проиллюстрирован цитатой из сочинения Феофана Прокоповича «Слово о состояв-

шмся между имперіею Россійскою и короною шведскою мире» (1722) (Сл. XVIII в. Вып. 16. С. 233). Подобный оборот находим и в произведении Ф. Прокоповича «Исторія имп. Петра Великого...» (1773) [9. С. 212]. Данное обстоятельство будем иметь в виду при последующем анализе указанного произведения.

Не в той эпохе оказывается по воле сочинителя текста начальное слово *итак* во фразе *Итак, не должны вы помышлять, что сражается за Петра... Итак* – это союз, употребляемый в начале предложения, содержащего вывод из предыдущего изложения, имеет значение «следовательно, таким образом». Словарь русского языка XVIII в. иллюстрирует слово примерами из журнала «Трутенъ» (1769) и из «Приглашения к обеду» Г.Р. Державина (1795) (Сл. XVIII в. Вып. 9. С. 79–80).

Возникает вопрос: кем и когда сочинен этот текст, поскольку Петр вообще не издавал никакого приказа перед Полтавской битвой? В начале XVIII в. не существовало практики издания подобных приказов. В июне 1709 г. «из армии от Полтавы» Петр написал 32 записки своим соратникам, родственникам и союзникам, все они опубликованы в многотомном академическом издании «Письма и бумаги Петра Великого» [10. С. 201–226]. Приказов среди этих бумаг нет.

Анализируемый нами «приказ» – документ очень содержательный и выразительный, несмотря на свою краткость. Почему же, если он действительно имелся, его никто не опубликовал, не процитировал, даже не упомянул при жизни Петра или хотя бы в XVIII в.?

Ответ один: такого приказа не было. И речи такого содержания Петр не произносил ни перед битвой, ни после битвы.

Особенности текста, созданного Феофаном Прокоповичем

Следующий по хронологии памятник – «Исторія императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно». Автор – Феофан Прокопович (1681–1736) [9]. Впервые текст был опубликован в 1773 г., через 37 лет после смерти автора. Написан же основной текст, по-видимому, в 1718–1723 гг.

Феофан Прокопович – писатель, церковный деятель, активный пропагандист петровских реформ. В.И. Майков писал о нем: *Великого Петра дел славных проповедник. Витийством Златоуст, муз чистых собеседник. Историк. Богослов, мудрец российских стран – Таков был пастырь стад словесных Феофан* [11. С. 171]. Феофан Прокопович – автор трех произведений о Полтавской битве, причем два из них самые близкие по времени создания к дате Полтавской битвы: «Слово похвальное...» (1709) [12. С. 23–386] и поэтическое произведение «Епиникион», также написанное летом 1709 г. [13. С. 209–214]. Намек на возможно произносимые Петром какие-то слова (речи или команды) можно видеть в следующих строчках «Слова похвального...»: *...не слово токмо твое и повеление в полки твоя,*

на брань препоясавшийся, посылал еси (еже единое по царственному чину довлеяше), но совершая царственное, купно совершил еси и воинское дело, сам высоким лицом твоим в лице супостату противу стал еси, сам на первые мечи и копья и огни устремился еси [12. С. 31]. Здесь, как видим, оценивается больше личная храбрость Петра, но не содержание и качество его речи, обращенное к воинам. В сочинениях Феофана Прокоповича, появившихся при его жизни, только фраза *слово твое и повеление в полки твои посылал еси* – единственное упоминание о речевых действиях Петра Великого во время Полтавской баталии.

Рассказ о выступлении Петра перед воинским строем появляется в «Истории императора Петра Великого...». Цитируем текст: «Объезжая конных и пеших своих Петр Царь, ово строи военные осматривая, купно же и ревностными словами зажигая храбрость их: ведало бо Российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их, или пропасть весма, или в лучший вид отродиться России, и не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство Петру врученное, за род свой, за народ Всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайняго уже фортуны определения от оных же ожидает: ниже б их смущала слава неприятеля, яко непобедимаго, которую ложну быти не однократно сами ж они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что Сам Бог, и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощию своею силный в бранех Господь, на того единого смотрели бы, а о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, толко бы жила Россия и Российское благочестие, слава и благосостояние» [14. С. 554–555].

Отметим совпадающие по содержанию и отчасти по лексико-фразеологическому составу отрывки из «Истории...» Ф. Прокоповича и из исторического «приказа» Петра, опубликованного в 1821 г. (цитаты приводятся именно в таком порядке). Всего совпадающих фрагментов пять:

1) *оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их* – Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества;

2) *не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство Петру врученное, за род свой, за народ Всероссийский* – Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь;

3) *ниже б их смущала слава неприятеля, яко непобедимаго, которую ложну быти не однократно сами ж они показали уже.* – Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимаго, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали;

4) *имели в оной акции пред очима, что Сам Бог, и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощию своею силный в бранех Господь, на того единого смотрели бы* – Имейте в сражении пред очами вашими правду и бога, поборающего по вас;

5) *а о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, толко бы жила Россия и Российское благочестие, слава и благосостояние. – А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе, для благосостояния вашего.* Любопытно, что эта идея повторена в книге Н.И. Кашина «Поступки и забавы императора Петра Великого» (впервые издана в 1764 г.), но применительно к постоянным путешествиям и напряженным государственным занятиям Петра: *В великих трудах и путешествиях не имел скуки, не охраняя своего здоровья, но ревнуя своей России, чтоб ее сделать славною и непобедимую от прочих наций* [15. С. 590–591].

Текст, сочиненный Феофаном Прокоповичем, публицистический по содержанию, относится к жанру проповеди (гомилии), но проповедь XVIII в. близко соседствовала с литературой барокко. В результате сформировался смешанный слог, где преобладала общеупотребительная лексика (69 лексем, включая служебные слова, из 95), значителен слой высоких архаичных слов и форм (14 лексем: *благочестие, благосостояние, бо, брань, единого, крайняго, едино, ложну, ниже, оной, очима, пред, сие, яко*) и близких к ним книжных лексем (*весьма, воинство, врученное, всероссийский, засвидетельствовал, неоднократно, отродиться, помышляли*), имеются иноязычные вкрапления (*акция, фортуна*), редкие разговорно-просторечные слова (*ведать, доселе*). В целом даже литературные тексты Феофана Прокоповича отличались книжным характером.

Приведем некоторые замечания к тексту речи. Она начинается с глагола прошедшего времени *ведало*, что переводит весь текст в разряд повествований о прошлом. Затем следует ещё ряд глаголов в форме прошедшего времени: *помышляли, стоял, смущала, имели, смотрели, видали*. В таком виде это не воспроизведение обращения к воинам, для речи перед воинами необходимы формы настоящего времени, а такая лишь одна: *ожидает*.

В этом тексте впервые вводится идея исторической ответственности армии за судьбу Отечества, а не за жизнь Петра. Отмечено, что неприятель уже был бит русскими. Подчеркнута поддержка русского воинства Богом. Впервые сформулировано клятвенное высказывание Петра, что ради России он не пощадит жизни. Эти четыре идеи сохранены и в тексте, цитируемом сегодня в школьных учебниках.

Понятно, что этот текст не хранился десятилетиями в памяти или в записках Прокоповича, сделанных в 1709 г. Текст его «Слова похвально-го...», произнесенного 29 июня 1709 г. в Киеве, не сохранился. Далее у него была возможность напомнить Петру о батальной речи в 1717 г. (Слово похвальное о баталии Полтавской...), в 1722 г. (Речь к его величеству государю императору Петру Великому...), сказать на погребении Петра Великого в 1725 г. (Слово на погребение всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго...) и на поминальной службе в том же году (Слово на похвалу блаженные и вечностойныя памяти Петра Великого...); см. публикацию этих сочинений: [14, 16]. Следует учесть и то обстоятельство, что победу в Полтавском сражении до смерти Петра отмечали ежегодно.

Считаем, что приведенная Прокоповичем речь как фрагмент сочинения «История Петра Великого...» – сочинение не летописца, а писателя Ф. Прокоповича, поскольку текст мало совпадает с исторической действительностью: и приказа не было, и Петр произносил в беседе с солдатами совсем другие слова. Писатель Феофан Прокопович своим талантом превосходил хроникера Прокоповича, см. оценку его таланта в работах [14, 17, 18].

Текст из книги Прокоповича повторен в издании «Письма и бумаги императора Петра Великого со следующим указанием от составителей: «27 июня 1709 г. Приказ перед Полтавской битвой, приказ не сохранился, дается по рукописи «История имп. П.В.» с предисловием и подписью Феофана Прокоповича» [14. С. 554–555].

Литература сохранила тексты «петровских речей», сочиненных ещё одним писателем – П.Н. Крёкшиным. По Крёкшину, Петр успел произнести не одну речь, а три: перед солдатами, перед офицерами и перед полковниками. Три «полтавские «речи» царя в изложении П.Н. Крёкшина – плод его литературно-художественного воображения. В этих речах, по мнению специалистов, преобладает фантазийный элемент. Фантазии Крёкшина, к сожалению, повторил И.И. Голиков в своем известном сочинении о «деяниях Петра» [19].

Языковые особенности речи Петра 1709 года

Итак, приказа не было, а была ли беседа Петра с воинами? Беседа была, короткая, на ходу, причем не 27 июня, а раньше. Вот время, когда она могла состояться: 24 июня русские войска вышли на исходную позицию, 25-го и 26-го рекогносцировать ситуацию и смотреть неприятельской лагерь «изволил его царское величество и всякое предуготовление чинить к нападению на неприятеля» [10. С. 258]. Цитируемый памятник носит название «Первая обстоятельная реляция о счастливой баталии, межъ войск его царского величества российского и королевского величества учинившейся неподалеку от Полтавы, сего июня в 27 день 1709-го лета».

В 1709 г. Петр уже хорошо понимал пропагандистскую роль исторических документов. Канцелярию императора вел кабинет-секретарь А.В. Макаров, человек умный, энергичный, надежный, привезенный Петром из Вологды. Но его усилий было недостаточно. Запись всех сведений «о жизни и деяниях государя императора Петра Великого» осуществлял барон Гизен (Г. Гюйссен). Он вел «Журнал государя Петра 1 с 1695 по 1709», который составлялся на основе документов и ежедневных записей, Журнал был включен в книгу «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого» [20], изданную в 1788 г.

Приведем оттуда один фрагмент о встрече Петра с солдатами накануне битвы, он редко цитируется, поскольку нет в нем ни громких слов, ни пышной риторики: «Его величество, едучи мимо солдат своих, изволил их ободрять, говоря тако: *“Сделайте братия так, как я буду делать, и все с*

помощию Всявышняго будет добро. За победою после трудов возпоследует покой". Все солдаты оказывали к его Величеству, которого они называли отцом, особливую склонность и любовь, исполненную почтения.

Его Царское Величество изволил на то ответствовать с милостивою приятностию: *"Ведаю, что для исправления в вашей должности, образца моего вам не потребно. Обаче понеже [однако, поскольку] зависит спасение государств и подданных моих, то я буду делать надлежащее мне, так как полковник от лейб-гвардии и как царь-охранитель и оборонитель стран, которые Бог мне вручил: не люблю бо носить имя и титла без действия. Он меня поставил такова, каков есмь, и соблюдет меня в звании моем по благословению своему"*. Сильно важные слова, изглаженные с великою правильностию и величием, как с надеждою и умилением» [20. С. 92, 94].

Три важные идеи находим в этой беседе царя с солдатами: 1) царь – пример для воинов в трудном сражении, но он – полководец, его место не в солдатских рядах; 2) Всевышний – надежный помощник русского воинства; «С нами Бог!» – традиционный клич русских на поле сражения; 3) «покой» (мир) – ожидаемый результат победы. Речь Петра в этой записи характеризуется дружеским тоном, искренностью и непосредственностью.

Выводы

Имеются три основных варианта речи (приказа) Петра: 1) запись Гюйсена; 2) вариант Феофана Прокоповича в публикации 1773 г.; 3) вариант Д.П. Бутурлина 1821 г.

Главный вопрос: кто же автор или авторы – короткого, но выразительного текста, часто цитируемого в популярной литературе? Данный вариант был напечатан впервые 22 апреля 1821 г. в книге Дмитрия Петровича Бутурлина «Военная история походов россиян в XVIII столетии. Часть первая. Содержащая в себе полное описание походов императора Петра Великого против шведов и турок... Сочинена Д. Бутурлиным, флигель-адъютантом его императорского величества, а с французского переведена квартирмейстерской части генерал-майором А. Хатовым. Том III» [7]. Использование французского языка Бутурлин объяснил так: «Чтобы сочинение сие сделать удобным для чтения большому числу читателей, автор предпочел язык французский, как общий в Европе» [7].

Бутурлин Дмитрий Петрович (1790–1849) – генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., награжден боевыми наградами, военный историк, позже директор имп. Публичной библиотеки, член Государственного совета. Он автор десяти сочинений, в том числе трех многотомных. Четыре книги написаны на французском языке. «Военная история походов россиян в XVIII столетии» была издана трижды: в 1819–1821, 1823–1824; 1837–1838 [21].

Бутурлин не даёт ссылку, кто автор речи Петра, из какого источника взят текст речи, подвергался ли этот текст переработке. Не дает ссылок, потому что он, по нашему мнению, вероятный автор этого исторического

текста из пяти предложений, написанных под впечатлением от текста, сочиненного Феофаном Прокоповичем. Желание переписать текст Прокоповича могло возникнуть и под влиянием практики публичного общения, сложившейся в 1812 г.: имеются в виду манифесты царя Николая и патриарха, «афиши» московского генерал-губернатора Ростопчина, обращения к воинам Кутузова, листовки из типографии Генерального штаба.

Переводчик Хатов Александр Ильич (1780–1846) – генерал-от-инфантерии, топограф, член военно-ученого комитета. Участник Аустерлицкого сражения (1805), принимал участие в войне со шведами (1808–1809), имел боевые награды. Автор десяти книг и переводчик трех книг с французского языка [22]. А.И. Хатов – второй автор полтавской речи Петра Великого.

Генералы Бутурлин и Хатов – достойные авторы выдающегося текста, зафиксировавшего смысл великой Полтавской победы.

В перспективе для убедительности данного вывода можно проверить, насколько слог и язык собственных произведений Д.П. Бутурлина и А.И. Хатова совпадают с языком и слогом так называемого приказа Петра от 27 июня 1709 г.

Сокращения

Сл. XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин, З.М. Петрова. Вып. 1–16. Л. : Наука, 1984; М. : Наука, 2006 (издание продолжается).

Сл. РЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов, Г.А. Богатова. Вып. 1–25. М. : Наука. 1975–2000 (издание продолжается).

Литература

1. Тюкачева Е.В. Русское просторечие первой четверти XVIII века (функционально-стилистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы : Казак университет, 2001. 21 с.

2. Колчева И.В. Лексика писем и бумаг Петра Великого (к проблеме формирования общенациональных лексических норм) : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 243 с.

3. Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы : Казак университет, 1996. 54 с.

4. Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра великого: опыт диахронического описания. Алматы : Казак университет, 2002. 139 с.

5. Круглов В.М. О характере нормы в русском языке первой четверти XVIII века // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2015. Вып. 6. С. 167–180.

6. История России. 8 класс : учебник для общеобразовательных организаций : в 2 ч. Ч. 1 / Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, И.В. Курукин, А.Я. Токарева ; под ред. А.В. Торкунова. М. : Просвещение, 2016. 111 с.

7. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 1. Сочинена Д. Бугурлиным, флигель-адъютантом его императорского величества, а с французского переведена квартирмейстерской части генерал-майором А. Хатовым. СПб., 1821. Т. 3. 416 с.

8. Кротов П.А. Битва при Полтаве (к 300-летней годовщине). СПб. : Историческая иллюстрация, 2009. 416 с.

9. *Феофан Прокопович*. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно. СПб., 1773. 217 с.

10. *Письма и бумаги Петра Великого*. Т. 9, вып. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 526 с.

11. *Майков В.И.* К изображению Феофана Прокоповича // Санкт-Петербургские ученые ведомости. 1777. № 2. С. 171.

12. *Феофан Прокопович*. Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексиевичу, всея великия и малыя и белыя России самодержцу, в лето господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной // Сочинения. М. ; Л., 1961. С. 23–38.

13. *Феофан Прокопович*. Епиникион. Си ест песнь победная о тойжеде преславной победе // Сочинения. М. ; Л., 1961. С. 209–214.

14. *Феофан Прокопович*. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст., коммент. И.В. Курукин. М. : РОССПЭН, 2010. 623 с.

15. *Кашин Н.И.* Поступки и забавы императора Петра Великого // Петр 1 / сост., вступ. ст., примеч. Я.А. Гордин. СПб., 2018. 704 с.

16. *Феофан Прокопович*. Сочинения / под ред. И.П. Еремина. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 501 с.

17. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. Т. 5: Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М., 1880. 464 с.

18. *Кочеткова Н.Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 50–80.

19. *Буренок О.М.* Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века: тезаурусный анализ. М. : Флинта, 2014. 448 с.

20. *Голиков И.И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого, мудраго преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 15. М. : Унив. тип., 1795. 400 с.

21. *Бутурлин Дмитрий Петрович* (писатель) // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб. ; М., 1908. Т. 3. С. 545–547.

22. *Хатов Александр Ильич* // Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. 21. С. 285–286.

Secrets of the Poltava Order of Peter I

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 146–57. DOI: 10.17223/19986645/74/9

Guriy V. Sudakov, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: gvs035@rambler.ru

Keywords: Peter's era, history of language, linguistic source studies, written monuments, lexico-semantic analysis, syntactic models.

The aim of the article is to establish the author and the date of the creation of the so-called “order” (in other sources – speeches) of Peter the Great. The monument of writing, allegedly declared to the troops on June 27, 1709, on the eve of the Battle of Poltava, is being investigated. I consider three versions of the text published at different times and having discrepancies in content and language: 1) Hüysen's article of 1709; 2) Feofan Prokopovich's version in the publication of 1773; 3) D.P. Buturlin's work of 1821. During the study, three main options were identified; the dates of their creation, textual matches in these options and their linguistic features were established. A comparative analysis of the genre of the texts showed that the order was not issued and was not announced to the troops, but there was a short conversation between Peter and the soldiers, not on June 27, but on June 25 or 26 during the reconnaissance (there is information about it in the Journal of Tsar Peter I from 1695 to

1709 (published in 1788). In the real and rarely quoted speech of Peter, there are no lofty bookish words and splendid rhetoric. The results of a comparative lexical-semantic and syntactic analysis showed that the main ideas of the order that went down in history were set forth in the 1730s by Feofan Prokopovich, and the version of the text most often published and presented in modern textbooks was formulated and published by D.P. Buturlin. This short and expressive text, repeatedly reproduced in popular literature and educational books, was first published on April 22, 1821, in Vol 3 of *The Military History of Russian Campaigns in the Eighteenth Century. Part One* composed by D. Buturlin, aide-de-camp of His Imperial Majesty, and translated from French by Major General A. Khatov. Four historically significant semantic blocks are distinguished in the text: 1) assessment of the historical moment: the hour that will decide the fate of the Fatherland, 2) the purpose of the battle: you are fighting for the state, for your family, for the Orthodox faith, 3) assessment of the enemy: the glory of the enemy as invincible is a lie, you proved it by your victories over him, 4) inspiring motives: Russia should live in bliss and glory, for your well-being. A distinctive rhetorical device is opposition, repeated three times. Buturlin did the bulk of the work of collecting materials and writing the text, but Khatov translated the French text into Russian. Thus, Generals Buturlin and Khatov are the authors of an outstanding text that captured the meaning of the great Poltava victory.

References

1. Tyukacheva, E.V. (2001) *Russkoe prostorechie pervoy chetverti XVIII veka (funktsional'no-stilisticheskiiy aspekt)* [Russian vernacular in the first quarter of the 18th century (functional and stylistic aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Almaty: Kazak Universitet.
2. Kolcheva, I.V. (2007) *Leksika pisem i bumag Petra Velikogo (k probleme formirovaniya obshchenatsional'nykh leksicheskikh norm)* [Vocabulary of letters and papers of Peter the Great (on the problem of the formation of national lexical norms)]. Philology Cand. Diss. Smolensk.
3. Gaynullina, N.I. (1996) *Epistolyarnoe nasledie Petra Velikogo v istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Epistolary legacy of Peter the Great in the history of the Russian literary language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Almaty: Kazak Universitet.
4. Gaynullina, N.I. (2002) *Yazykovaya lichnost' Petra Velikogo: opyt diakhronicheskogo opisaniya* [Language Personality of Peter the Great: An Experience of a Diachronic Description]. Almaty: Kazak Universitet.
5. Kruglov, V.M. (2015) O kharaktere normy v russkom yazyke pervoy chetverti XVIII veka [On the nature of the norm in the Russian language in the first quarter of the 18th century]. In: *Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka* [Literary culture of Russia in the 18th century]. Vol. 6. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 167–180.
6. Torkunov, A.V. (ed.) (2016) *Istoriya Rossii. 8 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy: v 2 ch.* [History of Russia. Grade 8: textbook for educational organizations: in 2 parts]. Part 1. Moscow: Prosveshchenie.
7. Buturlin, D. (1821) *Voennaya istoriya pokhodov rossiyan v XVIII stoletii* [Military history of Russian campaigns in the eighteenth century]. Part 1. Translated from French by A. Khatov. Vol. III. St. Petersburg: [s.n.].
8. Krotov, P.A. (2009) *Bitva pri Poltave (k 300-letney godovshchine)* [Battle of Poltava (to the 300th anniversary)]. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya.
9. Feofan Prokopovich. (1773) *Istoriya imperatora Petra Velikago ot rozhdeniya ego do Poltavskoy batalii i vzyatiya v plen ostal'nykh shvedskikh voysk pri Perevolochne vkhlyuchitel'no* [The history of Emperor Peter the Great from his birth to the Battle of Poltava and the capture of the rest of the Swedish troops at the Perevolochna inclusive]. St. Petersburg: [s.n.].

10. Peter the Great. (1950) *Pis'ma i bumagi Petra Velikogo* [Letters and papers of Peter the Great]. Vol. 9 (1). Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Maykov, V.I. (1777) K izobrazheniyu Feofana Prokopovicha [On depicting Feofan Prokopovich]. *Sanktpeterburgskie uchenye vedomosti*. 2. pp. 171.
12. Feofan Prokopovich. (1961) Slovo pokhval'noe o preslavnoy nad voyskami sveyskimi pobede, presvetleyshemu gosudaryu tsaryu i velikomu knyazyu Petru Aleksievichu, vseya velikiya i малыя i бelyя Rosii samoderzhitsu, v leto gospodne 1709 mesyatsa iyunya dnya 27 Bogom darovannoy [A word of praise on the glorious victory over the Swedish troops, to the Most Serene Sovereign Tsar and Grand Duke Peter Aleksievich, autocrat of all Great and Small and White Russia, in the summer of 1709 June 27]. In: Eremin, I.P. (ed.) *Sochineniya* [Writings]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 23–38.
13. Feofan Prokopovich. (1961) Epinikion. Si est pesn' pobednaya o toyezhde preslavnoy pobede [Epinikion. This is the song of victory about the same glorious victory]. In: Eremin, I.P. *Sochineniya* [Writings]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 209–214.
14. Feofan Prokopovich. (2010) *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow: ROSSPEN.
15. Kashin, N.I. (2018) Postupki i zabavy imperatora Petra Velikogo [Deeds and amusements of Emperor Peter the Great]. In: Gordin, Yu.A. (ed.) *Petr I* [Peter I]. St. Petersburg: Izd-vo "Pushkinskogo fonda".
16. Feofan Prokopovich. (1961) *Sochineniya* [Writings]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
17. Samarin, Yu.F. (1880) *Sochineniya* [Writings]. Vol. 5. Moscow: Izdanie D. Samarina.
18. Kochetkova, N.D. (1974) Oratorskaya proza Feofana Prokopovicha i puti formirovaniya literatury klassitsizma [The oratorical prose of Feofan Prokopovich and the ways of forming the literature of classicism]. In: *XVIII vek* [18th century]. Vol. 9. Leningrad: USSR AS. pp. 50–80.
19. Buranok, O.M. (2014) *Feofan Prokopovich i istoriko-literaturnyy protsess pervoy poloviny XVIII veka: tezaurusnyy analiz* [Feofan Prokopovich and the historical and literary process of the first half of the 18th century: a thesaurus analysis]. Moscow: Flinta.
20. Golikov, I.I. (1795) *Dopolneniya k Deyaniyam Petra Velikogo, mudrago preobrazovatelya Rossii, sobrannye iz dostovernykh istochnikov i raspolozhennyye po godam* [Additions to the Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from reliable sources and arranged by years]. Vol. 15. Moscow: Univ. tip.
21. Polovtsov, A.A. (ed.) (1908) Buturlin Dmitriy Petrovich (pisatel') [Dmitry Petrovich Buturlin (writer)]. In: *Russkiy biograficheskiy slovar': v 25 t.* [Russian Biographical Dictionary: in 25 volumes]. Vol. 3. St. Petersburg; Moscow: tip. Glavnogo upr. udelov. pp. 545–547.
22. Polovtsov, A.A. (ed.) (1908) Khatov Aleksandr Il'ich [Alexander Ilyich Khatov]. In: *Russkiy biograficheskiy slovar': v 25 t.* [Russian Biographical Dictionary: in 25 volumes]. Vol. 21. St. Petersburg: tip. V. Bezobrazova i K. pp. 285–286.

УДК 811.512.15

DOI: 10.17223/19986645/74/10

Д.М. Токмашев

**ЯЗЫК БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ В СИСТЕМЕ
АЛТАЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ – ФОНОЛОГИЯ
И МОРФОНОЛОГИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
DAS ALTAITÜRKISCHE O. ПРИЦАКА)¹**

Рассматриваются фонетические и морфонологические черты языка телеутов в сопоставлении с южными и северными диалектами алтайского языка в контексте работы Das Altaitürkische O.И. Прицака. В фокусе исследования – вокализм и консонантизм, исторические и позиционные изменения звуков, в том числе методами акустической фонетики. Сохраняя древнюю киргизско-кыпчакскую подоснову, телеутский язык фонетически и морфонологически сближается с северными диалектами как результат конвергентного развития.

Ключевые слова: фонетика, морфонология, диалектология, языковой ареал, тюркские языки Сибири, алтайский язык, телеутский язык

Язык бачатских телеутов, одного из коренных малочисленных народов Сибири тюркской языковой семьи, распространен в Кемеровской области на рр. Большой и Малый Бачат в н.п. Беково и Шанда, а также городских округах г. Белово и г. Новокузнецка. В XIX в. «телеутское наречие», распространенное в Горном Алтае (у тау-телеутов) и лесостепных районах обско-томского междуречья (у степных и бачатских телеутов), использовалось членами Алтайской духовной миссии в качестве койне для написания богословской, научной и просветительской литературы.

В структурно-генетическом плане современный язык телеутов Кемеровской области остается наиболее близким идиомом «алтайско-телеутскому наречию», используемому до 1922 г. на Алтае, на котором, в частности, написана известная «Грамматика алтайского языка» 1869 г. Тем не менее территориальная удаленность бачатских телеутов от носителей других южноалтайских идиомов (теленгитского и алтай-кижи), вероятные культурные и этногенетические контакты с носителями тюркских языков иного классификационного типа – шорцами, северными алтайцами, сибирскими татарами, а также предположительно нетюркское происхождение некоторых групп телеутов (прежде всего, ач-кышытмов) – всё это могло обусловить дивергентный характер развития телеутского идиoma в сравнении южноалтайскими. На это указывает ряд специфических черт в телеутской лексике, грамматике и фонетике ([1–3] и др.), которые, впрочем, остаются слабо документированными и интерпретированными со сравни-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

тельно-исторической точки зрения. Следует отметить, что это явление характерно для многих (если не большинства) тюркских языков Сибири, поскольку длительные процессы конвергенции и дивергенции у них приводят к образованию диффузных зон (зон смешения разных классификационных признаков) и, соответственно, дисперсионных изоглосс – явлений, встречающихся в контактирующих тюркских языках сибирского региона, линейное распространение которых может прерываться другими языками и/или диалектами, в которых они не отмечены.

Например, централизация гласных второго слога после задних в верхнекондомском диалекте шорского и нижнечулымском диалекте чулымско-тюркского языков, ср. конд. шор. *nalā* ‘ребенок’ ~ ниж.-чул. *turā* ‘город’ – нарушение палатальной гармонии, не отмеченное в языке бачатских телеутов, или мозаичное распределение показателя инструменталиса *-(B)(I)LA(N)*: мр. шор. *-BA* ~ конд. шор. *-BILA* ~ тел. *-minan* ~ хак. лит. *-nAn* ~ алт. лит. *-lA* ~ тув. лит. *-bile* ~ ниж.-чул. *-(B)AlA* (ежинский) / *-(B)IlAn* (кюэрик) ~ ср.-чул. *-lAn* (мелецкий) / *-(B)lA* (тутальский), причём в ряде языков и диалектов статус инструменталиса варьирует от послелога к падежу и может формально совпадать с другими падежными аффиксами, напр. *-nAn* как аффикс инструменталиса и одновременно аблатива посесивного склонения в хакасском. Классификационные признаки, по которым диалекты одного языка могут быть отнесены к разным группам, характерны для шорского диалекта хакасского языка, кондомского диалекта шорского языка, нижнечулымского диалекта чулымско-тюркского языка, многочисленных диалектов татар Сибири и т.д.

Как отмечает О.А. Мудрак, в сибирских тюркских языках (языках «северной группы» по М. Рясянену) отмечается «довольно много неясностей из-за уровня описания языков (сейчас эта проблема во многом решена)» [4. С. 8]. Сложный, дивергентно-конвергентный, характер тюркских языков Сибири является общепризнанным фактом, ср. «В них переплетаются черты почти всех основных тюркских языковых групп: в фонетике – черты й-языков, з-языков и д-языков, в морфологии и лексике – наличие кыпчакских, карлукских и огузских черт» [5. С. 106]; «Вдоль границы, отделяющей восточнохуннскую ветвь от западнохуннской, в пределах Сибири и прилегающей части северной части Средней Азии, расположены зоны смешения языковых особенностей обеих ветвей» [6. С. 198].

С другой стороны, ряд исследователей фиксируют общие черты в сибирско-тюркском языковом ареале, несмотря на гетерогенность составляющих его языков и диалектов, например следы монгольского влияния в лексике и русского – в синтаксисе. В области фонологии и фонотактики исследователи отмечают наличие вторичных вокалических долгот во всех языках ареала [7. С. 404], преобладание шумных глухих в анлауте и ауслауте и общая низкая частотность шумных звонких, а также позиционное удлинение широкого открытого перед последующим узким (не во всех идиомах) [5, 8]; фарингализация гласных в ряде тюркских языков Сибири как субстратное и контактное явление [9]. На общие признаки сибирских

тюркских языков обращал внимание В.И. Рассадин: «... удалось выявить некоторые особенности в фонетике, морфологии и лексике, характерные лишь для сибирских тюркских языков, в какой-то мере объединяющие их и присущие только им» [10. С. 219].

В дополнение к отмеченным выше автор цитаты приводит такие фонетические приметы, как глухой [s] в ауслауте на месте [z] других тюркских языков, анлаутный [n]~[ɳ] в ряду рефлексов [j] как промежуточная ступень перехода [j] в [ç] на фоне общей назализованности артикуляции (кроме «кыпчакских» идиомов, ср. шор. *нагбур* ~ *нанмұр* 'дождь', тув. *чаа* 'новый' ~ сиб.-тат. *яңгыр* 'дождь', тел. *јаңы* 'новый'); в области морфологии – система глагольных преврбов в акциональных формах, уточняющих направленность и характер протекания действия (алт. *ойо ат-* 'прострелить', шор. *чара тарт-* 'разорвать', тув. *чедир кыл-* 'доделать' и т.д.); также языки ареала содержат пласт ландшафтной и культурно-промысловой лексики, не имеющей соответствий в других тюркских языках, подробнее об этом см. [11. С. 35].

По географическому признаку тюркские сибирские языки образуют «сибирскую», или «северную», группу тюркских языков, состав которой остается предметом дискуссий. Например, А. Рона-Таш включает в нее следующие языки и диалекты:

Siberian Tatar, D: Tobol-Irtish, Baraba, Tomsk
 Altai (earlier Oirot), D: Kumandu, Tuba-kizhi, Lebed, Teleut, Tölös, Upper Bij, Urjankhai (Telengut)
 Shor, D: Kondom, Mras, Aladag
 Chulim, D: Küerik
 Hakass, D: Abakan, Kizil, Koibal, Kacha, Kandakov, Mador (Matar), Motor (Matir), Sagai, Salba;
 Tuva
 Tofalar, Karagass (earlier a dialect of Tuva) [12. P. 32].

Якутский язык А. Рона-Таш выделял отдельно. Как видно из списка, диалекты сгруппированы в основном по ареальному принципу и представлены фрагментарно; их количественный состав и название отличается от таковых других классификаций (так, в шорском языке не выделяется аладагский диалект, в хакасском – кандаковский и салбинский диалекты, урянхайский диалект, очевидно, включен в группу алтайских ошибочно, не представлены диалекты тувинского языка, маторский и карагасский относятся с саяно-самодийским языкам и т.д.).

О.А. Мудрак употребляет термин «сибирские тюркские языки» скорее не в генетическом, а в ареальном смысле, внутри которых он выделяет алтайско-киргизскую, хакасскую и тувино-тофаларскую подгруппы, а также якутский язык [4. С. 149]. По данным глоттохронологии это отдельная ветвь, образовавшаяся после распада пратюркского языка и отделения чувашского, стоящая особняком от трех других выделившихся ветвей – кыпчакской, карлукской и огузской.

В классификации К. Шёнига тюркские языки Сибири объединяются в группу *South Siberian Turkic*, состоящую из кластеров *Altay Turkic* (алтай-

ские диалекты), *Yenisey Turkic* (хакасский и шорский), *Sayan Turkic* (тувинский и тофаларский) и *Chulym Turkic* (чулымский). К ним приближаются сибирско-татарские диалекты, сарыг-югурский и язык фуюйских кыргызов. Якутский и долганский образуют кластер *Lena Turkic*, вместе с которым вышеуказанные южносибирские языки составляют *North East Turkic* – северо-восточную ветвь тюркских языков. Интересно, что К. Шёниг отмечает в ряде южносибирских идиомов наличие кыпчакских черт (напр., *-k* как маркер 1 л. мн. ч.: тел. *nar jaq* ‘мы идём’, ср.-чул. *napak* ‘пойдём (ты и я)’), на основании чего он объединяет их в квазигруппу *Kipchakoid South Siberian Turkic*, т.е. «кыпчакоидные южносибирские тюркские языки», противопоставленную тувино-тофаларской группе, лишенной кыпчакских признаков [13]. Е.И. Убрятова отмечала близость киргизской и сибирско-тюркской систем причастных форм: «создается впечатление, что здесь (в Сибири) распространился какой-то древний тюркский язык кыпчакского типа (форма на *-ган*, отсутствие форм на *-мыш*, *-дык*)» [14. С. 85].

Как считает Н.Н. Широбокова, гетерогенность сибирско-тюркского языкового ареала обусловлена динамикой миграционных волн тюркоязычного населения в Сибири. Она говорит о последовательной смене классификационных типов сибирских тюркских языков (включая якутский и киргизский) по модели: уйгуро-орхонский тип (язык рунических памятников Монголии, Саяно-Алтая и Синыцзяна; его влияние прослеживается в якутском и отчасти тувинском) > кыргызский тип (все *z*-языки и диалекты) > уйгуро-кыргызский тип (шорский, хакасский, среднечулымский) > кыпчакский тип (киргизский, алтайский, телеутский, сибирско-татарский), что приводит к таким «промежуточным историческим состояниям, когда какие-то признаки утрачиваются, а какие-то приобретаются» [15. С. 248]; на это же указывает А.В. Дыбо, говоря о действии волновых процессов на территории близкородственных идиомов [16].

Й. Бенцинг телеутский (алтайский) язык, вместе с шорским, хакасским и тувинским, относит к арало-саянской группе северно-тюркской ветви (*Aral-Sayan group of North Turkic*), он отмечает его близость с киргизским – языком арало-каспийской группы западнотюркской (кыпчакско-половецкой) ветви, однако остается неясным, является ли телеутский (алтайский) «северным» тюркским языком, испытавшим влияние «западного», или наоборот [17. Р. 4]. К. Менгес также выделял арало-каспийскую группу языков, но весь кластер алтайских диалектов (*Oyrot and his dialects: Altay-Kiži, Tälänjät, Lebed'*) он рассматривал как самостоятельное образование, отдельно от других сибирских тюркских языков, каждый из которых при этом помещался им в разные группы [18. Р. 6].

Итак, тюркские языки Сибири обладают смешанными классификационными признаками, что обуславливает их классификационную лабильность, т.е. неустойчивость в границах своих подгрупп. Это характерно для контактных территорий, где сменялись миграционные волны носителей родственных языков и, возможно, одновременно существовало несколько инновационных центров (в случае Сибири – уйгуро-огузского и киргизо-

кыпчакского). Примером классификационно неустойчивого языка можно считать язык *телеутов*. По Н.А. Баскакову, в самих этнонимах *телеут*, *тёлёс* и *теленгит* содержится указание на их связь с древнеуйгурскими племенами *теле*, потомки которых (вместе с кыргызами) послужили этническим субстратом носителей алтайских идиомов с участием также огузских и кыпчакских племен¹ [20. С. 28–29].

В статье мы попытаемся определить место телеутского языка в системе южных и северных алтайских диалектов путем сплошного сопоставления телеутского языкового материала с данными, приводимыми О. Прицаком в разделе *Das Altaitürkische* (т.е. «язык алтайских тюрков») энциклопедии тюркских языков *Philologiae Turcicae Fundamenta*, изданной в 1959 г. в Висбадене [21]. Таким образом, **целью** статьи является установление степени близости телеутского языка другим южным (и отчасти – северным) алтайским идиомам, основанной на общих и дифференцирующих фонологических и морфонологических признаках.

Материалом исследования послужил, прежде всего, корпус полевых данных телеутского языка² (в основном образцы разговорной речи) в формате *SIL FieldWorks Language Explorer*, собранный автором в ходе экспедиций 2007–2019 гг. объёмом около 30 000 словоупотреблений, а также современные³ опубликованные работы по различным аспектам языка батчатских телеутов (прежде всего, труды Г.Г. Фисаковой), которые привлекались к сравнению с указанным трудом О. Прицака. Звуковой строй телеутского языка подробно описан в работах новосибирской фонетической школы⁴; мы привлекаем эти работы в ограниченном объеме из-за отсутствия в работе О. Прицака экспериментальных данных и, соответственно, невозможности их корректного сопоставления. Основными источниками словарного материала, помимо корпуса и работ О. Прицака и Г.Г. Фисаковой, послужили издания [32–36].

Раздел *Das Altaitürkische* посвящен всем шести алтайским диалектам – трём северным (кумандинскому, чалканскому и туба) и трём южным (алтай-кижи, теленгитскому и телеутскому) с выделением дифференциальных признаков, в первую очередь фоно- и морфонологических. Для алтайского языка в нем приводятся следующие характеристики (здесь и далее цит. по.

¹ Впрочем, как справедливо отмечает Д.А. Функ, реальное соотношение современных этнонимов с компонентом *теле-* и более древних *теле*, *динлин*, *доланьгэ* и т.д., встречающихся в китайских, монгольских и персидских источниках, окончательно не выяснено и является «одним из наиболее сложных [вопросов] в истории народов Центральной Азии» [19. С. 177].

² Частично тексты и словники авторского телеутского корпуса размещены онлайн на платформах ELAR (<https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1044686>) и LingvoDoc (http://lingvodoc.ispras.ru/corpora_all) и опубликованы в [22–27].

³ Мы не сравниваем данные О. Прицака с алтайско-телеутскими материалами XIX в., в частности «Алтайской грамматикой» 1869 г. и текстами В.В. Радлова из тома I «Образцов народной литературы тюркских племён...» 1866 г.; это составляет предмет отдельного исследования.

⁴ Например, в трудах [28–31] и др.

[21]; все примеры слов из О. Прицака приводятся в кириллице и выделяются подчеркиванием, примеры звуков – в латинице):

Фонология и морфонология.

Вокализм.

Вокализм алтайских диалектов, согласно О. Прицаку, общетюркский, 16 гласных, 8 кратких (а, э, ы, и, о, ö, у, ү) и 8 долгих (аа, ээ, ыы, ии, оо, öö, уу, үү). Отмечается редукция узких безударных, а перед ними – позиционное удлинение широких: тел. *kōp(ü)n jat* ‘смотрит’, *nāp(ы)n* ‘пойдя’, *qōz(ы)p* ‘крупный’; подробнее о фонетических процессах в сфере телеутского вокализма см. [37].

Н.В. Гаврилин при этом насчитывает в телеутском 15 фонем (без долгой /y:/ из-за отсутствия квазиомонима): «видимо, в бачатско-телеутском отсутствует долгая фонема ь» [38. С. 73]. Как таковой, звук [y:] в телеутском может позиционно возникать на стыке конечнослогового -ы и афф. -(А)р (тымыыр < тымы- ‘затихать’ + -ыр), но не образует, судя по всему, минимальной пары по типу эр ‘человек’ ~ ээр ‘седло’ и не имеет фонемного статуса¹.

Почти все приведенные случаи письменно отраженной долготы не являются этимологическими², т.е. обусловлены исторической либо синхронной элизией интервокальных внутри корня (тел. *қаар-* ‘жарить’ < *qavur-, *жуилек* ‘ягода’ < *jigellek, *таай* ‘дядя по матери’ < *taуа) или на стыке морфов (тел. *kōōn-* ‘распухать’ < *kōp- + -ын – новообразование из стянутой деепричастной формы; *nūūn* ‘сегодня’ < ну + күн; *чочқооң* ‘свинья-GEN’ < чочқо + -ның и т.д.). На спектрограмме эти звуки часто демонстри-

¹ Критерий квазиомонимов кажется нам не слишком надежным, поскольку во многом зависит от случайного подбора пар; так, долгая фонема /u:/ в телеутском обоснована единичным противопоставлением *пиил* ‘в этом году’ ~ *пил-* ‘знать’, при том что долгота в *пиил* вторична; отсутствие пары /y:/~ /y:/ обусловлено, например, сохранением /ч/ в тел. *қычыр-* ‘звать; читать’ и его элизией в шор. *қыыр-*, ср. шор. *қыыр-* ‘читать’ ~ *қыр* ‘хребет’ и тел. *қычыр-* и *қыр* или сохранением /з/ в тел. *сыгын* ‘марал’ и его выпадением в шор. *сыын*, ср. шор. *сыын* ‘марал’ ~ *сын* ‘хребет’ и тел. *сыгын* и *сын*. Таким образом, наличие в шорском /y:/ и её отсутствие в телеутском – результат работы фонетических процессов, что позволяет рассматривать «долгие» гласные как позиционные аллофоны кратких.

² Этимологически долгие гласные в телеутском, как и большинстве тюркских языков, сократились, ср. тел. *таиш* ‘камень’ < *da:š при як. *та:с*, уйг. диал. *та:š*. Телеутское *таамы* ‘вкус’, возможно, сохранило этимологическую долготу основы *da:t ‘(сладкий) вкус’, однако нельзя исключать позиционно обусловленную долготу аа перед узким ы (посессивный аффикс 3 л. ед. ч.); при этом в тел. *тату* ‘сладкий’ корневой гласный краткий; таким образом, вопрос об исконной либо вторичной долготе [a] в тел. *таамду* ‘вкусный’ и *тату* ‘сладкий’ остается открытым (как и вопрос о наличии как таковой этимологической долготы гласных в современных тюркских языках Саяно-Алтая). Косвенные рефлексы исконных долгот в южносибирских тюркских языках можно отметить лишь в тувинском и тофаларском – современная фарингализация гласных соответствует исторически кратким гласным в позиции перед шумным: исторически долгие сокращаются до кратких, исторически краткие приобретают фарингальный оттенок (тув. *āt ‘имя’ > *ad > at, adym; *at ‘лошадь’ > *ath > a’i, a’dym), см. [39. Р. 132].

руют два пика интенсивности между эллиптированным согласным, что говорит об их вторичном характере (см. рис. 1–4).

Таким образом, современный телеутский язык в своей основе сохраняет «классический» восьмичленный вокализм *a, e, y, i, o, ö, u, ü*, а долгие гласные можно считать вторичными, либо позиционно распределёнными вариантами кратких; аналогичная матрица соответствий пратюркских гласных отмечается в шорском, киргизском, тувинском и алтайском языках [40. С. 156]; для пракрыпчакского состояния долгие гласные уже не восстанавливаются [41. С. 220]. Это согласуется с тезисом О. Прицака о вторичности долгих гласных в алтайских диалектах.

Для телеутского характерна непоследовательная гармония широких и узких губных, что сближает его с северными диалектами алтайского языка и отдаляет от южных и киргизского, ср. тел. *өлтир-* / *өлтүр-* ‘убивать’, ~ алт. лит. *өлтүр-*, ср. «если в первом слоге слова имеется широкий губной *o* или *ö*, то широкие негубные гласные (*a, э*) второго и последующих слогов обязательно лабиализуются во всех случаях» [33. С. 230], ср. также тел. *моқу* ~ алт. лит. *моко* ‘тупой’ – пример, в котором наблюдается сужение широкого *o* второго слога в телеутском. При этом в телеутском отмечается и более строгая губная гармония, чем в литературном алтайском, ср. разг. тел. *төгөзө* / *төгүзө* / *төгүзе* / *түгөзе* / *түгезе* ‘весь, целый’ ~ алт. лит. *түгезе*. Сходная непоследовательность лабиальной гармонии отмечается, например, в чалканском: *төртөлө* / *төртеле* ‘вчетвером’ [42. С. 254].

В чередовании *a/ы* непервого безударного слога в телеутском преобладает узкий гласный: тел. *саңыт* ‘челюсть’ ~ лит. алт. *санат/саныт*, тел. *қапшыгай* ‘быстро’ ~ алт. лит. *қапшагай*, тел. *айдылган* ‘названный’ ~ алт. лит. *айдалган*. В чередовании *ы/у* и *и/ү* в корневом слоге телеутский непоследователен¹, ср. тел. *пурч* ‘перец’, *пырчақ* ‘горох’ при этом тел. *мырс* ‘перец’ [36] ~ алт. лит. *мырч* ‘перец’, *мырчак* ‘горох’, тел. *улы-* ~ алт. лит. *улу-* ‘выть’, тел. *муйгак* ‘самка марала’ [36], алт. лит. *мыйгак/муйгак*, тел. *сымда* / *сумда* [36], *сында* ‘рябчик’ ~ алт. лит. *сымда*, тел. *көмир* / *көмүр* ‘уголь’ ~ алт. лит. *көмүр*, тел. *қолтық* ‘подмышка’ ~ алт. лит. *колтук*, тел. *унды-* ~ алт. лит. *унду-* ‘забывать’.

Г.Г. Фисакова отмечала, что «если во втором слоге гласный узкий, то губная гармония гласных в отличие от литературного алтайского языка отсутствует» и приводила в пример пары тел. *көмир* ~ алт. лит. *көмүр* ‘уголь’, тел. *одыс* ~ алт. лит. *одус* ‘тридцать’, тел. *одын* ~ алт. лит. *одун* ‘дрова’ и ряд других [2. С. 71]. При этом в словарях фиксируются и обратные примеры – алт. лит. *отургыш* ~ тел. *отургуш* ‘табурет’.

¹ Важно отметить, что ряд телеутских вариантов взят нами из «Словаря алтайского и аладагского наречий» В.И. Вербицкого [36] с пометкой (т.), однако же сам автор словаря называл эти слова теленгутскими, отсюда не всегда понятно, является ли данный вариант специфичным для «теленгутов» Бийского либо Кузнецкого округов, т.е. для (бачатских) телеутов либо теленгитов.

Здесь необходимы несколько уточнений: 1) ойротско-русский словарь Н.А. Баскакова и Т.М. Тошакковой [33] приводит формы как с губными, так и негубными гласными: *одус* ‘тридцать’, но *одын* ‘дрова’; 2) основной автор единственного на данный момент телеутско-русского словаря Л.Т. Рюмина-Сыркашева, получившая высшее образование в Горно-Алтайске, могла придерживаться принципов алтайской морфонологии в письменной речи, отсюда орфографические нормы таких слов, как *кѳмѳр* ‘уголь’, *пѳрѳк* ‘шапка’, *одус* ‘тридцать’, *отур-* ‘сидеть’, зафиксированные в ее словаре, хотя встречаются и варианты с негубными – *одын*, *сусқы*, *қолтық*, ср. замечание К. Мусаева: «Правила орфографии современных кыпчакских языков недостаточно точно отражают подлинную гармонию звуков» [41. С. 294]. Возможно, противопоставление узких гласных во втором слоге по лабиализации (в парах типа *кѳмѳр* / *кѳмир*) для телеутского языка не фонологично и не систематично; ослабление данного признака может происходить за счёт компенсационного сокращения гласного второго слога и его редукции, которая, в свою очередь, вызвана удлинением первого гласного: *кѳ:мѳр*, *пѳ:рѳк*.

Для телеутского и остальных южноалтайских идиомов О. Прицак приводит правило падения конечного *a* после *l* при наращении аффикса с *l*, т.е. стяжения двух *l* и диссимилиации второго, переходящего в *ѳ*: *пала* ‘ребѳнок’ + *-LAr* > палдар ‘дети’. Однако этот пример, по-видимому, представляет собой застывший, непродуктивный фонетический процесс, ср. тел. *қара қула* ‘лев’ + *-LAr* > *қара қуларар*, *сула* ‘овѳс’ + *-LAr* > *суларар* и т.д.

Согласно О. Прицаку, в части алтайских диалектов происходят переходы *y* > *u* (реже *y* > *o* в позиции перед *l*) и *i* > *ѳ* (иногда в *ѳ*) позиции перед *u*, которое развилось из старых комплексов с гуттуральным звонким **-ig* и **-agi*. Например, тел. *қуру* ‘сухой’ < **qiragu*, но тел., алт. лит. *јылу* ‘тѳплый’ < **jylug* (в этом случае неясно, что имеет в виду автор, приводя пример с губным из диалекта алтай-кижи *yulū* ~ *yolū* ‘warm’ и литературного алтайского *d’ilu*; в телеутском, во всяком случае, гласный основы не огубляется – *јылу*). Не огубляется он, вопреки данным О. Прицака, также и в мягкорядном соответствии *i* > *ѳ* в примерах тел., алт. лит. *узу* ‘горячий’ < **usug* / *isig*, однако для основы тел., алт. лит. *мурѳ* ‘живой’ < **tiriy* Вербицкий приводит тел. форму с губным – *тѳрѳ*. По нашим наблюдениям, гласный первого слога в телеутском *мурѳ* ‘живой’ сильно редуцируется (почти до полного выпадения – *трѳ*), в связи с чем лабиальный признак становится нерелевантным. Для основы **kičüg* ‘маленький’ телеутский и алтайский словари дают форму *кичѳ*, а Г.Г. Фисакова – *кѳчѳ* (а также *јѳлѳ* ‘тѳплый’, *јѳзѳ* ‘горячий’ и *тѳрѳ* ‘живой’ – см. выше), объясняя это «регрессивным действием гармонии гласных» [2. С. 71].

Данные нашего корпуса подтверждают форму *кѳчѳ*, но не *тѳрѳ* и *јѳлѳ* – в последних словах начальный гласный не губной. Это, впрочем, не исключает случайной фиксации губного как негубного и наоборот при расшифровке; кроме того, огубленность гласного перед рефлексам **-ig* и **-agi* может носить факультативный характер и зависеть от речевой при-

вычки информанта, а письменная словарная норма – не отражать реально-го звучания. Вопреки данным Прицака, рефлекс **bilägü* ‘точильный камень’ в телеутском не огублен – *пиле-* ‘точить’, ср. алт. лит. *билү* ‘оселок’ (он приводит тел. *püliüü*, но алтай-кижи *pilü* и алт. лит. *bilü*). Переход *ä > ö* перед *й* для телеутского характерен как и для всех алтайских идиомов: тел. *ödüк* ‘сапоги’ < **ētiik*.

В качестве еще одной особенности алтайской морфонологии О. Прицак указывает нарушение нёбной гармонии в следующих типах многосложных слов: 1) компоненты сложных слов сохраняют исконный вокализм: алт. лит. *пеишылдык* ‘пятилетка’, *колкүчилежаткан* ‘рабочий’, *күнбадыш* ‘запад’, что логично, поскольку сингармонизм привел бы к нарушению фонемного состава лексических основ, ср. тел. *қолартқыш* ‘полотенце для рук’, *абондиш* ‘тетка (жена старшего брата отца)’; 2) палатализация (в разговорной речи) *i > i* в окружении *у, d’, š* и *č*; в письменной речи предпочтителен вариант с *ï*: алт. лит. *айыл* ~ *айыл* ‘деревня’, *ыйла-* ~ *ийла-* ‘плакать’, *калжымак* ~ *калжымак* ‘дикий’. В алтайских словарях [33, 34] приводится форма *ыйла-*, в телеутском – *ийла-*.

Также в телеутском отмечается переход *и > й* и *о > ö* в аналогичных вокально-консонантных комплексах, ср. алт. лит. *уй* ~ тел. *үй* ‘корова’, алт. лит. *уйат* ~ тел. *үйат* ‘стыд’; ср. выше форма *јүлү* ‘тёплый’, отмеченная Г.Г. Фисаковой. О. Прицак отмечает, что в диалектах согласные *у, d’, š* и *č* также палатализуются под влиянием мягких гласных: алт., чалк., тел. *көйбөн* ‘заяц’ < *қойон* (нами не отмечено), алт. *јүлүн* ‘костный мозг’, ср. тел. *јулик* ‘костный мозг’, *јүлүн* ‘спинной и костный мозг’, *јүлүк* ‘сок’ и алт. лит. *дүүлүк* / *дылик* ‘костный мозг’, *јулук* ‘сок’; ср. также тел. *чөй* ‘чугун’ ~ *чөйгөн* ‘чайник’ (расщепление семантики) и алт. вариант без палатализации – *чой* ‘чугун’.

В разговорной речи также существует переход *[a] > [u/э]* аффикса настоящего времени на *-jat* в форме 3 л. ед. ч., что не отражается на письме, однако ср. мнение Г.Г. Фисаковой о полном запрете на ассимиляцию данного гласного: «Вспомогательный глагол *-hat*, выступающий в роли аффикса, при образовании настоящего времени данного момента не подчиняется нёбному сингармонизму, напр. *kelham* ‘иду’, *эпнэрһат* ‘играет’, *kørhat* ‘смотрит’, *kelbejat* ‘не идёт’» [37. С. 95]. По нашим наблюдениям, в 3 л. ед. ч. настоящего времени на *-jat* допустимы параллельные варианты *пар јит* / *пар јат* ‘уходит’ (но *пар јам* ‘ухожу’, *пар јагар* ‘уходите’, *пар јалар* ‘уходят’), *көрүн јет* / *көрүн јат* ‘виднеется’, причем для первого примера характерна диссимилиация, т.е. данный переход не является проявлением палатальной гармонии.

Далее, О. Прицак отмечает строгое соблюдение лабиальной гармонии в первом и втором слоге основы после узких губных в литературном алтайском: *түлкү* ‘лиса’, *күмүш* ‘серебро’, *курут* ‘сыр’ и т.д., а после широких губных – её вариантность: *отур* ~ *отыр* ‘сидеть’, *бөрү* ~ *бөри* ‘волк’. В аффиксах (кроме конвербов на *-Хр*) лабиальная гармония отсутствует: *күл-ди* ‘зола-АСС’, *қон-ды* ‘ночевать-PST’, но: *көр-үн* ‘видеть-CVB’, *тудуп* ‘хва-

тать-CVB'. Как отмечено выше, по данному признаку телеутский отличается от других алтайских диалектов непоследовательной гармонией после как после широких, так и после узких губных: *қолтық* 'подмышка', *польшы* 'помощь', *сусқы* 'ковш'.

Широкие губные *о, ö* в литературном алтайском влияют на последующие широкие негубные *а, ä* в основах: *кочкор* 'дикий баран' < *кочкар*, *көңөк* 'ведро' < *көнек*, но: *кураң* 'самец косули'; в аффиксах (прежде всего, форма на *-LA*, плюралис, датив, локатив, аблатив, инструменталис, форма на *-GAn*, футурум, отрицание и вопросительная частица). В телеутском присутствуют все перечисленные проявления сингармонизма, кроме инструменталиса, имеющего форму *-мынаң*, ср. *атмынаң* '(с) лошадь', *сүтмынаң* '(с) молоком' и т.д.

В диалекте алтай-кижи О. Прицак отмечает также огубление *а, ä* после *й* (*йүктөнүп алды* 'навьючил' < *йүктен-* 'навьючивать'). Автор приводит два важных морфонологических закона в алтайских диалектах. Первый выведен В.В. Радловым в отношении губной гармонии после *й*, которая нехарактерна для телеутского. Тем не менее, данные как текстов XIX–XX вв. (В.В. Радлова, Н.П. Дыренковой, А.В. Анохина), так и словаря Л.Т. Рюминой подтверждают спорадическое явление гармонии такого типа в телеутском: ср. тел. *күлкү* 'кочерга', *күрүң* 'бурый', но при этом *күски* 'осенний', *йүзүриш* 'бег'. Согласно второму закону, предложенному Н.А. Баскаковым, в целом южные алтайские диалекты отличаются от северных наличием губной гармонии, однако фактически она нехарактерна лишь для кумандинского. В настоящее время эти две тенденции (отсутствие губной гармонии после *й* в телеутском и нерегулярная губная гармония в северных диалектах в целом) конвергентно ослабляются.

Консонантизм.

Одной из характерных черт телеутского консонантизма является рефлекс пракрыпчакского сонорного щелевого **j* в виде пары *j ~ t'* в зависимости от их дистрибуции. В анлауте **j*- реализуется как переднеязычный палатализованный *[t']*, в литературном алтайском он характеризуется меньшей напряженностью и большей звучностью, из-за чего в ранней ойротской орфографии он обозначался как *дь* (*дьылу* 'тёплый', *дьорык* 'поездка'), а в тексте у О. Прицака – как *d'*. В современной алтайской и телеутской орфографии оба звука в анлауте обозначаются графемой <*j*> и входят к соответствующему пракрыпчакскому.

Инлаутный *и*, в частности, интервокальный *-j-* в телеутском может быть графически обозначен как <*j*>, так и <*й*>, восходя к этимологически разным фонемам. О. Прицак отмечает, что инлаутное *-d'* в алтайском может быть переходом монгольского *j* в заимствованных основах (алт. лит. *олжо* ~ *олдьо*, тел. *олжо* 'плен' < монг. *olja*) и пратюркского **-č* (алт. лит. *надьы* ~ *найы*, тел. *найы* 'друг' < др.-тюрк. **īnač*). Как видно из телеутского примера, *-й-* передает как рефлекс древнетюркского инлаутного **-j-*, не отличаясь в этом от других алтайских диалектов (напр., *айт-* 'сказать', *мойын* 'шея'), так и – в редких случаях – **-č*, ср. также шор. *пачат* ~ тел.

пайат ‘р. Бачат’, правда, данный пример отражает рефлексацию интервокального -č- на синхронно-фонетическом уровне, поскольку шор. *пачат* имеет нетюркское (енисейское) происхождение. Можно согласиться с наблюдением Г.Г. Фисаковой, что смычный [h] и щелевой [j] являются аллофонами одной фонемы, вариантной в анлауте и распределенной как [h / j] в прочих позициях [43. С. 162].

В телеутском отмечается палатализация / в позиции после у, что приводит к некоторой централизации и последующих задних а и и (последнее отражено в графике): тел. *айлан-* ‘вращаться’ (произн. *айлян*), *ааль* ‘поселок’ < *айыл*, *пайлан-* ‘богатеть’ (произн. *пайлян*), ср. также тел. *ойлү* ~ алт. лит. *ойлу* ‘умный’, тел. *пойлү* ‘статный’ ~ алт. лит. *бойлу* ‘незамужняя женщина’. Возможно, графический облик тел. *ийла-* ‘плакать’ при алт. лит. *ыйла-* (см. выше) обусловлен регрессивной ассимиляцией централизованным конечнослоговым а первого гласного из-за запрета на стечение гласных разных рядов в одном слове.

О. Прицак говорит об озвончении всех интервокальных глухих в северных диалектах, а в южных – всех, кроме -č- (южн. *качан* ~ сев. *кажқан* ‘когда’). При этом в устной речи телеутские интервокальные зачастую не озвончаются, на что указывал Д.М. Насилов [1. С. 179], напр. *күшүл* ‘мышь’, *киши* ‘человек’, *аба-сы* ‘отец-POSS.3SG’ (при орфографической норме *кижи*, *күжүл* и т.д.). Предположительно этот процесс неозвончения распространяется на шипящие и свистящие, но не на губные и зубные, ср. тел. *көдүр-* ‘поднимать’, *сыбыр-* ‘прогонять’¹. Очевидно, для телеутских интервокальных š(ž) и s(z) признак глухости/звонкости нерелевантен и нефонологичен. Это же свойство О. Прицак отмечает и в кумандинском: «*Im QmdSt. hat -z- (< -z-) die Tendenz zur Stimmlosigkeit: usun* ‘lang’ (< *uzun*), *qışıcaq* ‘Mädchen’» [21. Р. 580].

Не озвончаются внутри корня также «старые» геминаты (тел. *јети* ‘семь’ < *ž’ēddi, эки ‘два’ < *e’(k)ki) и стянутые комплексы одинаковых согласных на границах морфем (тел. *јетире* ‘до’ < *јет-* + *-тир*).

Древний *-d(-) в ауслауте и интервокале, как и в остальных южноалтайских диалектах, переходит в у: тел. *айақ* ‘нога’ < *aḏak, *ной* ‘сам’ < *boḏ.

Древний *b- в анлауте оглушается (тел. *наш* ‘голова’ < *balč), причем в телеутском он звучит менее звонко, чем соответствующий ему литературный алтайский, отсюда разница в орфографии: тел. *пала* ~ алт. лит. *бала* ‘ребёнок’; как отмечено выше, это оглушение характерно для большинства сибирских языков, только тувинский и – в меньшей степени –

¹ Озвончение интервокальных глухих в карлукских и кыпчакских языках зависит от первичной долготы / краткости предшествующего гласного; после первично долгих регулярно озвончаются гуттуральные и губные, изредка – зубные, после первично кратких все типы согласных чаще всего остаются глухими, ср. тел. *қаду* ‘гвоздь’ < *kāta-g (звонкий после долгого; не исключен монголизм *kada), тел. *қату* ‘твёрдый’ < *kat-yg (глухой после краткого). В телеутском и литературном алтайском после краткого зубной при этом стабильно озвончается: тел. *көдүр-* ‘поднимать’ < *göt-ir-, *қодор-* ‘вырывать’ < *kotar-, *қадар-* ‘пасти’ < *katar-.

алтайский сохранили звонкий губной в анлауте, ср. тув. *баи* ‘голова’, алт. лит. *бут* ‘нога’.

Также очень редко отмечается перебой начальных *b~m-*. О. Прицак говорит о традиционном переходе **b- > m-* в северных диалектах (туба и куманд. *mörpü* < **bōri*), а в южных – о спорадическом, не приводя конкретных примеров: слово ‘горох’ (< **burčak*) как будто иллюстрирует этот переход в алтайском, но не в телеутском, ср. алт. лит. *мырчак* ~ тел. *пырчак* ‘горох’, однако слово ‘перец’ (< **myrč* < санскр. *marīča*), если принимать версию о первичном *m-* в тюркской форме, говорит об обратном переходе, т.е. о **m- > b-* в телеутском, но не в алтайском, ср. алт. лит. *мырч* ~ тел. *пурч* ‘перец’; переход **m- > b-* скорее характерен для северных алтайских диалектов.

В целом же можно отметить некоторую тенденцию к рефлексу анлаутного **b-* в виде *m-* в южных диалектах (**bürgüt* ‘беркут’ > алт. лит., тел. *мүркүт*), хотя алтайский и телеутский не проявляют четких правил рефлексации *b**- по линии *b-/m¹*, ср. также тел. *палта* ~ алт. лит. *малта* ‘топор’ < **paltu*, при этом ср. туба и чалк. *палта*, куманд. *малта*; тел. *миис* / *мис* / *нис* [36] ~ алт. лит. *мис* ‘лезвие; острие’ < **bi:* ‘острие’, **bi:z* ‘шило’, при этом ср. шор. *нис* ‘шило’. Как отмечается в [44. С. 131], «формы с начальным *m-*, по всей вероятности, вторичные», возникшие в результате ассимиляции начального **b-* павшим носовым *ɲ* после гласного основы: тел. *миис* ‘острие’ < **bi:z* ‘шило’ < **biɲz*; это же приводит к вариативности **bu:z* ~ **mu:z* ‘лёд’ > тел. *мус* ~ туба, шор. *нус* / *мус*.

Монгольские заимствования с начальным *b-* в телеутском и алтайском сохраняют *b-*, ср. тел. *пөкө*, алт. лит. *бөкө* ‘силач’ < монг. *böke*, в северных диалектах переходящий в *m-*, ср. шор., туба *мөкө*. Начальный **m-* в монголизмах северных и южных алтайских диалектов показывает обратное распределение, ср. алт. лит., тел. *макта-* ~ куманд., шор. *пақта-* < **magta-* ‘хвалить’, тел. *мерген* < **mārgān* ‘ловкий, удалой, мудрец’, ср. шор. *перген*.

Медиальный *-m-* в южных диалектах устойчив, переходя в *-b-* или *-v-* в северных: тел., алт. лит. *семис* ~ туба *семис*, чалк., куманд. *севис*, шор. *себис* < **semiz* ‘жирный’; тел., алт. лит. *теермен* ~ туба *теермен* / *тервен*, чалк. *тервен* / *тервеен*, куманд., шор., хак. *тербен* < **degirmen* ‘мельница; зернотёрка’, где переход *-m- > -b-* может объясняться «тенденцией к диссимиляции *-рм- > -рб-*» [45. С. 177], ср. также тел. *қармақ* ‘удочка’ ~ туба *қармақ* / *қарбақ* / *қарвақ*, куманд. *қарбық*; тел. *сөзүрме* ‘невод’ ~ шор. *сөзүрбе*.

О. Прицак, возможно, ошибочно говорит о спорадическом переходе инлаутного *-b- > -m-* в примере тел. *тамыр* ‘жила; кровеносный сосуд’ < **tabyr*; в действительности праформа восстанавливается с *-m-*: **damor* ‘корень’ с рефлексами *-m-* как *-b-* / *-v-* в северных диалектах, ср. туба, чалк. *тамыр* / *тавыр* ‘вены’, шор. *табыр* ‘пульс; жила’.

¹ Г.Г. Фисакова пишет, что в телеутском отмечается употребление *п* на месте алтайского *м* в начале слов ‘топор’ (*палта*~*малта*), ‘горох’ (*пырчак*~*мырчак*) и ‘перец’ (*пурч*~*мырч*) [2. С. 72], но не комментирует эту вариативность.

Ауслаутный *-č в позиции после гласного в телеутском, как и в остальных алтайских диалектах (и сибирских тюркских, кроме хакаско-го), переходит в -š: тел. *агаиш* ‘дерево’ < *уаč, отглагольные производные на -GUč – тел. *отурғуиш* ‘табурет’, *қапқыиш* ‘ухват’, *қолартқыиш* ‘полотенце’, *қолјунғуиш* ‘умывальник’, *пасқыиш* ‘лестница’ и т.д. В северных диалектах отмечаются реликты исконного *-č, ср. туба *қысқач*, чалк. *қысқаиц*, куманд. *кыскыч* ‘щипцы’, туба *очорғыч* ‘табурет’, чалк. *айрываиц*, куманд. *айрымач* ‘вилы’.

Для сочетания *ηl* в телеутском, как и в прочих южных диалектах, характерна десоноризация > *ηd*, ср. тел., алт. лит. *аңда-* ‘охотиться’ ~ куманд., шор. *аңна-* < **аңла-*, аналогичный процесс десоноризации в южных диалектах происходит в сочетании *ηп*: алт. лит. *мандай* ‘лоб’ (тел. *қамақ*) ~ туба, куманд. *маңнай* < монг. *тагнау*.

Конечнослоговой *-η в телеутском в единичных случаях может переходить в -*т*: тел. *јум* ~ алт. лит. *јун* ‘перо’ < **јун*.

Вторичные долготы

В основах вторичные долготы в телеутском и других южных диалектах возникают по ряду причин, в числе которых:

– падение конечных *-y и *-g и их переход в -*ū* / -*ī*: тел., алт. лит. *туу* ‘гора’ < **та:y*, тел., алт. лит. *јуу* ‘война’ < **јауу*, иногда с неслоговым йотированием после долгого *i*: тел., алт. лит. *тий-* ‘трогать’ < **deg* ‘нападать; достигать’¹; вторичные долготы из-за падения конечнослоговых гуттуральных в неодносложных основах могут затем сокращаться: тел., алт. лит. *черү* ‘войско’ < *черүү* < **čerig*, тел., алт. лит. *түнү* ‘насест’ < *түнүү* < **tünüg* (?), ср. шор. *түнег* ‘насест’, тел. *үзү*, алт. лит. *изү* ‘горячий’ < *үзүү* < **узуу*, но: тел., алт. лит. *қуу* ‘лебедь’ < **kogu*, *күү* ‘мотив, мелодия’ < **kö:g*, тел., алт. лит. *чуу* ‘пелёнка’ < **čug*.

– падение конечных *-b ~ *-v, *-d и *-y: тел. *суу* ‘вода’ < **su:b*, тел. *јүй* (у О. Прицака – *јүй*) ‘дом’ < **eb*, тел. *сүй-* ‘любить’ < **sev-*, тел. *кий-* (у О. Прицака – *кии-*) ‘носить (одежду)’ < **ked*;

– выпадение медиальных *-y-, *-g-, *-η-, *-b-, *-d-, *-y-. Комплексы *-*ауу* и *-*оуи* в телеутском при стяжении совпадают всегда в -*ū*, в алтайском литературном изредка дают рефлекс -*ō*: тел., лит. алт. *уур* ‘тяжелый’, **но**: тел. *ууру* ~ алт. лит. *оору* ‘болезнь’ < **ауур*, тел. *сууқ*, **но**: алт. лит. *соок* ‘холодный’ < **soyyq*, тел. *уус*, **но**: алт. лит. *оос* ‘рот’ < **аууз*, тел., алт. лит. *јеен* ‘племянник’ < **jegän*, тел., алт. лит. *өөй* ‘неродной’ < **ögej*, тел., алт. лит. *иир-* ‘прясть’ < **eg-* + *-ir*, тел., алт. лит. *јүр* ‘стадо’ < **ögür*, тел., алт. лит. *ээри* ‘седло’ < **eder* и т.д.

¹ О. Прицак приводит несколько телеутских примеров с долгим без неслогового й в ауслауте: *чиш* ‘сырой’, *пиш* ‘начальник, господин’, *кии-* ‘надевать’; фактически, в словаре эти формы приведены как *чий*, *пий* и *кий-* соответственно. Очевидно, орфографирование долгого узкого переднего ряда *иш*, *йү* как сочетаний *ий*, *йүй* свидетельствует о дифтонгизации таких вторичных долгот, ср. параллельные словарные формы *түй-* и *түйй-* ‘вязать’ в литературном алтайском.

Отдельного рассмотрения требуют случаи выпадения *-у-. Г.Г. Фисакова отмечала, что «бачатско-телеутское долгое ий соответствует алтайскому =ийи=: тел. *пиик* ‘высокий’ ~ алт. *бийик*, тел. *киис* ‘кошма, войлок’ ~ алт. *кийис*, тел. *киим* ‘одежда’ ~ алт. *кийим*, тел. *иик* ‘веретено’ ~ алт. *ийик*» [2. С. 72]. Как показывает проведенный нами сравнительный анализ спектрограмм, произношение этих слов носителями телеутского и алтайского литературного языков может как различаться, так и совпадать, в зависимости от звукового состава праформы.

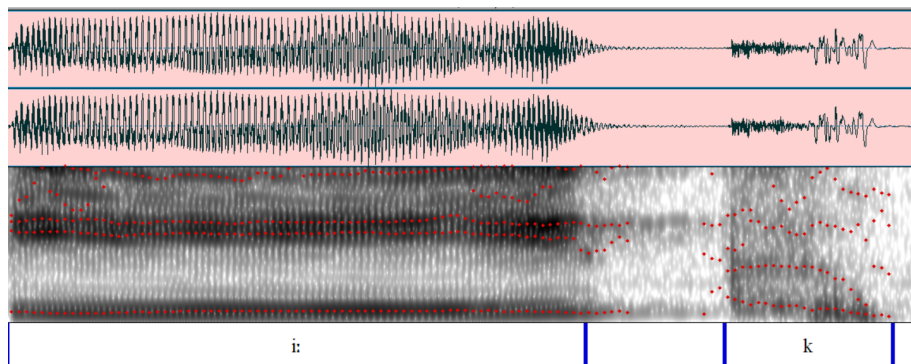

Рис. 1. Спектрограмма слова *ийик* ‘веретено’ (тел.)

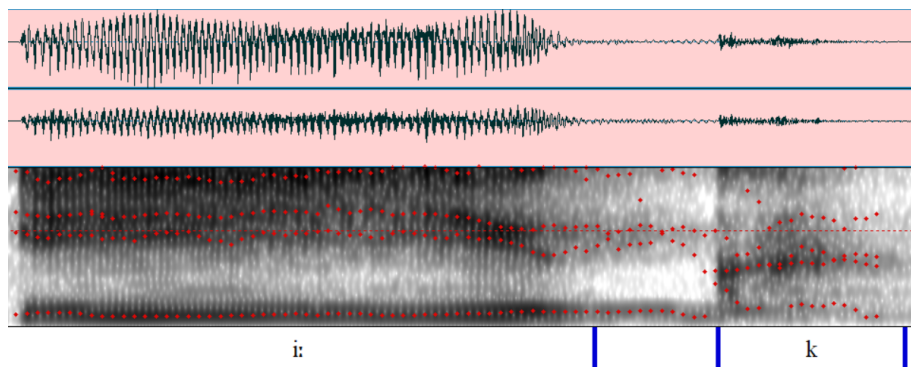

Рис. 2. Спектрограмма слова *ийик* ‘веретено’ (алт.)

Рис. 1 и 2 демонстрируют плавное движение всех четырёх формант на протяжении всей вокалической части слова, структура которого имеет вид VC, несмотря на сохранение <й> в орфографии обоих языков. Этимологически *ийик* возводится к **i:k* ‘веретено’, первичная долгота в котором неясна; она может быть как этимологической, так и вторичной (как результат стяжения производного на *-ig* от основы **eyir-* ‘прясть, сучить’). В любом случае, противопоставление телеутского *иик* (в словаре — *ийик*) и алтайского *ийик* не кажется нам достаточно обоснованным, хотя алтайская форма, в отличие от телеутской, демонстрирует два сильно сглаженных участка интен-

сивности в долгом *i* на спектрограмме, которые можно рассматривать как вершины двух кратких или полудолгих, разделенных эпентетическим [j].

Иначе обстоит дело с реализацией слова тел. *пийик* ~ алт. лит. *бийик* ‘высокий’ (рис. 3, 4).

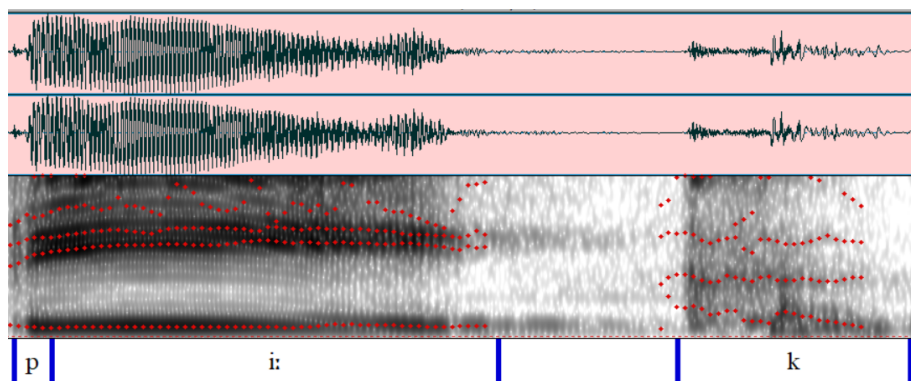

Рис. 3. Спектрограмма слова *пийик* ‘высокий’ (тел.)

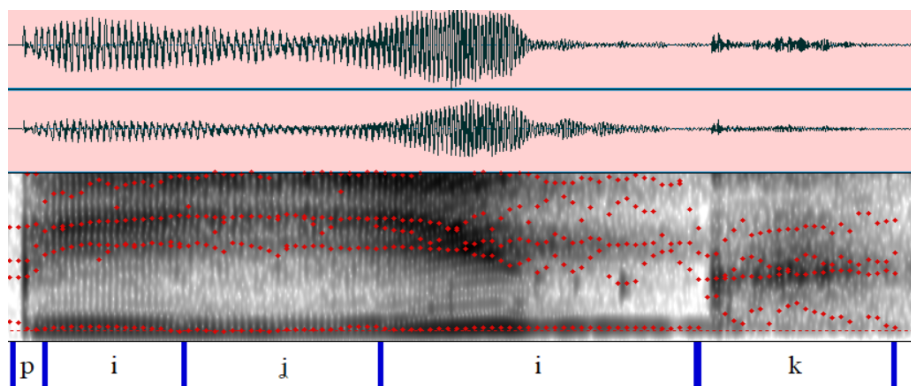

Рис. 4. Спектрограмма слова *бийик* ‘высокий’ (алт.)

Алтайская форма (рис. 4) отчетливо сохраняет два участка работы голосовых связок, выраженных интенсивнее, чем на рис. 2. Телеутская форма (рис. 3) демонстрирует одновершинный гласный с постепенно ослабевающей интенсивностью без медиального [j]-признака. Таким образом, при одинаковой F-картине рис. 3 и 4, можно согласиться с Г.Г. Фисаковой в том, что телеутская форма (CVC) отличается от алтайской (CVCVC) вторичной долготой, т.е. алтайскому бисиллабл *бийик* ‘высокий’ соответствует телеутский моносиллабл *пийик*. Возможно, различие между вышеуказанными парами реализаций сочетания *-ийи-* в телеутском и алтайском языках обусловлено разным происхождением основ: в паре тел. *ийик* ~ алт. *ийик* ‘веретено’ гласный этимологически долгий < *i:k, а в паре тел. *пи(й)ик* ~ алт. *бийик* ‘высокий’ телеутский демонстрирует вторичную дол-

готу в результате полного выпадения инлаутного *-d- < *bedük (которое закономерно переходит в -j- в алтайском).

Отдельно О. Прицак рассматривает морфонологические вторичные долготы вида «основа на гласный + аффикс»:

– датив *i-ya ~ a-ya* > *ā*, *igä ~ ügä* > *ā*: тел., алт. лит. *ақча-а* ‘деньги-DAT’ < *ақча-ға*, *киже-е* ‘человек-DAT’ < *кижи-ге*, тел. *эке-е* ‘два-DAT’ < *эки-ге*; отмечаются варианты с губной гармонией вторичных долгот, ср. тел. *по-о* ‘это-DAT’ < *пу-ға*, тел. *пол-ор-зоор* ‘быть-FUT-2PL’ < *пол-ор-зыгар*; гени- тив *a-niŋ* > *āŋ*, *o-niŋ* > *ōŋ*: *палааң* ‘ребенок-GEN’ < *пала-ның*, *оро-оң* ‘яма.GEN’ < *оро-ның*;

– аорист (Participium aoristi I): тел. *jarғылаар* ‘судящий’ < *jarғыла-ар*, ср. алт. лит. *кожондоор* ‘поющий’ < *кожондо-ор*;

– причастие прошедшего времени (Participium praeteriti) с параллельными полными и стянутыми формами: алт. лит. *јуртаган* ~ *јуртаан* ‘жив- ший’, *келбеген* ~ *келбеен* ‘не пришедший’. Для телеутского вторичная дол- гота такого типа не характерна, ср. тел. *ойногон* ‘игравший’, *јазаган* ‘сде- лавший’, *јуураган* ‘слеplенный’, *көрбөгөн* ‘не видевший’ и т.д.

Вторичные долготы в первом слоге в литературном алтайском обычно сокращаются (см. пример выше тел., алт. лит. *черү* ‘войско’ < *черүү* < **čerig*), но в диалектах могут сохраняться. О. Прицак приводит следующие примеры: алт. лит. *бозу* ‘теленка’ ~ тел. *пузаа* < **buzayū* (тел. *пуза* [36], совр. тел. *мөһнөк* < рус.); ср. также тел. *көзүүн* ‘овод’ ~ алт. лит. *көгдөн* / *көгөн* < **ko:kegün* ‘синяя мясная муха’, тел. *серүүн* ‘прохлада’ ~ алт. лит. *серүүн* < монг. *serigün*, тел., алт. лит. *көмөөл* ‘ледоход, шуга’ < *?, ср. тел. *көмөл* [36].

От этих случаев следует отличать вторичную долготу в двухосновных словах, ср. тел. *пирсүүн* ‘послезавтра’ < *пирези күн*, *озосуун* ‘позавчера’ < *озогы күн*. Не вполне определен также статус долготы конечнослового гласного в производных на -*I(g)* и -*LX(g)*. Согласно О. Прицаку она сохра- няется в тел. *суруу* ‘вопрос’ (совр. тел., алт. лит. *суру* ‘допрос’ ~ *сурак* ‘во- прос’), тел. *садуу* ‘торговля’ (совр. тел., алт. лит. *саду*), тел. *ат-туу* ‘ло- шадь-PROP’ (совр. тел., алт. лит. *атту*). Возможно, долгота в примерах О. Прицака носит компенсационный характер; в современном телеутском она нами не отмечена.

Для телеутского, в отличие от алтайского литературного, характерно регулярное выпадение -*r*- в аффиксе инфинитива на -(A)rGA: *келеге* ‘при- ходить’, *сарнага* ‘петь’ и т.д., однако без компенсаторного удлинения предыдущего гласного, что О. Прицак отмечает в кумандинском: *päräggä* ~ *pärärgä* ‘давать’.

Прочие комбинаторные изменения звуков.

Метатеза.

О. Прицак приводит следующие типы метатетических перестановок: *q~š* > *š~q* (авторский пример алт. лит. *oşqoş* < **oqşoş*, ср. тел. *ошқош* ‘по- добный’), *g~s* > *s~k* (тел., алт. лит. *ösküs* ‘сирота’ < **ögsüz*), *k~m* > *p~k* (алт. лит., тел. *чепкен* ‘сукно’ < **čäkmän*), *γ~m* > *m~γ* (алт. лит., тел. *јамгыр* ‘дождь’ < **yaγmur*), *p~k* > *k~p* (алт. лит., тел. *өкпө* ‘лёгкое’ < **örpe*).

Ассимиляция и диссимиляция:

1. Для телеутского и других южноалтайских диалектов характерно сохранение начального этимологического *l* в аффиксах после гласных, *r* и *y* (тел. *карала-* ‘клеветать’, *қойлор* ‘овцы’, *қарлар* ‘снега’) и его переход *> d* после прочих сонантов – *l*, *m*, *n*, *ŋ* (тел. *қолдор* ‘руки’, *сомдор* ‘ритуальные березки’, *қойрында-* ‘кривляться’, *оңдо-* ‘понимать’), и *> t* после глухих (тел. *татту* ‘ржавый’, *қышта-* ‘зимовать’, *пийттер* ‘вши’);

2. Генитив. О. Прицак приводит следующую закономерность для южноалтайских диалектов:

– *-nlŋ* после гласных (кроме говора чулышманских телеутов – *die Mundart der Čulyšman-Teleuten*, т.е. теленгитов-тёлёсов), носовых и – факультативно – после долгих (вторичных) гласных, ср. *бака-ның* ‘лягушка-GEN’, *таан-ның* ‘галка-GEN’, *туу-ның* ‘гора-GEN’;

– *-dlŋ* после *r*, *l*, *y* и долгих (вторичных) гласных (в теленгитско-тёлёсском говоре – также и после кратких), ср. тел. *мал-дың* ‘скот-GEN’, *туу-дың* ‘гора-GEN’, в теленгитско-тёлёсском – *ада-дың* ‘отец-GEN’;

– *-tlŋ* после глухих согласных, ср. *агаиш-тың* ‘дерево-GEN’.

Важно отметить, что в языке бачатских телеутов наблюдается та же тенденция к десоноризации начального *n*- аффикса и его переходу в *d*- после гласных (факультативно) и сонантов, что и в диалекте теленгитов-тёлёсов.

После первично кратких гласных в конце основы варианты генитива с начальными *n* и *d* употребляются параллельно, хотя начальный *n* преобладает (ср. тел. *кижи-нің* ‘человек-GEN’, *пөрү-нің* ‘волк-GEN’, *пала-ның* ‘ребенок-GEN’ и т.д., но *эку-дың* ‘вдвоём-GEN’, *кижи-диң* ‘человек-GEN’, *қолту-дуң* ‘супруг(а)-GEN’¹, *јети-диң* ‘семь-GEN’, *теңере-диң* ‘небо-GEN’).

После краткого в посессиве 3 л. ед. ч. – только вариант с *n*: тел. *аба-зы-ның* ‘отец-POSS.3SG-GEN’.

После вторично долгих – только вариант с *d*: тел. *суу-дың* ‘вода-GEN’, *јуу-дың* ‘война-GEN’, что, вероятно, обусловлено звонким гуттуральным *y~g* в ауслауте соответствующей праформы, который впоследствии дал вторичную долготу, ср. шор. *шаг-дың* ‘война-GEN’.

После *r*, *l*, *y*, как и в литературном алтайском, нормой является вариант с *d*, однако в нашем корпусе единично встречаются варианты с *n*: тел. *қар-дың* ‘снег-GEN’, *уул-дың* ‘сын-GEN’, *қудай-дың* ‘бог-GEN’, но *тадар-ның* ‘телеут-GEN’, *корова-лар-ның* ‘корова-PL-GEN’, *кижи-лер-нің* ‘человек-PL-GEN’, *јыл-ның* ‘год-GEN’, *үй-нің* ‘корова-GEN’.

После носовых *m*, *n*, *ŋ* в конце основы в норме употребляется *n*-вариант, а после *n*, *ŋ* также (редко) отмечается параллельное употребление *d*- и

¹ Конечный *u* в тел. *қолту* ‘супруг(а)’ может быть сократившимся долгим (хотя нам не удалось определить этимон *қолту*); в этом случае выбор варианта с начальным *d* логично объясняется вторичной долготой основы, ср. *туу-дың* ‘гора-GEN’.

n-вариантов генитива¹: тел. *қаан-ның* ‘хан-GEN’, *жылан-ның* ‘змея-GEN’, *күн-нің* ‘день-GEN’, *жыбран-ның* ‘суслик-GEN’, *Том-ның* ‘р. Томь-GEN’, *кем-нің* ‘кто-GEN’, *пайрам-ның* ‘праздник’, *қам-ның* ‘шаман-GEN’, но *аң-дың* ‘зверь-GEN’, *күн-дің* ‘солнце-GEN’, *эрлен-дің* ‘хомяк-GEN’.

После носового в посессивном склонении – только вариант с *n*: *кижи-ң-нің* ‘человек-POSS.2SG-GEN’, *сийин-ым-ның* ‘сестра-POSS.1SG-GEN’.

После глухих, как и в литературном алтайском, употребляется *t*-вариант: *черет-тиң* ‘известь-GEN’, *разрез-тың* ‘(угольный) разрез-GEN’.

3. Аккузатив. Южноалтайские диалекты, согласно О. Прицаку, морфологически распределяют аффикс аккузатива следующим образом:

– *-nI* после кратких (и факультативно – после долгих) гласных: *кижи-ни* ‘человек-ACC’, *туу-ны* ‘гора-ACC’;

– *-dI* после долгих гласных и сонантов: *туу-ды* ‘гора-ACC’, *үн-ди* ‘голос-ACC’, *мал-ды* ‘скот-ACC’; в теленгитско-тёлёсском – после кратких гласных: *ада-ды* ‘отец-ACC’;

– *-tI* после глухих согласных: *аиш-ты* ‘зерно-ACC’.

В телеутском распределение вариантов аккузатива, как и генитива, приближается к системе теленгитско-тёлёсского говора: тел. *свадьба-ны* ‘свадьба-ACC’, *пала-ны* ‘ребенок-ACC’, *пой-ы-ны* ‘сам-POSS.3SG-ACC’, *не-ни* ‘что-ACC’, *неме-ни* ‘вещь-ACC’; кроме того, в конкордансе отмечены случаи употребления *n*-варианта после носовых в посессивных аффиксах: *аба-м-ны* ‘отец-POSS.1SG-ACC’, *чач-ым-ны* ‘волосы-POSS.1SG-ACC’. Вариант с начальным *d* в телеутском характерен как для основ, оканчивающихся на сонорные, в том числе и в поессивном склонении (*кижи-м-ди* ‘человек-POSS.1SG-ACC’, *жер-ди* ‘земля-ACC’, *күн-ди* ‘солнце-ACC’, *үй-ди* ‘дом-ACC’, *өлөң-ди* ‘сено-ACC’, *неме-ң-ди* ‘вещь-POSS.2SG-ACC’, *уул-ды* ‘мальчик-ACC’), так и на гласные – краткие² и вторично-долгие (*кижи-ди* ‘человек-ACC’, *не-ди* ‘что-ACC’, *јч-ү-ди* ‘три-COLL-ACC’, *суу-ды* ‘вода-ACC’, *куу-ды* ‘лебедь-ACC’).

4. Аблатив. Для исходного падежа общая алтайская схема (включая северные диалекты) выглядит следующим образом:

– *-dAŋ* после кратких и долгих гласных и неносовых сонантов *r, l, y*: *кеме-дең* ‘лодка-ABL’, *туу-даң* ‘гора-ABL’, *мал-даң* ‘скот-ABL’;

– *-nAŋ* после носовых: *тааң-наң* ‘ворон-ABL’;

– *-tAŋ* после глухих: *агаиш-таң* ‘дерево-ABL’.

Несколько уточнённая схема приводится для современного алтайского литературного языка – вариант *-dAŋ* в ней присоединяется также к основе на *-m*, а вариант *-nAŋ* – также к основе на гласный [46. С. 45].

¹ Данные нашего корпуса уточняют систему распределения показателей генитива в телеутском, приведенную в [47. С. 101], согласно которой после носовых используется только *-nuŋ*: *таң-nuŋ*.

² При этом *d*-вариант аккузатива после краткого гласного, как кажется, количественно преобладает над параллельным ему *n*-вариантом; например, конкорданс из 25 аккузативных склонений слова *кижи* ‘человек’ насчитывает 17 примеров с аффиксом *-ди* и лишь 8 – с аффиксом *-ни*.

Для телеутского система распределения вариантов аблатива совпадает с приведенной для литературного алтайского (схема О. Прицака является слишком обобщённой), включая также губные сингармонические варианты с *o~ö*, итого в телеутском насчитывается 12 алломорфов аблатива с чередованием начальных *d~t~n* и медиальных *a~e~o~ö*: *жуу-даң* ‘война-ABL’, *айры-даң* ‘овраг-ABL’, *санаторий-даң* ‘санаторий-ABL’, *жыл-даң* ‘год-ABL’, *алар-даң* ‘они-ABL’, *не-дең* ‘что-ABL’, *уй-дең* ‘дом-ABL’, *жер-дең* ‘земля-ABL’; единично представлен *d*-вариант после основы на *-т*: *техникум-даң* ‘техникум-ABL’.

После гласных в конце основы в телеутском абсолютно преобладает *d*-вариант: *пала-даң* ‘ребенок-ABL’, *ателье-дең* ‘ателье-ABL’, *казна-даң* ‘государство-ABL’; единично отмечен *n*-вариант – *комната-наң* ‘комната-ABL’. Напротив, в посессивном склонении ед. ч. (как с носовой основой первого и второго лица, так и с вокалической – третьего) телеутский аблатив, как и в литературном алтайском, представлен только *n*-вариантом: *аба-м-наң* ‘отец-POSS.1SG-ABL’, *эне-м-нең* ‘мать-POSS.1SG-ABL’, *пойың-наң* ‘сам-POSS.2SG-ABL’, *мүйүз-и-нең* ‘рог-POSS.3SG-ABL’.

Выводы

Основные выводы, полученные в результате сопоставления корпусных и лексикографических данных телеутского языка с материалами работы О. Прицака *Das Altaitürkische*, сводятся к следующим.

Вокализм восьмичленный общетюркский, с парами «краткий – долгий», итого 16 фонем (О. Прицак); без долгой фонемы /ы:/, итого 15 фонем (Н.В. Гаврилин); без долгих фонем, итого 8 фонем (наша интерпретация).

В сфере вокализма телеутский язык отличается от алтайского, возможно, менее последовательной губной гармонией – после всех типов губных в первом слоге, гласный второго слога может не огубляться (тел. *сусқы* ‘ковш’ ~ алт. *суску* ‘ковш’), что сближает его с североалтайскими идиомами, с которыми телеутский с XVI в. находится в тесном контакте, прежде всего с кумандинским и шорским. Однако это правило не абсолютно, поскольку в алтайском языке губная гармония непервого слога также не всегда соблюдена (после широких гласных), а в телеутском – не всегда нарушена, ср. алт. лит. *одын* ‘дрова’, *кёки-* ‘радоваться’ ~ тел. *көгөр-* ‘зеленеть’, *үйлү* ‘выкройка’.

В сфере консонантизма телеутский отличается глухим [p] и глухим палатализованным [t] в абсолютном начале слова, которым соответствуют полувзвонкий [b] и полувзвонкий палатализованный [d] в алтайском. Для телеутского характерна палатализация [ɮ] в позиции после [j] (ср. тел. *ойлү* ‘умный’ ~ алт. лит. *ойлу*), а также неозвончение интервокальных глухих [ʃ]~[s], что также сближает его с кумандинским языком. Соответствие [b]~[m] в разных фонетических позициях в телеутском и других алтайских диалектах демонстрирует лишь одну наиболее последовательную тенденцию – к сохранению медиального [*-m-] в телеутском и других южных

идиомах. В остальных позициях чередование $[b] \sim [m]$ в телеутском пока не дает четкой картины их распределения, достаточной для классификационных целей.

Особенность телеутского в сфере вторичных долгот заключается в последовательном стяжении комплексов **-au* и **-ou* в *-й*, которые спорадически дают *-ō* в алтайском. Данные Г.Г. Фисаковой о реализации алтайского сочетания *-iyi-* как долгого *[i:]* в телеутском верны лишь частично и не всегда соответствуют спектрограммам.

Выпадение *[r]* в показателе инфинитива, нехарактерное для алтайского литературного, также сближает телеутский язык с кумандинским.

Дистрибуция морфонологических вариантов падежных аффиксов генитива, аккузатива и аблатива в телеутском в целом соответствует системе алтайского литературного, однако отмечается и важная особенность – преобладание *d*-вариантов генитива и аккузатива после краткого гласного основы, что находит параллель в говоре «чулышманских телеутов», т.е. теленгитов-тёлёсов. Это свидетельствует об этногенетической близости телеутского и теленгитского диалектов; напротив, схожие черты в фонетике телеутского и кумандинского языков предположительно более позднее явление конвергентного характера. В целом бачатско-телеутский язык, безусловно, сохраняет свою южноалтайскую кыпчакскую подоснову, однако длительное время развивался в зоне смешения разных диалектов алтайского языка (Кузнецкий Алатау), что привело к формированию в нём отдельных «кумандинских» черт в фонетике и морфонологии. Лексико-грамматические особенности языка бачатских телеутов предположительно дадут дополнительные основания для его классифицирования в системе алтайских диалектов и – шире – тюркских языков Сибири.

Основные выводы статьи представлены в таблице.

Сопоставительный анализ фонологических и морфонологических особенностей телеутского языка

Фонология						
Вокализм						
Телеутский			Южные диалекты		Северные диалекты	
О. При- цак	Собствен- ные дан- ные	Прочие данные	Литера- турный алтайский	Алтай- кижи / теленгит- ский	Чалканский / туба	Кумандин- ский
8 кратких 8 долгих	8 кратких 8 долгих	8 кратких 7 долгих	8 кратких 8 долгих	8 кратких 7 долгих		
Фонологические вторичные долготы						
* $-Xy(g) > -\bar{u} / -\bar{u} / -\bar{i}(-iy)$						
* $-b/*-v/*-d/*-y > -\bar{u} / -\bar{u} / -\bar{i}(-iy)$						
* $-y/*-g/*-\eta/*-b/*-d > -\bar{u} / -\bar{u} / -\bar{i} / -\bar{e} / -\bar{o} / -\bar{a}$						
* $-d$ между переднерядными						
* $-d >$ глайд $> V.V(?)$ пиик 'высокий'			* $-d >$ фрикатив $> VCV$ бийик			
* $-ayv / *-oyu >$						

- <i>ū</i> уул 'сын' сууқ 'холодный' уур 'больной'	- <i>ū/-ō</i> уул соок оор		
<i>Падение долготы в производных</i> *- <i>I(g)</i> / *- <i>LX(g)</i> > - <i>ū</i> / - <i>ū̄</i> > - <i>u</i> / - <i>ü</i>			
Морфонологические вторичные долготы			
<i>Dativ:</i> <i>i-ya/a-ya/i-gä/ü-gä/ä-gä</i> > - <i>ā</i> / - <i>ā̄</i> + лабиализация после губных основы > - <i>ō</i>			
<i>Genitiv:</i> <i>a-niŋ</i> > <i>āŋ</i> , <i>o-niŋ</i> > <i>ōŋ</i>			
? первый широкий основы + <i>V</i> + <i>NIŋ</i> > узкий долгий аффикса: эки 'два' + - <i>ниң</i> > эки-иң 'два-GEN' первый узкий основы + <i>V</i> + <i>NIŋ</i> > широкий долгий аффикса: кижи 'человек' + - <i>ниң</i> > киже-ең 'человек-GEN'			
<i>Participum aoristi I:</i> - <i>V</i> + - <i>Vr</i> > - <i>V:r</i>			
<i>Participum praeteriti:</i> - <i>V</i> + - <i>GAn</i> >			
- <i>VGAn</i>	- <i>V:n</i>		
Консонантизм			
<i>Рефлексация анлаутного *j-</i>			
[c] / [j]	[j]		
<i>Рефлексация *-č в позиции озвончения</i>			
[j]	[j]		
найы 'друг'	најы		
<i>Палатализация [ʎ] в твердом ряду после [j]</i>			
облигаторная қойлор [q ^h ɔɪl ^ʎ œŋ] 'овцы' айлан! [aɪl ^ʎ œn] 'обернись!' потпойло [pɒtpɔɪl ^ʎ œ] 'подпол'	отсутствует койлор [q ^h ɔɪlœŋ] айлан! [aɪlœn] потпойло [pɒtpɔɪlœ]		
Озвончение интервокальных глухих			
<i>Губные и зубные</i>			
облигаторное када- 'втыкать' табыш 'голос, звук, известие'			
<i>Сибиллянты</i>			
факультативное (графически не отражается) құжұл [kʏʃʏɭ ~ kʏʒʏɭ] 'мышь' узун [ʊsɒn ~ ʊzɒn] 'длинный'	облигаторное құжұл 'крыса' узун	облигаторно- факультатив- ное құшұл 'ондат- ра' узун	облигаторно- факультатив- ное құжил 'крот' узун 'высо- кий' ~ усақ 'длинный'

Рефлексация звонкого губного *b-			
глухой <i>паш</i> ‘голова’ < *balč <i>пуур</i> ‘печень’ < *bagyr	полувзвонкий <i>баиш</i> <i>буур</i>	полувзвонкий / глухой (орфография?) <i>баиш</i> <i>паар</i> (туба) <i>багыр</i> ~ <i>баар</i> ~ <i>паар</i> (чалк.)	полувзвонкий / глухой (орфография?) <i>баиш</i> <i>паар</i>
Рефлексация медиального *-m-			
сохраняется <i>семис</i> ‘жирный’ < *semiz <i>кеме</i> ‘лодка’ < *kāmi <i>теермен</i> ‘мельница; зернотёрка’ < *degirmen	может > -b- ~ -v- <i>семис</i> (ту- ба) ~ <i>севич</i> (чалк.) <i>кебе</i> (чалк.) <i>теермен</i> ~ <i>тервен</i>	может > -b- ~ -v- <i>севич</i> <i>кеве</i> ~ <i>кебе</i> <i>тербен</i>	
Комбинаторные изменения			
Лабияльная гармония			
Широкие негубные второго слога после широких губных первого слога			
облигаторная <i>өкпө</i> ‘легкие’ <i>оймок</i> ‘наперсток’ <i>орбо</i> ‘колотушка бубна’	облигаторно- факультатив- ная <i>өкпө</i> ~ <i>өкпе</i> <i>ойвоқ</i> <i>орбо</i>	отсутствует <i>өкпе</i> <i>ойвақ</i> <i>орбы</i>	
Широкие негубные второго слога после узких губных первого слога			
отсутствует			
<i>қулақ</i> ‘ухо’ <i>чулан</i> ‘хлев’	<i>кулак</i> <i>чулан</i>	<i>қулақ</i> ~ <i>қылақ</i> <i>шулан</i>	<i>қулақ</i> <i>шулан</i>
Узкие губные второго слога после широких губных первого слога			
отсутствует <i>пөри</i> ‘волк’	облигаторная <i>бөрү</i>	облигаторная <i>мөрү</i> ~ <i>мөрө</i> <i>пөрү</i> ~ <i>пөрө</i>	отсутствует <i>мөри</i>
Узкие губные второго слога после узких губных первого слога			
в корнях			
облигаторно-факультативная <i>түлкү</i> ‘лиса’ <i>улы-</i> ‘выть’	облигаторная <i>түлкү</i> <i>улу-</i>	облигаторно- факультатив- ная <i>түлгү</i> ~ <i>түлги</i>	факультатив- ная / отсут- ствует <i>түлгү</i> ~ <i>түлге</i> <i>суску</i>
в аффиксах			
факультативная / отсутствует <i>күйдир-</i> ‘зажигать’ <i>уруш</i> ‘драка’ <i>сусқы</i> ‘ковш’	облигаторная <i>күйдүр-</i> <i>уруш</i> <i>суску</i>	облигаторная <i>күйдүр-</i> <i>уруш</i> <i>сусқа</i> ~ <i>сусқы</i>	облигаторная <i>уруш</i> <i>улу-</i>

<i>Узкие негубные второго слога после широких губных первого слога</i>			
факультативная / отсутствует <i>кõмир</i> ‘уголь’ <i>одын</i> ‘дрова’ <i>қолтық</i> ‘подмышка’ <i>отыр- ~ отур-</i> ‘сидеть’	облигаторно-факультативная <i>кõмұр</i> <i>одун ~ одын</i> <i>колтык</i> <i>отур-</i>	облигаторно-факультативная <i>қолдык ~ қолтуқ</i> <i>отур-</i>	отсутствует <i>одын</i> <i>қолтық</i> <i>отыр</i>
Прочие комбинаторные изменения			
<i>-а/-ы непервого безударного слога</i>			
<i>ы</i> <i>саңыт</i> ‘челюсть’ <i>алды</i> ‘зверь’	<i>а</i> <i>санат</i>		<i>ы ~ а</i> <i>алды ~ алда</i>
<i>Регрессивная лабиализация</i>			
факультативная / отсутствует <i>ұзұ</i> ‘горячий’ <i>пұлұ</i> ‘точильный камень’ <i>тирұ ~ түрұ</i> ‘живой’	отсутствует <i>изұ</i> <i>билұ</i> <i>тирұ</i>	неприменимо <i>изиг</i> (чалк.) <i>тилиг</i> (чалк.) <i>тириг</i> (чалк.)	факультативная / отсутствует <i>изұ ~ ызық</i> <i>тирұ ~ тириг</i>
<i>Опереднение у- / о- перед -й</i>			
облигаторное <i>уй</i> ‘корова’ <i>уйат</i> ‘стыд’ <i>ұйа</i> ‘гнездо’ <i>чõй</i> ‘чугун’	отсутствует <i>уй</i> <i>уйат</i> <i>уйа</i> <i>чой</i>	отсутствует - <i>уйат</i> (чалк.) <i>уйа</i> (чалк.) <i>чойын</i> (чалк.)	факультативная / отсутствует <i>уй</i> <i>уйат</i> <i>уйа</i> <i>чõй</i>
Морфонология			
<i>Элизия -r- в аффиксе инфинитива -(A)rGA >:</i>			
<i>-(A)rGA /</i> <i>-(A)GA</i>	<i>-(A)rGA</i>	<i>-(A)rGA /</i> <i>-(A):GA</i>	
<i>Десоноризация начальных согласных аффиксов (нисходящая звучность)</i>			
после сонорных <i>l, m, n, y</i>			
сильная сонорный + несонорный афф.	сильная сонорный + несонорный афф.	слабая / отсутствует сонорный + сонорный афф.	
<i>қол-доң</i> ‘рука-ABL’ <i>қам-дар</i> ‘шаман-PL’ <i>ұн-дер</i> ‘голос-PL’ <i>оңдо-</i> ‘знать’ <i>той-дың</i> ‘свадьба-GEN’ <i>қой-ды</i> ‘овца-ACC’	<i>қол-доң</i> <i>қам-дар</i> <i>ұн-дер</i> <i>оңдо-</i> <i>той-дың</i> <i>кой-ды</i>	<i>қол-наң</i> <i>қам-лар ~ қам-нар, қам-лыр</i> (чалк.) <i>ұн-нер</i> <i>уңна-</i> <i>той-ның</i> <i>кой-ны</i>	

после основ на гласный в ACC, ABL и GEN в непосессивном склонении		
ACC		
сильная	слабая / отсутствует	слабая / отсутствует
краткий гласный + несонорный афф. / сонорный носовой афф. (редк.) <i>пала-ды ~ пала-ны</i> ‘ребенок-ACC’ <i>кижи-ди ~ кижичи-ни</i> ‘человек-ACC’	краткий гласный + сонорный носовой афф. <i>бала-ны</i> <i>кижичи-ни</i>	краткий гласный + сонорный носовой афф. <i>бала-ны</i> <i>кижичи-ни</i>
	сильная (теленгит.)	
	краткий гласный + несонорный афф. <i>кижичи-ди</i> <i>бала-ды</i>	
долгий гласный + несонорный афф. <i>туу-ды</i> ‘гора-ACC’ <i>суу-ды</i> ‘река-ACC’	долгий гласный + сонорный носовой афф. <i>туу-ны</i> ‘гора-ACC’ <i>суу-ны</i> ‘река-ACC’	
ABL		
сильная	сильная	слабая / отсутствует
краткий/долгий гласный + несонорный / сонорный носовой афф. (очень редк.) <i>пала-даң ~ пала-наң</i> ‘ребенок-ABL’ <i>суу-даң ~ суу-наң</i> ‘река-ABL’	краткий/долгий гласный + несонорный / сонор- ный носовой афф. <i>бала-даң ~ бала-наң</i> <i>суу-даң ~ суу-наң</i>	краткий/долгий гласный + сонорный носовой афф. <i>бала-наң</i>
GEN		
сильная	слабая / отсутствует	слабая / отсутствует
краткий гласный + несонорный / сонорный носовой афф. <i>кижичи-диң ~ кижичи-ниң</i> ‘человек- GEN’ <i>јети-диң ~ јети-ниң</i> ‘семь-GEN’ долгий гласный + несонорный афф. <i>туу-дың</i> ‘гора-GEN’ <i>суу-дың</i> ‘река-GEN’	гласный + сонорный носвой афф. <i>кижичи-ниң</i> <i>јети-ниң</i>	гласный + сонорный носо- вой афф. <i>кижичи-ниң</i> <i>чети-ниң / јети-ниң</i>
в посессивном склонении 3 л. ед. ч. для ACC, ABL и GEN – краткий гласный + сонорный носовой аффикса		

Условные обозначения: (1) – 1 л.; (2) – 2 л. (3) – 3 л.; (SG) – singular, единственное число; (PL) – plural, множественное число; (POSS) – possessive, посессив; (ACC) – accusative, винительный падеж; (GEN) – genitive, родительный падеж; (ABL) – ablative, исходный падеж; (CVB) – converb, деепричастие; (FUT) – future, будущее время; (PST) – past, прошедшее время; (COLL) – collective, собирательный маркер; (PROP) – proprietive, проприетив; (.) – кумуляция показателей; (*) – праформа; (C) – consonant, согласный; (V) – vowel, гласный; (X) – морфонологический инвариант для широких, узких и огубленных гласных.

Названия языков и диалектов

тел. – телеутский; алт. – алтайский; лит. – литературный; шор. – шорский; куманд. – кумандинский; чалк. – чалканский; сиб.-тат. – сибирско-татарский; тув. – тувинский; хак. – хакасский; ниж.-чул. – нижнечулымский диалект; ср.-чул. – среднечулымский диалект; мр.-шор. – мрасско-шорский диалект; конд.-шор. – кондомско-шорский диалект; др.-тюрк. – древнетюркский.

Литература

1. Насилов Д.М. Телеутов язык // Языки народов России: Красная книга. М. : Academia, 2002. С. 177–180.
2. Фисакова Г.Г. Некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности говора бачатских телеутов // Вопросы тюркской филологии. Кемерово, 1973. С. 68–75.
3. Токмашев Д.М. Заметки по лексике бачатско-телеутского языка // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири. Новокузнецк, 2008. С. 147–152.
4. Мудрак О.А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М., 2009. 187 с.
5. Чистяков Э.Ф. О западносибирском ареале тюркских языков // Морфология тюркских языков Сибири. Новосибирск, 1985. С. 106–118.
6. Дульзон А.П. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М., 1970. 307 с.
7. Schöning K. South Siberian Turkic // Lars Johanson and Éva Á. Csató (Eds.). The Turkic Languages. New York : Routledge, 2006. Chap. 25. P. 403–416.
8. Селютина И.Я. Фонологические системы языков народов Сибири : учеб. пособие. Новосибирск, 2004. 100 с.
9. Селютина И.Я. Фарингализация в тюркских языках Южной Сибири как отражение языковых контактов // Российская тюркология. 2009. № 1. С. 22–33.
10. Рассадин В.И. Проблемы общности в тюркских языках саяно-алтайского региона // Тюркологический сборник 1977. М. : Наука, ГРВЛ, 1981. С. 219–231.
11. Чистяков Э.Ф. К истории языков Саяно-Алтая и прилегающих к нему районов. Новосибирск, 2006. 100 с.
12. Róna-Tas A. An Introduction to Turkology. Studia Uralo-Altaica 33. Szeged, 1991. 170 p.
13. Schöning K. A new attempt to classify the Turkic languages (1) // Turkic languages. 1997. P. 125–133.
14. Убрятова Е.И. Вопросы диалектологии тюркских языков // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Т. 3. С. 78–88.
15. Широбокова Н.Н. О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 242–250.
16. Дыбо А.В. Генеалогическое древо диалектов: древообразующие процессы vs базисная лексика (на материале тюркских диалектов z-группы) // Всероссийский круглый стол «Диалектология и лингвистическая география», РГТУ, 24–25 апреля 2020 г. URL: <https://youtu.be/e4Q3YIXUNFw>
17. Benzing J. Classification of the Turkic Languages // Philologiae Turcicae Fundamenta: Tomus primus. Vol. 1 / ed. by Jean Deny, Kaare Grønbech & Helmuth Scheel. Wiesbaden : Steiner, 1959. P. 1–5.
18. Menges K. Classification of the Turkic Languages // Philologiae Turcicae Fundamenta: Tomus primus, Vol. 1 / ed. by Jean Deny, Kaare Grønbech & Helmuth Scheel. Wiesbaden : Steiner, 1959. P. 5–8.
19. Функ Д.А. Телеуты // Тюркские народы Сибири. М., 2006. 678 с.

20. Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958. 114 с.
21. Pritsak O. Das Altaitürkische // *Philologiae Turcicae Fundamenta*: Tomus primus. Vol. 1 / ed. by Jean Deny, Kaare Grønbech & Helmuth Scheel. Wiesbaden : Steiner, 1959. P. 568–598.
22. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала. Томск, 2010. Т. 1. С. 315–336.
23. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 3: Труды кафедры языков народов Сибири. Томск, 2013. С. 346–372.
24. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Томск, 2015. Т. 4. С. 292–322.
25. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Томск, 2017. Т. 5. С. 210–248.
26. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Томск, 2020. Т. 6. С. 277–373.
27. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Томск, 2020. Т. 7. С. 129–172.
28. Меркурьев К.В. Бачатско-телеутский консонантизм : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975. 20 с.
29. Гаврилин Н.В. Система гласных фонем в языке бачатских телеутов (по экспериментальным данным) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987. 18 с.
30. Добринина А.А. Краткие гласные телеутского языка по F1 и F2 (экспериментально-фонетическое наблюдение) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (38). С. 58–65.
31. Селютина И.Я. Артикуляторные характеристики шумных переднеязычных согласных в языке телеутов (по данным МРТ) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 197–209.
32. Телеутско-русский словарь / сост. Л.Т. Рюмина-Сыркашева, Н.А. Кучигашева. Кемерово, 1995. 118 с.
33. Ойротско-русский словарь / сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тоцакова. М., 1947. 312 с.
34. Алтайско-русский словарь / отв. ред. А.Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
35. Тематический словарь северных диалектов алтайского языка / отв. ред. Н.А. Дьайым. Горно-Алтайск, 2004. 148 с.
36. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / сост. В.И. Вербицкий. 2-е изд. Горно-Алтайск, 2005. 496 с.
37. Фисакова Г.Г. Фонетические закономерности бачатско-телеутского вокализма // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1979. С. 94–97.
38. Гаврилин Н.В. Реестр гласных фонем в языке бачатских телеутов // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 67–73.
39. Dybo A. On the reflexes of proto-turkic vowel length in the Turkic languages // *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*. 2015. Vol. 132, is. 3: EuroLinguistics. P. 121–134.
40. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский языко-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э.Р. Тенишева, А.В. Дыбо. М., 2006. 912 с.
41. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М., 2002. 767 с.
42. Федина Н.Н., Широбокова Н.Н. Вокализм чалканского языка // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 244–258.
43. Фисакова Г.Г. Согласные фонемы бачатско-телеутского языка // Языки народов Сибири. Кемерово, 1978. С. 160–169.

44. *Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на букву «Б»* / сост. Э.В. Севортян. М., 1978. 349 с.
45. *Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д»* / сост. Э.В. Севортян. М. : Наука, 1980. 395 с.
46. *Грамматика современного алтайского языка: Морфология* / отв. ред. И.А. Невская. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
47. Баскаков Н.А., Селютин И.Я. Диалекты алтайского языка // Диалекты тюркских языков: очерки. М., 2010. С. 83–109.

Teleut in the System of Altai Dialects – Phonetics and Morphophonology (Based on Das Altaitürkische by Omeljan Pritsak)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 158–187. DOI: 10.17223/19986645/74/10

Denis M. Tokmashev, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kogutei@yandex.ru

Keywords: phonetics, morphophonology, dialectology, linguistic area, Turkic languages of Siberia, Altai language, Teleut language.

The study is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 14.Y26.31.0014.

This article examines the phonetic and morphophonological features of the language of the Bachat Teleuts, a minoritised Turkic language of Siberia. The language is genetically related to the southern dialects of the Altai language (Turkic), but has evolved in isolation from them. The article aims to identify which features of the phonetics and morphophonology of the Teleut language are similar to and different from other Altai dialects, and to determine the place of Teleut in the system of Altai dialects. The structure of the research is guided by O. Pritsak's encyclopedic work *Das Altaitürkische (Philologiae Turcicae Fundamenta)*. Research material is taken from dictionaries and grammars of southern and northern Altai dialects, as well as from the corpus of Teleut texts in SIL FieldWorks Language Explorer format (about 30,000 tokens). Descriptive, comparative-historical, and areal methods are used in the work; *Praat* (speech analysis software) was used to verify some phonetic features of the Teleut language. The introduction describes the Siberian-Turkic dialect continuum and provides various characteristics of the concept of Siberian Turkic languages with a general conclusion about the heterogeneity of both the Siberian-Turkic area and the dialect system of the Altai language itself. The main part of the article compares the data given by O. Pritsak for Teleut and other Altai dialects (southern (Altai-Kizhi and Telengit) and northern (Chalkan, Kumandy, and Tuba)) and modern corpus and lexicographic data on the Teleut language. In the domain of vocalism, the Teleut language differs from the Altai language, perhaps, by a less consistent labial harmony – after all types of labials in the first syllable, the vowel of the second syllable may not be labialized, which brings it closer to the Northern Altai dialects with which Teleut has been in close contact since the 16th century, primarily with Kumandy and Shor. As far as consonantism is concerned, Teleut is distinguished by voiceless [p] and voiceless palatalized [t] at the absolute beginning of the word, which correspond to semi-voiced [b] and semi-voiced palatalized [d] in Altai. Teleut is characterized by palatalization [ɟ] in the position after [j], as well as devoicing of the intervocalic [ʃ]~[s], which also brings it closer to the Kumandy language. The loss of [r] in the infinitive marker also brings the Teleut language closer to the Kumandy language. The distribution of morphonological variants of the case affixes of the genitive, accusative, and ablative in Teleut generally corresponds to the system of the Altai literary language; however, an important feature is also noted – the predominance of *d*-variants of the genitive and the accusative after a short vowel stem, which finds a parallel in the Telengit dialect. This testifies to the ethnogenetic relatedness of Teleut and Telengit; on

the contrary, the similarities in the phonetics of Teleut and Kumandy are presumably a later phenomenon due to linguistic convergence.

References

1. Nasilov, D.M. (2002) Teleutov yazyk [The Teleut language]. In: *Yazyki narodov Rossii: Krasnaya kniga* [Languages of the peoples of Russia: The Red Book]. Moscow: Academia. pp. 177–180.
2. Fisakova, G.G. (1973) Nekotorye foneticheskie, grammaticheskie i leksicheskie osobennosti govora bachatskikh teleutov [Some phonetic, grammatical, and lexical features of the dialect of the Bachat Teleuts]. In: *Voprosy tyurkskoy filologii* [Issues of Turkic Philology]. Kemerovo: [s.n.]. pp. 68–75.
3. Tokmashev, D.M. (2008) [Notes on the vocabulary of the Bachat-Teleut language]. *Istoriko-kul'turnoe vzaimodeystvie narodov Sibiri* [Historical and cultural interaction of the peoples of Siberia]. Conference Proceedings. Novokuznetsk: Izd-vo KuzGPA. pp. 147–152. (In Russian).
4. Mudrak, O.A. (2009) *Klassifikatsiya tyurkskikh yazykov i dialektov s pomoshch'yu metodov glottokhronologii na osnove voprosov po morfologii i istoricheskoy fonetike* [Classification of Turkic languages and dialects using the methods of glottochronology based on questions on morphology and historical phonetics]. Moscow: RSUH.
5. Chispiyakov, E.F. (1985) O zapadnosibirskom areale tyurkskikh yazykov [On the Western Siberian area of the Turkic languages]. In: *Morfologiya tyurkskikh yazykov Sibiri* [Morphology of the Turkic languages of Siberia]. Novosibirsk: SB USSR AS. pp. 106–118.
6. Dul'zon, A.P. (1970) Etnolingvisticheskaya differentsiatsiya tyurkov Sibiri [Ethnolinguistic differentiation of the Turks of Siberia]. In: *Struktura i istoriya tyurkskikh yazykov* [Structure and history of Turkic languages]. Moscow: Nauka.
7. Schöning, K. (2006) South Siberian Turkic. In: Johanson, L. & Éva Á. Csató (eds) *The Turkic Languages*. New York: Routledge. pp. 403–416.
8. Selyutina, I.Ya. (2004) *Fonologicheskie sistemy yazykov narodov Sibiri: ucheb. posobie* [Phonological systems of the languages of the peoples of Siberia: textbook]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
9. Selyutina, I.Ya. (2009) Faringalizatsiya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri kak otrazhenie yazykovykh kontaktov [Pharyngealization in the Turkic languages of Southern Siberia as a reflection of language contacts]. *Rossiyskaya tyurkologiya*. 1. pp. 22–33.
10. Rassadin, V.I. (1981) Problemy obshchnosti v tyurkskikh yazykakh Sayano-Altayskogo regiona [Problems of community in the Turkic languages of the Sayan-Altai region]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik 1977* [Turkological collection 1977]. Moscow: GRVL. pp. 219–231.
11. Chispiyakov, E.F. (2006) *K istorii yazykov Sayano-Altaya i prilegayushchikh k nemu rayonov* [On the history of the languages of the Sayan-Altai and adjacent regions]. Novosibirsk: [s.n.].
12. Róna-Tas, A. (1991) *An Introduction to Turkology*. Studia Uralo-Altaica. 33.
13. Schöning, K. (1997) A new attempt to classify the Turkic languages (1). *Turkic languages*. 1. pp. 125–133.
14. Ubryatova, E.I. (1963) Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov [Issues of Dialectology of Turkic Languages]. In: *Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov* [Issues of Dialectology of Turkic Languages]. Vol. 3. Baku: AzSSR AS. pp. 78–88.
15. Shirobokova, N.N. (2015) O smene klassifikatsionnogo tipa (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri) [On the change of classification type (based on the Turkic languages of Siberia)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 242–250.
16. Dybo, A.V. (2020) Genealogicheskoe drevo dialektov: drevoobrazuyushchie protsessy vs bazisnaya leksika (na materiale tyurkskikh dialektov z-gruppy) [Genealogical tree of dialects: tree-forming processes vs basic vocabulary (based on the Turkic dialects of the z-

group)]. *Dialektologiya i lingvisticheskaya geografiya* [Dialectology and linguistic geography]. [Video]. 24–25 April 2020. RSUH. [Online] Available from: <https://youtu.be/e4Q3YIXUNFw>

17. Benzing, J. (1959) Classification of the Turkic Languages. In: Deny, J. et al. (eds) *Philologiae Turcicae Fundamenta: Tomus primus*. Vol. 1. Wiesbaden: Steiner. pp. 1–5.

18. Menges, K. (1959) Classification of the Turkic Languages. In: Deny, J. et al. (eds) *Philologiae Turcicae Fundamenta: Tomus primus*. Vol. 1. Wiesbaden: Steiner. pp. 5–8.

19. Funk, D.A. (2006) Teleuty [The Teleuts]. In: Funk, D.A. & Tomilov, N.A. (eds) *Tyurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka.

20. Baskakov, N.A. (1958) *Altayskiy yazyk* [The Altai language]. Moscow: USSR AS.

21. Pritsak, O. (1959) Das Altaitürkische. In: Deny, J. et al. (eds) *Philologiae Turcicae Fundamenta: Tomus primus*. Vol. 1. Wiesbaden: Steiner. pp. 568–598.

22. Tokmashev, D.M. (2010) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 1. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 315–336.

23. Tokmashev, D.M. (2013) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 3. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 346–372.

24. Tokmashev, D.M. (2015) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 4. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 292–322.

25. Tokmashev, D.M. (2017) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 5. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 210–248.

26. Tokmashev, D.M. (2020) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 6. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 277–373.

27. Tokmashev, D.M. (2020) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 7. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 129–172.

28. Merkur'ev, K.V. (1975) *Bachatsko-teleutskiy konsonantizm* [Bachat-Teleut consonantism]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.

29. Gavrilin, N.V. (1987) *Sistema glasnykh fonem v yazyke bachatskikh teleutov (po eksperimental'nykh dannym)* [The system of vowel phonemes in the language of the Bachat Teleuts (according to experimental data)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Alma-Ata.

30. Dobrinina, A.A. (2019) Kratkie glasnye teleutskogo yazyka po F1 i F2 (eksperimental'no-foneticheskoe nablyudenie) [Short vowels of the Teleut language according to F1 and F2 (experimental phonetic observation)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. 2 (38). pp. 58–65.

31. Selyutina, I.Ya. (2019) Articulatory Characteristics of Noisy Frontlingual Consonants of the Teleut Language (According to MRI Data). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 197–209. (In Russian). DOI:10.17223/18137083/69/17

32. Ryumina-Syrkasheva, L.T. & Kuchigasheva, N.A. (1995) *Teleutsko-russkiy slovar'* [Teleut-Russian dictionary]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo.

33. Baskakov, N.A. & Toshchakova, T.M. (1947) *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oyrot-Russian dictionary]. Moscow: OGIZ.

34. Chumakaev, A.E. (ed.) (2018) *Altaysko-russkiy slovar'* [Altai-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk: BNU RA "NII altaistiki im. S. S. Surazakova".
35. D'ayym, N.A. (ed.) (2004) *Tematicheskiy slovar' severnykh dialektov altayskogo yazyka* [Thematic dictionary of the northern dialects of the Altai language]. Gorno-Altaysk: IP Vysotskaya G.G.
36. Verbitskiy, V.I. (2005) *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. 2nd ed. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.
37. Fisakova, G.G. (1979) Foneticheskie zakonomernosti bachatsko-teleutskogo vokalizma [Phonetic patterns of Bachat-Teleut vocalism]. In: *Fonetika yazykov Sibiri* [Phonetics of the languages of Siberia]. Novosibirsk. pp. 94–97.
38. Gavrilin, N.V. (1984) Reestr glasnykh fonem v yazyke bachatskikh teleutov [The register of vowel phonemes in the language of the Bachat Teleuts]. In: *Fonetika yazykov Sibiri* [Phonetics of the languages of Siberia]. Novosibirsk. pp. 67–73.
39. Dybo, A. (2015) On the reflexes of proto-turkic vowel length in the Turkic languages. *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*. 132 (3). pp. 121–134.
40. Tenishev, E.R. & Dybo, A.V. (eds) (2006) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. The proto-Turkic language as the basis. The picture of the world of the proto-Turkic ethnos according to the language]. Moscow: Nauka.
41. Tenishev, E.R. (ed.) (2002) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions]. Moscow: Nauka.
42. Fedina, N.N. & Shirobokova, N.N. (2019) Vocalism of the Chalkan Language. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 244–258. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/68/22
43. Fisakova, G.G. (1978) Soglasnye fonemy bachatsko-teleutskogo yazyka [Consonant phonemes of the Bachat-Teleut language]. In: *Yazyki narodov Sibiri* [Languages of the peoples of Siberia]. Kemerovo: [s.n.]. pp. 160–169.
44. Sevortyan, E.V. (1978) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems on Letter "B"]. Moscow: Nauka.
45. Sevortyan, E.V. (1980) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "V", "G" i "D"* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems on Letters "V", "G" and "D"]. Moscow: Nauka.
46. Nevskaya, I.A. (ed.) (2017) *Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya* [Grammar of the modern Altai language. Morphology]. Gorno-Altaysk: [s.n.].
47. Baskakov, N.A. & Selyutina, I.Ya. (2010) *Dialekty altayskogo yazyka* [Dialects of the Altai language]. In: *Dialekty tyurkskikh yazykov* [Dialects of the Turkic languages. Essays]. Ocherki. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 83–109.

УДК 811.112.2

DOI: 10.17223/19986645/74/11

Т.И. Уткина, Е.В. Костарева

ОСОБЕННОСТИ МЕТАДИСКУРСИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ

Исследуется академический дискурс с позиции правильности / неправильности, применяемой к грамматическим и лексическим ошибкам в метадискурсивной организации письменных текстов. Выявлены схожие и отличительные типы нарушений в использовании дискурсивных маркеров и зависимость выбора содержательной структуры текста от регулирования правильности использования метадискурса. Работа продолжает исследование функционирования дискурсивных маркеров в академическом письме на английском языке студентов-экономистов с разным уровнем иноязычной профессиональной компетенции.

Ключевые слова: метадискурс, дискурсивные маркеры, академическое письмо, эссе, профессиональная компетенция, анализ ошибок, предметная область – экономика

Введение

Увеличение образовательных информационных потоков в последние несколько лет делает все более актуальной проблему получения, переработки и передачи профессионального знания. При этом глобализация современного образования ставит вопрос о достижении эффективной коммуникации на иностранном языке в профессиональной образовательной среде. Эффективная академическая письменная коммуникация в значительной степени определяется тем, как она организована с точки зрения метадискурса, под которым понимаются разнообразные грамматические, композиционно-структурные, лексические, образные и графические средства, создающие композиционную структуру письменных текстов и обеспечивающие перенос и интерпретацию специального знания, помогая читающему четко воспринимать и оценивать данную в тексте информацию [1–3]. Метадискурс представлял интерес для различных лингвистических и педагогических исследований [2–8]. В центре внимания к изучению метадискурса оказывалась его роль в помощи автору выразить свою точку зрения и вовлечь читателя в сферу академического общения. В рамках изучения английского как иностранного метадискурс признается ключевым фактором в развитии прагматической компетенции, которая определяется как «умение упорядочивать предложения в единый связный текст» [9. С. 122] и эффективным инструментом для исследования учебно-методических материалов по изучению английского для специальных и академических целей. Несмотря на важность метадискурса для академического письма, неисследованными остаются различия в распределении и точности использования

средств метадискурса в письменных текстах на английском языке русскоязычных студентов в процессе профессионально-ориентированного обучения английскому языку (например, в письме студентов-экономистов).

В данной работе исследуется академический дискурс с позиции правильности / неправильности, применяемой к грамматическим и лексическим ошибкам в метадискурсивной организации письменных текстов. Исследование опирается на данные корпуса письменных текстов на английском языке, выполненных русскоязычными студентами-экономистами. Работа является продолжением исследования функционирования дискурсивных маркеров в академическом письме на английском языке [10]. В исследовании представлены результаты использования студентами метадискурса на различных уровнях владения профессиональной компетенцией на иностранном языке. Оно может быть полезно для развития навыков владения метадискурсом при создании письменных текстов в процессе профессионально-ориентированного обучения английскому языку, разработки и усовершенствования учебно-методических материалов по обучению английскому языку для специальных и академических целей.

Роль письменной коммуникации на иностранном языке в современном университетском образовании

В современном высшем образовании с точки зрения преподавания и изучения остаются актуальными все виды письменной коммуникации, от создания текста научной статьи до жанра академического эссе. Эта ситуация объясняется социальными изменениями в мире в целом и в России в частности, которые привели к изменению образовательных программ, появлению различных моделей их внедрения и разнообразных образовательных практик [11, 12]. В российских университетах приоритетной миссией обозначается их лидерство в национальном пространстве и на мировом уровне, тесно связанное с продвижением университетской науки на мировой уровень [13]. В целях осуществления данных миссий российские университеты поддерживают тенденции интернационализации, академической мобильности и повышения статуса иностранного языка в обучении. В такой ситуации особую важность приобретает развитие у студентов профессионализма в академическом языке в своей специальности [14]. Знания такого рода подразумевают академическую грамотность и высокий уровень овладения иностранным языком студентами и в конечном итоге возможность представить международному академическому сообществу работы на иностранном языке на языке специальности [1, 15, 16].

Неослабевающий интерес к обучающим программам по иностранному языку для специальных и академических целей объясняется тем, что в университетах академическое письмо в основе своей характеризуется природой специфических дисциплин, и это делает необходимым обучение общим навыкам академического письма и особенностям, характерным для отдельно взятых дисциплин. Особую актуальность в образовательной и

исследовательской практике приобретает изучение процессов создания авторами не носителями иностранного языка научного текста на иностранном языке. Исследование природы письменной речи можно проследить в ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов. На дискурсивную природу академического письма указывает Е.А. Смирнова [17]. Поддерживая подход к обучению письму Lea и Street [18], Е.А. Смирнова [17] подчеркивает, что письменный текст порождается в конкретном контексте и что его создание связано с тем, как участники письменной коммуникации используют ресурсы языка в конкретном социальном контексте, а также какими неязыковыми ресурсами для реализации письменной коммуникации на иностранном языке они располагают. Эти положения определяют подход к обучению иноязычной письменной речи в академическом контексте, в котором особый акцент делается на выявление и обеспечение основными ресурсами для осуществления практики создания текста на иностранном языке, включая владение академическим иностранным языком, степень вовлеченности посредников грамотности, таких как учителя и научные руководители, жанр академических текстов, ценностные установки и интересы участников. Однако по ряду причин существующие в обучении письму на иностранном языке подходы не отвечают требованиям, которые предъявляются современному студенту с точки зрения создания грамотности текста на языке специальности. Во-первых, некоторые исследователи и практики преподавания английского языка для специальных и академических целей отмечают, что часто имеет место ситуация, когда студентов, не владеющих академическим стилем на русском, пытаются учить писать академические тексты на английском [19]. Во-вторых, обучающие программы нацелены на реализацию концепции академической грамотности, в соответствии с которой изучающим иностранный язык предлагается интегративное овладение академическими умениями, включая академическое чтение, академическую лексику, академическую устную речь и академическое письмо. При этом академическому письму в системе других академических навыков уделяется недостаточное внимание, а практики обучения, направленные на системное и последовательное развитие умений метадискурсивной организации иноязычной письменной речи, практически отсутствуют. Следовательно, для успешного обучения письму на иностранном языке необходимо развитие практики письменной коммуникации, особенно прагматической компетенции в письменной коммуникации, которая, в свою очередь, будет способствовать освоению и эффективному использованию метадискурса как на родном языке, так и на иностранном [1, 15].

Важность развития навыков письма у студентов возросла, когда студент стал вынужден участвовать в международном академическом общении в разных форматах, а именно: «Специалист – специалист; специалист – начинающий исследователь; специалист – непрофессиональная аудитория; специалист – средства массовой информации» [20. Р. 5]. Также стала возможна письменная коммуникация между профессионалами и другими

профессионалами с одинаковым или разным уровнем профессиональной подготовки: между профессионалами и полупрофессионалами, т.е. теми, кто еще учится; между профессионалами и непрофессионалами, т.е. людьми, не имеющими отношения к данной специальности [21]. Broome и Jucks [22] полагают, что различный уровень профессиональной компетенции собеседников может повлечь за собой рост проблем в их коммуникации. Поэтому и эксперты, и не эксперты при взаимодействии должны делать все возможное для улучшения взаимопонимания. Кроме того, эксперты и начинающие исследователи могут иметь различный уровень компетенции внутритекстовой и межтекстовой письменной коммуникации и, таким образом, с разной степенью точности использовать характерные для определенного дискурса языковые конструкции [23]. Еще одной проблемой в письме для авторов не носителей языка является ограниченный функциональный набор языковых средств, в результате чего некоторые дискурсивные маркеры могут использоваться избыточно или неверно [24]. Именно поэтому особое внимание в перспективе обучения иностранному языку для специальных и академических целей уделяется пониманию того, насколько может влиять профессиональная компетенция изучающих английский как иностранный на использование ими метадискурса, а также пониманию, как организовать эффективное обучение метадискурсу, чтобы в итоге письменный текст обучающихся соответствовал нормам, принятым в международном академическом сообществе.

Исследования по метадискурсу в академическом письме

Академические исследования метадискурса проводились с точки зрения различных подходов: межкультурного, междисциплинарного, дискурсивного анализа профессионального континуума [5, 25]. Использование метадискурса не раз оказывалось в центре внимания исследований по письменной коммуникации в академической среде на иностранном языке [26–36]. Некоторые авторы расширили эмпирический материал до уровня студенческих курсовых работ и сочинений. Например, Но и Li [37] проанализировали модель использования метадискурса в аргументативных эссе (сочинениях-рассуждениях) первокурсников в университетах и пришли к выводу, что в эссе, получивших более низкие оценки, используется меньшее количество метадискурсивных маркеров, чем в тех, которые были оценены выше. Также авторы слабых эссе испытывали значительные сложности в выстраивании убедительной аргументации в их академическом письме на английском языке. Эти выводы полностью совпадают с мнением Intraprawat и Steffensen [6], которые выявили широкое разнообразие метадискурсивных маркеров в аргументативных эссе на английском у студентов, получивших высокий балл. Оба исследования подтверждают, что хорошо подготовленные студенты четко организуют структуру всего письменного текста, что делает его более понятным для читающего. Но в целом студенческое письмо как объект изучения метадискурсивной организации

письменной коммуникации остается очень ограниченной областью исследований.

Концепция метадискурса часто ассоциируется с такими терминами как метатекст, слова-сигналы (*signaling devices*), средства связи в тексте, дискурсивные маркеры, дискурсивные элементы, метадискурсивные элементы, дискурсивные слова [3, 38–41]. Под этими терминами подразумеваются все виды текстовых ресурсов, которые используются, чтобы показать отношения последовательности и логической связности в тексте, чтобы читатель мог прочитать, систематизировать, понять и проинтерпретировать информацию или содержание текста. Лингвистические формы метадискурса имеют принципиально важное значение для «достижения взаимопонимания между пишущим и читающим в рамках исследовательского дискурса определённой дисциплины с точки зрения терминологии, жанра и исследовательской практики» (перевод наш. – Т.У., Е.К.) [34. Р. 150]. Исследователи пришли к пониманию того, что метадискурс обеспечивает перенос и интерпретацию технического знания «посредством создания лингвистической инфраструктуры для осуществления максимально эффективной коммуникации» (перевод наш. – Т.У., Е.К.) [2. Р. 1350]. Вслед за Crismore, Markkanen и Steffensen [1] мы понимаем метадискурс как зонтичный термин, который «отсылает к лингвистическому материалу текстов, устных или письменных, ничего не добавляя к предлагаемому содержанию, но помогая слушающему или читающему структурировать, интерпретировать и оценивать данную в тексте информацию» (перевод наш. – Т.У., Е.К.) [1. Р. 40].

В настоящее время имеется большое количество исследований в области метадискурса, которые дают многоаспектную информацию об отдельных дискурсивных словах, а также группах дискурсивных слов, которая необходима для их правильного понимания и использования в письменной академической коммуникации. В большинстве своем они сосредоточиваются на изучении дискурсивных слов, опираясь на формальные критерии, которые позволяют раскрыть признаки их отнесенности к лексико-грамматическим категориям языковых единиц, например безличные придаточные предложения [32], обстоятельственные придаточные предложения [30], рамочные структуры и их лингвистические особенности в межкультурной коммуникации [7], внутритекстовые ссылки [31], причинно-следственные связи в метатексте [27]. Многими учеными в области академического письма предлагается прагма-семантический анализ дискурсивных слов [1, 4, 42]. Основными трудностями описания и изучения метадискурса как целостной структуры остаются «варьирование содержания дискурсивного употребления слов» и «своеобразное достраивание смысла и его конкретизация за счет заполнения содержания контекстными дискурсивными смыслами» [8. С. 15], что может приводить к неправильной интерпретации значения, грамматической и синтаксической структуры высказывания [43]. Внесенный в данных работах вклад в разработку таксономии метадискурса на основании различных критериев может представ-

лять интерес для продолжения академических исследований, но общие выводы не способствуют повышению качества обучения академическому письму, поскольку оно не сводится только к выделению метадискурсивных элементов, которые, несомненно, могут выражать уникальный авторский стиль, но не универсальный академический. Чтобы уйти от этих ограничений, как в предыдущем исследовании, так и в данном, мы используем классификацию дискурсивных маркеров О.Н. Губаревой, представляющей собой типологию дискурсивных слов, которые служат «для переключения внимания получателя на наиболее существенные с точки зрения автора фрагменты текста и позволяют соотносить различные смысловые блоки текста между собой» [3. С. 13–14].

- 1 ДМ, указывающие на порядок следования информации;
- 2 ДМ, указывающие на порядок расположения материала на странице или в тексте;
- 3 ДМ, указывающие на введение новой или дополнительной информации;
- 4 ДМ, указывающие на повтор информации;
- 5 ДМ, указывающие на выделение и важность информации;
- 6 ДМ, указывающие на противопоставление или отход от основной линии изложения;
- 7 ДМ, указывающие на введение примеров;
- 8 ДМ, указывающие на вывод или заключение;
- 9 ДМ, указывающие на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации;
- 10 ДМ, указывающие на аффективную оценку информации;
- 11 ДМ, указывающие на источник информации;
- 12 ДМ, указывающие на апелляцию к фоновым знаниям или отсылку к изложенному ранее материалу;
- 13 ДМ, указывающие на манеру изложения.

Данная классификация была расширена нами с точки зрения наполняемости каждой группы дискурсивных маркеров [10. С. 105–107]. Она позволяет объединить качественный и количественный подходы к организации метадискурсивной структуры эссе и дает возможность разработать организационную структуру текста вне зависимости от содержательного наполнения, получая, таким образом, универсальную модель метадискурса в академических текстах. В проведенном нами ранее исследовании было выявлено, что функционирование дискурсивных маркеров зависит от уровня иноязычной профессиональной компетенции субъектов академического дискурса в специальной сфере (в экономике). В зависимости от уровня иноязычной профессиональной компетенции в сфере экономики, т.е. уровня освоения экономического знания в процессе овладения иностранным языком для специальных целей и степени способности адресанта к эффективному применению стратегий передачи экономического знания, авторов не носителей английского языка можно разделить на две группы. Первая – авторы, которые имеют специальное знание на английском языке

и способны к эффективной передаче научного знания, они могут быть отнесены к субъектам профессионального типа академического дискурса (ПАД). Вторая – авторы, которые не имеют специального (экономического) знания на английском языке, но часто вовлечены в ситуации обсуждения и решения экономических проблем на иностранном языке, они могут быть отнесены к субъектам непрофессионального типа академического дискурса (НПАД) [10].

Количественный и качественный анализ функционирования дискурсивных маркеров в профессиональном и непрофессиональном типах академического дискурса показал преобладание в письменных работах на английском языке студентов экономической специальности группы дискурсивных маркеров, указывающих на введение новой или дополнительной информации (3 ДМ). В профессиональном академическом дискурсе их частотность превосходит аналогичную в непрофессиональном академическом дискурсе. Следующими по частотности стали дискурсивные маркеры, указывающие на противопоставление или отход от основной линии изложения (6 ДМ), и дискурсивные маркеры, указывающие на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации (9 ДМ), в обоих типах дискурса [10. С. 107–110]. Результаты анализа частотности дискурсивных маркеров систематизированы в табл. 1, она же служит основой для дальнейшего анализа, представленного в данной статье.

Таблица 1

**Частотность использования дискурсивных маркеров в НПАД и ПАД
в письме студентов-экономистов**

Группа ДМ	НПАД		ПАД	
	Number	%	Number	%
1ДМ	169	12	113	10
2ДМ	17	1	8	1
3ДМ	325	23	314	27
4ДМ	29	2	36	3
5ДМ	127	9	96	8
6ДМ	229	16	168	14
7ДМ	61	4	74	6
8ДМ	72	5	73	6
9ДМ	229	16	173	15
10ДМ	11	1	4	0,3
11ДМ	111	8	89	7,7
12ДМ	24	1	15	1
13ДМ	28	2	12	1
Итого	1429	5,99	1175	5,74

Высокая частотность одного и то же маркера и ограниченное использование маркеров разных групп в пределах одного текста стали ярко выраженными особенностями функционирования дискурсивных маркеров в непрофессиональном академическом дискурсе. В качестве перспективного исследования, имеющего большую практическую ценность для лингводи-

дактики, в предыдущей работе были указаны анализ типов ошибок внутри каждой группы маркеров и изучение их влияния на понимание текста адресатом в разных типах академического дискурса.

В данной работе мы ставим цель изучить особенности создания авторами не носителями английского языка академического текста на английском языке и определить типы нарушений метадискурсивной организации письменной коммуникации на английском языке на примере жанра эссе.

Материалы и методология исследования

Основываясь на теоретических положениях, изложенных выше, мы выдвигаем гипотезу, что исследование метадискурсивной организации письменного текста требует учета не только формальных аспектов, лингвистических характеристик и их частотности, но также их правильного понимания и использования авторами не носителями английского языка в письменной академической коммуникации на английском языке.

Мы полагаем, что исследование правильности / неправильности, применяемой к грамматическим и лексическим ошибкам в метадискурсивной организации письменных текстов, может осуществляться посредством анализа ошибок как инструмента оценки точности использования метадискурса. «Ошибки являются неизбежным явлением в речи любого человека, в том числе и носителя языка (на уровне употребления)» [9. С. 151]. Студенты, осваивающие письмо на английском, испытывают сложности как языкового порядка, так и когнитивного рода при освоении своего профессионального дискурса [43], что подтверждает актуальность исследований, целью которых является систематизация допускаемых студентами ошибок при письме на английском языке. Нами проведен анализ, в основание которого положена классификация ошибок, разработанная Чуанг и Неси [44]. В данную классификацию входят пять категорий ошибок: пропуск информации, избыточная информация, неверное словообразование, неверный выбор, неверный порядок слов. Под пропуском информации мы понимаем отсутствие слова или группы слов, которые должны присутствовать в грамматически правильно оформленном предложении. Соответственно, избыточная информация – дублирующие слова, которых не должно быть в грамматически правильно оформленном предложении. Неверное словообразование означает наличие в тексте неправильной морфемы, а неверный выбор – ошибочное употребление лексической единицы, в результате которого адресант приходит к бездоказательному выводу (неверное грамматическое время / структура). И наконец, под неверным порядком слов мы подразумеваем появление слова в предложении в месте, не соответствующем грамматическим нормам английского языка [44]. Именно в соответствии с этой классификацией мы проанализировали уровень грамотности студентов по использованию метадискурса в процессе создания текста эссе на английском языке.

Для анализа были отобраны 139 текстов эссе по экономике на английском языке, написанные студентами второго (77 эссе) и третьего курсов (62 эссе) образовательной программы «Экономика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Пермь (НИУ ВШЭ – Пермь). Студенты второго курса в рамках программы изучения английского языка изучали дисциплину «Английский для академических целей», студенты третьего курса – «Английский для специальных целей», что по сравнению со вторым курсом давало им преимущество в освоении знаний для осуществления профессиональной коммуникации (сфера экономики) на иностранном языке. В рамках данного исследования и придерживаясь логики предыдущей работы, эссе студентов второго года обучения отнесены к текстам непрофессионального типа академического дискурса (НПАД), и эссе студентов третьего года обучения представляют собой письменные тексты профессионального типа академического дискурса (ПАД). Все представленные 139 эссе – эссе дискурсивного типа (сочинения-рассуждения). Студенты должны были написать текст объемом 250 – 300 слов, демонстрируя «хорошо структурированное объяснение сложных тем, подчеркивая особенно важные, острые вопросы», «точку зрения, подкрепляя ее достаточно развернутыми дополнительными утверждениями, доводами и подходящими примерами», «оценку различным идеям и вариантам решения проблем» [9. С. 64].

Результаты и обсуждение

Результаты, полученные в ходе анализа ошибок с применением классификации Чуанг и Неси [44], представлены в табл. 2–7.

Таблица 2

Анализ ошибок в НПАД и ПАД в письме студентов-экономистов

Уровень	Количество слов	Число употреблений маркеров на общее количество слов	Процентное соотношение употребления маркеров на общее количество слов	Количество маркеров «с ошибками» в общем количестве слов	Процентное соотношение маркеров «с ошибками» и общего количества употребленных маркеров
НПАД	23 825	1 429	5,99	227	15,8
ПАД	20 458	1 175	5,74	202	17,2

Процент дискурсивных маркеров «с ошибками» в общем количестве дискурсивных маркеров, появившихся в эссе ПАД, на 1,4 пункта выше, чем в эссе НПАД (табл. 3). За выявлением этого факта последовал подробный анализ того, сколько ошибок появляется внутри различных групп ДМ в ПАД и НАД (табл. 3–4).

Таблица 3

Процент ошибок в группах ДМ в отношении к общему количеству ошибок во всем исследованном корпусе эссе

Группа ДМ	% в общем количестве ошибок
1ДМ	11,2
2ДМ	1,5
3ДМ	26,5
4ДМ	3,3
5ДМ	5
6ДМ	14,7
7ДМ	5,1
8ДМ	7,9
9ДМ	12,9

Представленная в табл. 3 информация четко показывает, что ставшие, согласно нашему предыдущему исследованию, наиболее употребительными группы ДМ (3ДМ, 6ДМ, 9ДМ) также являются самыми репрезентативными с точки зрения появления в них ошибок. Стоит отметить, что группа 1ДМ (дискурсивные маркеры, указывающие на порядок следования информации) также продемонстрировала наличие достаточно высокого (11,2) процента выявленных ошибок.

Таблица 4

Процент ошибок в наиболее репрезентативных с точки зрения их появления в группах ДМ в НПАД и ПАД в письме студентов-экономистов

Группа ДМ	% в общем количестве ошибок в НПАД	% в общем количестве ошибок в ПАД
1ДМ	64,6	35,4
3ДМ	58,5	41,5
6ДМ	55,6	44,4
8ДМ	29,5	70,5
9ДМ	56,4	43,6
11ДМ	51,5	48,5

Несмотря на в целом незначительное расхождение в проценте ошибок в ПАД и НПАД, количественный и качественный анализ наиболее репрезентативных с точки зрения появления в них ошибок групп ДМ выявляет некоторые особенности в приведенных значениях. В частности, группы ДМ 3, 6 и 9 продемонстрировали разницу в 17, 12 и 12,8 пункта, соответственно, в значениях для НПАД и ПАД. Что касается группы 1ДМ, то разница является более существенной – 29,2 пункта, а группа 8ДМ показала еще более существенное увеличение в 41 пункта в ПАД.

Следующим шагом в исследовании стал анализ ошибок в тех лингвистических категориях, которые наиболее часто встречались в дискурсивных маркерах в НПАД и ПАД (табл. 5).

Таблица 5

**Процент ошибок в наиболее репрезентативных с точки зрения появления
в них ошибок лингвистических категориях**

Лингвистическая категория	% в общем количестве ошибок в НПАД	% в общем количестве ошибок в ПАД
Союзы	8,7	8,4
Артикли	4,6	5
Предлоги	7,1	10,6
Толкование слова	5,6	5
Орфографическая ошибка	10,2	2,2

Неправильное употребление союзов, артиклей, неправильное толкование слов в НПАД и ПАД встречаются примерно в одинаковом процентном соотношении. Ниже приводятся примеры на каждый такой тип ошибок. В каждом примере ошибка подчеркнута и в скобках дается пояснение.

Неправильное употребление союзов в основном касается их избыточного использования. Например:

(1) In this case *and [избыточное употребление “and”] people might want to do other activities for example selling drugs or agricultural products illegally (пример из эссе студента второго курса, НПАД);

(2) All things considered *that [избыточное употребление “that”], I should say that I agree with the first opinion that everybody should be equal, otherwise there will be no incentives for people to get education, work better and increase their income (пример из эссе студента третьего курса, ПАД).

В отношении артиклей основной ошибкой является пропуск определенного артикля. Например:

(3) The next point because all people should pay taxes, is *fact [пропущен артикль “the” – the fact], that taxes goes to support the army (пример из эссе студента второго курса, НПАД);

(4) *Second argument [пропущен артикль “the” - the second] is that such companies should pay the same taxes, as large companies (пример из эссе студента третьего курса, ПАД).

Далее приводятся примеры на неправильное толкование слов. Подчеркнут неверный вариант и в квадратных скобках дается тот вариант, который приемлем с точки зрения грамматики и стилистики английского языка:

(5) The first issue *proclaims [is] that large companies have more power to stay in the market (пример из эссе студента второго курса, НПАД);

(6) *Subsequently [respectively], the more risky the idea, the more profitable the result (пример из эссе студента третьего курса, ПАД).

Расхождение в процентном соотношении ошибок между двумя типами дискурсов наблюдается в употреблении предлогов и в количестве орфографических ошибок. Ошибки в первой лингвистической категории наиболее характерны для ПАД, а второй – для НПАД. Среди ошибок на неверное употребление предлогов наиболее часто встречающаяся – их избыточное употребление:

(7) *Provided that for [лишний предлог “for”] taxes will be constant, first group of people will not mind about taxes, because they are very low to their income, and second group of people will not know how to pay it, because tax is very high to their income (пример из эссе студента второго курса, НПАД);

(8) Of course, I knew it, but nevertheless I decided to be an economist, even *despite on [лишний предлог “on”] that my both relatives had medical education (пример из эссе студента третьего курса, ПАД).

При анализе орфографических ошибок наиболее часто мы сталкивались с пропуском букв в слове, явно по невнимательности автора, поскольку эти пропуски появляются в словах с простой орфографией, либо с очевидным незнанием, как слово пишется, если это слово со сложной орфографией:

(9) *Iso [пропуск буквы “A” по невнимательности в слове “also”] big companies are often more attractive to consumers because they make people trust them (пример из эссе студента второго курса, НПАД);

(10) *Consicuently [незнание орфографии слово “consequently”], their individual performance become more successful, and student will gain more goals in their study of future career (пример из эссе студента третьего курса, ПАД).

Таблицы 6 и 7 отражают процент допущенных ошибок в разных лингвистических категориях в наиболее употребляемых группах ДМ в студенческих эссе в НПАД и ПАД соответственно.

Таблица 6

**Процент ошибок в лингвистических категориях
в наиболее употребляемых группах ДМ в НПАД**

Лингвистические категории	1MDM	3MDM	6MDM	8MDM	9MDM	11MDM
Союзы	—	—	3,2	—	1,8	—
Артикли	8,2	0,8	—	—	—	—
Предлоги	2,8	0,8	—	—	10,9	2,8
Толкование слова	2	—	4,7	—	—	1,3
Орфографическая ошибка	2	7,6	3,2	3	5,4	2,8

Таблица 7

**Процент ошибок в лингвистических категориях в наиболее
употребляемых группах ДМ в ПАД**

Лингвистические категории	1MDM	3MDM	6MDM	8MDM	9MDM	11MDM
Союзы	—	0,8	3,2	5,9	—	—
Артикли	24	—	—	—	—	19,8
Предлоги	2	—	18,9	—	9	2,8
Толкование слова	—	—	—	—	—	2,8
Орфографическая ошибка	2	1,6	3,2	—	3,6	—

Наиболее существенную разницу между двумя типами дискурса мы видим в количестве ошибок в употреблении союзов, артиклей и предлогов. Вероятно, ошибки в употреблении союзов чаще встречаются в ПАД потому, что студенты на этом уровне пытаются писать, используя более сложные синтаксические структуры. В группах ДМ 1 и 11 наиболее часто встречающейся ошибкой в ПАД стали артикли. Отличительной особенностью текстов ПАД по сравнению с НПАД является то, что студенты обращаются к большему количеству источников при подготовке и организуют информационный поток в письме более разнообразно, что ведет к появлению большого количества ошибок, которые они считают незначительными либо просто не замечают. Эти же студенты чаще ошибаются при употреблении предлогов, поскольку в попытке развить идею чаще отклоняются от основной темы. Напротив, при создании текстов НПАД студенты избегают сторонних рассуждений либо начинают неверно толковать значения употребляемых слов. Что касается орфографических ошибок, то они встречаются у студентов-авторов текстов обоих типов академического дискурса, но являются характерной чертой текстов НПАД, поскольку встречаются у них во всех группах наиболее часто употребляемых групп ДМ.

Таким образом, проведенный анализ ошибок согласуется с ранее полученными данными о том, что авторы не носители языка сталкиваются с трудностями в использовании некоторых категорий метадискурсивных элементов вследствие разных норм организации метадискурсивной структуры текстов в культурах родного и изучаемого языка [1]. Выявленная тенденция к тому, что в метадискурсивной организации письменных текстов студентов, владеющих профессиональной компетенцией на английском языке, проявляются нарушения, находит отражение в ряде исследований. В частности, влияние могут оказывать такие факторы, как положительная и отрицательная интерференция [45], обучающие стратегии и не языковая образовательная среда, ограничивающая возможности практики письменной коммуникации на иностранном языке, даже при том, что студенты могут длительное время изучать иностранный язык [46–48]. Результаты данного исследования являются еще одним подтверждением гипотезы о необходимости целенаправленного обучения и изучения метадискурсивной организации текста на иностранном языке для обеспечения положительного переноса знаний и умений письменной коммуникации из родного языка на изучаемый [1]. Обучающие ресурсы по академическому письму должны включать всеобъемлющее описание всех аспектов метадискурса, характерных для конкретного дискурса (например, экономического) и конкретного жанра (например, жанра эссе) [27].

Заключение

Проведенное исследование позволило получить новые данные об особенностях организации академического дискурса, которые свидетельствуют о специфике использования элементов метадискурса в текстах непро-

фессионального и профессионального типа академического дискурса по экономике, в частности о зависимости между частотностью и правильным использованием метадискурса в НПАД и ПАД по экономике. Анализ ошибок позволил выявить схожие и отличительные типы нарушений в использовании дискурсивных маркеров в текстах непрофессионального и профессионального типа академического дискурса по экономике. Мы обнаружили, что группы дискурсивных маркеров ДМ (ЗДМ, 6ДМ, 9ДМ), которые обеспечивали основную организацию содержательной структуры текстов в НПАД и ПАД, содержат наибольшие нарушения относительно правильности / неправильности, применяемой к грамматическим и лексическим ошибкам в метадискурсивной организации письменных текстов, но с тенденцией к снижению доли ошибок в ПАД. Однако группа 8ДМ использовалась со значительными нарушениями в ПАД по сравнению с НПАД. Другим важным заключением, сделанным в ходе исследования, является то, что в процессе выбора оптимальной организации и создания более четкой содержательной структуры текста специального дискурса в разной степени происходит регулирование правильности использования метадискурса. Причем наиболее частотные нарушения наблюдаются в употреблении союзов, артиклей и предлогов в текстах ПАД, что может свидетельствовать о том, что для оптимизации передачи информации посредством письменного текста авторы не носители иностранного языка фокусируются на содержательной стороне коммуникации, что отчасти становится препятствием в ее грамотном структурировании.

На основании проведенного исследования мы делаем вывод, что понимание и знание организации метадискурсивной структуры текста одинаково важны для студентов разных уровней владения профессиональной компетенцией на иностранном языке и что правильное использование лингвистической инфраструктуры письменных текстов способствует эффективной организации, интерпретации и оценке экономического знания.

Результаты исследования важны для развития навыков академического письма у студентов, пишущих в сфере своей профессиональной области. Также результаты представляют интерес для преподавателей, обучающих навыкам использования метадискурса в письме на английском языке.

Литература

1. Crismore, A., Markkanen, R., Steffensen, M.S. Metadiscourse in Persuasive Writing // Written Communication. 1993. Vol. 10, № 1. P. 39–71.
2. Ifantidou, E. The Semantics and Pragmatics of Metadiscourse // Journal of Pragmatics. 2005. Vol. 37. P. 1325–1353.
3. Губарева О.Н. Сопоставительный анализ метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономике : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
4. Hyland, K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. London : Continuum, 2005. 230 p.

5. Crismore A., Farnsworth R. Metadiscourse in Popular and Professional Discourse // The Writing Scholar. Studies in Academic Discourse / ed. by Walter Nash. London : Sage, 1990. P. 118–136/
6. Intaraprawat P., Steffensen M.S. The Use of Metadiscourse in Good and Poor ESL Essays // Journal of Second Language Writing. 1995. Vol. 4. P. 253–272.
7. Zanina E. Strategic Hedging: A Comparative Study of Methods, Results and Discussion (and Conclusion) Sections of Research Articles in English and Russian // Journal of Language and Education. 2016. Vol. 2, № 2. P. 52–60.
8. Манаенко С.А. Параметры дискурсивного употребления лексических единиц // Вестник Пермского университета. 2009. № 3. С. 12–17.
9. Общезероупольские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 2003. 256 с.
10. Уткина Т.И., Костарева Е.В. Функционирование дискурсивных маркеров в академическом письме на английском языке студентов-экономистов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6 (38). С. 100–115.
11. Coffin C., Curry M.J., Goodman Sh., Hewings A., Lillis Th.M., Swann J. Teaching Academic Writing: A Toolkit for Higher Education. London \$ New York : Routledge, 2003. 175 p.
12. Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // Новое литературное обозрение. 2016. № 2 (138). С. 16–32.
13. Чернявская В.Е. Корпусно-ориентированный дискурсивный анализ идентичности российского университета 3.0 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 97–114.
14. Krashen S., Brown C.L. What is Academic Language Proficiency? // Singapore Tertiary English Teachers Society (STETS). 2007. URL: <http://www.joanwink.com/research/Krashen-Brown-ALP.pdf> (дата обращения: 12.09.2013).
15. Holmes J. Expressing Doubt and Certainty in English // Regional English Language Center (RELC). 1982. Vol. 13. P. 19–28.
16. Bruce, I. Academic Writing and Genre: A systematic analysis. London, UK : Continuum, 2008. 194 p.
17. Смирнова Н.В. Обучение иноязычной письменной речи как социальной практике в условиях билингвального образования (социальноэкономические специальности) (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2018.
18. Lea, M., Street, B. Student Writing in Higher Education: An Academic Literacies Approach // Studies in Higher Education. 1998. Vol. 23, № 2. P. 157–72.
19. Короткина И.Б. Академическое письмо: на пути к концептуальному единству // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 136–142.
20. Suomela-Salmi, E., Dervin, F. Cross-linguistic and Cross-cultural Perspectives on Academic Discourse. Amsterdam, Netherlands : John Benjamins Publishing, 2009. 229 p.
21. Gunnarsson B.L. Professional discourse. Continuum Discourse Series. London, 2009. 275 p.
22. Bromme R., Jucks R. Discourse and Expertise: The Challenge of Mutual Understanding between Experts and Laypeople // Routledge Handbooks in Linguistics. The Routledge Handbook of Discourse Processes / eds. by Michael F. Schober, David N. Rapp, M. Anne Britt. New York : Routledge/Taylor & Francis Group, 2018. P. 222–246.
23. Persky A.M., Robinson J.D. Moving from Novice to Expertise and its Implications for Instruction // American Journal of Pharmaceutical Education. 2017. Vol. 81, № 9. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5738945/> (дата обращения: 28.11.2019).
24. Chovanec J. Written Academic Discourse in English: from Local Traditions to Global Outreach // Brno Studies in English. 2012. Vol. 38, № 2. P. 5–16.
25. Chang P. Maintaining Coherence in Research Argument: Identifying Qualitative Differences between Experts' and Students' Texts // Text&Talk. 2018. Vol. 38, № 6. P. 655–682.

26. Hyland K. Talking to Students: Metadiscourse in Introductory Coursebooks // English for Specific Purposes. 1999. Vol. 18, № 1. P. 3–26.
27. Moreno A.I. Matching Theoretical Descriptions of Discourse and Practical Applications to Teaching: The Case of Causal Metatext // English for Specific Purposes. 2003. Vol. 22. P. 265–295.
28. Mauranen A. Contrastive ESP Rhetoric: Metatext in Finnish–English Economic Texts // English for Specific Purposes. 1993. Vol. 12. P. 3–22.
29. Valero-Garces C. Contrastive ESP Rhetoric: Metatext in Spanish–English Economic texts // English for Specific Purposes. 1996. Vol. 15. P. 279–29.
30. Silver M. The Stance of Stance: A Critical Look at Ways Stance is Expressed and Modeled in Academic Discourse // Journal of English for Academic Purposes. 2003. Vol. 2. P. 359–374.
31. Bunton D. The Use of Higher Level Metatext in Ph.D. Theses // English for Specific Purposes. 1999. Vol. 18. P. 41–56.
32. Hewings M., Hewings H. ‘‘It’s Interesting to Note that . . .’’: A Comparative Study of Anticipatory ‘it’ in Student and Published Writing // English for Specific Purposes. 2002. Vol. 21. P. 367–383.
33. Longo B. The Role of Metadiscourse in Persuasion // Technical Communication. 1994. Vol. 41. 348–352.
34. Schmied J. Academic Knowledge Presentation in MA Theses: From Corpus Compilation to Case Studies of Disciplinary Conventions // Brno Studies in English. 2012. Vol. 38, № 2. P. 149–165.
35. Povolna R. Causal and Contrastive Discourse Markers In Novice Academic Writing // Brno Studies in English. 2012. Vol. 38, № 2. P. 131–148.
36. Onder N., Longo B. Metadiscourse Use in Thesis Abstracts: A Cross-cultural Study // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 141. P. 59–63.
37. Ho, V., Li, C. The Use of Metadiscourse and Persuasion: An Analysis of First Year University Students’ Timed Argumentative Essays // Journal of English for Academic Purposes. 2018. Vol. 33. 53–68.
38. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 373 p.
39. Maschler Y., Schiffrin D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context // Handbook of Discourse Analysis / eds. by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, Heidi E. Hamilton. Oxford : Wiley Blackwell, 2015. P. 189–221.
40. Fraser B. What are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31. P. 931–952.
41. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
42. Ädel A. Metadiscourse in L1 and L2 English. Amsterdam : John Benjamins, 2006. 243 p.
43. Katiya M., Mtonjeni T., Sefalane-Nkohla P. Making Sense of Errors Made by Analytical Chemistry Students in Their Writing // Journal of Language Teaching and Research. 2015. Vol. 6, № 3. P. 490–503.
44. Chuang F.-Y., Nesi H. An Analysis of Formal Errors in a Corpus of L2 English Produced by Chinese Students // Corpora. 2006. Vol. 1, № 2. P. 251–271.
45. Han Z-H. On the role of meaning in focus on form // Understanding Second Language Process / ed. by Z-H. Han. Clevedon : Multilingual Matters, 2008. P. 45–79.
46. Moreno A.I. The Explicit Signalling of Premise-conclusion Sequences in Research Articles: A Contrastive Framework // Text. 1998. Vol. 18, № 4. P. 545–585.
47. Yang W. A tentative Analysis of Errors in Language Learning and Use // Journal of Language Teaching and Research. 2010. Vol. 1, № 3. P. 266–268.
48. Zheng C., Park T.-J. An analysis of Errors in English Writing Made by Chinese and Korean University Students // Theory and Practice in Language Studies. 2013. Vol. 3, № 8. P. 1342–1351.

Features of Metadiscourse Use (Sphere of Economics, Students' Written Texts in English)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 188–207. DOI: 10.17223/19986645/74/11

Tatiana I. Utkina, Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: utkinatat30@gmail.com

Elena V. Kostareva, Perm Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: lekosta@rambler.ru

Keywords: metadiscourse, discourse markers, academic writing, essay, ESAP level, formal error analysis, knowledge domain of economics.

The present study investigates academic discourse in economics in terms of the accuracy of metadiscourse use in English written texts produced by Russian economics students with different competence. The aim of the research is to identify features of creation of academic text in English by non-English-speaking writers and to define types of disruptions of metadiscursive organization of written communication in English on the example of the essay genre. The research was conducted by applying formal error analysis based on Chuang & Nesi's classification of errors to the metadiscourse use in argumentative essays. This method was instrumental in confirming the hypothesis that a study of metadiscourse use in a written text requires taking into account not only linguistic phenomena and their frequency, but also their correct understanding and use by non-native writers of English. The research dataset comprised 139 essays written by Russian learners of English as a foreign language at the Perm campus of the National Research University Higher School of Economics, including 77 essays in nonprofessional academic discourse (NPAD) and 62 essays in professional academic discourse (PAD). The study specifies the correlation between frequency and correct use of metadiscourse markers in nonprofessional and professional types of academic discourse in economics. The authors revealed that the frequency of erroneous use of discourse markers in the PAD essays is higher than in the NPAD essays. The most commonly used groups of discourse markers, in particular those which introduce new or additional information, point at contrasting with or deviating from the main idea and introduce the author's evaluation of probability, interrelation of the information and the situation, appear to be the most representative of errors. An analysis of the errors in the linguistic categories which were most commonly found both in the PAD and NPAD essays showed that conjunction errors, determiner errors, lexical misconception errors occur in roughly the same percentage. The difference in the percentage of errors between the two types of discourse can be seen in the use of prepositions (in PAD) and in the number of spelling errors (in NPAD). The conclusion is that, in the process of choosing the best organization and creating a clearer content structure for the text of special discourse, non-native writers of English focus on the content aspect of communication, which in part becomes an obstacle to its proper structuring. The authors point to the importance of metadiscourse use in written texts for students of different levels of professional competence in a foreign language.

References

1. Crismore, A., Markkanen, R. & Steffensen, M.S. (1993) Metadiscourse in Persuasive Writing. *Written Communication*. 10 (1). pp. 39–71.
2. Ifantidou, E. (2005) The Semantics and Pragmatics of Metadiscourse. *Journal of Pragmatics*. 37. pp. 1325–1353.
3. Gubareva, O.N. (2011) *Sopostavitel'nyĭ analiz metadiskursivnoĭ organizatsii angloyazychnykh i russkoyazychnykh nauchno-uchebnykh tekstov po ekonomik* [Comparative analysis of the meta-discursive organization of English-language and Russian-language scientific and educational texts on economics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

4. Hyland, K. (2005) *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London: Continuum.
5. Crismore, A. & Farnsworth, R. (1990) Metadiscourse in Popular and Professional Discourse. In: Nash, W. (ed.) *The Writing Scholar: Studies in Academic Discourse*. London: Sage. pp. 118–136/
6. Intaraprawat, P. & Steffensen, M.S. (1995) The Use of Metadiscourse in Good and Poor ESL Essays. *Journal of Second Language Writing*. 4. pp. 253–272.
7. Zanina, E. (2016) Strategic Hedging: A Comparative Study of Methods, Results and Discussion (and Conclusion) Sections of Research Articles in English and Russian. *Journal of Language and Education*. 2 (2). pp. 52–60.
8. Manaenko, S.A. (2009) Parametry diskursivnogo upotrebleniya leksicheskikh edinit [Parameters of the discursive use of lexical units]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 3. pp. 12–17.
9. Moscow State Linguistic University. (2003) *Obshcheevropejskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: izuchenie, obuchenie, otsenka* [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment]. Moscow: Moscow State Linguistic University.
10. Utkina, T.I. & Kostareva, E.V. (2015) Discourse Markers Functioning (Sphere of Economics, Students' Written Texts in English). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (38). pp. 100–115. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/38/8
11. Coffin, C. et al. (2003) *Teaching Academic Writing: A Toolkit for Higher Education*. London; New York: Routledge.
12. Abramov, R., Gruzdev, I. & Terent'ev, E. (2016) Trevoga i entuziazm v diskursakh ob akademicheskom mire: mezhdunarodnyy i rossiyskiy konteksty [Anxiety and enthusiasm in discourses about the academic world: international and Russian contexts]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 2 (138). pp. 16–32.
13. Chernyavskaya, V.E. (2019) Corpus-Assisted Discourse Analysis of Russian University 3.0 Identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 58. pp. 97–114. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/58/7
14. Krashen, S. & Brown, C.L. (2007) *What Is Academic Language Proficiency?* [Online] Available from: <http://www.joanwink.com/research/Krashen-Brown-ALP.pdf> (Accessed: 12.09.2013).
15. Holmes, J. (1982) Expressing Doubt and Certainty in English. *Regional English Language Center (RELC)*. 13. pp. 19–28.
16. Bruce, I. (2008) *Academic Writing and Genre: A systematic analysis*. London, UK: Continuum.
17. Smirnova, N.V. (2018) *Obuchenie inoyazychnoi pis'mennoi rechi kak sotsial'noi praktike v usloviyakh bilingval'nogo obrazovaniya (sotsioekonomicheskie spetsial'nosti) (na materiale angliiskogo yazyka)* [Teaching foreign-language writing as a social practice in a bilingual education (socioeconomic specialties) (on the material of the English language)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. St. Petersburg.
18. Lea, M. & Street, B. (1998) Student Writing in Higher Education: An Academic Literacies Approach. *Studies in Higher Education*. 23 (2). pp. 157–72.
19. Korotkina, I.B. (2013) Akademicheskoe pis'mo: na puti k kontseptual'nomu edinstvu [Academic writing: on the way to conceptual unity]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 3. pp. 136–142.
20. Suomela-Salmi, E. & Dervin, F. (2009) *Cross-linguistic and Cross-cultural Perspectives on Academic Discourse*. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins Publishing.
21. Gunnarsson, B.-L. (2009) *Professional discourse*. London; New York: Continuum.
22. Bromme, R. & Jucks, R. (2018) Discourse and Expertise: The Challenge of Mutual Understanding between Experts and Laypeople. In: Michael, F. et al. (eds) *Routledge*

Handbooks in Linguistics. The Routledge Handbook of Discourse Processes. New York: Routledge/Taylor & Francis Group. pp. 222–246.

23. Persky, A.M. & Robinson, J.D. (2017) Moving from Novice to Expertise and its Implications for Instruction. *American Journal of Pharmaceutical Education*. 81 (9). [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5738945/> (Accessed: 28.11.2019).

24. Chovanec, J. (2012) Written Academic Discourse in English: from Local Traditions to Global Outreach. *Brno Studies in English*. 38 (2). pp. 5–16.

25. Chang, P. (2018) Maintaining Coherence in Research Argument: Identifying Qualitative Differences between Experts' and Students' Texts. *Text&Talk*. 38 (6). pp. 655–682.

26. Hyland, K. (1999) Talking to Students: Metadiscourse in Introductory Coursebooks. *English for Specific Purposes*. 18 (1). pp. 3–26.

27. Moreno, A.I. (2003) Matching Theoretical Descriptions of Discourse and Practical Applications to Teaching: The Case of Causal Metatext. *English for Specific Purposes*. 22. pp. 265–295.

28. Mauranen, A. (1993) Contrastive ESP Rhetoric: Metatext in Finnish–English Economic Texts. *English for Specific Purposes*. 12. pp. 3–22.

29. Valero-Garces, C. (1996) Contrastive ESP Rhetoric: Metatext in Spanish–English Economic texts. *English for Specific Purposes*. 15. pp. 279–29.

30. Silver, M. (2003) The Stance of Stance: A Critical Look at Ways Stance is Expressed and Modeled in Academic Discourse. *Journal of English for Academic Purposes*. 2. pp. 359–374.

31. Bunton, D. (1999) The Use of Higher Level Metatext in Ph.D. Theses. *English for Specific Purposes*. 18. pp. 41–56.

32. Hewings, M. & Hewings, H. (2002) “It’s Interesting to Note that . . .”: A Comparative Study of Anticipatory ‘it’ in Student and Published Writing. *English for Specific Purposes*. 21. pp. 367–383.

33. Longo, B. (1994) The Role of Metadiscourse in Persuasion. *Technical Communication*. 41. pp. 348–352.

34. Schmied, J. (2012) Academic Knowledge Presentation in MA Theses: From Corpus Compilation to Case Studies of Disciplinary Conventions. *Brno Studies in English*. 38 (2). pp. 149–165.

35. Povolna, R. (2012) Causal and Contrastive Discourse Markers In Novice Academic Writing. *Brno Studies in English*. 38 (2). pp. 131–148.

36. Onder, N. & Longo, B. (2014) Metadiscourse Use in Thesis Abstracts: A Cross-cultural Study. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 141. pp. 59–63.

37. Ho, V. & Li, C. (2018) The Use of Metadiscourse and Persuasion: An Analysis of First Year University Students’ Timed Argumentative Essays. *Journal of English for Academic Purposes*. 33. 53–68.

38. Schiffrin, D. (1987) *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press.

39. Maschler, Y. & Schiffrin, D. (2015) Discourse Markers: Language, Meaning, and Context. In: Schiffrin, D., Tannen, D. & Hamilton, H.E. (eds) *Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Wiley Blackwell. pp. 189–221.

40. Fraser, B. (1999) What Are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*. 31. pp. 931–952.

41. Baranov, A.N., Plungyan, V.A. & Rakhilina, E.V. (1993) *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow: Pomovskii i partnery.

42. Ädel, A. (2006) *Metadiscourse in L1 and L2 English*. Amsterdam: John Benjamins.

43. Katiya, M., Mtonjeni, T. & Sefalane-Nkohla, P. (2015) Making Sense of Errors Made by Analytical Chemistry Students in Their Writing. *Journal of Language Teaching and Research*. 6 (3). pp. 490–503.

44. Chuang, F.-Y. & Nesi, H. (2006) An Analysis of Formal Errors in a Corpus of L2 English Produced by Chinese Students. *Corpora*. 1 (2). pp. 251–271.
45. Han, Z.-H. (2008) On the role of meaning in focus on form. In: Han, Z.-H. (ed.) *Understanding Second Language Process*. Clevedon: Multilingual Matters. pp. 45–79.
46. Moreno, A.I. (1998) The Explicit Signalling of Premise-conclusion Sequences in Research Articles: A Contrastive Framework. *Text*. 18 (4). pp. 545–585.
47. Yang, W. (2010) A tentative Analysis of Errors in Language Learning and Use. *Journal of Language Teaching and Research*. 1 (3). pp. 266–268.
48. Zheng, C. & Park, T.-J. (2013) An analysis of Errors in English Writing Made by Chinese and Korean University Students. *Theory and Practice in Language Studies*. 3 (8). pp. 1342–1351.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882

DOI: 10.17223/19986645/74/12

И.А. Айзикова

НАСЛЕДИЕ П.А. ПЛЕТНЕВА В «ПРИДВОРНОЙ ПЕДАГОГИКЕ»¹

Рассматривается вклад П.А. Плетнева в русскую «придворную педагогику», в частности его деятельность в роли учителя русской словесности великого князя Александра Николаевича и других членов царской семьи. Выявляются типологические сближения его учебной программы дисциплины с «Планом учения Его Императорского Высочества Цесаревича Александра Николаевича» и другими педагогическими сочинениями В.А. Жуковского, организатора образовательно-воспитательного процесса наследника русского престола.

Ключевые слова: П.А. Плетнев, В.А. Жуковский, придворная педагогика, учебно-методические материалы, история русской литературы, типологические сближения, преемственность

Многогранное творческое наследие П.А. Плетнева до сих пор остается не осмысленным как целостная система, при том что исследователи русской литературы первой трети XIX в. постоянно обращаются к его критическим статьям, истории отношений с поэтами пушкинской поры, в первую очередь с Пушкиным, Жуковским, Вяземским ([1–6] и др.). Изучается и поэтическое творчество самого Плетнева ([7–11] и др.). В поле зрения ученых – деятельность Плетнева-критика [12–16], Плетнева-редактора пушкинского «Современника», его работа по подготовке к печати последнего прижизненного собрания сочинений Жуковского, некоторые другие его издательские проекты [17–19]. Из дореволюционных следует назвать работы мемуарно-биографического характера П.А. Вяземского, И.С. Тургенева, Я.К. и К.Я. Грозов, Ф. Фортунатова и др. [20–29]. Однако до настоящего времени почти не изучена педагогическая деятельность Плетнева (см.: [30–31]), получившего высшее образование в Главном педагогическом институте, преподававшего в кадетских корпусах, женских институтах и в Благородном пансионе, открытом по указу Александра I при университете (см.: [32]). С 1828 г. по рекомендации Жуковского Плетнев приобщился к «придворной педагогике», будучи приглашенным вести курс по литературе для наследника русского престола великого князя Александра

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00529.

Николаевича и других членов царской семьи. В 1832 г. он принял кафедру русской словесности Санкт-Петербургского университета, с 1840 по 1861 г. являлся его ректором.

Педагогическое наследие Плетнева, всю жизнь служившего русской словесности, безусловно, следует понимать не только как значимую часть русской педагогики, но и как явление отечественной культуры. Достояние Плетнева-педагога составляют и теория и практика, сформированные на основе традиций, опыта русских и зарубежных предшественников и современников и соответствующие социокультурным запросам его времени. Думается, что, тесно взаимодействуя друг с другом, педагогическая мысль и педагогическая деятельность Плетнева неотделимы от его столь же институционализированной литературно-критической, издательской деятельности, от круга его общения и принятых в нем ценностей.

Вместе с тем, судя по имеющимся материалам, на каком бы поприще не реализовывал себя Плетнев как педагог, основой для него являлась не только социоцентричная, но и антропоцентричная концепция обучения и воспитания, в том числе и лиц царской семьи, воспринятая во многом от М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского (см. об этом: [33–35]) и высоко оцениваемая его коллегами и учениками. С 1815 г. (т.е. еще будучи студентом) Плетнев, по рекомендации директора института Е.А. Энгельгардта, давал частные уроки, преподавал историю, математику, русский язык и словесность в Павловском кадетском корпусе, в Екатерининском институте благородных девиц, в Женском патриотическом институте, позднее – в Пажеском корпусе (с 1825 г.), в Школе гвардейских подпрапорщиков (с 1830 г.) и в ряде других учебных заведений (см.: [25]). «Истинный педагог по призванию», он везде быстро осваивался с делом, составлял себе «отличную репутацию», получал «симпатию и популярность» (К.Я. Грот) среди педагогов и восторг и преданность нескольких поколений учащихся. Так, по словам Грота, на занятии Плетнева в Екатерининском институте побывал академик Петербургской академии наук А.К. Шторх, который был настолько поражен его умением занимательно и успешно преподавать историю, что после написал императрице Марии Федоровне: «Madame, j'ai trouvé un trésor dans notre Institut – c'est M-r Pletneff». Позднее, уже как преподаватель русского языка и словесности у детей Николая I и других членов монаршей фамилии, он «снискал искреннее, сердечное расположение всего царского семейства, которым он пользовался до конца дней» [25. С. 8, 16]. Оказавшись на профессорском поприще, получив кафедру русской словесности и в Петербургском университете, и в Главном педагогическом институте, а затем став ректором университета, Плетнев оставался авторитетным педагогом для коллег, о чем свидетельствуют уже сами по себе эти служебные назначения и длительность исполнения Плетневым своих обязанностей (кафедру он возглавлял более 20 лет, в должности ректора также состоял более 20 лет), и студентов. Учениками Плетнева, признававшими его большое и плодотворное влияние на них, долгие годы вспоминавшими его «живые лекции» и «литературные комментарии» [25. С. 23], являлись И.С. Тургенев, М.Н. Лонгинов, Ф. Фортунатов и др.

Столь успешной педагогической карьере Плетнева способствовало его воспитание, образование и сформировавшиеся с годами мировоззрение и личностные качества. Свою роль в формировании Плетнева, пишет Грот, сыграли и «исключительно благоприятные условия», сложившиеся вокруг него по окончании университета, во многом благодаря его высоким нравственным принципам жизни и трудолюбию. Прежде всего, здесь имеется в виду круг общения Плетнева, «дружба и доверие целой плеяды лучших наших писателей», определявших развитие русской литературы первой трети XIX в. и оказывавших прямое влияние на становление Плетнева-поэта, критика, историка литературы (среди них Жуковский, Пушкин, Кюхельбекер, Дельвиг, Вяземский, Боратынский, Языков и мн. др.); «такие же уважение, доверие и симпатия престола» и многих высокопоставленных лиц Российской империи к педагогическому таланту Плетнева [25. С. 4]. Это являлось для Плетнева мощным стимулом к саморазвитию, к плодотворному и добросовестному служению российскому искусству, просвещению (в частности, «придворной педагогике»), культуре в целом и в полной мере отражалось в его литературной и педагогической деятельности, которые шли и параллельно, и тесно, вопреки всем законам математики, переплетаясь, влияя друг на друга.

Осмысливая педагогическое наследие, чаще всего обращаются к оценке авторской педагогической системы. Не претендуя на полную реконструкцию педагогической системы Плетнева, развивавшейся на протяжении многих лет, что может стать предметом специального исследования, представим его основные принципы преподавания литературы. Прежде всего, обратимся к воспоминаниям Ф.Н. Фортунатова, в 1832 г. слушавшего курс Плетнева по истории русской литературы на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В преподавании своего предмета, вспоминает Фортунатов, Плетнев исходил из необходимости четкого понимания и учителем и учениками сути самого понятия «история литературы», которое неотделимо от исторического подхода к литературе. Не случайно «главным источником, на который ссылался Плетнев почти на каждой лекции», пишет Фортунатова была «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Чрезвычайное значение Плетнев придавал и проблеме периодизации истории литературы. Особое внимание уделялось древнерусской литературе как фундаменту отечественной словесности, факторам, повлиявшим на ее зарождение и становление. Вместе с тем, по утверждению мемуариста, Плетнев постоянно следил за современной литературой, был в курсе всех ее новинок, чему способствовали его деятельность как критика и издателя литературных журналов, а также знакомство или дружба со многими русскими писателями своего времени. С принципом историзма тесно связан и отбор материала для изучения дисциплины. Во всяком литературном произведении, по Плетневу, присутствует определенная эпоха. Кроме того, по его мнению, именно принцип историзма в изучении и преподавании литературы определяет понимание его эстетической природы и ценности, дает вектор его восприятия. Фортунатов видит в

этом влияние на Плетнева Фр. Шлегеля, его «Истории древней и новой литературы», вышедшей в России в переводе на русский язык в 1830 г., в которой универсальная идея романтической философии – идея развития – была распространена и на искусство, в том числе литературу, и о которой А.А. Дельвиг писал следующее: «Изучение... оной открывает таланту все пути ко храму Памяти. Мы не имеем недостатка в молодых поэтах <...>. В сей книге они увидят, что люди, увековечившие свои сочинения, были представителями своего народа и времени и что нравственная высота их была плодом общего человеческого усовершенствования» [36].

Исходя из принципа историзма в изучении литературы, Плетнев квалифицирует ее как «исследование, до какой степени совершенства достиг какой-либо известный народ в разных умственных направлениях, пользуясь всеми способами, которые доставили ему обстоятельства» [26. Стб. 333]. К этим обстоятельствам относилось влияние климата, образа жизни народа, народного творчества. Кроме того, Плетнев предлагает учитывать влияние на историю литературы религии, важнейших политических событий и национального языка. Классифицируя литературу, он выделял, соответственно, «религиозное, патриотическое, ученое и политическое» направления.

Лекции Плетнева, по воспоминаниям его учеников, не были «мертвыми», это были «живые импровизации, исполненные знания и любви к делу... Плетнев являлся в аудиторию с Державиным, Фонвизиним, Костровым и т.п., начинал читать их, избирая именно особенно замечательное, и тут сыпалось множество эстетических, филологических, анекдотических и других замечаний, делавших его *вдохновенным комментарием*, по выражению Пушкина... На лекциях его читались также сочинения студентов (студ. III курса Ершов читал своего "Конька-Горбунка"), велись диспуты, обсуживались замечательные литературные новости», – вспоминал М.Н. Лонгинов (цит. по: [25. С. 25]). Фортунатов называет ряд новейших на то время литературных произведений, изучавшихся в курсе Плетнева, которые оказали наибольшее влияние на университетских студентов. Среди них изданный в 1829 г. Д.Н. Блудовым т. XII «Истории государства Российского», VII–VIII главы «Евгения Онегина» (в пушкинском посвящении Плетневу, предварявшем IV и V главы романа, Фортунатов видит «мастерское изображение» своего учителя), «Борис Годунов», «Повести Белкина», которые студенты читали в каникулы 1831 г., не зная их автора, «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Илиаду» в переводе Н.И. Гнедича, стихотворения Н.М. Языкова, особенно на тему студенческой жизни. Лирику И.И. Козлова любили за «грустное настроение лиры поэта», романы М.Н. Загоскина «Милославский» и «Рославлев» – за их «патриотическое настроение», «Монастырка» А. Погорельского привлекала «Письмами институтки»¹ [26. Стб. 340]. Фортунатов отмечает, как легко и «свободно» было записывать лекции за Плетневым, потому что «читал он неспешно,

¹ Имеются в виду «Записки институтки».

останавливаясь на каждом слове». Он же пишет о необычайном демократизме преподавателя: «Петр Александрович был доступен во всякую пору студентам, желавшим получить от него совет или какое-либо содействие». Все приведенные по воспоминаниям учеников Плетнева сведения важны, кроме прочего, еще и потому, что относятся к началу 1830-х гг., ко времени чуть более позднему по отношению к тому, когда Плетнев, по рекомендации Жуковского, был приглашен преподавать литературу царским детям. Фортунатов, кстати, вспоминал, что Плетнев читал у них лекции два раза в неделю с утра, являясь на субботние лекции в шелковых чулках и башмаках, так как прямо из университета отправлялся в придворной карете к «венценосному ученику своему». В данной статье более подробно остановимся именно на «придворной педагогике» Плетнева, которая, с одной стороны, формировалась в русле его «университетской педагогики», а с другой – под сильным влиянием Жуковского, в систему придворного воспитания и образования которого Плетнев и вошел в 1828 г. (подробнее об этом см.: [37, 38]) Хотя уже в 1826 г. Жуковский, на время своего отсутствия, рекомендовал вместо себя Плетнева для занятий русским языком и словесностью с великой княгиней Еленой Павловной¹. В 1828 г. он начал заниматься с великими княжнами Марией и Ольгой Николаевнами. К этому же году относятся его первые «чтения» (по русской литературе) с великим князем Александром Николаевичем. Собственно занятия с ним и его сестрами начались осенью 1829 г. С наследником русского престола Плетнев занимался до его путешествия по России (т.е. до весны 1837 г.), с великими княжнами до 1845 г. и позже. Кроме того, Плетнев преподавал еще и великим княжнам Марии и Елизавете Михайловнам.

Для сопоставления систем «придворной педагогики» Жуковского и Плетнева чрезвычайную важность имеет известная статья последнего «О жизни и сочинениях В.А. Жуковского», напечатанная в 1853 г. в иллюстрированном журнале «Живописный сборник», издаваемом А.А. Плюшаром [40] и отдельным оттиском в Санкт-Петербурге в этом же году [41]. В первую очередь отметим, что Плетнев видит судьбой уготованное «со-

¹ Сообщив в середине октября 1826 г. великой княгине Елене Павловне, которой он преподавал русский язык и словесность, что он вынужден остаться на год в Германии в связи с болезнью и уже получил на это разрешение императора, Жуковский предлагает ей учить язык самостоятельно, читая со словарем и переводя последний том «Истории государства Российского» Карамзина сначала с русского на немецкий, а потом «обратно, с немецкого на русский, поправляя ошибки по тексту оригинала». Кроме того, он предлагает ей переписываться с ним по-русски, чтобы он исправлял и сообщал «поправки» своей ученице в ответных письмах. Как об альтернативе он пишет о замене его кем-нибудь на время отсутствия [39. С. 421]. Уже в письме от 23 ноября / 5 декабря 1826 г. из Дрездена Жуковский писал: «Je suis maintenant tranquillisé par l'idée que mon absence ne sera plus préjudiciable aux occupations de V<otre> A<lle>ss<e> I<mp<eriale>. Monsieur Pletneff que j'ai l'honneur de Vous recommander, possède bien sa langue: je suis persuadé qu'il sera utile à V<otre> A<lle>ss<e>. J'ose aussi le recommander comme homme. C'est un caractère noble et pur. Il saura apprécier le bonheur d'approcher votre personne» [39. С. 425–426]. Из письма следует, что великая княгиня приняла этот совет: ее учителем русского языка с конца 1826 г. стал П.А. Плетнёв.

единение» «тихой педагоги» поэта и его «живой поэзии». Рассматривая педагогическую деятельность Жуковского при дворе, он начинает описывать ее с того момента, когда тот был «избран для преподавания уроков русского языка Государыне Великой Княгине, ныне Императрице Александре Феодоровне» [42. Т. 3. С. 80]. «Образцом, достойным подражания», называет Плетнев подготовку Жуковского к урокам с великой княгиней Александрой Федоровной (подробнее см.: [43]), выработку им собственной авторской системы преподавания русского языка: «Жуковский чувствовал, что надобно собственным взглядом и собственными соображениями переселить науку в душу свою, когда приходится в ее лабиринт вводить другое лицо. Чужая система, как бы хороша ни была она, не срастается органически с нашими суждениями. <...> Им следует выработаться в вашей душе и звучать силою собственного убеждения нашего». И далее Плетнев описывает, с каким «удивительным спокойствием и терпением» Жуковский принялся «за обрабатывание грамматики русского языка и особенно за исследование глаголов его <...>. Об одном нельзя не пожалеть: Жуковский, в продолжение следующих годов жизни, много составил руководств и пособий по разным наукам, а ничего не издал для общего употребления» [42. Т. 3. С. 80]¹.

Разделяя понимание Жуковским большого значения «педагоги», Плетнев цитирует размышления поэта о том, что «педагогическое занятие не есть просто механическое преподавание азбуки и механического счета – это педагогическая поэма, в которую все входит», что «в этом занятии глубокая жизнь», важнейшее по своей роли единение сердец учителя и учеников. Эти идеи Жуковского-педагога Плетнев называет «умственными сокровищами» [42. Т. 3. С. 82]. Педагогическим «изобретением» поэта автор статьи называет следующую методику преподавания русского языка великой княгине, родным языком которой был немецкий: «Августейшая слушательница уроков его помнила наизусть лучшие небольшие стихотворения из первоклассных немецких поэтов. Преподаватель русского языка... начал переводить эти перлы поэзии. Можно вообразить всю занимательность и прелесть преподавания, когда основанием урока служило чтение восхитительных стихов на двух языках... В этом счастливом настроении ума не трудно уже было дополнять его приобретения указаниями на таблицы склонений и спряжений. Можно поэтому сказать, что вернее Жуковского никому не удавалось приводить в исполнение знаменитое Горациево правило: приятное с полезным» [42. Т. 3. С. 82]. Плетнев замечает, что переводы, сделанные Жуковским с педагогическими целями для занятий с великой княгиней, и изданы были особенно: в виде тетрадок, на прекрасной бумаге, небольшим количеством экземпляров, не предназначавшихся для продажи. Эти издания «получили от автора некоторые особы, дорогие для его сердца» [42. Т. 3. С. 83].

¹ См. об этом в работе Л.Н. Киселевой «Жуковский – преподаватель русского языка (начало “царской педагогики”» [44].

Столь же самозабвенно и ответственно отнесся Жуковский, по оценке Плетнева, и к своим занятиям с великим князем Александром Николаевичем. По отношению Жуковского-педагога к своему делу («со страхом и благоговением») Плетнев может сравнить его только с Фенелоном, символом «придворной педагогики» для России XIX в. Педагогическую деятельность поэта при дворе Плетнев определяет через концепты «великого подвига», «великого дела», «блага», «чести» и «достоинства» и подчеркивает ее системный характер (см.: [45]. Этой системе были подчинены, по словам автора статьи, «воображение, ум и сердце» поэта, которые «уже заранее обнимали все его части, разлагали все в подробности, совокупляли в целое» [45. С. 91]. Этому делу, подчеркивает Плетнев, Жуковский отдавал все свое время: «...моя настоящая должность берет все мое время. <...> какая забота и ответственность! <...> Занятие, питательное для души! Цель для целой остальной жизни! Чувствую ее великость, и всеми мыслями стремлюсь к ней! <...> Занятий множество; надобно учить и учиться – и время все захвачено. Прощай навсегда, поэзия с рифмами! Поэзия другого рода со мною, мне одному знакомая, понятная для одного меня, но для света безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь», – цитирует Плетнев письмо Жуковского к А.П. Зонтаг от 21 февраля 1826 г. [45. С. 92]; ср.: [34. Т. 16. 292–293].

Плетнев обращает внимание и на то, как тщательно подходил Жуковский к подбору преподавателей, которым предстояло реализовывать его учебный план (об этом пишет, например Д.В. Долгушин [37. С. 397–410]), как важны для него были личный контроль за образовательным процессом и участие в нем: «Ежедневно, лишь только должны были начинаться уроки, наставник царских детей являлся для присутствия при них – и, полный внимания, оживленный участием, за всем следовал неослабно». Плетнев поражен, сколь неутомимым был Жуковский «в изыскании средств, которые бы, облегчая приобретение, в то же время и укрепляли его в уме и памяти. Его жилище превратилось в мастерскую ученого художника, где по особенным планам готовились все пособия для классных комнат» [42. Т. 3. С. 95]. Усилиям Жуковского и всего преподавательского коллектива, собранного им при дворе, в полной мере, по оценке Плетнева, соответствовали результаты, удовлетворявшие и императора и императрицу.

Войдя в выстроенную Жуковским педагогическую систему, в составленный им «План учения... наследника цесаревича Александра Николаевича» (подробнее см.: [46]), Плетнев, придворный педагог, следовал ее принципам, общим и частным. На Плетнева, как он писал в одной из своих заметок, «было возложено составлять выбор чтения и приводить его в исполнение, – особенно в отношении к наследнику престола». Это дело он «почитал весьма важным, думая, что чтение может столько же действовать на сердце, как и обращение с людьми» (цит. по: [25. С. 17]. Выполняя возложенные на него задачи, Плетнев «решился хронологически пройти все замечательнейшие русские журналы и воспользоваться в них всем, чем было можно». За правило им было принято «не смотреть на слог», который

он «совершенно изменял во время чтения»: «Я только искал занимательности в рассказе, силы в нравовании и надлежащего достоинства в характерах. Неприличное все было выбрасываемо по отметкам» [25. С. 18]. Позднее Плетнев составил для наследника престола учебное пособие по истории русской словесности, которое опубликовал в 1836 г. под заглавием «Хронологический список русских сочинителей и библиографические замечания о их произведениях», как и Жуковский, малым тиражом, не для продажи. Оно было подготовлено к печати в Санкт-Петербургской типографии «Экспедиция заготовления государственных бумаг», позднее было перепечатано в т. 30 «Сборника Императорского Русского исторического общества», имеющем заглавие: «Годы учения Его Императорского Высочества наследника цесаревича Александра Николаевича ныне благополучно царствующего Государя Императора» (СПб., 1877).

«Хронологический список» Плетнева представляет собой таблицы, подобные тем, какие составил Жуковский для цесаревича по русской истории 1238–1362 гг. (о мнемонических таблицах Жуковского, о его иконической интерпретации текста см.: [47, 48]). Описание именно этого периода, выделенного во втором черновом варианте учебного пособия Жуковского «Введение в Историю государства Российского» (см.: [49. С. 682–683]), отсутствует и в двух других его пособиях – в «Чертах Истории Государства Российского», которые заканчиваются 1237 г., и в «Истории Государства Российского», которая имеет несколько подзаголовков: Древняя история; II. Времена уделов; III. Свержение ига татарского. 1363–1462; Димитрий Иоаннович Донской. 1363–1389, и начинается с 1363 г. Таблицы Жуковского, опубликованные в т. 30 «Сборника Императорского Русского исторического общества», озаглавлены «Хронологические таблицы Истории государства Российского. Древняя история. II. Времена уделов. II. Татарское иго», начинаются с 1238 г., заканчиваются 1362 г. (таблицы XXII–XXXII) [50]. Эти таблицы имели четыре графы, озаглавленные: «Столетия», «Годы», «Происшествия по России», «Современные происшествия». Таблицы Плетнева делились на графы: «Время, когда жил сочинитель», в свою очередь, она делилась на две: «Год рождения» и «Год смерти», вторая – «Кто был сочинитель», третья – «Какие литературные труды его» и четвертая «Библиографические замечания об упоминаемых здесь сочинениях». Принципы классификации материалов (и даже количество критериев классификации), а также его комментирования у Жуковского и Плетнева одинаковы: строгая периодизация и краткие примечания.

Курс истории русской словесности Плетнев начинает с деятельности Кирилла и Мефодия, их пребывания в Великой Моравии, где ими были «изобретены славянские буквы» и переведены с греческого языка на «славянское наречие» основные богослужебные книги (Плетнев называет Евангелие, Псалтирь, Апостол, Октоих). В примечаниях сообщается вектор пояснения материалов: «Сей алфавит известен под именем Кирилловского. У Далмат есть другая Славянская азбука, называемая Буквицею или Глаголическою». Относительно указанных переводов Кирилла и Мефодия

уточняется, что древнейшим списком является Остромирово Евангелие, которое относится к 1057 г. («он пергаменный и был приготовлен для Новгородского гражданина Остромира диаконом Григорием»), что он хранится в Императорской публичной библиотеке и что впоследствии перевод Кирилла и Мефодия был поправлен. Дается и библиографический комментарий к данным материалам, в частности, отмечается, что «подробное исследование о жизни Кирилла и Мефодия и их трудах написано Иосифом Добровским на немецком языке, переведено на русский язык М. Погодиным и издано гр. Румянцевым [51. С. 199].

X–XII вв. в курсе Плетнева представлены преимущественно авторами духовных сочинений или их переводчиками (священник Иоанн, Экзарх Болгарский; великий князь Ярослав I, епископ Новгородский Лука Жидята, Нестор и др.) и светских произведений литературы (с XII в.): Владимир Мономах, Даниил Заточник, «сочинитель Слова о полку Игоря». В программу входили и такие памятники древнерусской литературы, как Русская Правда (судя по комментариям Плетнева, предполагалось знакомство с историей изучения этого памятника, в связи с чем в курс вводились имена В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина как открывателя его древнейшего списка, А.Л. Шлёцера как первого публикатора краткой редакции памятника), рукописи Нестора «Поучение к братии» (в комментарии указывается, что она была поднесена А.И. Мусиным-Пушкиным Александру I), а также Лаврентьевская летопись Нестора (комментарии педагога указывают на необходимость сообщения ученику о «бесчисленном множестве» списков этой летописи, о работе Шлёцера «над исправлением, пояснением и указанием источников Нестора», об издании труда немецкого историка в переводе Н. Языкова). Программа предполагает также знакомство ученика с посланиями митрополита Никифора к Владимиру Мономаху, с одним из древнейших русских описаний паломничества в Святую землю «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли», со «Словом Даниила Заточника» и др. Изучение «Слова о полку Игореве» прокомментировано в аспекте его датировки, первой публикации Мусиным-Пушкиным и множества переводов (в учебных пособиях по русской истории Жуковского весьма подробно описана историческая подоплека произведения).

Изучение литературы XIII–XVI вв. предполагало продолжение знакомства с памятниками церковно-славянской литературы – Киево-Печерским патериком, фрагментами Кормчей книги (и ее списками, в связи с чем в программу вводятся имена монаха Зиновия, духовного писателя XVI в., и Карамзина как открывателя ее древнейшего списка), Никоновской летописи, Степенной книги и др. Из светской литературы в программу Плетнева входят «Сказание о четырехгодичном странствовании в Индию» купца А. Никитина, историческая повесть «История о Казанском царстве», сочинения князя Курбского, в связи с которыми в плетневский «Хронологический список» вводится имя их первого публикатора, российского историка Н.Г. Устрялова.

Литература XVII в. представлена в программе теми же двумя потоками – церковно-славянской и светской литературы, преобладание последней

очевидно в рассматриваемой таблице. Это часть курса предполагает знакомство с сочинениями церковно-политических деятелей (Гермоген, Авраамий, Иоанникий, кн. С.И. Шаховской), духовных писателей (Л. Баранович, М. Смотрицкий), богослова, педагога Л.И. Зизания. Наряду с ними планировалось изучение «Росписи китайскому государству и Пообинскому и другим в 1618 г.» томского купца И. Петлина (в сравнительном аспекте, судя по комментариям педагога, предполагалось говорить с учеником о сказании Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева 1567 г.), «Повести о взятии сибирской земли» (Строгановская летопись), «Истории о сибирской земле и о Царствии» – судя по примечанию Плетнева, знакомство с этими сочинениями вновь должно было обратиться его ученика к Карамзину, а последняя, как и «Летопись Сибирская и краткая Кунгурская», к имени сибирского энциклопедиста С.У. Ремезова (о ремезовской летописи, судя по комментариям, Плетнев говорил в аспекте взаимодействия в ней документального и вымышленного) и немецкого историографа И. Миллера. Попутно отметим, что в опоре на Карамзина и Миллера строил свой курс по русской истории и Жуковский. В программу почти в полном объеме вошло творчество Симеона Полоцкого: «Жезл правления», «Обед душевный» и «Вечеря душевная», «Рифмологион» (судя по комментариям, Плетнев давал на этом материале представление о силлабическом стихосложении). Вошедшие в «Рифмологион» «Комедия притчи о блудном сыне» и трагедия «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в пещи не соженных» представлялись Плетневым как «первые драмы на русском языке» [51. С. 213]. В программу введены и панегирик царю Алексею Михайловичу «Орел российский», и переложенная Полоцким на стихи «Псалтирь», по поводу которой обращалось внимание на то, что она была напечатана в учрежденной Полоцким типографии и что она входила в число книг, «увлекавших к поэзии» М.В. Ломоносова.

Программа изучения литературы XVIII в., составленная Плетневым для великого князя Александра Николаевича, открывается сочинениями И.Ф. Копиевича (учебные книги: «Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное» (у Плетнева «Краткое введение во всякую историю»), «Латинская грамматика», «Краткое руководство в арифметику» и «Собрание слов, или Вокабулы на трех языках» («Лексикон на латинском, русском и немецком языке»). Вниманию ученика предлагались сочинения царевны Софьи Алексеевны, митрополита Ростовского Димитрия, основателей Московской Славяно-греко-латинской академии (рукописные учебники по греческой грамматике, риторике, логике; сочинения, написанные в защиту православного учения и др.). В литературный процесс Плетневым вводились сочинения украинского философа, писателя С. Климовского (поэма «О правде и великодушии благодетелей», «несколько песен»), П. Буслаева (поэма «Умозрительство духовное о переселении в вечную жизнь баронессы Строгановой»), С. Яворского (богословский трактат «Камень веры», проповеди), а также издания памятников древнерусской литературы, подготовленные

учеником Шлецера С.С. Башиловым, и др. Наряду с этим должны были изучаться «песни и другие простонародные стихотворения», собранные Киршей Даниловым.

В программе курса также указаны многие прозаические сочинения «промежуточных жанров» (термин Ю.Н. Тынянова): В. Григоровича («Пешеходца В. Григоровича путешествие к Св. местам с 1723 по 1747 год»), В. Татищева («Российская история в 4-х частях до 1462 г.», «Атлас Сибири на 20 л.», «Исторический русский лексикон до буквы Л», «Примечания на Русскую правду и Судебник»), «Описание Камчатки в 2-х частях», «Слово о пользе наук и художеств» П. Крашенинникова, «Путешественные записки от Санкт-Петербурга до Херсона» В.Ф. Зуева, «Записки на пути из Пароса в Сирию» С.И. Плещеева и др.

Центральными фигурами русской литературы эпохи Просвещения, судя по таблице, представлялись М.В. Ломоносов («поэт, обнявший все роды современной учености»), Ф. Прокопович, А.Д. Кантемир, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, В.И. Майков. Ф.А. Эмин и И.С. Барков представлены как переводчики. Все сочинения Ломоносова разделены Плетневым на прозаические и стихотворные. В свою очередь, сочинения Ломоносова в прозе разделены по тематическому принципу («похвальные слова, ученые диссертации, русская история, грамматика русского языка, риторика и проч.»), стихотворные сочинения – по жанровому признаку (оды, песни, поэмы, трагедии, «мелкие стихотворения»; отдельно указывается на переводные стихотворные сочинения). Также не перечисляя в программе конкретные сочинения Прокоповича, Плетнев разделяет их на несколько жанрово-тематических групп: ораторские, богословские, политические, нраво-учительные, исторические, стихотворные. Сочинения Кантемира, тоже не названные конкретно, делятся на две группы по другому критерию: оригинальные («сатиры и другие мелкие стихотворения») и переводные (здесь указаны «переводы десяти Горациевых посланий, перевод из Фонтенеля о множестве миров, переводы Корнелия Непота, Юстина, Анакреона, Эпиктета, из Монтескье Персидских писем и из Альгаротти о свете» [51. С. 217]). Достаточно полно представлено в программе Плетнева творчество Тредиаковского. Его изучение, судя по таблице, должно было открываться знакомством с рассуждениями писателя о русском языке и «свойствах его стихосложения», с его реформой языка и стихосложения. Программа предполагает также изучение «множества од» Тредиаковского, «одной трагедии и разных мелких стихотворений, перевода «Древней и Римской истории» Роллена, переложения Телемака в стихи по древнему героическому размеру, множества переводов как с древних языков, так и с новейших» [51. С. 221].

Из творческого наследия Эмина Плетнев планирует знакомство с «несколькими романами», «Кратким описанием древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты», духовно-нравственным сочинением «Путь ко спасению, или Разные набожные размышления, в которых заключается нужнейшая к общему знанию часть богословия». Из творчества Баркова к изучению предлагаются «Житие князя А.Д. Кантемира», перево-

ды сатир Горация, басен Федра, «Универсальной истории» Л. Гольберга, стихотворный перевод драмы Л. Лаццарони «Мир героев». Попутно отметим, что переводная литература, изданная в России в XVIII в., в целом довольно активно вводилась Плетневым в курс по истории русской литературы. В программе значатся переводы С. Волčkова, В. Лебедева, В. Теплова, Н. Поповского, В. Рубана, Е. Кострова, В. Петрова, кн. А. Голицына, П. Железникова и др.

А.П. Сумароков представлен в программе как «первый из русских драматических поэтов, первый директор придворного в России театра, писавший во всех родах поэзии» [51. С. 222]. В программе значатся написанные прозой «10 комедий, 2 оперы, 1 драма, речи, рассуждения и исторические отрывки» писателя, в стихах «9 трагедий», а также «духовные и торжественные оды», басни, сатиры, послания, эклоги, песни, надписи. Судя по комментариям в таблице, Сумароков изучался в сравнении с Ломоносовым. «Не умевший выражаться тем звучным и ровным языком, который до сих пор удивляет всех в одах и похвальных словах Ломоносова», Сумароков интерпретируется Плетневым как поэт, «довольствовавшийся соблюдением правил, предписываемых для внешнего состава стихотворений, слабо чувствуя, в чем состоит внутреннее достоинство поэзии», но «от современников заслуживший полное уважение, потому что круг его как драматического писателя был гораздо обширнее, нежели ученого человека или поэта лирического» [51. С. 223]. Довольно подробно планировалось изучить и творчество поэта и драматурга В.И. Майкова (ироикомические поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» и «Игрок Ломбера», трагедии «Агриопа» и «Фемист и Иеронима», «мелкие стихотворения», переводы из Овидия, Вольтера и др.). Не менее подробно в программе Плетнева представлено творчество Екатерины II (записки, комедии, драмы, оперы, фельетоны, переводы, отдельное внимание планировалось уделить «Былям и небылицам»). Заметим, что знакомство с творчеством А.Н. Радищева, представленного как «сочинитель разных прозаических отрывков, известный по сатирическому духу», сводилось к Житию Феодора Васильевича Ушакова.

В программе находим также басни и сказки И.И. Хемницера, трагедии, комедии, оперы, оды, басни, послания Я.Б. Княжнина, сочинения Д.И. Фонвизина («Недоросль» – интерпретируется как «в своем роде лучшее у нас произведение»; «Послание к слугам моим», письма и переводы), русские и славянские сказки, сатирическую поэму «Плачевное падение стихотворцев» М.Д. Чулкова. Весьма подробно планировалось изучить творчество И.Ф. Богдановича (поэма «Душенька», составлявшая, по мнению Плетнева, «эпоху в нашей литературе как по языку, так и по духу поэзии» [51. С. 239], повесть в стихах «Добромысл», драматические сочинения «Славяне» и «Радость Душеньки» и др.), М.М. Хераскова (поэмы «Россиада», «Владимир» и др., драматические сочинения, поэмы в прозе, оды и «мелкие стихотворения»). Показательно наличие в программе Плетнева сочинений М.Н. Муравьева, написанных им с учебной целью для ве-

ликих князей Александра и Константина Павловичей, которым он преподавал русскую словесность. Завершается курс литературы рубежа XVIII–XIX вв. изучением сочинений княгини Е.Р. Дашковой.

Программа Плетнева по истории русской словесности XIX в. заканчивается на 1835 г. Ее концепция строится на идее переходности литературы от сентиментализма к романтизму и реализму. Характерно в связи с этим, что программа предполагает знакомство, вероятно обзорное, с большим пластом сочинений-отголосков классицизма С.С. Боброва, М.В. Крюковского, П.А. Плавильщикова, В.А. Озерова, князя И.М. Долгорукова, А.Н. Грузинцева, В.В. Капниста и др. Продолжается и знакомство с духовной литературой (митрополит Амвросия, архиепископ Московский Августин, митрополит Михаил, архиепископ Амвросий Протасов и др.). Вместе с тем большое место в программе по истории русской литературы XIX в. занимают прозаические сочинения «промежуточных жанров» таких авторов, как О.П. Беляев, П.Я. Гамалея, Я.А. Галинковский, Е.Б. Фукс и др.

Широко представлена в плетневской программе переводная литература: переводы Н.П. Осипова (из Овидия, «Дон Кихот» Сервантеса), В.С. Подшивалова («из Мейснера восемь частей Повестей и роман „Бianка Капелло“», [51. С. 247], Н.И. Ильина («Характеры» Лабрюйера, «шесть комедий, переведенных с немецкого и французского языков [51. С. 251], П.М. Карabanова (стихотворный перевод «Альзиры» Вольтера и др.), А.Ф. Лабзина («Женитьба Фигаро» Бомарше, труды К. Фон Эккартсгаузена и И.Г. Юнга-Штиллинга), Н.А. Радищева (переводы из Лафонтена) и др. Одной из важнейших фигур в программе представлен Н.И. Гнедич, прежде всего как переводчик «Илиады» Гомера.

Особое внимание в программе по первой трети XIX в. уделяется русской поэзии. Ее история у Плетнева начинается с Г.Р. Державина, названного им «одним из самых оригинальных гениев лирической поэзии». В программе обозначено и творчество поэтов-романтиков В.Д. Венивитинова, А. Дельвига. Введены в нее и авторы второго ряда: М.В. Милонов, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, Н.Ф. Остолопов, В.Л. Пушкин.

История русской художественной прозы представлена в курсе Плетнева творчеством П.Ю. Львова, «писавшего много в повествовательном роде» («в первом разряде его сочинений» значится «Храм славы российских героев времён Гостомысла до царствования Романовых», роман «Российская Памела», повести, рассказы, «заимствованные из русской истории» [51. С. 257]), «сочинителя романов» В.Т. Нарезного («Бурсак», «Два Ивана, или Страсть к тяжбам», «Аристион, или Перевоспитание», «Черный год, или Горские друзья», сборник повестей «Словенские вечера»), В.В. Измайлова («Путешествие в полуденную Россию»), А.А. Измайлова (повести «Бедная Маша», «Евгений, или Следствия дурного воспитания»). Одна из центральных фигур, стоявших у истоков русской прозы, – Н.М. Карамзин, «образователь русской прозы» и «историограф» (программа предполагает изучение его «разных сочинений в прозе» и «Истории государства Российского»).

История русской драмы первой трети XIX в. представлена в программе Плетнева произведениями А.И. Писарева («четыре комедии, шесть водевилей», «Драматический альбом», изданный Писаревым совместно с А. Верстовским), «комика» А.С. Грибоедова (указаны комедии «Молодые супруги», «Придворная неверность» и «Горе от ума»; к последней имеется комментарий: «...замечательна по своему необыкновенному успеху, так что прежде издания тысячи рукописных экземпляров ее разошлись по России» [51. С. 259]) и некоторых других авторов.

Выстраивая историко-культурный контекст литературного процесса, Плетнев вводит в свою программу целый ряд значимых фигур. Кроме названных (и не названных) выше царских особ, многих духовных лиц, русских князей, поэтов, прозаиков, драматургов, переводчиков, в курсе упоминаются переписчики и переводчики древнерусских литературных памятников, знаменитые паломники и путешественники, оставившие описания своих паломнических и светских путешествий, ученые, педагоги, издатели, деятели русского театрального искусства. В комментариях программы постоянно даются сведения об истории литературных памятников, в том числе рукописных. Нередко в программу вводятся имена известных филологов, прежде всего лингвистов и историков литературы, среди них профессора русской словесности И.С. Рижский, А.Ф. Мерзляков, Н.Ф. Кошанский, П.А. Сохацкий, филологи Н.Ф. Грамматин, К.Ф. Калайдович и др. Важнейшими фигурами современной для великого князя русской литературы и культуры называются граф А.И. Мусин-Пушкин, граф Н.П. Румянцев. Как события времени называются издание профессором Московского университета Р.Ф. Тимковским Несторовой летописи по Лаврентьевскому списку, составление И.Ф. Ахматовым Атласа к «Истории государства Российского» Карамзина.

Особенностью программы Плетнева по литературе XIX в. было последовательное внимание к истории русских общественно-литературных журналов и альманахов. «Московский Меркурий» П.И. Макарова, «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий» А.И. Клушина, «Санкт-Петербургский журнал» И.П. Пнина, литературные журналы П.А. Сохацкого, «Пантеон русской поэзии» и «Цветник», «Санкт-Петербургский вестник» П.А. Никольского, «Друг детей» Н.И. Ильина, «Друг юношества» М.И. Невзорова, альманах «Северные цветы» и «Литературная газета» А.А. Дельвига, «Амфион» А.Ф. Мерзлякова, «Русский зритель» К.Ф. Калайдовича, «Любитель словесности» Н.Ф. Остолопова – программа представляла историю этих и других журналов, их издателей, отдельные журнальные публикации.

Таким образом, программа курса по истории русской словесности П.А. Плетнева как важнейшая и органическая часть его педагогического наследия строится в русле «Плана учения» и учебно-методических изданий В.А. Жуковского, созданных для обучения великого князя Александра Николаевича. Являя собой по форме хронологическую таблицу-«список русских сочинителей», по содержанию программа представляет собой концептуальный конспект по истории русской литературы с примечаниями

автора программы, своего рода «авторerefлексию» писателя – придворного педагога¹. В отличие от М.Н. Муравьева, преподававшего при дворе сразу три дисциплины, среди которых «литература была представлена в крайне скромных размерах» [52. С. 365], Плетнев разработал программу чрезвычайно скрупулезно, в академическом «стиле», включив в нее, кроме писательского корпуса, в разы большего, чем у Муравьева, обширный историко-культурный контекст. Вместе с тем с педагогическими принципами Муравьева программу Плетнева сближают убеждения в мощном воздействии изящной словесности, чтения литературных произведений «на сердце и обращение» ученика «с людьми» [25. С. 17], в том, что «исследование всякой науки доводит до поднятия способностей и сил души» и что «ничто не доставляет столь верных и удовлетворительных сведений о душе, как изучение литературы». Точнее сказать, Плетнев оказывается в этом русле благодаря Жуковскому, ближайшему преемнику Муравьева. В целом можно утверждать, что все трое исходят из того, что знание, которое дает изучение литературы, «многообъемлющее», поскольку «соединено с нравственностью» ([49. С. 120], что «постижение во всем истинного, доброго и прекрасного, как трех видов совершенства духовного, должно быть главною целью» литературы и «занятий литературой» [25. С. 24]. При этом программа университетского профессора Плетнева, вливавшаяся, по его выражению, в «педагогическую поэму» Жуковского, которая оказалась, по мнению Д.В. Долгушина, «по большому счету, педагогической утопией» в силу ее дедуктивного построения² (об этом подробно см.: [41. С. 368–370; 37. С. 389–398], представляется столь же глубоко концептуальной и столь же трудной для детского усвоения. Очевидно, что программа расходилась с реальным преподаванием. Не случайно в ней отсутствуют имена Жуковского, Пушкина, Гоголя, хотя из переписки Плетнева с Я.К. Гротом и воспоминаний великой княгини Ольги Николаевны, Ф. Фортунатова, М.Н. Лонгинова видно, что он читал вслух великим князьям, императрице Александре Федоровне, так же как и в своем университетском курсе, и Пушкина, и Жуковского, и Гоголя, прививая любовь к этим авторам, развивая в них убеждение, что это – вершина русской литературы³. Думается, что Плетнев, вслед за Жуковским и Муравьевым, на прак-

¹ Об истории придворного преподавания литературы в России, в том числе М.Н. Муравьевым, В.А. Жуковским и П.А. Плетневым, см.: [52].

² Отчасти «дедуктивной стратегии» в преподавании следовал и М.Н. Муравьев (см.: [52. С. 370].

³ В воспоминаниях великой княгини Ольги Николаевны читаем: «Жуковский и Плетнев, наши русские учителя, оба дружные с Пушкиным и члены литературного кружка “Арзамас”, давно уже познакомили нас с сочинениями Пушкина. Мы заучивали его стихи из “Полтавы”, “Бахчисарайского фонтана” и “Бориса Годунова”, мы буквально глотали его последнее произведение “Капитанская дочка”, которое печаталось в “Современнике»» [53]. Многочисленные упоминания Плетнева о его совместном с великой княгиней Ольгой Николаевной, императрицей Александрой Федоровной чтении сочинений Жуковского, Пушкина, Гоголя находим в его письмах к Я.К. Гроту: «У великой княжны Ольги Николаевны читали “Пиковую даму”. Эффект чудесный»; «...у великой княжны Ольги Николаевны... продолжал читать “Капитанскую дочку»»;

тике использовал «индуктивные стратегии», следуя в преподавании от частного – современного пласта литературы – к общему, стремясь прежде всего к пробуждению у своих учеников интереса к книге, что реализовывалось совместным комментированным чтением художественного произведения¹.

В заключение приведем слова из воспоминаний великой княгини Ольги Николаевны о П.А. Плетневе-учителе: «Наш русский преподаватель, Плетнев, был по духу очень тонок, почти женственно чуток и очень ценился современниками как литературный критик... В своих суждениях он шел наперекор всем принципам и теориям, опираясь только на чистоту и искренность своего чувства. Все обыденное, плоское было чуждо ему. Его влияние на учащуюся молодежь в Петербурге было очень плодотворно. Он открывал и бережно хранил такие таланты, как Гоголь, Майков и другие. С нами, детьми, он обращался так, как это надлежало педагогу. В Мэри он поддерживал ее воображение, в Саше – доброту сердца и всегда обращался с нами, подрастающими, как со взрослыми, когда надо было указать нам наш долг, наши обязанности как в отношении Бога и людей, так и перед нами самими. Он бывал растроган до слез, когда говорил нам о надеждах, которые возлагает на нас и хотел бы нам помочь их осуществить. Из всех наших преподавателей он был тем, кто особенно глубоко указывал и разъяснял нам цель жизни, к которой мы готовились. Хотя он был очень посредственным педагогом, его влияние на наши души и умы было самым благодатным. <...> Его письма, как и статьи, всеми читались, его имя связывали с духовными и политическими сдвигами нашей эпохи. Благодаря ему я поняла, какое направление приняли либеральные идеи декабристов» [53].

Литература

1. Каминский В.А. Плетнев и его отношения к Жуковскому и Пушкину // Русская старина. 1904. № 9. С. 594–627.
2. П.А. Плетнев. Письма к В.А. Жуковскому / публ. Е.П. Горбенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. СПб., 1984. Т. 1980. С. 111–128.
3. Переписка А.С. Пушкина : в 2 т. Т. 2: А.С. Пушкин и П.А. Плетнев / сост., коммент. В.Э. Вацура, М.И. Гиллельсона, И.Б. Мушиной и др. М., 1982. 574 с.
4. Горбенко Е.П. Плетнев и Пушкин // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1981. С. 12–22.

«...читал с великой княжной Ольгой Николаевной “Бориса Годунова”» [24. Т. 1. С. 153, 186, 238 и др.]; «...начал с великой княжной Ольгой Николаевной чтение 4 тома Жуковского. Я сказал ей, что баллада “Карл Великий” (его плавание) одна из моих любимых. И она ее для себя признала таковою же»; «...у великой княжны Ольги Николаевны сперва читали одни внизу, а после были позваны наверх к императорице. Наконец всего Бульбу дочитали. <...>. На будущее время решились выбирать для чтения из Жуковского, что найдется малоизвестного»; «...после мы пошли наверх к государыне. Ей хотелось послушать “Замок Смальгольм”. Я читал Ее Величеству и другие пьесы из Жуковского. Вообще, как всегда, было весело и приятно» [24. Т. 2. С. 6, 38, 42 и др.].

¹ К этому прибегал на практике и Жуковский.

5. Горбенко Е.П. Из переписки П.А. Плетнева (1821–1864) // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1986. Л., 1987. С. 19–48.
6. Шубин В.Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1984. Вып. 5. С. 87–93.
7. Розанов И.Н. Пушкинская плеяда: Старшее поколение. М., 1923. 184 с.
8. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: Элегическая школа. СПб., 1992. 238 с.
9. Горбенко Е.П. П.А. Плетнев – литературный деятель пушкинской эпохи. Краснодар, 1992. 58 с.
10. Белехова С.П. Поэзия П.А. Плетнева в литературном процессе первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 16 с.
11. Казанцева Г.В. К проблеме «автор – герой» в биографии писателя: («Александр Сергеевич Пушкин» П.А. Плетнева и «Материалы для биографии Пушкина» П.В. Анненкова) // Вестник Военного университета. 2011. № 2 (26). С. 58–64.
12. Белошапкин Д. Петр Александрович Плетнев как литературный критик. СПб., 1904. 23 с.
13. Каминский В.А. Плетнев как критик и публицист // Русская старина. 1906. № 11. С. 245–286.
14. Круковский А.В. Плетнев как критик // Филологические записки. 1916. Вып. 1. С. 23–61.
15. Азбукин В.Н. Литературно-критические взгляды П.А. Плетнева // Романтизм в художественной литературе. Казань, 1972. С. 39–53.
16. Проскурина В.Ю. Плетнев литературный критик // Филологические науки. 1985. № 5. С. 27–32.
17. Проскурина В.Ю. Литературная позиция журнала «Современник»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 26 с.
18. Проскурина В.Ю. Эстетическая позиция П.А. Плетнева – издателя «Современника» // Вестник Московского университета. Серия: Филология. 1984. № 6. С. 52–58.
19. Долгушин Д.В. Комментарии // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2016. Т. 11. С. 858–867.
20. Вяземский П.А. Памяти П.А. Плетнева // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 246–249.
21. Тургенев И.С. Литературный вечер у П.А. Плетнева // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. М.; Л., 1967. Т. XIV. С. 11–21, 423–434.
22. Грот Я.К. Петр Александрович Плетнев: (По поводу статьи И.С. Тургенева «Литературный вечер у Плетнева»). М., 1870. 36 с.
23. Грот Я.К. П.А. Плетнев и его сочинения. СПб., 1885. 11 с.
24. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1–3.
25. Грот К.Я. Петр Александрович Плетнев: биограф. очерк. СПб., 1902. 64 с.
26. Фортунатов Ф. Воспоминания о С.-Петербургском Университете за 1830–33 годы // Русский архив. 1869. № 2. Стб. 305–340.
27. Скабичевский А. П.А. Плетнев: биограф. очерк // Вестник Европы. 1885. Ноябрь. С. 49–103.
28. Языков Д.Д. Петр Александрович Плетнев. М., 1896. 39 с.
29. Плетнев А.П. Воспоминания о П.А. Плетневе. СПб., 1907. 14 с.
30. Горбенко Е.П. Профессора словесности // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1984. Вып. 5. С. 73–85.
31. Шубин В.Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1984. Вып. 5. С. 86–93.
32. Жуковская Т.Н., Дубровская Н.В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете (1817–1830 гг.): организационная структура и повседневная жизнь // Российская наука и высшая школа нового и новейшего времени (XVIII–XX вв.). 2017. № 10 (130). С. 57–65.

33. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья первая // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 5–12.

34. Долгушин Д.В. Учебные периодические издания в «придворной педагогике» М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского. Статья первая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 23. С. 5–21.

35. Долгушин Д.В. Учебные периодические издания в «придворной педагогике» М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского. Статья вторая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 26. С. 88–103.

36. Дельви́г А.А. «История древней и новой литературы». Сочинение Фридриха Шлегеля // Сочинения. Л., 1986. С. 260.

37. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени : дис. ... д-ра филол. наук. Томск ; Новосибирск, 2019. 508 с.

38. Симиновский П.М. Педагогические взгляды и деятельность В.А. Жуковского (1783–1852) : дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 159 с.

39. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2019. Т. 16. 1149 с.

40. Плетнев П.А. О жизни и сочинениях В.А. Жуковского // Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития. 1853. Т. 3. С. 355–397.

41. Плетнев П.А. О жизни и сочинениях В.А. Жуковского. СПб., 1853. 188 с.

42. Плетнев П.А. Сочинения и переписка : в 3 т. СПб., 1885.

43. Айзикова И.А. «Библейские повести» В.А. Жуковского // Русская литература и религия. Новосибирск : Наука, 1997. С. 85–94.

44. Киселева Л.Н. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3 : материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 198–228.

45. Айзикова И.А. Письма К.К. Мёрдера к В.А. Жуковскому (публикация и комментарий) // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2020. Вып. 4. С. 358–407.

46. Киселёв В.С., Жилиякова Э.М. «План учения... наследника цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В. А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 125–136.

47. Долгушин Д.В. Иконическая и словесная интерпретация текста в «Живописной Священной истории» В.А. Жуковского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования : материалы Новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений. Новосибирск, 2016. Вып. 3. С. 57–72.

48. Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы В.А. Жуковского и их значение // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2017. Вып. 3. С. 238–257.

49. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 11. Первый полум. М., 2016. 1047 с.

50. Хронологические таблицы Истории Государства Российского: Древняя история. II. Времена уделов. II. Татарское иго // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1877. Т. 30. С. 145–167.

51. Плетнев П.А. Хронологический список русских сочинителей и библиографические замечания о их произведениях // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1877. Т. 30. С. 197–267.

52. Долгушин Д.В. Придворный локус и авторефлексия русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 361–373.

53. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. Сон Юности. URL: http://dugward.ru/library/olga_nick.html (дата обращения: 22.09.2021).

Pyotr Pletnev's Heritage in "Court" Pedagogy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 208–229. DOI: 10.17223/19986645/74/12

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: P. A. Pletnev, V. A. Zhukovsky, court pedagogy, educational and methodological materials, typological approaches.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

Without claiming to be a complete reconstruction of Pletnev's pedagogical system, which should be understood as an important part of Russian pedagogy and as a phenomenon of Russian culture, the article focuses on presenting his legacy in "court pedagogy", showing that the basis for it was the sociocentric and anthropocentric concepts of teaching and upbringing of persons of the royal family, perceived largely from M.N. Muravyev and V.A. Zhukovsky. The methodological principles applied in the study are determined by the desire for a comprehensive interdisciplinary approach, implying a combination of biographical context analysis and comparative analysis conducted in historical-literary and historical-pedagogical directions, which corresponds to the logic of the study. Based on factual research within the framework of the topic and a detailed analysis of Pletnev's textbook on the history of Russian literature compiled for Grand Duke Alexander Nikolaevich and published in 1836 under the title *A Chronological List of Russian Writers and Bibliographic Notes on Their Works*, the author comes to the following conclusions. Having entered the pedagogical system built by Zhukovsky for the training of Grand Duke Alexander Nikolaevich, Pletnev followed its principles, general and specific. Pletnev's tables on Russian history are similar to the ones Zhukovsky compiled for the Tsarevich. Pletnev's course program is based on Zhukovsky's teaching plan and educational and methodical publications made for the training of the heir to the Russian throne. In terms of content, this is a conceptual synopsis with notes by the author of the program, developed extremely scrupulously, in an academic "style", which includes, in addition to a large writer's corpus, an extensive historical and cultural context. Pletnev's program and Zhukovsky's pedagogical views are also brought together by beliefs in the powerful impact of fine literature and reading of literary works on the student's heart and their relationships with people. Pletnev follows not only Zhukovsky, but also M.N. Muravyov. However, the program of the university professor Pletnev, due to its "deductive construction", turned out to be very difficult for children to assimilate. Obviously, it had little in common with real teaching. It seems that Pletnev, following Zhukovsky and Muravyov, used "inductive strategies" in practice, following in teaching from the specific – the modern layer of literature – to the general, striving to arouse his students' interest in books, which was realized by a joint commented reading of a work of fiction.

References

1. Kaminskiy, V.A. (1904) Pletnev i ego otnosheniya k Zhukovskomu i Pushkinu [Pletnev and his attitudes to Zhukovsky and Pushkin]. *Russkaya starina*. 9. pp. 594–627.
2. Pletnev, P.A. (1984) Pis'ma k V.A. Zhukovskomu [Letters to V.A. Zhukovsky]. Published by E.P. Gorbenko. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House]. Vol. 1980. St. Petersburg: Pushkin House. pp. 111–128.
3. Vatsuro, V.E. et al. (1982) *Perepiska A.S. Pushkina: v 2 t.* [Correspondence of A.S. Pushkin: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

4. Gorbenko, E.P. (1981) Pletnev i Pushkin [Pletnev and Pushkin]. In: *Esteticheskie vzglyady pisatelya i khudozhestvennoe tvorchestvo* [Aesthetic views of the writer and artistic creativity]. Krasnodar: [s.n.]. pp. 12–22.
5. Gorbenko, E.P. (1987) Iz perepiski P.A. Pletneva (1821–1864) [From the correspondence of P.A. Pletnev (1821–1864)]. In: *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik 1986* [Monuments of Culture. New discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook of 1986]. Leningrad: Nauka. pp. 19–48.
6. Shubin, V.F. (1984) Vechera Pletneva v Rektorskom fligele [Pletnev Nights in the Rector's Wing]. In: *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the history of Leningrad University]. Vol. V. Leningrad: Leningrad State University. pp. 87–93.
7. Rozanov, I.N. (1923) *Pushkinskaya pleyada: Starshee pokolenie* [Pushkin's pleiad: The older generation]. Moscow: Zadruga.
8. Vatsuro, V.E. (1992) *Lirika pushkinskoy pory: Elegicheskaya shkola* [Lyrics of Pushkin's time: Elegiac school]. St. Petersburg: Nauka.
9. Gorbenko, E.P. (1992) *P.A. Pletnev – literaturnyy deyatel' pushkinskoy epokhi* [P.A. Pletnev as a literary figure of the Pushkin era]. Krasnodar.
10. Belekova, S.P. (2000) *Poeziya P.A. Pletneva v literaturnom protsesse pervoy treti XIX v.* [P.A. Pletnev's poetry in the literary process of the first third of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
11. Kazantseva, G.V. (2011) K probleme “avtor – geroy” v biografii pisatelya (“Aleksandr Sergeevich Pushkin” P.A. Pletneva i “Materialy dlya biografii Pushkina” P.V. Annenkova) [On the problem of “author – hero” in the writer's biography (“Alexander Sergeevich Pushkin” by P.A. Pletnev and “Materials for the Biography of Pushkin” by P.V. Annenkov)]. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2 (26). pp. 58–64.
12. Beloshapkin, D. (1904) *Petr Aleksandrovich Pletnev kak literaturnyy kritik* [Pyotr Alexandrovich Pletnev as a literary critic]. St. Petersburg.
13. Kaminskiy, V.A. (1906) Pletnev kak kritik i publitsist [Pletnev as a critic and publicist]. *Russkaya starina*. 11. pp. 245–286.
14. Krukovskiy, A.V. (1916) Pletnev kak kritik [Pletnev as a critic]. *Filologicheskie zapiski*. 1. pp. 23–61.
15. Azbukin, V.N. (1972) Literaturno-kriticheskie vzglyady P.A. Pletneva [Literary-critical views of P.A. Pletnev]. In: Gulyaev, N.A. (ed.) *Romantizm v khudozhestvennoy literature* [Romanticism in fiction]. Kazan: Kazan State University. pp. 39–53.
16. Proskurina, V.Yu. (1985) Pletnev – literaturnyy kritik [Pletnev as a literary critic]. *Filologicheskie nauki*. 5. pp. 27–32.
17. Proskurina, V.Yu. (1985) *Literaturnaya pozitsiya zhurnala “Sovremennik”* [Literary position of the journal “Sovremennik”]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
18. Proskurina, V.Yu. (1984) Esteticheskaya pozitsiya P.A. Pletneva – izdatelya “Sovremennika” [Aesthetic position of P.A. Pletnev, publisher of *Sovremennik*]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya “Filologiya”*. 6. pp. 52–58.
19. Dolgushin, D.V. (2016) Kommentarii [Commentaries]. In: Zhukovskiy, V.A. *PSSiP: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 11. Moscow: YaSK. pp. 858–867.
20. Vyazemskiy, P.A. (1984) *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo. pp. 246–249.
21. Turgenev, I.S. (1967) Literaturnyy vecher u P.A. Pletneva [A literary night at P.A. Pletnev's]. In: *PSSiP: v 28 t. Sochineniya: v 15 t.* [Complete works and letters: in 28 vols. Works: in 15 vols]. Vol. 14. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 11–21, 423–434.
22. Grot, Ya.K. (1870) *Petr Aleksandrovich Pletnev. (Po povodu stat'i I.S. Turgeneva “Literaturnyy vecher u Pletneva”)* [Pyotr Alexandrovich Pletnev. (Regarding I.S. Turgenev's “A literary night at P.A. Pletnev's”)]. Moscow: Tipografiya Gracheva i K°.
23. Grot, Ya.K. (1885) *P.A. Pletnev i ego sochineniya* [P.A. Pletnev and his writings]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

24. Grot, K.Ya. (ed.) (1896) *Perepiska Ya.K. Grota s P.A. Pletnevym* [Correspondence of Ya.K. Grot with P.A. Pletnev]. Vols 1–3. St. Petersburg: tip. M-va putey soobshcheniya.
25. Grot, K.Ya. (1902) *Petr Aleksandrovich Pletnev. Biograficheskiy ocherk* [Pyotr Alexandrovich Pletnev. Biographical essay]. St. Petersburg: tip. I.N. Skorokhodova.
26. Fortunatov, F. (1869) Vospominaniya o S.-Peterburgskom Universitete za 1830–33 gody [Memories of St. Petersburg University for 1830–33]. *Russkiy arkhiv*. 2. Columns 305–340.
27. Skabichevskiy, A. (1885) P.A. Pletnev. Biograficheskiy ocherk [Pyotr Alexandrovich Pletnev. Biographical essay]. *Vestnik Evropy*. Novemer. pp. 49–103.
28. Yazykov, D.D. (1896) *Petr Aleksandrovich Pletnev*. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
29. Pletnev, A.P. (1907) *Vospominaniya o P.A. Pletneve* [Memories of P.A. Pletnev]. St. Petersburg.
30. Gorbenko, E.P. (1984) Professora slovesnosti [Professors of Literature]. In: *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the history of Leningrad University]. Vol. V. Leningrad: Leningrad State University. pp. 73–85.
31. Shubin, V.F. (1984) Vechera Pletneva v Rektorskom fligele [Pletnev's Nights in the Rector's Wing]. In: *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the history of Leningrad University]. Vol. V. Leningrad: Leningrad State University. pp. 86–93.
32. Zhukovskaya, T.N. & Dubrovskaya, N.V. (2017) Blagorodnyy pansion pri Sankt-Peterburgskom universitete (1817–1830 gg.): organizatsionnaya struktura i povsednevnyaya zhizn' [Noble boarding school at St. Petersburg University (1817–1830): organizational structure and everyday life]. *Rossiyskaya nauka i vysshaya shkola novogo i noveyshego vremeni (XVIII–XX vv.)*. 10 (130). pp. 57–65.
33. Ayzikova, I.A. (2020) Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/461/1
34. Dolgushin, D.V. (2020) Educational Periodicals in the “Court Pedagogy” of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. Article One. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 23. pp. 5–21. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/23/1
35. Dolgushin, D.V. (2021) Educational Periodicals in the “Court Pedagogy” of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. Article Two. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 26. pp. 88–103. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/26/5
36. Del'vig, A.A. (1886) *Sochineniya* [Writings]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. p. 260.
37. Dolgushin, D.V. (2019) *V.A. Zhukovskiy i religiozno-filosofskaya kul'tura ego vremeni* [V.A. Zhukovsky and religious and philosophical culture of his time]. Philology Dr. Diss. Tomsk; Novosibirsk.
38. Siminovskiy, P.M. (2000) *Pedagogicheskie vzglyady i deyatel'nost' V.A. Zhukovskogo (1783–1852)* [Pedagogical views and activities of V.A. Zhukovsky (1783–1852)]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
39. Zhukovskiy, V.A. (2019) *PSSiP: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 16. Moscow: YaSK.
40. Pletnev, P.A. (1853) O zhizni i sochineniyakh V.A. Zhukovskogo [On the life and works of V.A. Zhukovsky]. In: Plyushar, A.A. & Genkel', V. (eds) *Zhivopisnyy sbornik zamechatel'nykh predmetov iz nauk, iskusstv, promyshlennosti i obshchezhitia* [A picturesque collection of remarkable objects from the sciences, arts, industry, and public life]. Vol. 3. St. Petersburg: Izdanie Plyushara A.A. pp. 355–397.
41. Pletnev, P.A. (1853) *O zhizni i sochineniyakh V.A. Zhukovskogo* [On the life and works of V.A. Zhukovsky]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
42. Pletnev, P.A. (1885) *Sochineniya i perepiska: v 3 t.* [Works and correspondence: in 3 volumes]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

43. Ayzikova, I.A. (1997) "Bibleyskie povesti" V.A. Zhukovskogo ["Bible stories" of V.A. Zhukovsky]. In: *Russkaya literatura i religiya* [Russian literature and religion]. Novosibirsk: Nauka. pp. 85–94.
44. Kiseleva, L.N. (2004) [Zhukovsky – a teacher of the Russian language (the beginning of the "tsarist pedagogy")]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin readings in Tartu 3]. Proceedings of the International Conference. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastu. pp. 198–228. (In Russian).
45. Ayzikova, I.A. (2020) Pis'ma K.K. Merdera k V.A. Zhukovskomu (publikatsiya i kommentariy) [Letters from K.K. Murder to V.A. Zhukovsky (publication and commentary)]. In: Kiselev, V.S. (ed.) *Zhukovskiy. Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky. Research and materials]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 358–407.
46. Kiselev, V.S. & Zhilyakova, E.M. (2014) "Plan of the Education ... of Tsarevich Alexander Nikolaevich" in the Context of V.A. Zhukovsky's Pedagogical Legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (32). pp. 125–136. (In Russian).
47. Dolgushin, D.V. (2016) [Iconic and verbal interpretation of the text in the "Picturesque Sacred History" by V.A. Zhukovsky]. *Dukhovno-nravstvennyye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya* [Spiritual and moral foundations of Russian culture and education]. Proceedings of the Novosibirsk Cyril and Methodius Readings. Vol. 3. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 57–72.
48. Rebecchini, D. (2017) Mir simbolov: mnemonicheskie tablitsy V.A. Zhukovskogo i ikh znachenie [The world of symbols: mnemonic tables of V.A. Zhukovsky and their meaning]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–257.
49. Zhukovskiy, V.A. (2016) PSSiP: v 20 t. [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 1 (1). Moscow: YaSK.
50. Imperial Russian Historical Society. (1877) Khronologicheskie tablitsy Istorii Gosudarstva Rossiyskogo. Drevnyaya istoriya. II. Vremena udelov. II. Tatarskoe igo [Chronological tables of the History of the Russian State. Ancient history. II. District times. II. Tatar yoke]. In: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 30. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 145–167.
51. Pletnev, P.A. (1877) Khronologicheskiy spisok russkikh sochiniteley i bibliograficheskie zamechaniya o ikh proizvedeniyakh [Chronological list of Russian writers and bibliographic notes on their works]. In: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 30. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 197–267.
52. Dolgushin, D.V. (2015) Pridvornyy lokus i avtorefleksiya russkoy literatury kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.: Mikhail Murav'ev, Vasilii Zhukovskiy, Petr Pletnev [Court Locus and Autoreflexion of Russian Literature of the Late 18th – First Half of the 19th Centuries: Mikhail Muravyov, Vasily Zhukovsky, Pyotr Pletnev]. *Toronto Slavic Quarterly*. 53. pp. 361–373.
53. Dugward.ru. (2021) *Vospominaniya velikoy knyazhny Ol'gi Nikolaevny. 1825–1846. Son Yunosti* [Memories of Grand Duchess Olga Nikolaevna. 1825–1846. Dream of Youth]. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/olga_nick.html (Accessed: 22.09.2021).

УДК 398:008+316.7(571.1/.5)
DOI: 10.17223/19986645/74/13

И.Ф. Гнюсова

МОДЕЛИ СОЦИОКОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКОВ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г.Н. ПОТАНИНА)¹

Представлен анализ связанных с Японией мотивов, выразившихся в переводных публикациях на страницах периодических изданий Сибири и Юго-Западного края рубежа XIX–XX вв. («Киевлянин», «Одесские новости», «Южное обозрение», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь» и «Сибирский наблюдатель»). В результате сделан вывод, что в переводных художественных зарисовках на страницах региональной литературной периодики создаётся противоречивый, но в целом положительный образ Японии.

Ключевые слова: фольклор, Сибирь, Г.Н. Потанин, культурно-языковой ландшафт, фронтир, модель, пространство, хронотоп

Фольклор как «совокупность словесных текстов, вошедших в устную бытовую традицию того или иного этноса» [1. С. 30], является одним из самых ранних источников информации о мировоззрении отдельных народов. Современные исследователи даже рассматривают фольклор как «особый семиотический аппарат, созданный для конструирования времени, пространства и социального взаимодействия в заданных традицией рамках» [2. С. 11]. В этой связи фольклорные тексты представляют собой репрезентативный материал для решения задачи, связанной с реконструкцией культурно-языкового ландшафта Сибири как трансграничного региона². Цель данной статьи – выявить специфику отражения в устном творчестве народов Сибири особого социокоммуникативного пространства, обусловленного ситуацией «движущейся границы» [3. С. 30].

Материалом для исследования стали одни из первых изданий сибирского фольклора, выпущенные под редакцией Григория Николаевича Потанина (1835–1920) – известного ученого и общественного деятеля. В течение долгого времени Потанин был членом Императорского Русского географического общества, а с 1887 г. стал правителем дел Восточно-Сибирского отдела ИРГО в Иркутске. Именно в этот период он начинает уделять большое внимание фольклору, организует общества по его изучению, сбор и публикацию фольклорных материалов. Переехав в Томск в 1902 г., Потанин становится одним из организаторов Томского общества изучения

¹ Результаты исследования были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

² Подробнее об этом см.: [3].

Сибири и выпускает несколько изданий его трудов, также включающих материалы по фольклористике и собственно тексты сибирских преданий и сказок. Практически все сборники снабжены сопроводительной статьей и комментариями самого ученого.

Фольклорные тексты, опубликованные по инициативе Потанина, были собраны в разных и достаточно удаленных друг от друга частях Сибири. Так, «Верхоянский сборник», вышедший в 1890 г., – издание «образцов якутской устной словесности» [4. С. <I>], записанных молодым ссыльным фольклористом И.А. Худяковым. «Балаганский сборник» (1903) – одно из наиболее полных изданий фольклора северных бурят, собранного местным этнографом М.Н. Хангаловым. Русские и инородческие сказки и песни, несколько томов которых было выпущено в 1900-е гг., записаны в Томской, Тобольской и Енисейской губерниях. В 1915 г. вышел «Аносский сборник» – алтайские легенды и сказки, собранные жителем села Анос Н.Я. Никифоровым и обработанные при непосредственной помощи Г.Н. Потанина. Наконец, чрезвычайно любопытный материал содержит один из томов «Трудов Томского общества изучения Сибири», выпущенный также в 1915 г., – это сказки и легенды малочисленных народов Сибири – черневых татар (тубаларов), телеутов и остяков-самоедов (селькупов).

Изучение этих разнородных источников с использованием исторического, типологического и сравнительного методов позволяет обнаружить несколько моделей отражения в фольклоре особого трансграничного положения Сибири. Модели эти напрямую зависят от жанровой принадлежности текстов. Наиболее отчетливо фронтальная проблематика проявляется в преданиях и легендах народов Сибири. Однако не менее активно она входит и в малые жанры – пословицы, поговорки и загадки, что указывает на органическое включение этой тематики в бытовую сферу, ее привычность, обыденность для жителей Сибири к концу XIX – началу XX в.

Отдельную модель представляет собой сибирское пространство в русских сказках, претерпевших незаметные, но чрезвычайно любопытные изменения за время бытования на территории Зауралья. Наконец, особым образом актуализируется пространственная тематика в лирических песнях, передающих уже не столько исторические, сколько современные для их исполнителей реалии.

Самый обширный материал для характеристики социокоммуникативной ситуации в Сибири дает якутский фольклор. Несомненно, это является и заслугой собирателя – Ивана Александровича Худякова, профессионального фольклориста, который занимался сбором образцов народной словесности еще в Московском университете, будучи учеником Ф.И. Булаева¹. «Верхоянский сборник» был опубликован уже после смерти Худя-

¹ В 1866 г. Худякова сослали в Верхоянск за помощь Д.В. Каракозову в организации покушения на императора. Там молодой ученый производил метеорологические наблюдения, позволившие вскоре признать Верхоянск первым полюсом холода, а также изучал этнографию якутов и даже составил русско-якутский словарь.

кова: его рукописи долго ходили по рукам, пока не были атрибутированы Потаниным, о чем он сам подробно сообщает в предисловии.

Жанровое деление собранного материала принадлежит, скорее всего, самому Худякову, поскольку Потанин-редактор не пишет о каком-либо вмешательстве в записи, кроме исключения оригинальных якутских текстов. Однако заглавие четвертому разделу сборника – «Саги» – возможно, было дано самим Потаниным¹. Представленные в нем тексты не что иное, как исторические предания, хотя отдельные сюжеты и имеют отдаленное сходство с родовыми сагами скандинавских народов².

В пяти произведениях этого раздела, два из которых сопровождаются вариантами, рассказывается не только о героях-прародителях якутов, но, главным образом, о взаимоотношениях якутов с другими народами, населяющими Сибирь, – прежде всего, ламутами (эвенами) и тунгусами (эвенками). Отношения эти, за редким исключением, носят характер откровенной вражды: воинственные соседи постоянно преследуют якутских героев и пытаются убить их. И все-таки на первое место в разделе вынесено предание, посвященное эпохальным событиям в якутской истории, – завоеванию их земель русскими.

Текст под заголовком «Бярт-Хара» содержательно делится на две независимые друг от друга истории. Объединяет их только общее действующее лицо – богатый и воинственный тойон (родоначальник) Тыгын, известный герой якутского фольклора. Первая часть предания посвящена межродовым столкновениям якутов, в ходе которых Тыгын, завидуя богатству тойона Лёгёя, пошел на него войной. Однако грабительским планам героя мешает приемный сын Лёгёя, могучий богатырь Маянтылап по прозвищу Бярт-Хара («славный черный» [4. С. 50]). Во второй части текста облик Тыгына меняется: теперь жестокий и жадный тойон оказывается радушным хозяином, подло обманутым «пришельцами» с юга, а затем принимает мучительную смерть в ходе неравной борьбы с русским войском. Тойон Лёгёй, вновь упоминаемый в конце легенды, напротив, считается теперь предателем, поскольку после смерти Тыгына добровольно сдается русским и начинает платить им ясак.

Обилие вариантов этого предания (четыре только в составе «Верхоянского сборника») указывает на его особое значение в якутском фольклоре. Исторический факт – появление на Лене отряда русского промышленника П.Д. Пенды в 1624 г. – показан в тексте как подлинное потрясение для якутов, впервые увидевших лодку («какая-то штука, похожая на домишко»), и троих странных людей «с глазами туда, с носом сюда» [4. С. 50]. Характерно, что в большинстве вариантов страх и дурные предчувствия якутов

¹ На это указывает использование такого жанрового определения в одной из самых известных научных работ ученого – «Саге о Соломоне», см.: [5].

² С.В. Алпатов указывает на то, что «саги» (нем. sage) являлись в то время общим термином для обозначения несказочной прозы и смежных балладных реализаций тех же сюжетов.

передаются через реплику жены Тыгына, до этого не фигурировавшей в повествовании: «Старик! эти люди совершенно на нас не похожи; ум мой боится. Либо прогони этих людей, или уж убей их!» [4. С. 50]. Однако Тыгын оставляет русских у себя в качестве работников и даже, ценя их трудолюбие и покорность, называет своими сыновьями.

Предание фактически повествует о разрушении традиционного патриархального мира отдельного якутского селения. Оно начинается с предчувствия беды, и вскоре несчастья следуют одно за другим, причем масштабы их всё увеличиваются. Через три года русские работники исчезают, убив часть скота и большое количество людей. Еще через три года¹ по реке приплывают новые «дома, и страшнее прежних» [4. С. 51]. Пришельцев уже не трое, а шестеро, и они хитростью захватывают большую территорию, где на следующее утро чудесным образом появляется много «высоких, превысоких домов» [4. С. 51]. Тогда русские открыто разъясняют Тыгыну, что «на южной стороне» есть царь, которого «Бог... поставил» [4. С. 51] руководить всеми людьми, а значит, якуты должны подчиниться ему и платить дань.

Попытка справиться с незваными гостями отнюдь не окрашена в героические тона – напротив, предание беспощадно высвечивает беспомощность сибирского народа, пытающегося свалить русский острог, «окруживши его ремнем» [4. С. 52]. В одном из вариантов реакция якутов на незнакомое им огнестрельное оружие даже приобретает комически сниженные черты². Героический пафос сопровождает только образ Тыгына, который призывает людей сражаться, несмотря на всеобщий страх («Стыд (нам) будет поддаться» [4. С. 52]), а затем гибнет под пытками русских. Смерть героя вызывает даже сожаление русского царя, получившего голову казненного тойона: «...должно быть, славный он был человек! Я бы посмотрел его!» [4. С. 53].

Однако характерно, что основной вариант предания завершается довольно обыденно, сдержанной «исторической справкой»: сообщается, что весь народ Тыгын-тойона был убит, после чего в Верхоянском улусе не осталось ни одного человека. «Услышавши это, бежали сюда, – резюмирует якутский сказитель, – и, пришедши, сделались здесь оседлыми» [4. С. 54].

Гораздо более драматическую картину, в которой приход русских связывается с окончанием «золотого века», демонстрирует селькупский фольклор. В 1911–1914 гг. известный финский лингвист и этнограф Кай Доннер организовал экспедицию на север Томской губернии для исследования самодийских народов, в том числе остяков-самоедов, как называли в то время селькупов. Часть результатов экспедиции, посвященных самодийским

¹ Хотя временные промежутки традиционны для фольклорного хронотопа, они соответствуют историческим фактам: первое прибытие русских на земли якутов приходится примерно на 1624 г., а окончательное завоевание – на 1630–1631 гг. (см.: [6]).

² «Русские стали стрелять из ружей. “Как они громко п...дят!” подумали якуты и оборотились к ним задницами; но когда поняли, что пули убивают, то оборотились лицом...» [4. С. 54].

легендам, Доннер опубликовал в «Журнале Финно-угорского общества» [7]. По инициативе Г.Н. Потанина выдержки из этой статьи были переведены и напечатаны в третьем томе «Трудов Томского общества изучения Сибири» под заголовком «Самоедский эпос» [8].

Доннер был одним из первых ученых, который записал и опубликовал «схематическое изложение... самых первобытных и характеристичных» [8. С. 40] образцов селькупского фольклора – цикла легенд об Итте¹. Финский этнограф также называет этот цикл «эпической поэмой», «сагой» и даже «самоедской национальной эпопеей» [8. С. 53]. Сюжеты сказаний о могучем и хитроумном герое селькупского народа разнообразны и увлекательны, и большинство из них имеет этиологический характер. В одной из историй Итте убивает проглотившего его могущественного шамана, вырезая отверстие в его животе; в другой – спасает гигантскую птицу Пюне и столь же исполинскую рыбу, в спине которой застряли когти Пюне. Итте вызывает дочерей лесного духа, украденных богатырями с севера, и берет в жены всех трех девушек, сыновья которых становятся прародителями селькупов. Наконец, в главной из легенд герой сражается с могущественным великаном Пюнегуссе, «злейшим врагом его народа» [8. С. 45], съевшим родителей Итте и множество других людей. Поверженный великан снова и снова возрождался к жизни, пока наконец Итте не удастся разрубить и сжечь его тело – но из пепла Пюнегуссе каждое лето образуются сотни комаров, которые продолжают «делать их [людей] жизнь нестерпимой» [8. С. 46].

Завершение цикла о борьбе Итте с великаном рисует картину абсолютного земного благоденствия: после этой победы «...повсюду царил мир, не было ссор, леса были полны дичи, а реки рыбы» [8. С. 47]. Характерно, что в этой модели мира для селькупов не существует других пространств и других народов: Итте здесь называется «обладателем семи (всех) стран» [8. С. 47]. Однако такое гиперболизированное описание уже указывает на недолговечность идиллии, о чем и сообщает далее Доннер: «...и всё же мир в конце концов был нарушен» [8. С. 47]. Последующие события – еще одна фольклорная интерпретация прихода русских в Сибирь. По содержанию эта часть селькупской легенды близка к эсхатологическому мифу.

Приход русских или их первых посланцев в легенде интерпретируется как появление «демона с семью зубами», который, как и поверженный ранее великан, требует от Итте человеческого мяса. Селькупскому герою удастся в течение трех лет обманывать демона, скармливая ему камни (предварительный трехлетний период весьма схож с якутской версией событий), однако затем тот обращается к «отцу всех русских» по имени K'ristos, «который уже к тому времени появился с детьми своими, русскими» [8. С. 47] на землях селькупов. Этот-то K'ristos и дает демону всё, чего

¹ В статье имя героя переведено как Итьте, хотя оно имеет и другие диалектные варианты произношения. Н.А. Тучкова, известный томский исследователь истории и культуры селькупов, называет в своей монографии восемь из них: Иде, Итя, Ича, Идже и др. (см.: [9]).

тот требует: «пищу и питье и людей» [8. С. 47]. Итте видит, что «демон и K'ristos приобретают всё больше и больше влияния» и решает уйти от своего народа «далеко за моря, чтобы отдохнуть и спать» [8. С. 47].

Уход Итте прочерчивает границу между благоденствием селькупов в прошлом и их нынешним существованием: «В настоящее время, когда K'ristos и демон царствуют над землей, все несчастны, бедны, ранее же все были богаты и счастливы. Теперь почти нечего есть, а прежде всё было в изобилии» [8. С. 47]. Однако селькупы верят, что Итте вернется, «соберет вместе всех своих рассеянных по земле детей и прогонит чужеземцев из Сибири» [8. С. 47]. Этот драматический финал самодийской легенды явно контрастирует с концовкой якутского предания и ярко иллюстрирует меньшую готовность малочисленных народов Приобья к интеграции.

Доннер, впрочем, записал и несколько более поздних версий сказаний об Итте, созданных, как видно из сюжетов, уже в новых социокоммуникативных условиях. Помимо русских, в них начинают фигурировать татары: в их городе был голод, и татарский князь просит Итте «умилостивить богов» [8. С. 48] (в дальнейшем Бог упоминается уже в единственном числе), после чего «в красивых саях татары его увозят в свою страну» [8. С. 48]. Обращает на себя внимание расширение пространства и появление новых локаций (город, страна), при этом населенных другим народом. Появляются определенные переключки с христианской символикой: Итте взывает к Богу семь дней, и наконец Бог соглашается на его просьбу. Любопытную трансформацию претерпевает и сюжет с Пюнегуссе: Итте убивает людоеда исключительно потому, что тот перешел в христианство, однако жена и дети людоеда спасаются, убежав к русским.

Совершенно другой характер взаимоотношений с русскими демонстрируют сказания черневых татар Алтая – тубаларов. Три текста под общим заголовком «Сказки черневых татар» опубликованы всё в том же третьем томе «Трудов Томского общества изучения Сибири». Два первых произведения (вместо заглавий они обозначены номерами) действительно близки по жанровому определению к сказке. Они посвящены тому, как находчивый татарский герой Екселёк хитростью побеждает огромного змея и великана-людоеда. Третий же текст является скорее историческим преданием – на это указывает не только сам сюжет, но и финальное примечание, в котором утверждается, что знакомый сказителя лично видел упомянутую в финале книгу.

В основе сюжета лежат исторические события, связанные уже не с приходом русских на Алтай, а с добровольным вхождением тубаларов в состав Российской империи, которое произошло, по разным данным, в течение XVII в. или в первой четверти XVIII в. Первая часть предания рисует положение народа накануне этих перемен: «Лет 300 тому назад жили здесь инородцы сами по себе, не находясь ни под чьей властью» [10. С. 60]. Впрочем, это уже не то идиллическое время, о котором рассказывают селькупы, поскольку в следующих строках сообщается, что русские и ой-

роты¹ брали с них дань. Однако оценочная характеристика того и другого народа кардинально отличается, и на этом противопоставлении строится всё повествование.

Содержательно предание делится на три части. В первой рассказывается о коварстве ойротского чиновника, который приехал за данью вместе с представителем Российского царства и позавидовал отборным мехам, которые тому удалось собрать. «...Русские брали [дань] умеренно... <...> Ойроты же брали всё, что попадется... Брали хотя и плохое, но помногу, прямо как бы грабили», – с презрением поясняет сказитель эту ситуацию [10. С. 60]. В итоге ойротский чиновник преследует отряд русских, стреляя им в спины, но возвращается ни с чем. «С тех пор три года не приезжали ни русские, ни... ойроты за податью» – так завершается первая часть предания [10. С. 60]. Заметим, что здесь снова возникает трехлетний перерыв перед следующим появлением чужого народа.

Во второй части сюжет предания несколько отходит от исторических реалий и приближается к сказочному. В селении тубаларов появляются три ойротских силача, которые самовольно облагают народ податью, под страхом смерти принуждая отдавать им половину дичи и приготовленной пищи. Избавлению от узурпаторов и посвящен этот фрагмент повествования. Обращает на себя внимание, что тубалары представлены в нем как мирный народ: они кое-как находят смельчаков, которые заманивают двух ойротских силачей на охоту с целью убить их, а потом с трудом уговаривают еще одного местного силача пойти к третьему захватчику: «...смирен уж больно был» [10. С. 61] этот тубаларский герой.

В финальной части предание вновь обращается к историческим событиям: после всех притеснений со стороны ойротов тубалары, посоветовавшись, решают обратиться к российской императрице Екатерине². Они передают ей дань за три года и получают за это зайсанство – местное самоуправление, а также «обещание 1000 лет их не трогать, земли у них не отнимать, в солдаты – не брать и не обижать» [10. С. 61]. Обещание это, по заверению сказителя, было записано «в большой книге из синей бумаги» [10]. Однако несколько лет тому назад некий «крестьянский начальник» затребовал эту книгу у зайсана, что вновь привело к разрушению сказочной идиллии: «...А сами теперь ни при чем остались» [10. С. 61]. Впрочем, финал здесь все-таки лишен какого-либо драматизма и демонстрирует только досаду народа, предкам которого удалось так хитро устроить свою жизнь в составе Российского государства.

Мы видим, что все три образца сибирских преданий – якутских, селькупских и тубаларских – объединяет проблематика, связанная с изменени-

¹ Ойроты – прежнее название алтайцев, но, скорее всего, в тексте имеются в виду ойраты, или джунгары, представители Джунгарского ханства, под властью которого большая часть Алтая находилась до середины XVIII в.

² Имеется в виду Екатерина I, поскольку присоединение других народов Алтая в России происходит позже, при Елизавете Петровне.

ем патриархального образа жизни, устоявшегося мировосприятия. Появление чужого народа знаменует завершение «золотого века» – отсюда пафос глубокой печали или досады, сюжеты о поражении или бессилии легендарных героев. Каждое из преданий связано с возникновением трансграничной ситуации, вызывающей перемены административного и мировоззренческого характера. Отсюда и жанровая неоднородность текстов: героический эпос сплетается здесь с этиологическим мифом, а историческое предание – со сказкой.

Отголоски сюжета «движущейся границы» можно увидеть и в малых жанрах сибирского фольклора – прежде всего пословицах, поговорках и загадках. Богатый материал для наблюдений вновь обнаруживается в «Верхоянском сборнике». Основой значительной части якутских загадок и некоторых пословиц является здесь историческое сосуществование якутов с целым рядом других коренных народов Сибири. Так, эвены и эвенки, соседство с которыми далеко не всегда носило мирный характер, часто становятся олицетворением диких животных. Куропатка в загадках описывается как «ламутская дочь со снежным домом» [4. С. 25] или «дикотунгусская... девица с каменным домом» [4. С. 27], дятел – «ламутское дитя, натянувши свой лук, пучеглазо (кверху) смотрит» [4. С. 25]. Возможно, сравнение с птицами было обусловлено особенностями национального костюма эвенков и эвенов и их мифологии¹. Это же основание для метафоры (традиционный костюм, отличный от якутского) очевидно в загадке о пчелах: «Говорят, с юга (из России) пришли дети в телячьих дохах» [4. С. 26].

Загадки отражают и другие особенности национальных культур, чужеродные для якутов. Так, знакомство с китайской музыкой ощущается в сравнении ее звуков с отдельными природными и бытовыми явлениями: тонкое жужжание комара интерпретируется как «звук ножниц китайской девицы» [4. С. 26], а звон колокольни – как «звук скрипки китайской дочери» [4. С. 44]. Рыба, которая бьется, застряв в «морде»², сравнивается якутами с другой национальной музыкой: «В девятипоясном круглом доме, говорят, поет татарская... песня» [4. С. 26].

В загадках прослеживается и пространственное восприятие мира якутским народом, сформированное в процессе региональных коммуникаций. Так, юг ассоциируется преимущественно с Россией, что, по всей видимости, поясняет в скобках составитель сборника И.А. Худяков: «русский молодец (сын южных мест)» [4. С. 38], «щепки дров, рубленных на юге (в России)» [4. С. 43]. Последняя загадка, означающая письма, имеет и другой вариант, указывающий на вполне конкретное происхождение образа:

¹ М.Х. Белянская описывает детали костюма эвенков, включающего фრაкообразный кафтан с острым мысом, или «хвостом», и особый орнамент из «чередующихся по цвету наборных горизонтальных полос из 3–5 линий, олицетворяющих лестницу или ребра, предположительно, птицы». Это предположение основано на священном статусе птицы у эвенков: в легендах и сказках народа птицы постоянно называются «прародительницами того или иного рода» [11. С. 37].

² Рыболовное приспособление в форме воронки, см.: [12. Т. 2. С. 352].

«По реке щепки плывут. *Письма из Иркутска*» [4. С. 43]. Административный центр Восточной Сибири в XIX в. включается и в другие сюжеты: загадка о корабле, например, передает очень конкретное, но в то же время яркое художественное представление якутов: «След ступни доходит до Иркутска» [4. С. 36].

Однако юг для якутов связан также и с Китаем: в полном варианте загадки о комаре «звук ножниц китайской девицы» слышится «с юга» [4. С. 26]. Очень любопытная метафора содержится в загадке «Южная девица уехала в Китай. *Дым выходит из трубы*» [4. С. 34]. Отсутствие пояснения в скобках наводит на мысль, что «южная» – в данном случае не русская; об этом косвенно свидетельствует и лежащий в основе загадки ассоциативный ряд «дым – печь – тепло – юг».

Хронотоп якутских загадок включает не только пространственные координаты – еще более активно в них проявляются исторические реалии. Целый блок вопросов и ответов отражает ситуацию первого знакомства коренных сибиряков с огнестрельным оружием, которое в фольклорной интерпретации продолжает связываться с образами русских людей. Так, прямую отсылку к якутскому преданию – ситуации недоумения героев при виде такого оружия – содержит следующая загадка: «Всё помирает от выплюнутых слюон волшебника-русского, не зная, что погибает от его слюон. *Смерть от выстрела из огнестрельного оружия*» [4. С. 25]. Более метафоричны другие загадки на ту же тему: «...русское дитя, кушающее угли. *Огнестрельное оружие*» [4. С. 38]; «Русский молодец... с одним глазом. *Ружье*» [4. С. 38].

Малые фольклорные жанры передают и сам характер отношений между якутами и другими народами. Это особенно заметно в поговорках, где сравнения имеют явно негативный оттенок: «точно ламут, имеющий раба» [4. С. 7]; «обидчив, как инородец¹» [4. С. 7]. Оценочный характер, хотя и менее выраженный, имеет и пословица «Конный скот знакомится между собой ржаньем, коровы – (коровьим) мычаньем, быки – бычьим мычаньем, человек – разговором, русские – посредством письма» [4. С. 1]. Письменная коммуникация показана здесь как нечто странное, не органичное ни для человека, ни для природы.

Шутливая ироничность по отношению к другим народам присуща и некоторым загадкам. Так, своеобразная эвенкийская традиция становится поводом для едкого художественного сарказма: «Все люди боятся старого лошадиного черепа? *Тунгусы... возящие с собой сушеный скелет своего шамана*» [4. С. 24]. Пни под снегом передаются метафорой «в белых шапках русские... дети стоят» [4. С. 23]. Схожее сравнение положено и в основу загадки о человеке, говорящем на разных иностранных языках: «В пу-

¹ Вероятно, здесь имеется в виду значение этого слова, указанное в словаре В.И. Даля: «Уроженец другого, чужого племени или народа» [12. Т. 2. С. 44], хотя чаще инородцами в дореволюционной России называлось нерусское коренное население в целом.

стом пне десять разных огней горят» [4. С. 30]. Способность вступать в коммуникацию с другими народами, очевидно, оценивается как нечто ущербное, вызывающее подозрение.

Исследование малых фольклорных жанров – в первую очередь загадок – показывает, насколько привычной является для якутов ситуация существования с целым рядом других народов. Загадки демонстрируют варианты художественного переосмысления пространства, осознание ближних и дальних границ (от упоминания соседних улусов¹ до Китая). Метафоричность, свойственная загадке как жанру, позволяет акцентировать характерное для традиционной культуры противопоставление «свой / чужой», однако резко негативные оценки в исторических преданиях («воющие ламуты» [4. С. 62]) здесь явно ослабевает и проявляется только в ироничном подтексте художественных сравнений.

Совершенно другую модель социокоммуникативного пространства можно обнаружить в сибирских сказках. Отметим, что для этого фольклорного жанра пространство вообще особая категория. С одной стороны, оно является «акцентированным элементом» сказочного хронотопа, поскольку именно «путь героя в пространстве создает ось повествования» [13. С. 53]. С другой стороны, художественное пространство сказки всегда характеризуется неопределенностью и отдаленностью, «отграничивая... место действия сказки от места, где сказочник разворачивает перед слушателями панораму сказочного мира» [14]. Более того, Д.С. Лихачев однозначно утверждает, что «пространство сказки... не имеет отношения к реальному пространству» [15. С. 132].

Однако в сказках народов Сибири нередко наблюдается обратное явление – стремление к конкретизации художественного пространства. Например, бурятская сказка «Богатый царь Бадма»², входящая в состав «Балаганского сборника», начинается так: «В прежнее счастливое и богатое время жил богатый царь Бадма, имевший в езде приятного сивого коня, который пасся на северной стороне Алтая» [16. С. 152]. Эта локация становится повторяющимся элементом сказки: во время рождения каждого из трех сыновей царь «охотился на северной стороне Алтая и на южной стороне Хохоя» [16. С. 154]. Г.Н. Потанин в примечаниях к сборнику поясняет, что «Хохой, вероятно, Хан-Хухый, хребет к северу от киргиз-норской впадины; эта впадина лежит между северной подошвой Алтая и южной Хан-Хухыя, поэтому герои... совершают свои действия как будто на киргиз-норской плоскости» [16. С. 267]. Хотя эта местность – также весьма услов-

¹ Улус – административно-территориальная единица в Якутии; изначально, по В.И. Далю, – «собрание жилых хижин, оседлых или кочевых, юрт, кибиток, веж; селенье» [12. Т. 4. С. 502]. Наименования улусов фигурируют всё в тех же загадках о животных: «жиганская... девица с домом из гнилушек» (бурундук) [4. С. 27]; «таттинская девица с каменным домом» (тарбаган, т. е. сурок) [4. С. 26].

² Аналог русской сказки «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре», более известной в литературной обработке А.С. Пушкина как «Сказка о царе Салтане...».

ное пространство для северных бурят, ее географическая локализация весьма примечательна.

Схожее явление наблюдается и в русских сибирских сказках: традиционные сюжеты начинают включать приметы местного ландшафта. Так, в сказке «О Иване Крестьянском сыне», записанной в селе Бердском Томской губернии¹, описывается ситуация, схожая со сценой спасения из огня царевны-змеи в известной сказке «Волшебное кольцо». Однако здесь герой, отслужив три года в работниках, садится на коня и едет не просто в лес, а в тайгу. Далее сказитель уточняет место встречи с чудесным персонажем: «*Серед тайги стоит елань, среди елани горит огонь*» [17. С. 99]. Елань – сибирский диалектный топоним, согласно словарю В.И. Даля – «возвышенная, голая и открытая равнина» [12. Т. 1. С. 533].

Точно так же в тайгу отправляются на поиски матери и герои сказки «О Вороне Вороневиче, Вихре Вихревиче, сильным могучем богатыре», а затем, чтобы спуститься в найденный провал, «бьют» зверей: «снимали шкуры, сшивали ремни, узнавали глубину» [17. С. 132–133]. В традиционном варианте этой сказки, записанном А.Н. Афанасьевым, ничего подобного нет: герой, войдя в пещеру, напротив, начинает подниматься на гору².

Любопытным отражением особого пространственного положения Сибири становится и то, как описываются в сказках столичные города – Москва и Петербург. Здесь имеют место две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, столицы становятся воплощением тех самых отдаленных пространств, «тридевятого царства», где живут и действуют персонажи; с другой – они максимально конкретны, осязаемы, реальны и именно в этом смысле любопытны как для сказителя, так и для его слушателей.

Эти тенденции проявляются, например, в оригинальной сибирской сказке «О комаре и пауке», записанной в Енисейской губернии. Об аутентичности этого короткого текста свидетельствуют и набор персонажей, как нельзя более характерных для таежного региона, и само наименование второго из них: паут – уральское и сибирское название овода. А кроме того, сказка с первых строк демонстрирует максимальную удаленность места действия от столицы, которая описывается как поистине сказочное пространство: «Паут и комар давно слышали про матушку Москву и про чудные терема и диковины» [17. С. 41]. В то же время это чудесное место представляется героям вполне достижимым: они полны решимости добраться туда («им сильно хотелось посмотреть на всё это» [17. С. 41]) и даже начинают сборы, описание которых почему-то передается в сказке канцелярским стилем: «Они сошлись для переговоров насчет путешествия в Москву» [17. С. 41].

Однако планы персонажей так и не реализуются: в басенном духе они не могут договориться о времени дня, наиболее подходящем для передвижения (комар не может летать в жару, паут – в утренний холод). Далекая Москва так и остается для героев-сибиряков недостижимой мечтой.

¹ Ныне г. Бердск Новосибирской области.

² См. сказку № 129: [18. Т. 1. С. 189].

Немного другой подход к репрезентации столичного пространства проявляется в сказке «Тарх Тарахович», записанной в той же Енисейской губернии. Хронотопом первой части повествования, местом проживания сказочного царя и трех его сыновей здесь становится «славный город Петербург». Однако пространственная локализация обнаруживается не сразу, а по мере развития сюжета, когда Иван-царевич, опечаленный тем, что отец не смог найти для него подходящей невесты, «пошел... пройтись» по улицам Петербурга. Никаких столичных примет «славного города» сказитель не рисует: герой «идет себе из улочки в переулочек» [17. С. 45] – однако именно городское пространство нехарактерно становится местом встречи со сказочным помощником – всеведущей старушкой. Этот эпизод повторяется дважды: после неудачной женитьбы Иван-царевич снова отправляется «по городу Петербургу прогуляться в печали» [17. С. 46] и вновь получает нужный совет. Впрочем, после удаления героя в иные сказочные пространства петербургский топос благополучно забывается сказителем, превращаясь в финале в обобщенное сказочное пространство. Упоминается лишь, что на свою вторую свадьбу Иван-царевич «собрал... весь город – королей, купцов и крестьян» [17. С. 52].

В отдельных сказках можно обнаружить и прямое противопоставление Сибири и столиц, Сибири и Европейской России. Так, сказка «О богатыре Иване Сучиче», записанная на юге Енисейской губернии, содержит пространственный сюжет рождения детей после съедения чудесной рыбы и начинается с традиционного хронотопа: «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Дмитрий...» [19. С. 57]. Однако затем локация сюжета становится предельно конкретной и даже несколько неожиданной: отчаявшись дожидаться наследников, царь «поехал в Сибирь узнать, откуда дети родятся» [19. С. 57]. В этом случае именно к Сибири переходит статус сказочного пространства, где царь незамедлительно встречает помощника и находит по его совету озеро с чудесной «златоперой щукой».

Другим примером является бытовая сказка «Вор Барма», записанная в Тобольской губернии. В ней дядя испытывает способности племянника к воровству, и герой в доказательство своей ловкости крадет вола у «рассейца», т.е. жителя Европейской России, как помечает Г.Н. Потанин в сноске [19. С. 121]. Такое обозначение героя демонстрирует, что находчивый Барма, перехитривший в финале даже своего дядю, – сибиряк, а простодушный хозяин вола, попавший во все расставленные для него ловушки, – всего лишь «рассеец».

Таким образом, сказки, несмотря на традиционность содержания большинства из них, оказываются чрезвычайно репрезентативным материалом для анализа социокоммуникативных представлений жителей Сибири на рубеже XIX–XX вв. Тенденцию к локализации художественного пространства и противопоставление столичного и местного хронотопа можно рассматривать как признаки определенной самоидентификации сибиряков.

Не менее интересным фольклорным материалом, отражающим актуальные представления о пространственном положении Сибири, являются

песни. Значительный их объем представлен в сборнике «Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы», опубликованном под редакцией Г.Н. Потанина в 1902 г. Он включает народные песни разных видов (хороводные, прогоlosные, плясовые, круговые), собранные в деревнях Томской, Тобольской и Енисейской губерний.

Одним из главных хронотопов в этих песнях является сибирский тракт – основная до строительства Транссибирской железнодорожной магистрали (1891–1916 гг.) дорога из европейской части России в Китай. Сибирский тракт начал формироваться еще в конце XVII в., но окончательно был обустроен только к середине XIX в. В социокультурных представлениях жителей центральной части России сибирский тракт, как и сама Сибирь, связан преимущественно со ссылкой и каторгой. Однако для жителей Зауралья этот хронотоп не столь однозначен.

В большинстве случаев с Сибирским трактом связываются смыслы, вполне традиционные для мотива дороги в фольклорных текстах: судьба, часто нелегкая, путешествие поневоле (ссылка, военная или иная служба), разлука с любимым человеком, наконец, смерть. Значительная протяженность Сибирского тракта по сравнению с другими дорогами только усиливает негативное содержание образа. Так, например, в «старинной» песне, записанной в Курганском уезде Тобольской губернии, сконцентрирован почти весь комплекс мотивов, связанных с дорогой:

Уж ты матушка Россее,
Куда гонишь нас отселя?
Нам отселя не хотелось,
Сударушки не велели,
Любить до веку хотели.
<...> Уж ты скука моя, скука,
Тяжела с милым разлука!
Разлучат с милым неволька,
Чужа-дальная сторонка,
Чужа-дальна, незнакома,
Раз-Иркутска путь дорожка;
Я по этой по дорожке
Много раз по ей бывала,
Скуки-горя принимала,
Во слезах письма писала.
Мои письма не доходят,
Ямщики-то не довозят,
Слуги верны не доносят [19. С. 176].

Упоминание о «матушке Россее» свидетельствует о том, что песня, вероятно, была изначально создана в европейской части страны, а уже затем попала в Сибирь. Интересно, что поется она от лица сразу двух персонажей – сначала мужского, на что указывает упоминание о «сударушках», т.е. возлюбленных, а затем женского: лирическая героиня страдает от разлуки с «милым». Как будто оба персонажа отправляются и в путь по Сибирскому тракту, другое название которого – Московско-Иркутский: «по

этой по дорожке много раз... бывала» и героиня, и герой, изгнанный из «Россеи» и затерявшийся где-то в «чуждедальной сторонке», куда не доходят письма.

Подобным образом описаны и страдания героя песни из Барнаульского уезда: едет он не столь далеко, однако тоже поневоле, и также клянет злую судьбу и сетует на разлуку с возлюбленной.

Из Тобольска в Томск
Бежала повозка.
Во этой во повозочке
Сидит добрый молодец.
Закручинился, запечалился,
И улился слезами.
Во слезах-то словечушко молвил:
Жил я у тятеньки,
Жил я у мамоньки
Жил на проклятьи,
У родимого батюшка
Жил на поруганье;
У всего я роду-племени
Жил на досаде.
У души у красной девицы
Жил я на прохладе.
Но ясен сокол
С тепла гнезда рано солетает,
Я добрый молодец
С квартиры съезжаю. <...> [19. С. 150]

Интересно, что и здесь к печали и одиночеству героя вновь примешивается и некая обездоленность, бездомность: только теперь его гонит не родина, а родные, у которых герой «жил на проклятьи». Вероятно, здесь находит отражение индивидуальное свойство Сибирского тракта как фольклорного образа: исторически Сибирь была еще и местом добровольного переселения, начала новой жизни вне каких-либо тягостных условий в прежнем окружении. Однако сама ситуация переезда, отрыва от корней и привычной жизни также не воспринималась положительно, что и отразилось всё в тех же «дорожных» мотивах.

В одной из проголосных песен, записанных в Курганском уезде, конфликт с родителями приводит героя и к более глобальным последствиям – решению добровольно покончить с жизнью. Для реализации своего намерения он выбирает традиционно «нечистое», дурное место в фольклорной традиции – перекресток¹, но при этом четко обозначаются названия всех магистралей, сходящихся на нем:

¹ «П. [перекресток] – роковое, «нечистое» место, принадлежащее демонам. ...Полагают, что на П. нечистый дух имеет власть над человеком» [20. С. 360]. «Перекресток дорог и их развилка (которую можно рассматривать как частный случай перекрестка)... являются лишь местом повышенной концентрации самых общих мифологических качеств дороги (опасных или, напротив, используемых)...» [21].

Что в нонешном годочке
Вздумал мальчик жениться,
Он не знал, кого спроситься,
Кроме матери, отца.
Позволь, тятенька жениться,
Позволь взять, кого люблю.
Отец сыну не поверил,
Что на свите есть любовь.
Есть на свете люди равны,
Можно всех любить вровне.
Отвернулся сын, заплакал... <...>
Сам пошел мальчик на остров
Между трех больших дорог:
Межу Томской, межу Омской,
Межу Питерской большой;
Вынял саблю, вынял востру,
Поразил он сам себя. <...> [19. С. 172].

Очевидно, что описываемый перекресток – место скорее мифологическое; он не имеет никакого соотношения с реальной топонимикой, как и большинство песенных хронотопов, «по причине преимущественного интереса к раскрытию психологического чувства» [22. С. 536]. Такой же условный характер, по всей видимости, имеет в сибирских песнях и парное употребление Томска и Тобольска: например, в одной из них лирическая героиня рассказывает о своем прежнем возлюбленном – бравом офицере, который «во Томском жил, во Тобольском служил» [19. С. 153]. Хотя песня и веселая, упоминание этих далеких друг от друга городов на Сибирском тракте также сопровождается мотивом разлуки: «Роспили-ушли, распростились. Прости, Сашечка шельмовка...» [19. С. 153].

Ко всем этим вполне традиционным мотивам добавляется еще один, связанный с административным назначением Сибирского тракта (неслучайно еще одно его неофициальное наименование – государева дорога). Это содержание оказывается столь устойчивым, что в сборнике размещено сразу четыре песни с одинаковым сюжетом, записанных в разных местах Томской и Тобольской губерний. Все они начинаются с обозначения того, что наступает праздничный день («завтра праздник у нас, завтра праздник воскресенье» [19. С. 150]), и лирическая героиня собирается с милым в лес по ягоды («в бор по ягоды пойдем, по калину, по малину, по черну смородину; ...по черну черемуху» [19. С. 150]).

Как указывает Н.Ю. Копытов, это «частотный для народной лирики мотив собирания ягод, который представляет любовь» [23], в то же время «сочетание калины, малины и “черной (или “бурой”) ягоды смородины” или “черной черемухи”... характеризует полноценную семейную жизнь» [23]. Впрочем, во всех вариантах упомянутой песни это скорее тайная любовь, поскольку в начале текстов присутствует упоминание о слухах, окружающих героев («не про нас ли с тобой, миленькой, люди судят-говорят» [19. С. 173]).

Однако любовный сюжет с собиранием ягод в лесу заканчивается неожиданно: герои выходят из леса не куда-нибудь, а «на большу дороженьку, на большую, трактовую, на сибирский большой тракт» [19. С. 173]. Там они видят «новой, большой дом» [19. С. 190] или, в одном варианте, «почтовый дом» [19. С. 150], а в нем находится целиком вся сельская администрация того времени: «сидит писарь, голова, третий староста с нима» [19. С. 173]. В Барнаульском уезде исполнители песни представляют еще более подробную картину:

Во этим во домочке
Пир-беседа весела.
Пир-беседа весела, –
Три дубовые стола.
За этими столами
Волостные писаря.
Они пишут в три пера
Государевы дела [19. С. 150].

Речь в этой части песни идет о представителях местного крестьянского самоуправления, учрежденного в ходе реформ 1861 г., – волостного и сельского. В состав такого управления входили три выборные должности – сельский староста, писарь и старшина (вероятнее всего, он и назван в тексте «головой»). Многие исследователи отмечают, что отношение к этому низшему уровню власти у крестьян было двойственным, как и само положение новоявленного начальства. Как пишет историк В.Б. Безгин, «с одной стороны, будучи избранным сходом, он [сельский староста] должен был отстаивать и защищать интересы этого общества. Но, с другой стороны, являясь должностным лицом, он был обязан проводить в жизнь распоряжения и установления государственной власти» [24. С. 1220]. Крестьяне неохотно брали на себя подобные обязанности, а потому нередко должности старосты или старшины получали совершенно неподходящие люди – неграмотные, недобросовестные или склонные к пьянству («пир-беседа весела»).

Вероятно, это и вызывает неприятие и непонимание сущности нового уровня власти, проявившееся в сибирских песнях. Неслучайно вариант, процитированный выше, завершается безапелляционным заявлением:

Государственны дела
Сокатитесь со стола, –
Нам контора не нужна! [19. С. 150]

Этот «административный» сюжет, парадоксальным образом завершающий лирическую песню о любви, придает хронотопу Сибирского тракта еще один важный смысл: он связывается в народном сознании с «государственными делами» любого уровня и с «расширяющимся вмешательством» [25. С. 19] власти в частную жизнь людей на рубеже XIX–XX вв. Навряд ли сельское управление действительно располагалось на тракте,

однако сибирский фольклор последовательно сопрягает эти два явления: новое государственное учреждение приходит из столиц по главному транспортному пути, как и все прочие официальные решения¹.

Подводя общий итог исследованию, отметим в первую очередь значение огромного труда, проделанного Г.Н. Потаниным по личному сбору фольклорного материала в Сибири, а также организации экспедиций и публикации текстов, собранных на обширной территории – от Кургана до Прибайкалья, от северной Якутии до Алтая и Саян. В совокупности эти материалы дают репрезентативную картину представлений о социокоммуникативном пространстве, сложившуюся у жителей столь сложной и неоднородной трансграничной территории, каковой является Сибирь.

Фольклорные тексты, опубликованные в сборниках под редакцией Г.Н. Потанина, были разделены по жанрово-видовому принципу на четыре группы, каждая из которых представляет определенную социокультурную модель, отражающую «пространственные состояния» Сибири в мировоззрении населяющих ее народов. Так, анализ преданий дал возможность увидеть интерпретацию тремя малыми народами самого момента возникновения феномена «движущейся границы». Легенды отразили целый спектр реакций коренных жителей на приход русских. Каждый из текстов так или иначе презентует модель исторической адаптации к новому социокоммуникативному положению Сибири.

Малые жанры – загадки, пословицы и поговорки – отражают исторически сложившиеся отношения между народами Сибири, но теперь межэтническая вражда проявляется только в художественной иронии. Загадки проясняют пространственные представления коренных жителей Сибири, демонстрируют их стремление к обособленности в пределах района проживания.

Русские сказки, записанные в сибирских губерниях, дают возможность проанализировать еще более актуальные воззрения жителей Зауралья на рубеже XIX–XX вв. Представленная в сказках модель «пространственного состояния» связана с осмыслением уже всей территории Сибири. Она передает нехарактерное для сказочного хронотопа желание конкретизиро-

¹ Отметим при этом, что сюжет с «государевой конторой» присутствует в хороводных песнях многих российских регионов, и при этом нередко социально-сатирическая часть в них соседствует с традиционной семейно-любовной. Таков, например, вариант, записанный в Псковской губернии: «Как на горке, на пригорке, в государевой конторке молодые писаря. Они пишут в три пера государевы дела. Конторушка растворилась, сударушка появилась. Подошёдши, поклонилась. Посмотрите, господа, у ней русая коса, у ней серые глаза, коленкорный платок да шелковый поясок» [26]. Вероятно, этот сюжет постепенно «перекочевал» в Сибирь, при этом исполнители ввели в него топос Сибирского тракта, «желая придать песне более локальный характер», как пишет Н.П. Колпакова, «так как событие, происшедшее на знакомой территории, воспринимается как более достоверное и песня получает больший интерес, большую убедительность для слушателей» [27. С. 215]. Благодарим за консультацию доцента кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета, д-ра филол. наук Сергея Викторовича Алпатова.

вать, локализовать место действия, придать ему черты знакомого ландшафта. Одновременно с этим в сказках отражается и рефлексия жителей Сибири о соотношении их собственного пространства с пространством столиц и Центральной России в целом.

Наконец, лирические песни формируют модель, в центре которой находится хронотоп Сибирского тракта. Он вбирает в себя и традиционные мифологические представления, связанные с дорогой (неволя, тоска, разлука), и совершенно новое социально-политическое содержание, отражающее реформы 1860-х гг. Сибирский тракт представляется связующим звеном между малой родиной создателей песни и российским государством, властью, которая вторгается в жизнь рядовых людей.

Выявленные модели позволяют дать характеристику социокультурному ландшафту Сибири на рубеже XIX–XX вв., который включает историческую память о возникновении трансграничности и разную степень адаптивности к ней сибирских народов; многонациональность и своеобразие пространственного мировосприятия сибиряков; их отношение к столицам и европейской части России. В целом, хотя сибирский фольклор и не отмечен столь сильным свойством «хронотопичности» [28. С. 334], как литература Сибири, найденные материалы свидетельствуют о четком отражении в текстах специфического самосознания сибиряков, выражающегося не в последнюю очередь в пространственной самоидентификации.

Литература

1. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л. : Наука, 1986. 303 с.
2. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2004. 309 с.
3. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44. doi: 10.17223/19986645/67/2
4. *Верхоянский сборник*: якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым. Иркутск, 1890. 314 с. (Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по этнографии. Т. 1, вып. 3).
5. Потанин Г.Н. Сага о Соломоне: восточные материалы к вопросу о происхождении саги. Томск, 1912. 186 с.
6. Гоголев А.И. История Якутии: (Обзор исторических событий до начала XX в.). Иркутск, 1999. 170 с. URL: <https://web.archive.org/web/20050527010736/http://www.ysu.ru/facultet/kfi/books/HistoryOfYakutiya.htm> (дата обращения: 03.06.2021).
7. Donner K.R. A Samoyede epic // Journal de la Société Finno-Ougrienne. № 30. Helsinki, 1913–1918.
8. Доннер К. Самоедский эпос // Труды Томского общества изучения Сибири. Т. 3, вып. 1. Томск, 1915. С. 38–53.
9. Тучкова Н.А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-istoriya-i-folklor-selkupov-problema-korrelyatsii-dannyh> (дата обращения: 21.07.2021).
10. Хворов В. Сказки черневых татар // Труды Томского общества изучения Сибири. Т. 3, вып. 1. Томска, 1915. С. 54–61.

11. *Белянская М.Х.* Этническая эстетика и декоративная особенность традиционного эвенкийского костюма // *История и педагогика естествознания*. 2013. № 2. С. 33–38.
12. *Толковый словарь* живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. СПб., 1881.
13. *Соловьева Н.В.* Особенности пространственно-временной организации мифологической и сказочной картин мира // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2016. № 10, ч. 3. С. 48–54.
14. *Герасимова Н.М.* Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // *Герасимова Н.М. Прагматика текста. Фольклор. Литература. Культура*. СПб. : Изд-во Российского института истории искусств, 2012. 364 с. URL: http://folk.ru/Research/gerasimova_prostranstvenno_vremennye.php?rubr=Research-articles (дата обращения: 11.06.2021).
15. *Лихачев Д.С.* Поэтика художественного пространства // *Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы*. СПб. : Алетей, 2001. 566 с.
16. *Хангалов М.Н.* Балаганский сборник: сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Томск, 1903. 289 с. (Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества; Т. 5).
17. *Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний*. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1906. 290 с. (Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 1, вып. 2).
18. *Народные русские сказки* А.Н. Афанасьева : в 3 т. М. : Наука, 1984. (Лит. памятники).
19. *Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы*. Красноярск, 1902. 199 с. (Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 1, вып. 1).
20. *Славянская мифология*. Энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Международные отношения, 2002. 512 с.
21. *Неклюдов С.Ю.* Движение и дорога в фольклоре // *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten – Reiserouten in der russischen Kultur*. München: Verlag Otto Sagner, 2007. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm> (дата обращения: 17.06.2021).
22. *Аникин В.П.* Русское устное народное творчество : учеб. для вузов. 2-е изд. М. : Высшая школа, 2004. 735 с.
23. *Копытов Н.Ю.* К семантике фитонимических символов в фольклорных текстах (на материале песенной традиции Карагайского района Пермской области) URL: <https://ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm> (дата обращения: 17.06.2021).
24. *Безгин В.Б.* Сельская власть в обыденном восприятии крестьянства конца XIX – XX вв. // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2004. Т. 10, № 4Б. С. 1217–1226.
25. *Гордеева М.А.* Сельская администрация в составе крестьянского самоуправления Томской губернии конца XIX – начала XX в.: становление самостоятельности // *Журнал фронтирных исследований*. 2018. № 4 (12). С. 11–22.
26. *Образы и темы народных песен*. URL: <http://druzhkovka-news.ru/obrazy-i-temy-narodnyx-pesen/20/?fbclid=IwAR1BdorEGQVW-3JSZPz6-rr7mRDoB4mTbIcP0iJU0xg3Jenh0cqFVeT1E1Y> (дата обращения: 21.07.2021).
27. *Колпакова Н.П.* Варианты песенных зачинов // *Принципы текстологического изучения фольклора*. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 187–219.
28. *Янушкевич А.С.* Дихотомия сибирского текста // *Евразийский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры*. Томск, 2007. С. 334–345.

Models of the Socio-Communicative Space in the Folklore of the Peoples of Siberia (Based on Materials of Collections Edited by Grigory Potanin)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 230–251. DOI: 10.17223/19986645/74/13

Irina F. Gnyusova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: folklore, Siberia, Grigory Potanin, cultural and linguistic landscape, frontier, model, space, chronotope.

The study is carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

The aim of the article is to reveal the specifics of the reflection of the socio-communicative space, caused by the phenomenon of the “moving border”, in the traditional creative works of the peoples of Siberia. Folklore appears to be representative material for solving the problem related to the reconstruction of the cultural and linguistic landscape of Siberia as a transboundary region. The sources for the research were publications of Siberian folklore, edited by the famous scientist and public figure Grigory Potanin at the turn of the 20th century. The publications include verbal folklore not only of the Russian population in Siberia, but also works of the Yakuts, the Buryats, and the small peoples of the Altai and Ob regions. The analysis of these diverse sources using historical, typological and comparative methods made it possible to find several spatial models, distinguished according to the genre-specific principle. Legends reflect the reaction of the aboriginal inhabitants of Siberia to the arrival of the Russians; they present a model of historical adaptation to the new socio-communicative situation in the region. All the texts are united by the problems associated with the change of the patriarchal way of life, the established perception of the world of the small peoples. Spatial representations of Siberians are revealed in small genres – riddles, proverbs, and sayings. Following legends, they also emphasize historical coexistence of a large number of indigenous peoples of Siberia. Riddles demonstrate options for an artistic rethinking of space, perception of near and far boundaries; however, negative judgements of the transboundary situation are weakening here and are manifested only in an ironic subtext. A tendency to localize the artistic space, uncharacteristic for the genre, as well as a clear opposition of the capital and local chronotopes, is manifested in fairy tales. The model of a “spatial state” presented in fairy tales is associated with the comprehension of the entire territory of Siberia. The central image of many songs is the Siberian Route, in which traditional motifs merge with new sociopolitical content reflecting the reforms of the 1860s. The Siberian Route represents a link between the home area of the song creators and the power that intrudes upon the lives of ordinary people. The analysis confirms the author’s hypothesis about the special significance of the socio-communicative space in Siberian folklore. The detected models allow analyzing the Siberians’ specific self-consciousness, which is expressed, not least, in spatial self-identification.

References

1. Chistov, K.V. (1986) *Narodnye traditsii i fol'klor: ocherki teorii* [Folk Traditions and Folklore: Essays on Theory]. Leningrad: Nauka.
2. Adon'eva, S.B. (2004) *Pragmatika fol'klora* [The Pragmatics of Folklore]. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universitetata.
3. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University of Philology.* 67. pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2

4. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po etnografii*. (1890) Verkhoyanskiy sbornik: yakutskie skazki, pesni, zagadki i posloviitsy, a takzhe russkie skazki i pesni, zapisannye v Verkhoyanskom okruge I.A. Khudyakovym [Verkhoyansk collection: Yakut fairy tales, songs, riddles and proverbs, and also Russian fairy tales and songs recorded in the Verkhoyansk district by I.A. Khudyakov]. 1, 3.

5. Potanin, G.N. (1912) *Saga o Solomone: vostochnye materialy k voprosu o proiskhozhdenii sagi* [The Saga about Solomon: Oriental Materials on the Origin of the Saga]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.

6. Gogolev, A.I. (1999) *Istoriya Yakutii (Obzor istoricheskikh sobyitiy do nachala 20 v.)* [History of Yakutia (Review of Historical Events up to the Beginning of the 20th Century)]. Yakutsk. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20050527010736/http://www.ysu.ru/facultet/kfi/books/HistoryOfYakutiya.htm>

7. Donner, K.R. (1913–1918) A Samoyede epic. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 30.

8. Donner, K. (1915) Samoedsky epos [Samoyed epic]. In: *Trudy Tomskogo obshchestva izucheniya Sibiri* [Proceedings of the Tomsk Society]. Vol. III (1). Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.

9. Tuchkova, N.A. (2020) Ethnic History and Selkup Folklore: the Problem of Data Correlation. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, 1–2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-istoriya-i-folklor-selkupov-problema-korrelatsii-dannyh> (In Russian).

10. Khvorov, V. (1915) Skazki chernykh tatar [Fairy tales of the Tubalars]. *Trudy Tomskogo obshchestva izucheniya Sibiri*, III, 1. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.

11. Belyanskaya, M.Kh. (2013) Etnicheskaya estetika i dekorativnaya osobennost' traditsionnogo evenkiiskogo kostyuma [Ethnic Aesthetics and Decorative Feature of the Traditional Evenk Costume]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya*. 2. pp. 33–38.

12. Dahl, V. (1881) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka Vladimira Dal'a* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. St Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa.

13. Solov'eva, N.V. (2016) Features of the Spatio-Temporal Organization of Mythological and Fairy-Tale Pictures of the World. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 10 (3). pp. 48–54.

14. Gerasimova, N.M. (2012) Prostranstvenno-vremennyye formuly russkoi volshebnoi skazki [Spatio-Temporal Formulas of the Russian Fairy Tale]. In: Gerasimova, N.M. *Pragmatika teksta. Fol'klor. Literatura. Kul'tura* [Pragmatics of the Text. Folklore. Literature. Culture]. St Petersburg: Izdatel'stvo Rossiiskogo instituta istorii iskusstv. [Online] Available from: http://folk.ru/Research/gerasimova_prostranstvenno_vremennyye.php?rubr=Research-articles

15. Likhachev, D.S. (2001) Poetika khudozhestvennogo prostranstva [Poetics of Art Space] In: Likhachev, D.S. *Istoricheskaya poetika russkoi literatury. Smekh kak mirovozzrenie i drugie raboty* [Historical Poetics of Russian Literature. Laughter As a Worldview and Other Works]. St Petersburg: Aleteiya.

16. Khangalov, M.N. (1903) *Balaganskiy sbornik: skazki, pover'ya i nekotorye obryady u severnykh buryat* [Balagansky collection: fairy tales, beliefs and some rituals among northern Buryats]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.

17. Potanin, G.N. (ed.) (1906) *Russkie i inorodcheskie skazki Eniseyskoy i Tomskoy gubernii* [Russian and foreign fairy tales of the Yenisei and Tomsk provinces]. Tomsk: Parovaya tipografiya N.I. Orlovoy.

18. Pomerantseva, E.V. & Chistov, K.V. (eds) (1984) *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva* [Russian folk tales by A.N. Afanasyev]. Vols 1–3. Moscow: Nauka.

19. Potanin, G.N. (ed.) (1902) *Russkie skazki i pesni v Sibiri i drugie materialy* [Russian fairy tales and songs in Siberia and other materials]. Krasnoyarsk: Eniseiskaya Gubernskaya tipografiya.

20. Tolstaya, S.M. (ed.) (2002) *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

21. Neklyudov, S.Yu. (2007) Dvizhenie i doroga v fol'klоре [Traffic and Road in Folklore]. *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*. Jahrgang LII, 2. Reiseriten – Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verlag Otto Sagner. [Online] Available from: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm>

22. Anikin, V.P. (2004) *Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo* [Russian Oral Folk Art]. Moscow: Vysshaya shkola.

23. Kopytov, N.Yu. (2005) *K semantike fitonimicheskikh simvolov v fol'klornykh tekstakh (na materiale pesennoi traditsii Karagaiskogo raiona Permskoi oblasti)* [On the Semantics of Phytonymic Symbols in Folklore Texts (Based on the Song Tradition of the Karagai District of the Perm Region)]. [Online] Available from: <https://ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm>

24. Bezgin, V.B. (2004) Sel'skaya vlast' v obydenom vospriyatii krest'yanstva kontsa XIX – XX vv. [Rural Power in the Everyday Perception of the Peasantry at the End of the 19th – 20th Centuries]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 10 (4B). pp. 1217–1226.

25. Gordeeva, M.A. (2018) Rural Administration in the Composition of Peasant Government of the Tomsk Province of the End of 19 and the Beginning of the 20 Century: Formation of Independence. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*. 4 (12). pp. 11–22. (In Russian).

26. Druzhkovka-news.ru. (2011) *Obrazy i temy narodnykh pesen* [Images and themes of folk songs]. [Online] Available from: <http://druzhkovka-news.ru/obrazy-i-temy-narodnyx-pesen/20/?fbclid=IwAR1BdorEGQVW-3JSZPz6-rr7mRDoB4mTbIcP0iJU0xg3Jenh0cqFVeT1E1Y>

27. Kolpakova N.P. (1966) Varianty pesennykh zachinov [Variants of Song Introductions]. In: Putilov, B.N. (ed.) *Printsipy tekstologicheskogo izucheniya fol'klora* [Principles of the Textological Study of Folklore]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 187–219.

28. Yanushkevich, A.S. (2007) Dikhotomiya sibirskogo teksta [The Dichotomy of the Siberian Text]. *Evrasiiskii mezhkul'turnyi dialog: "svoe" i "chuzhoe" v natsional'nom samosoznanii kul'tury*. Tomsk: Tomsk State University. pp. 334–345.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/74/14

С.А. Кибальник

ЧЕХОВСКИЙ «ОСТРОВ САХАЛИН» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XIX в.

Книга Чехова «Остров Сахалин» рассматривается в контексте известных произведений русской классической прозы XIX в., относящихся к особому наджанровому единству: «книга о народе». Прослеживаются отсылки в этой книге к «Запискам охотника» Тургенева, «Запискам из Мертвого дома» Достоевского и одновременно ее внутренняя соотношенность, а то и полемичность по отношению к ним. В свою очередь, роман Толстого «Воскресение» анализируется как внутренне противопоставленное «Острову Сахалину» произведение.

Ключевые слова: «Остров Сахалин», Чехов, Достоевский, Толстой, «книга о народе», «путевые заметки», ссылка, соотношенность, полемичность

В русской литературе XIX в. есть особое наджанровое образование: «книга о народе». В него входят как художественные произведения, так и документальная проза. Произведения этого рода принадлежат перу самых разных русских писателей: С.Т. Аксакова и Д.В. Григоровича, И.А. Гончарова и Н.С. Лескова, Г.Н. Успенского и В.Г. Мельникова-Печерского и многих других.

Особо выделяются среди них произведения таких русских классиков, как И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов и Л.Н. Толстой. Взятые вместе, тургеневские «Записки охотника» (1852), «Записки из Мертвого дома» (1863) Достоевского, чеховский «Остров Сахалин» (1893) и роман Толстого «Воскресение» (1899) выстраиваются в единый ряд и образуют своего рода «четвероевангелие русского народа». Это выражение может быть к ним применено по особой значительности и фундаментальности этих четырех книг, которые вдобавок тесно связаны между собой.

«Остров Сахалин» и «Записки из Мертвого дома»

«Остров Сахалин» Чехова в этом отношении хронологически примыкает не к роману Толстого, а к запискам Достоевского о его пребывании на каторге в Сибири. Чехов в этом смысле как бы опередил Толстого, который более всего у Достоевского ценил именно «Записки из Мертвого дома»¹ и в своем последнем крупном романе решился наконец попробовать написать отчасти нечто подобное. При этом Толстой создал роман, сибирские главы которого не основаны на каких-либо его личных впечатлениях.

¹ Эту книгу Толстой относил к немногим «в новом искусстве» «образцам высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему, религиозного искусства» [1. Т. 30. С. 160].

Чехов же писал документальный травелог и для этого предпринял большое и опасное для здоровья путешествие, которое дорого ему стоило.

И тем не менее он отправляется в него, прерывая успешно развивавшуюся писательскую карьеру. Почему? Как известно, потому что ощущает некоторую истощенность первоначального периода своей литературной деятельности, большая часть которого прошла под знаком еще не Чехова, а Чехонте. Потому что чувствует нехватку знакомства с Россией, с русским народом (отмечено: [2. Т. 14–15. С. 742–745]). Наконец, и этому исследователи, кажется, до сих пор не придавали должного значения, потому что ощущает дефицит жизненных событий в своей писательской биографии. Последнее – по сравнению с Толстым и особенно с Достоевским, на которого в действительности, как я пытался когда-то показать на примере «Драмы на охоте» и «Иванова» [3. С. 45–70], в первую очередь ориентировано его раннее творчество.

Что же касается «Записок из Мертвого дома», то они, как мне уже довелось показать в другой моей работе [4. С. 183–196], непосредственно как бы вытекают из «Записок охотника». Это своего рода «Записки острожника», написанные Достоевским о том же русском народе, о котором писал Тургенев, но который из Орловской и Курской губерний волею случая оказался как бы перенесен в лице своих отдельных представителей в Омский острог. Главная тема книги Достоевского связана, как и у Тургенева, с отношениями между дворянством и народом. Однако в этом отношении его книга остро полемична по отношению к «Запискам охотника».

Тургенев впервые в русской литературе показал, что простые крестьяне не глупее и не слабее характером, чем дворяне, так что тяга к ним со стороны последних вполне естественна. Достоевский взрывает этот благостно-покровительственный дискурс. Он показывает, что, как бы ни ценил и ни уважал русский дворянин мужика, он никогда не станет ему «товарищем», даже если захочет: мужик никогда и ни за что не признает его «своим». Тем самым Достоевский в своем художественном произведении, по существу, сам опровергает достижимость целей, которые он не раз формулировал в почвеннической публицистике начала 1860-х гг.

Отправляясь в Сибирь и затем на Сахалин, Чехов сознательно берется продолжить разговор, начатый Достоевским в «Записках из Мертвого дома»¹. Это было очевидно уже первым критикам книги (см., например: [5. С. 37–42]) и непосредственным продолжателям Чехова в разработке данной темы – Власу Дорошевичу [6] и Варламу Шаламову [7. С. 75]. Несмотря на это, из произведений Достоевского исследователи гораздо чаще

¹ Еще в очерке «Из Сибири» Чехов восклицал: «Взгляните-ка вы на нашу литературу по части тюрьмы и ссылки: что за нищенство! Две-три статейки, два-три имени, а там хоть шаром покати, точно в России нет ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторги» [2. Т. 14–15. С. 26]. Некоторые из этих немногочисленных сочинений сам Чехов называет в ходе его повествования (см.: [2. Т. 14–15. С. 769]). Однако «Записки из Мертвого дома» ему называть не было необходимости – это пример хрестоматийный.

сближают «Остров Сахалин» с «Дневником писателя» (см., например: [8. С. 64–83; 9. С. 154]).

«Запискам из Мертвого дома» «Остров Сахалин» нередко противопоставляется как «документальная проза» по отношению к «произведению, реальная основа которого очевидна, выстраивается и воспринимается по законам художественного образа» [9. С. 150–152]¹. Между тем в «Записках...» Достоевского, документальный характер которых нередко недооценивается, имеет место, в сущности, то же самое, что у Чехова, – быть может, с той только разницей, что изображенные в них лица в большей степени связаны не только с их реальными, но и литературными прототипами (см. об этом, в частности: [11. С. 73–96]).

В «Острове Сахалине» оказалось то же ощущение некоторой исчерпанности художественного познания, которое владело в это время Толстым, а иногда и – уже в 1870-е гг. – Достоевским, преклонявшимся в «Дневнике писателя» перед «глубиной» «факта действительной жизни» [12. Т. 23. С. 144]. Осознанная Чеховым еще в 1888 г. установка на то, чтобы быть «беспристрастным свидетелем» своих героев [2. Т. 14. С. 118], закономерно привела его к тому, чтобы изображать человека таким, каким он попался ему на его жизненном пути, т.е. пойти в изображении каторги по пути, проложенному Достоевским².

Как и «Записки...», «Остров Сахалин» – это также, выражаясь по-современному, non-fiction. Только не «записки», а «заметки», что почти одно и то же, – правда, «путевые». У Чехова мы находим сходную документально-этнографическую и социологическую тональность. И наконец, чеховский травелог строится – и это до настоящего времени не было отмечено – преимущественно по сходному сценарию.

У Достоевского подробно описаны «первые впечатления» и первый месяц его пребывания в Омском остроге (именно так озаглавлены первые шесть из одиннадцати глав первой части). Затем фокус изображения сдвигается на отдельных, наиболее запомнившихся ему людей и на отдельные аспекты жизни в остроге и яркие события в ней («баня», «праздник Рождества Христова», «представление» в тюремном театре, «госпиталь», «летняя пора», «каторжные животные», «претензия», «товарищи», «побег»).

В первых двух главах «путевых заметок» Чехова изображается его прибытие на остров, затем, с третьей по четырнадцатую главу, следует «обзор населенных мест Сахалина» с описанием условий проживания в них людей, наконец, начиная с XV главы, автор переходит «к частностям важным и неважным, из которых в настоящее время складывается жизнь колонии» [2.

¹ Сходная точка зрения представлена в статье Г.П. Бердникова [10. С. 119].

² По мнению Е.К. Созиной, в то же время чеховское «фактографическое натуралистическое бытописательское письмо, имитирующее отсутствие посреднической сферы между реальностью и читателем, точнее, признающее только одну степень этой медиации – личное восприятие ее рассказчиком и личный рассказ о ней вне литературных канонов», непосредственно восходит к прозе шестидесятников Н.Г. Помяловского и Ф.М. Решетникова [8. С. 79].

Т. 14–15. С. 227]¹. Это «хозяева-каторжные» и «хозяева-поселенцы» (XVI), «Состав населения по возрастам...» (XVII), «Занятия ссыльных...» (XVIII), «Пища ссыльных...» (XIX), «Свободное население...» (XX), «Нравственность ссыльного населения...» (XXI), «Беглые на Сахалине...» (XXII), «Болезненность и смертность ссыльного населения...» (XXIII). Хотя «Записки...» Достоевского разделены на две книги, а в «путевых заметках...» Чехова этого нет, но общее число глав в обеих книгах почти одинаково: 21 у Достоевского и 23 у Чехова.

Разумеется, у Достоевского это «Записки...» об Омском остроге, а у Чехова «путевые заметки» о проживании каторжан и ссыльных на огромной территории, причем как в тюрьмах, так и на поселении. Разумеется, Чехову не было нужды предварять свою книгу «Введением», в котором он изображает мнимого автора, подобного женоубийце «Записок...» Александру Петровичу Горянчикову. Разумеется, Достоевский и его alter ego Горянчиков сами были каторжниками, а Чехов всего лишь наблюдатель со стороны. Однако в остальном Чехов, конечно же, внутренне во многом ориентируется на «Записки...» Достоевского. И даже однажды прямо сопоставляет свои впечатления с картиной, представленной его знаменитым предшественником.

Так, ближе к концу, в разделе XX «Свободное население. – Нижние чины местных воинских команд. – Интеллигенция» Чехов так соотносит условия заключения на Сахалине с описанным Достоевским Омским острогом: «В новой истории Сахалина играют заметную роль представители позднейшей формации, смесь Держиморды и Яго, – господа, которые в обращении с низшими не признают ничего, кроме кулаков, розог и извозчицье брани...». Тем самым он, казалось бы, вписывает свои портреты сахалинских надзирателей в ряд, начатый изображением Достоевским «*плац-майора*».

Однако тут же Чехов неожиданно заключает: «Но как бы то ни было, *“Мертвого дома” уже нет*². На Сахалине среди интеллигенции, управляющей и работающей в канцеляриях, мне приходилось встречать разумных, добрых и благородных людей, присутствие которых служит достаточной гарантией, что возвращение прошлого уже невозможно». Правда, связывает Чехов это не только с появлением новых людей, но и с усилением гласности: «Теперь уже не катают каторжных в бочках и нельзя засечь человека или довести его до самоубийства без того, чтобы это не возмутило здешнего общества и об этом не заговорили бы по Амуру и по всей Сибири» [2. Т. 14–15. С. 321].

Эту главу Чехов заканчивает похвалой интеллигенции, которая в этом контексте звучит как антипочвенническая декларация, направленная в том числе и против «Записок из Мертвого дома»: «Где многочисленная интеллигенция, там неизбежно существует общественное мнение, которое создает нравственный контроль и предъявляет всякому этические требования, уклониться от которых уже нельзя безнаказанно никому, даже *майору* Николае-

¹ Эти две части «Острова Сахалина» иногда разграничиваются как «очерки путевые» и «очерки проблемные» (см.: [2. Т. 14–15. С. 783]).

² Здесь и далее курсив мой. – С.К.

ву. Несомненно также, что с развитием общественной жизни, здешняя служба мало-помалу теряет свои непривлекательные особенности и процент сумасшедших, пьяниц и самоубийц понижается» [2. Т. 14–15. С. 322].

Есть в «Острове Сахалине» и другие, прямые и скрытые, отсылки к Достоевскому. Правда, поскольку тон чеховской книги гораздо более критичный, то в ход в первую очередь идут сатирические произведения Достоевского. Так, говоря о «частном обществе “Сахалин”», «в исключительном пользовании» которого оказались «дуйские копии», Чехов пишет: «Общество засело на Сахалине так же крепко, как *Фома в селе Степанчикове*, и неумолимо оно, как *Фома*» [2. Т. 14–15. С. 137].

Есть в очерке Чехова «Из Сибири» и страницы, отмеченные идеализацией Сибири и простого народа, которые содержат неявные переключки с сибирскими страницами «Былого и дум» А.И. Герцена: «Пока я пью чай и слушаю про Сашу, мои вещи лежат на дворе, в возке. На вопрос, не украдут ли их, мне отвечают с улыбкой: – Кому ж тут красть? У нас и ночью не крадут. И в самом деле, по всему тракту не слышно, что у проезжего что-нибудь украли. *Нравы здесь в этом отношении чудесные, традиции добрые*. Я глубоко убежден, что если бы я обронил в возке деньги, то нашедший их вольный ямщик возвратил бы мне их, не заглянув даже в бумажник. <...> О грабежах на дороге здесь не принято даже говорить. Не слышно про них. А встречные бродяги, которыми меня так пугали, когда я ехал сюда, здесь так же страшны для проезжего, как зайцы и утки» [2. Т. 14–15. С. 16–17].

Это напоминает пермские страницы второй части «Былого и дум» (1854): «*Простой народ еще менее враждебен к сосланным, он вообще со стороны наказанных*. Около сибирской границы слово “ссылный” исчезает и заменяется словом “несчастный”. В глазах русского народа судебный приговор не пятнает человека. В Пермской губернии, по дороге в Тобольск, крестьяне выставляют часто квас, молоко и хлеб в маленьком окошке на случай, если “несчастный” будет тайком пробираться из Сибири» [13. Т. 8. С. 248]. Опубликованные еще в 1854 году, они были и в поле зрения Достоевского при создании его «Записок...».

Сахалин в изображении Чехова, как и Омский острог в изображении Достоевского¹, несет на себе черты Дантова «Ада» (см., об этом, например: [15. С. 62–73]). Сравнение с «адам» промелькнуло в самом начале его «путевых записок» в картине пожара сахалинской тайги: «Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастическою. На левом плане горят чудовищные костры, выше них – горы, из-за гор поднимается высоко к небу багровое зарево от дальних пожаров; похоже, как будто горит весь Сахалин. <...> все в дыму,

¹ Не случайно еще А.И. Герцен небезосновательно утверждал, что «Записки...» Достоевского всегда будут «красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как надпись Данте над входом в ад: это “Мертвый дом” Достоевского, страшное повествование, автор которого, вероятно, и сам не подозревал, что, рисуя своей закованной рукой образы сотоварищей-каторжников, он создал из описания нравов одной сибирской тюрьмы фрески в духе Буонарроти» [13. Т. 18. С. 219].

как в аду» [2. Т. 14–15. С. 54]. И этот образ еще не раз возникает в дальнейшем изложении (см.: [2. Т. 14–15. С. 784]¹.

Зато далекая Россия в сознании многих героев «Острова Сахалина» по контрасту обретает черты потерянного рая. При этом, возможно, не без влияния фигуры Л.Н. Толстого и тургеневских «Записок охотника» среди особо «райских» губерний названы Тульская и Курская: «О Сахалине, о здешней земле, людях, деревьях, о климате говорят с презрительным смехом, отвращением и досадой, а в России все прекрасно и упоительно; самая смелая мысль не может допустить, чтобы в России могли быть несчастные люди, так как жить где-нибудь в Тульской или Курской губернии, видеть каждый день избы, дышать русским воздухом само по себе есть уже высшее счастье» (см.: [2. Т. 14–15. С. 343–344]).

«Мокрый снег», который, как Чехов отмечает в очерке «Из Сибири», идет тут «на Троицу», а также *заполненная «на четверть» водой «свежевырытая могила»*, в которую кладут «женщину свободного состояния», после которой «осталось двое детей» [2. Т. 14–15. С. 804–805], у читателя того времени вызывал ассоциации с «Записками из подполья», вторая часть которых озаглавлена «По поводу мокрого снега». «Подпольный парадоксалист» пугал в ней Лизу образом молодой покойницы, положенной в мокрую могилу на Волковом кладбище (ср.: [17. Т. 5. С. 138, 171–172]).

А на заключительных страницах чеховских «путевых заметок», на которых речь заходит о «наказаниях» и «смертной казни», неожиданно мелькает даже силуэт участника самого Достоевского: «Самому молодому из убийц, Пазухину, уже после того, как на него был надет саван и прочли ему отходную, было объявлено, что он помилован; *казнь ему была заменена другим наказанием. Но сколько должен был пережить в короткое время этот человек!* Всю ночь разговор со священниками, торжественность исповеди, под утро полстакана водки, команда “выводи”, саван, отходная, потом радость по случаю помилования и тотчас же после казни товарищей сто плетей, после пятого удара обморок и в конце концов прикование к тачке» [2. Т. 14–15. С. 340].

Здесь не может не возникать ассоциаций с судьбой самого Достоевского, которому вместе с некоторыми другими «петрашевцами» смертная казнь была заменена каторгой уже на эшафоте, что, как известно, не раз отзывалось на страницах многих его произведений.

«Остров Сахалин» и последующие произведения Чехова

В лицах, населяющих «Мертвый дом» Достоевского, местами ощущаются черты героев его будущих произведений². Силуэты персонажей еще

¹ Это отражение у Чехова мифологемы Сибири как ада (см.: [14. С. 278–289]).

² «В Алее, например, предчувствуются черты Мышкина и Алеши Карамазова», «Филька Морозов предвосхищает такие типы Достоевского, как Рогожин в Идиоте и Дмитрий Карамазов» [15. С. 8], в земном поклоне Акульки предвосхищены отдельные черты поведения Катерины Ивановны в «Братьях Карамазовых» (см.: [16. С. 95–101]), в А-ве – черты Свидригайлова [10. С. 125].

ненаписанных произведений Чехова мелькают кое-где и на страницах его «путевых заметок». Так, в самом начале очерка «Из Сибири» находим рассказ о «мещанке с ребеночком» из Омска, оставившей его «в избе вольного ямщика». Ямщик с женой привязываются к ребенку, и об этой привязанности повествуется как о последней любви Ольги Семеновны – к сыну ветеринарного врача Смирнина Саше, которого мать оставляет в ее доме: «Привыкли мы к Саше, – говорит хозяйка, давая ребенку соску. – Закричит днем или ночью, и на сердце иначе станет, словно и изба у нас другая. А вот, не ровен час, вернется та и возьмет от нас...» [2. Т. 14–15. С. 16]. Из этого зерна как бы прорастают заключительные страницы рассказа Чехова «Душечка» (1999).

А вот «жирный человек» Петр Петрович, встреченный Чеховым в Колывани, добывающийся «правды»: «Человек не лошадь. Примерно, у нас по всей Сибири нет правды. Ежели и была какая, то уже давно замерзла. Вот и должен человек эту правду искать. Я мужик богатый, сильный, у заседателя руку имею и могу вот этого самого хозяина завтра же обидеть: он у меня в тюрьме сгниет, и дети его по миру пойдут. И нет на меня никакой управы, а ему защиты, потому без правды живем... Значит, в метрике только записано, что мы люди, Петры да Андреи, а на деле выходим – волки. <...> А лодки все еще нет!» [2. Т. 14–15. С. 22–23]. Из этого Петра Петровича потом выйдут, наверное, и пламенный обличитель «лжи» Редька из «Моей жизни», и парадоксальным образом герой рассказа «Печенег» Жмухин.

Из паромщика Красивого, убежденного в том, что «повиноваться надо», который «на Сахалине за все 22 года» «ни разу не был сечен и ни разу не сидел в карцере»: «Потому что посылают лес пилить – иду, дают вот эту палку в руки – беру, велят печи в канцелярии топить – топлю» [2. Т. 14–15. С. 81], – произрастает герой рассказа Чехова 1891 г. «Гусев», для которого «жить правильно» значило «слушаться» [2. Т. 7. С. 303].

Эпизодическая дама-хохотушка с парохода «Байкал»: «Наша спутница, жена моряка-офицера, бежала из Владивостока, испугавшись холеры, и теперь, немного успокоившись, возвращалась назад. У нее был завидный характер. Достаточно было самого пустого повода, чтобы она закатилась самым искренним, жизнерадостным смехом до упада, до слез; начнет рассказывать что-нибудь, картавя, и вдруг хохот, веселость бьет фонтаном, а глядя на даму, начинаю смеяться и я, за мною о. Ираклий, потом японец. “Ну!” – говорит в конце концов командир, махнув рукой, и тоже заражается смехом. Вероятно, никогда в другое время в Татарском проливе, обыкновенно сердитом, не хохотали так много» [2. Т. 14–15. С. 181] – предвещает героиню «Человека с футляром» Вареньку, на которой едва не женился Беликов.

В главе IX в описании селения Дербинского звучит мотив, напоминающий знаменитый рефрен «Трех сестер»: «В Москву, в Москву!». Ср.: «Один бывший московский купец, торговавший когда-то на Тверской-Ямской, сказал мне со вздохом: “А теперь в Москве скачки!” – и, обращаясь к поселенцам, стал им рассказывать, что такое скачки и какое множество людей по

воскресеньям движется к заставе по Тверской-Ямской. “Верите ли, ваше высококородие, – сказал он мне, взволнованный своим рассказом, – я бы все отдал, *жизнь бы свою отдал, чтобы только взглянуть на Россию, не на Москву, а хоть бы на одну только Тверскую*”» [2. Т. 14–15. С. 152].

Особенно остро звучит в очерке «Из Сибири» общий лейтмотив многих чеховских произведений – лейтмотив «скуки»: «*Живется им скучно. Сибирская природа в сравнении с русскою кажется им однообразной, бедной, беззвучной; на Вознесенье стоит мороз, а на Троицу идет мокрый снег. Квартиры в городах скверные, улицы грязные, в лавках все дорого, не свежо и скучно, и многого, к чему привык европеец, не найдешь ни за какие деньги. <...> Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа; она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поет, не смеется, не миловидна и, как выразился один старожил в разговоре со мной: “жестка на ощупь”*» [2. Т. 14–15. С. 27].

Внутренняя соотнесенность чеховского травелога с «Записками...» Достоевского

Безусловно, сближают обе книги их панорамность и многогеройность. Бесконечный ряд эпизодических героев «Острова Сахалина»: каторжный Красивый «на перевозе через Дуйку» [2. Т. 14–15. С. 81], Егор, «дровотаск» доктора, у которого «квартировал» Чехов в Александровске; его рассказ о том, как его обвинили в убийстве, которого он не совершал, Чехов помещает в качестве отдельной (VI) главы [2. Т. 14–15. С. 101–106], полусумасшедший «каторжный Кисляков», поклявшийся убить и убивший свою жену молотком [2. Т. 14–15. С. 115–116], богатый «крестьянин из ссыльных» Потемкин [2. Т. 14–15. С. 117], старик Терехов, убивший, по рассказам арестантов, 60 человек [2. Т. 14–15. С. 132], «отставной квартирмейстер Карп Ерофеич Микрюков, старейший из сахалинских надзирателей» [2. Т. 14–15. С. 162], «жизнерадостная дама» на корабле «Байкал» [2. Т. 14–15. С. 180–181], семья Жакомини в Корсаковском посту [2. Т. 14–15. С. 191], «сахалинская Гретхен» из Мицульки [2. Т. 14–15. С. 202], Вукол Попов из Владимировки, убивший свою жену и отравившийся на каторге из-за другой женщины, фальшивомонетчик Василий Смирнов, гордящийся тем, что «его когда-то на суде защищал г. Плевако» [2. Т. 14–15. С. 206]? – вполне аналогичен многогеройности «Записок...» Достоевского.

Разница, очевидно, в том, что к некоторым своим героям Достоевский возвращается неоднократно, в то время как в «Острове Сахалине» почти все его герои – в соответствии с логикой травелога – являются перед нами лишь однажды, при описании тех населенных пунктов острова, в которых они повстречались Чехову. Соответственно, таких героев у Чехова гораздо больше, чем у Достоевского – зато многие из них обрисованы настолько бегло, что почти не остаются в памяти читателя.

На целом ряде страниц «Острова Сахалина» мы находим разоблачение вреда «системы общих камер» [2. Т. 14–15. С. 92–93, 230], которая существовала в Омском остроге и против которой почти не протестует Достоев-

ский. За отсутствием альтернативы: вольного поселения вне стен тюрьмы, которое широко встречалось на Сахалине, – он просто изображает *«вынужденное общее сожительство»* в остроге на протяжении многих лет как одну из самых существенных и ужасных сторон каторги [17. Т. 4. С. 22].

Иногда Чехов описывает те же самые явления острожной жизни, что и Достоевский, и не давая отсылки к «Запискам из Мертвого дома», упоминает, однако, о том, что они пришли из Сибири: «В общих камерах приходится терпеть и оправдывать такие безобразные явления, как ябедничество, наушничество, самосуд, кулачество. Последнее находит здесь выражение в так называемых *майданах, перешедших сюда из Сибири*¹. Арестант, имеющий и любящий деньги и пришедший из-за них на каторгу, кулак, скопидом и мошенник, берет на откуп у товарищей-каторжных право монопольной торговли в казарме, и если место бойкое и многочисленное, то арендная плата, поступающая в пользу арестантов, может простираться даже до нескольких сотен рублей в год» [2. Т. 14–15. С. 93–94].

В других случаях такого рода отсылок нет, но внимательный читатель «Записок...» легко вспоминает при знакомстве с «Островом Сахалином» описанные на их страницах те же явления. Так, изображение воровства, торговли спиртным и повальной проституции женщин на Сахалине [2. Т. 14–15. С. 326–327 и др.] соответствует отдельным страницам «Записок из Мертвого дома» (ср.: [17. Т. 4. С. 31–32]).

При этом Чехов в общем следует тональности их изображения Достоевским: *«Ссылный развлекается тайно, воровским образом, чтобы добыть стакан водки, который при обыкновенных условиях обходится только в пятак, он должен тайно обратиться к контрабандисту и отдать ему, если нет денег, свой хлеб или что-нибудь из одежды...»* [2. Т. 14–15. С. 326] (ср.: [17. Т. 4. С. 257]).

Тематическая соотнесенность

Противопоставления дворянства народу в книге Чехова нет. Идеализации простого народа, которая имеет место в «Записках...» Достоевского, в «Острове Сахалине» соответствует отношение Чехова к первобытным народам. По отношению к исключительно мирным гилякам, которым *«всякая ложь и хвастовство в обычной, не деловой сфере» «противны»*, такая идеализация, впрочем, имеет свои четкие пределы: «Презрение к женщине, как к низкому существу или вещи, доходит у гиляка до такой степени, что в сфере женского вопроса он не считает предосудительным даже рабство в прямом и грубом смысле этого слова. По свидетельству

¹ Как отмечает М.Л. Семанова, в черновой рукописи вслед за этими словами такая отсылка была: «Чехов, несомненно, использовал не только личные впечатления, но и описания майдана в главе четвертой первой части “Записок из Мертвого дома” Достоевского и сказанное о майдане Максимовым (“Сибирь и каторга”, ч. I. СПб., 1871, стр. 117–128)» [2. Т. 14–15. С. 818–819].

Шренка, гиляки часто привозят с собой аинских женщин в качестве рабынь; очевидно, женщина составляет у них такой же предмет торговли, как табак или даба» [2. Т. 14–15. С. 178].

Коллизии дворянства и народа в «Записках...» в «Острове Сахалине» в какой-то мере соответствует неспособность русской администрации «обрушить сахалинских гиляков», которых начали нанимать «в надзиратели», в результате чего иногда случается, что «гиляк-надзиратель» «по долгу службы» убивает «каторжного»: «Что близость к тюрьме не обрусит, а лишь вконец развратит гиляков, доказывать не нужно. Они далеки еще до того, чтобы понять наши потребности, и едва ли есть какая-нибудь возможность втолковать им, что каторжных ловят, лишают свободы, ранят и иногда убивают не из прихоти, а в интересах правосудия; они видят в этом лишь насилие, проявление зверства, а себя, вероятно, считают наемными убийцами». Разумеется, это совсем другие отношения, однако уровень трагичности этого разрыва и абсолютная невозможность сближения никак не меньше.

«Если уж необходимо обрусить и нельзя обойтись без этого, то, я думаю, при выборе средств для этого, — полагает Чехов, — надо брать в расчет прежде всего не наши, а их потребности. Вышеупомянутый приказ о разрешении принимать инородцев в окружной лазарет, выдача пособий мукой и крупой, как было в 1886 г., когда гиляки терпели почему-то голод, и приказ о том, чтоб у них не отбирали имущества за долг, и прощение самого долга (приказ 204-й 1890 г.) — подобные меры, быть может, скорее приведут к цели, чем выдача блях и револьверов» [2. Т. 14–15. С. 178, 179–180].

Зато по отношению к айно эта идеализация безгранична: «Общий голос таков, что *это народ кроткий, скромный, добродушный, доверчивый, сообщительный, вежливый*, уважающий собственность, на охоте смелый и, по выражению д-ра Rollen'a, спутника Лаперуза, даже интеллигентный. Бескорыстие, откровенность, вера в дружбу и щедрость составляют их обычные качества. Они правдивы и не терпят обманов» [2. Т. 14–15. С. 221].

В целом же основная коллизия «Записок...» Достоевского: отношения между дворянством и народом — в «Острове Сахалине» практически не представлена. Да и само представление о «народе» у Чехова несколько меняется и приближается к современному: в его «Записных книжках» вскоре оно будет прямо формулироваться: «...все мы народ...» [2. Т. 17. С. 9].

Впрочем, определенный критицизм Чехова по отношению к идеализации простого народа в «Записках...», впоследствии столь ярко отразившийся в его повестях «Мужики» (1890), «В овраге» (1899) и обозначенный уже в рассказе «Воры» (1890)¹, сказался и в «Острове Сахалине». Так, в замечании Чехова о том, что «у лучших русских писателей замечалось стремление к идеализации каторжных, бродяг и беглых» [2. Т. 14–15.

¹ Как показал А.В. Кубасов, это изменение в трактовке данной темы впервые в творчестве Чехова произошло именно в этом рассказе и осуществляется в нем как полемическая интерпретация лермонтовской «Тамани» [18. С. 75].

С. 135], безусловно, имеются в виду в том числе и не в последнюю очередь «Записки из Мертвого дома»¹.

Вместо дворянства и народа в «Острове Сахалине» то и дело сопоставляются каторжные и поселенцы, колонизаторы и аборигены. Неоднократно подчеркивается и особенность населения Сахалина по отношению к остальной России: «Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, *как будто я не в России*, а где-то в Патагонии или Техасе; не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами» [2. Т. 14–15. С. 42].

В «Записках из Мертвого дома» VI глава второй части озаглавлена «*Каторжные животные*» и в ней рассказывается о лошади, собаках, гусях и козле, живших в остроге. В «Острове Сахалине» ничего подобного нет, но по грустной иронии в одной из первых глав, посвященных «частностям», рассказывается о «*каторжных женщинах*», причем сам автор оговаривается, что «местная практика выработала особенный взгляд на каторжную женщину, существовавший, вероятно, во всех ссыльных колониях: не то она человек, хозяйка, не то существо, стоящее даже ниже домашнего животного» [2. Т. 14–15. С. 246, 250–251].

Предпоследняя глава «Записок...» (IX глава второй части) озаглавлена «*Побег*». Совершенно аналогичным образом в предпоследней (XXII) главе «Острова Сахалина» повествуется об аналогичных материях: «*Беглые* на Сахалине. – Причины побегов. – Состав беглых по происхождению, разрядам и проч.» [2. Т. 14–15. С. 342]. Зато символически венчает «Остров Сахалин» глава, в какой-то степени соответствующая начальным главам второй части «Записок...» «*Госпиталь*» (I–III). Она озаглавлена «Болезненность и смертность ссыльного населения. – Медицинская организация. – *Лазарет* в Александровске» (XXIII по счету), и в ней Чехов буднично рассказывает о том, что фактически население острова остается почти без какой-либо медицинской помощи и лекарств².

Таким образом, сходное, сострадательное изображение Чеховым заключенных и поселенцев сочетается в его книге с полемическим по отношению к Достоевскому отсутствием идеализации преступного мира, а также с иным представлением о «народе». Тему же трагического разрыва

¹ Впрочем, это было свойственно и многим другим предшественникам и современникам Чехова. Как отмечает М.Л. Семанова, комментируя эту фразу, «Чехов имел, надо полагать, в виду книги: “Записки из Мертвого дома” Ф.М. Достоевского, “Сибирь и каторга” С.В. Максимова и рассказы В.Г. Короленко “Соколинец”, “Федор Бесприютный”, “Мгновение” (“Море”) и др.» [2. Т. 14–15. С. 829].

² Некоторые сопоставления «Острова Сахалина» с «Записками...» Достоевского приведены в статье Г.П. Бердникова «Чехов и Достоевский». Однако они носят достаточно абстрактный, поверхностный, а то и произвольный характер. Чего только стоит его предположение о том, что «скорее всего Чехов прямо противопоставлял “Рассказ Егора” главе “Записок...” “Акушкин муж”» [10. С. 120–135].

между дворянством и народом замещает у Чехова тема отношений между русским и коренным населением Сахалина.

Роман Толстого «Воскресение» и «Остров Сахалин»

«Записки из Мертвого дома» заканчиваются «выходом» героя-рассказчика «из каторги», а именно следующими словами: «Да, с богом! Свобода, новая жизнь, *воскресенье из мертвых*... Экая славная минута!» [17. Т. 4. С. 258]. Именно этим словом: «*воскресение*» – Толстой озаглавил свой последний большой роман, причем у него «воскресенье из мертвых» души Катюши Масловой начинается именно тогда, когда она как раз попадает на каторгу.

Так что на первый взгляд Толстой развивает взгляд на каторгу, представленный в «Записках...» Достоевского. И в самом деле, наиболее видному из его героев-революционеров – Новодворову, позиция которого наделяется автором чертами «узости и односторонности», Толстой приписывает отношение к каторжному народу как к «зверям». Крыльцов, к которому автор относится с симпатией, возражает на это: «Ты говоришь – звери. А вот сейчас Нехлюдов рассказывал о таком поступке <...> и он рассказал про то, как Макар рискует жизнью, спасая земляка». В позиции Новодворова и Крыльцов, и затем Марья Павловна не без оснований видят проявление деспотизма: «Мы говорим, что мы против произвола и деспотизма, а разве это не самый ужасный деспотизм? <...> Думаю, что Анатолий прав, что нельзя навязывать народу наши взгляды» [1. Т. 32. С. 398, 399].

Тем не менее Толстой далек от идеализации уголовной среды – пусть даже это люди из народа. У него пребывание в тюрьме действует на всех губительно: «Люди, пожившие в тюрьме, всем существом своим узнавали, что, судя по тому, что происходит над ними, все те нравственные законы уважения и сострадания к человеку, которые проповедываются и церковными и нравственными учителями, в действительности отменены, и что поэтому им не следует держаться их». В романе это показано на примере Тараса, который следует на каторгу за своей женой Федосьей, пытавшейся отравить его, и наделен чертами народной нравственности: «...проведя два месяца на этапах, он поразил Нехлюдова безнравственностью своих суждений» [1. Т. Т.32. С. 377].

Противопоставление дворянства и народа, представленное у Достоевского, Толстой в «Воскресении» подменяет оппозицией «уголовные – политические преступники». И только последних, да и то не всех, наделяет чертами праведности.

В общем изображении каторги Толстой во многом солидарен с Чеховым¹. В отношении к отвратительным сторонам каторги он, как водится, идет дальше всех и, судя по всему, вступает при этом в прямую полемику с Чеховым: «Рассуждение о том, что то, что возмущало его, происходило,

¹ На этой достаточно общей гуманистической позиции Чехова и Толстого акцентирует внимание Е.И. Стрельцова [19. С. 140–149]; о знакомстве Толстого с книгой Чехова в период его работы над «Воскресением» см.: [2. Т. 14–15. С. 794].

как ему говорили служащие, от несовершенства устройства мест заключения и ссылки, и что это все можно поправить, устроив нового фасона тюрьмы, – не удовлетворяло Нехлюдова, потому что он чувствовал, что то, что возмущало его, происходило не от более или менее совершенного устройства заключения. Он читал про усовершенствованные тюрьмы с электрическими звонками, про казни электричеством, рекомендуемые Тардом, и усовершенствованные насилия еще более возмущали его».

Очевидно, полемизируя в данном случае в том числе и с Чеховым, Толстой отрицает само право одних людей наказывать других, даже за преступления: «Узнав ближе тюрьмы и этапы, Нехлюдов увидал, что все те пороки, которые развиваются между арестантами: пьянство, игра, жестокость и все те страшные преступления, совершаемые острожниками, и самое людоедство – не суть случайности или явления вырождения, преступного типа, уродства, как это на руку правительствам толкуют тупые ученые, а есть неизбежное последствие непонятного заблуждения о том, что люди могут наказывать других. Нехлюдов видел, что людоедство начинается не в тайге, а в министерствах, комитетах и департаментах и заключается только в тайге...» [1. Т. 32. С. 414].

Между тем «путевые заметки» Чехова одушевляет именно стремление сделать наказание преступника не бессмысленно вредным и ужасным, а соразмерным преступлению и способствующим исправлению: «Наказания, которые полагаются каторжникам и поселенцам за преступления, отличаются чрезмерною суровостью, и если наш “Устав о ссыльных” находится в полном несоответствии с духом времени и законов, то это прежде всего заметно в той его части, которая трактует о наказаниях. Наказания, унижающие преступника, ожесточающие его и способствующие огрубению нравов и давно уже признанные вредными для свободного населения, оставлены для поселенцев и каторжных, как будто ссыльное население подвержено меньшей опасности огрубеть, ожесточиться и окончательно потерять человеческое достоинство» [2. Т. 14–15. С. 322].

В отличие от утопической установки Толстого на уничтожение всякого наказания, Чехов занят в своей книге поиском форм его человечности и справедливости: «Реформа 1884 г. показала, что чем многочисленнее в ссыльной колонии администрация, тем лучше. <...> Необходимо, чтобы маловажные дела не отвлекали чиновников от их главных обязанностей. Между тем начальник острова за неимением секретаря или чиновника, который постоянно находился бы при нем, большую часть дня бывает занят составлением приказов и разных бумаг, и эта сложная, кропотливая канцелярщина отнимает у него почти все время, необходимое для посещения тюрем и объезда селений» [2. Т. 14–15. С. 321–322].

Именно поэтому Чехов отстаивает преимущества поселения перед тюрьмой: «Пока несомненно одно, что колония была бы в выигрыше, если бы каждый каторжный, без различия сроков, по прибытии на Сахалин тотчас же приступал бы к постройке избы для себя и для своей семьи и начал бы свою колонизаторскую деятельность возможно раньше, пока он

еще относительно молод и здоров; да и справедливость ничего бы не проиграла от этого, так как, поступая с первого же дня в колонию, преступник самое тяжелое переживал бы до перехода в поселенческое состояние, а не после» [2. Т. 14–15. С. 230].

Поэтому он последовательно выступает против пожизненных наказаний и репрессий как средства борьбы с побегами: «К общим причинам побегов следует отнести также пожизненность наказания. <...> Вообще говоря, репрессивные меры в борьбе с побегами не имеют будущности, они сильно расходятся с идеалами нашего законодательства, которое в наказании видит прежде всего средство к исправлению. <...> Так называемые гуманные меры, всякое улучшение в жизни арестанта, будет ли то лишний кусок хлеба или надежда на лучшее будущее, тоже значительно понижают число побегов» [2. Т. 14–15. С. 345, 355].

Аналогичная убежденность Чехова в чрезмерности отдельных видов наказания одушевляет и его очерк «Из Сибири»: «Я глубоко убежден, что через 50–100 лет на пожизненность наших наказаний будут смотреть с тем же недоумением и чувством неловкости, с каким мы теперь смотрим на равнение ноздрей или лишение пальца на левой руке» [2. Т. 14–15. С. 25].

Таким образом, в диалоге со своими великими предшественниками и современниками Чехов и в своих «путевых заметках» сумел сказать о русском народе свое, совершенно новое и неповторимое, слово, и его книга стала в этом отношении существенным звеном на пути его постижения от Тургенева и Достоевского к Льву Толстому.

Литература

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Серия 1: Произведения. М. : Худ. лит., 1928–1964.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974–1983.
3. Кибальник С.А. Чехов и русская классика: проблемы интертекста. СПб. : Петрополис, 2015. 313 с.
4. Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб. : Петрополис, 2013. 431 с.
5. Скабичевский А.М. Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне // Русская мысль. 1898. № 10. С. 37–42.
6. Дорошевич В. Чехов и Сахалин // Русское слово. 1905. № 179.
7. Шаламов В. Очерки преступного мира. М. : Эксмо, 2009. 576 с.
8. Созина Е.К. «Жесткий арестантский халат» в «беллетристическом гардеробе» А.П. Чехова: «Остров Сахалин» // Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4, № 4. С. 64–83.
9. Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова. СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. 490 с.
10. Бердников Г.П. Чехов и Достоевский // Вопросы литературы. 1984. № 2. С. 105–150.
11. Смирнов И.П. Текстомахия: Как литература отзывается на философию. СПб. : Петрополис, 2010. 207 с.
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
13. Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Наука, 1954–1965.
14. Собенников А.С. Миф о Сибири в творчестве А.П. Чехова («Очерки из Сибири») // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 278–282.

15. Джексон Р.Л. Искусство Достоевского: Бреды и ноктюрны. М. : Радикс, 1998. 287 с.
16. Якубович И.Д. Литературный генезис образов «кротких» и «чистых» в «Записках из Мертвого дома» // Русская литература. 2015. № 1. С. 95–101.
17. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 35 т. Л. : Наука, 2013–2020. Т. 1–9.
18. Кубасов А.В. Художественное предвидение Сахалина: рассказ А.П. Чехова «Воры» // «Остров Сахалин» А.П. Чехова в XXI веке : материалы VII Междунар. науч. конф. Южно-Сахалинск, 2020. С. 69–76.
19. Стрельцова Е.И. «Мнимый остров»: Вечная чеховская тайна («Остров Сахалин» и «Воскресение») // Чехов и Толстой: К 100-летию памяти Л.Н. Толстого : сб. науч. тр. Симферополь, 2011. С. 140–149.

Chekhov's *Sakhalin Island* in the Context of the 19th Century Russian Classical Prose

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 252–267. DOI: 10.17223/19986645/74/14

Sergei A. Kibalnik, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kibalnik007@mail.ru

Keywords: *Sakhalin Island*, Chekhov, Dostoevsky, Tolstoy, “book about people”, “travel notes”, similarity, difference, polemic character.

The article analyzes Chekhov's *Sakhalin Island* (1893) in the context of the Russian classical prose of the second half of the 19th century as belonging to the supra-genre of “books about people”. *Sakhalin Island* is compared with Turgenev's *Notes of a Hunter* (1852) and Dostoevsky's *Notes from the Dead House* (1863), which preceded Chekhov's story, and with Tolstoy's *Resurrection* (1899), which was written later. The author uses methods of intertextology. The latter is a trend in the development of the theory of intertextuality, which, breaking with the poststructuralist literary-theoretical concepts of the death of the author and intertextuality as interdiscursiveness, interprets it as a dialogue of a writer with his predecessors and contemporaries. The starting point of the work is the idea the author of the article grounded in his previous works that Dostoevsky wrote his *Notes* as a hidden polemic interpretation of Turgenev's *Notes of a Hunter*. The author shows for the first time that, in a similar way, Chekhov, for whom the trip to Sakhalin was a deliberate attempt to acquire a similar human and literary experience, refers directly or indirectly to Turgenev's *Notes of a Hunter*, and especially to Dostoevsky's *Notes from the Dead House* in part of his *Sakhalin Island*. In other cases, his book contains no references to the *Notes*, but internally correlates with them. Moreover, in this latter case, this correlation sometimes has a unison, but mostly dissonant character. That is, Chekhov's “travel notes” are often polemical in relation to Dostoevsky's *Notes*. The author also notes that in *Sakhalin Island* has numerous cases of anticipation of plots and images of Chekhov's subsequent works – a phenomenon that is also widely represented in Dostoevsky's *Notes*. When Tolstoy wrote the Siberian chapters of his novel *Resurrection*, he in turn created it as internally opposed to Chekhov's *Sakhalin Island*. Thus, a detailed intertextological analysis of these four texts reveals a deep interconnection – sometimes evident, but most often hidden in “books about people” written by the greatest Russian writers of the second half of the 19th century. It becomes clear that they were created in an intense creative dialogue, and often in dispute among themselves.

References

1. Tolstoy, L.N. (1928–1964) *Poln. sobr. soch.: v 90 t. Seriya pervaya. Proizvedeniya* [Complete works: in 90 volumes. Series One. Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

2. Chekhov, A.P. (1974–1983) *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. Pis'ma: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 volumes. Letters: in 12 volumes]. Moscow: Nauka.
3. Kibal'nik, S.A. (2015) *Chekhov i russkaya klassika: problemy interteksta* [Chekhov and Russian classics: problems of intertext]. St. Petersburg: Petropolis.
4. Kibal'nik, S.A. (2013) *Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's intertextual poetics]. St. Petersburg: Petropolis.
5. Skabichevskiy, A.M. (1898) Katorga pyat' desyat let tomu nazad i nyne [Katorga fifty years ago and now]. *Russkaya mysl'*. 9. p. 89; 10. pp. 37–42.
6. Doroshevich, V. (1905) Chekhov i Sakhalin [Chekhov and Sakhalin]. *Russkoe slovo*. 179.
7. Shalamov, V. (2009) *Ocherki prestupnogo mira* [Essays on the underworld]. Moscow: Eksmo.
8. Sozina, E.K. (2016) “Zhestkiy arestantskiy khalat” v “belletristicheskom garderobe” A.P. Chekhova: “Ostrov Sakhalin” [“Hard prisoner's robe” in the “fiction wardrobe” of A.P. Chekhov: “Sakhalin Island”]. *Quaestio Rossica*. 4 (4). pp. 64–83.
9. Sukhikh, I.N. (2007) *Problemy poetiki Chekhova* [Problems of Chekhov's Poetics]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University.
10. Berdnikov, G.P. (1984) Chekhov i Dostoevskiy [Chekhov and Dostoevsky]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 105–150.
11. Smirnov, I.P. (2010) *Tekstomakhiya. Kak literatura otzyvaetsya na filosofiyu* [Textomachia. How literature echoes with philosophy]. St. Petersburg: Petropolis.
12. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka.
13. Gertsen, A.I. (1954–1965) *Sobr. soch.: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols]. Moscow: Nauka.
14. Sobennikov, A.S. (2004) Mif o Sibiri v tvorchestve A.P. Chekhova (“Ocherki iz Sibiri”) [The myth of Siberia in the works of A.P. Chekhov (“Essays from Siberia”)]. In: *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: a view from the outside and from the inside. Spiritual dimension of space]. Irkutsk: [s.n.], pp. 278–282.
15. Jackson, R.L. (1998) *Iskusstvo Dostoevskogo. Bredy i noktyurny* [The Art of Dostoevsky: Deliriums and Nocturnes]. Translated from English. Moscow: Radiks.
16. Yakubovich, I.D. (2015) Literary Genesis of the Images of “The Meek” and “The Chaste” in F. M. Dostoyevsky's Memoirs from the House of the Dead. *Russkaya literatura*. 1. pp. 95–101. (In Russian).
17. Dostoevskiy, F.M. (2013–2020) *Poln. sobr. soch.: v 35 t.* [Complete works: in 35 vols]. Vols 1–9. Leningrad: Nauka.
18. Kubasov, A.V. (2020) Khudozhestvennoe predvidenie Sakhalina: rasskaz A.P. Chekhova “Vory” [Artistic foresight of Sakhalin: A.P. Chekhov's story “Thieves”]. “Ostrov Sakhalin” A.P. Chekhova v XXI veke [“Sakhalin Island” by A.P. Chekhov in the 21st century]. Proceedings of the International Conference. Yuzhno-Sakhalinsk: Eykon Yuzhno-Sakhalinsk. pp. 69–76. (In Russian).
19. Strel'tsova, E.I. (2011) “Mnimyy ostrov”: Vechnaya chekhovskaya tayna (“Ostrov Sakhalin” i “Voskresenie”) [“Imaginary Island”: Chekhov's Eternal Secret (“Sakhalin Island” and “Resurrection”)]. In: *Chekhov i Tolstoy: K 100-letiyu pamyati L.N. Tolstogo* [Chekhov and Tolstoy: To the 100th anniversary of the memory of L.N. Tolstoy]. Simferopol: DOLYa. pp. 140–149.

УДК 82.09+130.2+171
DOI: 10.17223/19986645/74/15

Е.Б. Крюкова, О.А. Коваль

МЕЖДУ ПОЭЗИЕЙ И ПРАВДОЙ: ИНГЕБОРГ БАХМАН И ЖАН АМЕРИ О СМЫСЛЕ РОДИНЫ, ЯЗЫКА И МОРАЛИ¹

Реконструируется история взаимоотношений двух австрийских интеллектуалов: поэтессы и писательницы Ингеборг Бахман и публициста Жана Амери, яркого представителя литературы Холокоста. С привлечением биографического материала удастся воссоздать событийную канву этой истории, а сопоставление творческого наследия позволяет сделать вывод о близости их позиций в вопросах вины, памяти, моральной ответственности, понимания родины и роли языка.

Ключевые слова: язык, этика, ресентимент, философия и литература, Бахман, Амери

От этих зданий
ничего не осталось
кроме стен
лежащих в руинах

От тех многих
что были со мной
даже и этих
руин не осталось

Но в моем сердце
крест за крестом

Мое сердце
это страна в руинах
Джузеппе Унгаретти

Пересечение судеб и творческих путей Ингеборг Бахман и Жана Амери хотя и ограничивается фактологически всего несколькими эпизодами, отличается особой интенсивностью, как правило, не свойственной заочным отношениям. Близость, установившаяся между ними, возникает не из-за схожести пережитого, а из-за подобия продуманного, тех траекторий мысли, которые они интуитивно прокладывали в темноте собственного одиночества. Осознавая невозможность разделить это состояние с другим, оба не предпринимали попыток нарушить существующую между ними дистан-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-311-60010 «Этическое измерение языка: современная литература как способ подступить к границам высказываемого».

цию. Однако когда Амери совершает самоубийство в пятую годовщину смерти Ингеборг Бахман, он тем самым – словно бы в опровержение известной аксиомы «Каждый умирает в одиночку» – решается на небывалый экзистенциальный эксперимент. Чуждость любому сообществу, характерная для узника концлагеря, преодолевается в этом акте солидарности *post scriptum* и *post mortem*. Трагический финал, не менее символический и в случае Бахман, побуждает к тому, чтобы с самого начала проследить перипетии этой истории и представить их как важные вехи моральных исканий послевоенного времени.

Расплывчатость, неуловимость взаимоотношений Ингеборг Бахман и Жана Амери, никогда не встречавшихся друг с другом и даже не обменивавшихся письмами, придает их связи оттенок иллюзорности. Во многом это объясняется тем, что диалог двух интеллектуалов разворачивается на некой незримой границе – жизни и смерти, вымысла и реальности, не исключая и перекрестной перспективы – вымысла жизни и реальности смерти. Ведется он преимущественно на территории литературы, поскольку ее имгинальное пространство, интегрируя в себя произошедшее в действительности, легко сплетает в единый нарратив что было и чего не было. Так, первым движением в направлении далекого собеседника стало упоминание эссе Амери в повести Бахман «Три дороги к озеру». Этот художественный текст, увидевший свет в 1972 г., оказался не только последней прижизненной публикацией писательницы, но и, с учетом автобиографических мотивов, которые легли в основу его сюжета, своеобразным подведением итогов¹.

В образе главной героини Элизабет Матрай без труда угадываются черты, привязанности и убеждения самой Бахман. Действие повести ограничивается всего несколькими днями, которые Элизабет – давно покинувшая провинциальный австрийский городок, где она выросла, и сделавшая блистательную карьеру фоторепортера – проводит в родительском доме с престарелым отцом. Это время, своим замедленным темпом резко контрастирующее с ее парижской повседневностью, невольно заполняется воспоминаниями – о детстве, юности, любовных переживаниях, профессиональных устремлениях, личных потерях. Они складываются в особую карту конкретной человеческой судьбы с ее взлетами и падениями, аллегорическим выражением которой выступает топография родных мест. Собственно, три дороги – это скорее психологические маршруты, следуя которыми героиня не столько стремится достичь озера своего детства, сколько разобраться в себе самой.

Журналистская работа, в которой Элизабет некогда видела свое призвание, нередко забрасывала ее в зоны военных действий. Движимая антимилитаристским пафосом, она хотела показать миру страдания других людей, запечатлев их на фото пленке, и расценивала подобную деятельность исключительно в категориях морального долга. Сейчас же она с горьким

¹ Подробный анализ повести, в котором проводятся параллели между ее содержанием и событиями личной жизни Бахман, см.: [1].

скепсисом констатирует, что обманывалась на свой счет и что боль человека несоразмерна поверхности глянцевого снимка¹. Осознать это Элизабет помогла небольшая статья Жана Амери. Хотя писательница выводит его в размышлениях своей героини, не указывая имени, установить авторство не составляет труда: «...она случайно наткнулась на эссе под названием “О пытках”, его написал человек с французской фамилией, живший в Австрии, а потом переселившийся в Бельгию. ...В эссе было сказано то, чего не сумели выразить ни она, ни все другие журналисты; даже в высказываниях жертв, которым удалось выжить – их печатали в наспах составленных документальных сборниках, – это не было выражено. Она решила написать автору, но не знала, что ему сказать, не знала, что толкает ее на этот разговор. Наверное, ему понадобилось много лет, чтобы проникнуть в суть явлений, извлечь выводы из ужасающих фактов. Понять эти страницы, предназначенные для немногих, можно было, лишь отвлекшись от “охов” и “ахов”. Автор пытался объяснить, что самое ужасное (он сам испытал ужасы пыток) – в разрушении духовности, и прослеживал изменения в психике человека, который продолжал жить, морально погибнув» [3. С. 277]. Героиня повести так и не написала бывшему заключенному нацистского концлагеря, чей текст вызвал в ней столь сильный душевный отклик. Не осмелилась написать Жану Амери и Ингеборг Бахман. Однако ее послание, отправленное «бутылочной почтой» литературы, довольно скоро достигло своего адресата.

На тот момент ему было 60 лет, большую часть из которых он провел за пределами Австрии. Эмиграция Амери поначалу носила вынужденный характер: после аншлюса он не мог больше – в силу политических убеждений и еврейского происхождения – оставаться на родине и бежал в Бельгию; за участие в Сопротивлении в июле 1943 г. попал в руки гестапо; год провел в Освенциме². А освободившись из лагеря в конце войны, Амери уже сам не захотел вернуться в Австрию, где все ему напоминало о фашистском режиме: и люди, еще недавно приветствовавшие Гитлера, а теперь выдававшие себя за жертв насильственной оккупации, и затаившийся, но не исчезнувший антисемитизм, и повсеместно звучащая немецкая речь, одновременно родная и совсем чужая. Амери поселился в Брюсселе и взял себе новое имя³, которым подписывал свои сочинения. Много лет он, занимаясь главным образом журналистской деятельностью, ни словом не

¹ Аналогичную позицию отстаивает Сьюзен Сонтаг в своей книге «Смотрим на чужие страдания» (2003), разоблачая военную фотожурналистику как «шоковую терапию» и предупреждая об опасности эстетизации чинимых зверств, см.: [2].

² Полная биография Амери, единственная на сегодня, появилась лишь в XXI в. Она вышла из-под пера издательницы его собрания сочинений Ирэн Хайдельбергер-Леонард, см.: [4].

³ Его настоящее имя – Hans Mayer. Псевдонимом «Jean Améru», который представляет собой анаграмму фамилии Майер и французский аналог имени Ханс, мыслитель пользовался с 1955 г., а в 1966 г. даже внес соответствующие изменения в официальные документы.

обмолвился о собственном трагическом прошлом, и лишь открытый освенцимский процесс над нацистскими преступниками, начавшийся во Франкфурте-на-Майне в 1964 г., побудил Амери нарушить молчание. Эссе «Пытка», которое читает героиня повести Бахман, – второй его текст на тему Холокоста, который позднее войдет в книгу «По ту сторону преступления и наказания» (1966), принесшую мыслителю мировую известность.

Предельная откровенность, с которой Амери изображает личный травматический опыт, делает повествование о пытках документом невероятной мощи. Он свидетельствует о силе человеческого духа – вопреки сознательному намерению автора показать его слабость, уязвимость и ненадежность в чудовищных условиях концентрационного лагеря, его полную подчиненность плоти. Перефразируя Витгенштейна, Амери формулирует афоризм иного порядка: «Границы моего тела суть границы моего я» [5. С. 59]. Ничего не остается от личности, когда другой покушается на твоё тело. Доверие к миру, согласно Амери, зиждется на безопасности физического существования, возможности защитить себя или позвать на помощь, чего лишен человек в пыточной камере. Однажды утраченное, это доверие оказывается не восстановимо, и тот, кто претерпел насилие со стороны другого, более не способен вести полноценную жизнь. «Первый удар доводит до сознания арестованного, что он беспомощен, – и тем самым он в зачатке уже получает все дальнейшее» [5. С. 59]¹. Отсюда убежденность Амери в том, что пытка – не случайный атрибут нацизма, а его сущность, что фашистская политика была с самого начала нацелена на уничтожение человека.

Воспроизводя события двадцатилетней давности с такой скрупулезностью, как будто они произошли вчера, Амери демонстрирует незавершенность прошлого, его насильственное вторжение в настоящее. Казалось бы, предельно интимный опыт боли, которым нельзя ни с кем поделиться, по определению не может быть коллективным. Однако Амери настаивает, что «страшное не претендует на уникальность» [5. С. 51]. Оно не только возвращается к своей жертве с регулярностью навязчивого кошмара, но и постоянно повторяется, в том числе и сегодня – в иных обстоятельствах, с

¹ Идея «первого удара», после которого мир дает трещину и уже никогда не обретает прежней целостности, появляется – словно отголосок размышлений Амери – и в романе Ингеборг Бахман «Малина» (1972). Случай из детства, который вспоминает героиня, хотя и не сопоставим по масштабу с испытаниями Амери, воспроизводит ту же последовательность переживаний, когда физическая агрессия со стороны другого оборачивается крушением собственного Я: «...два мальчугана... с ранцами на спине, старший из них... крикнул: “Эй ты, поди-ка сюда, я тебе кое-что дам!” Эти слова не забылись, как и мальчишеское лицо, такой важный первый зов, моя первая бурная радость, я останавливаюсь, медленно, делаю на этом мосту первый шаг к другому, и сразу же – хлоп! Жесткая ладонь бьет меня по лицу, на тебе, вот ты и получила! То был первый удар, нанесенный мне по лицу, и первое осознание того, сколь глубокое удовлетворение получает другой, когда бьет. Первое познание боли. Держась обеими руками за ремни ранца, не плача, ровным шагом, некто, бывший прежде мною, затрусил по привычной дороге домой... в первый раз попав в руки к людям, – так что иногда все же знаешь, когда это началось, как и где и какими слезами надо было плакать» [6. С. 29].

иными людьми, в разных частях земного шара. Ощущая необходимость найти для этого какой-то способ выражения, Амери констатирует бессилие и неадекватность исповедального, документального, научного дискурсов. С той же моральной дилеммой сталкивается и героиня Бахман, когда переосмысляет свою профессиональную миссию фоторепортера, фиксирующего ужасы войны. Как ни странно, текст Амери оказывается для нее – в противовес визуальной достоверности современных медиа – наиболее аутентичной формой передачи творимых злодеяний. Тот факт, что Бахман интегрирует эссе о пытках в художественную ткань своей повести, может расцениваться в двух отношениях. Автобиографический экскурс Амери, стирающий границу между прошлым и настоящим, личным и публичным, во-первых, дает ей право говорить от собственного имени о страшном опыте другого¹, а во-вторых, позволяет в ответ предложить пространство литературы как альтернативный модус свидетельства.

Амери расслышал обращенные к нему слова Бахман, уловив и доверительную – несмотря на широту вещания – интонацию, которая их отличала. Ко времени, когда в его руки попал том рассказов «Синхронно» (1972), который венчала повесть об Элизабет Матрай, Амери уже был знаком с творчеством Бахман. Он высоко ценил ее как поэта, но в отличие от многих отнесся с пониманием, когда она, выпустив два дебютных сборника прославившей ее лирики, неожиданно приняла решение больше не писать стихов². Сильное впечатление на него произвела и «необычайно толковая философская статья» Бахман об их соотечественнике Людвиге Витгенштейне [9. S. 200]³. По долгу службы, в качестве книжного обозревателя, Амери ознакомился также с романом «Малина», неоднозначно встреченным критикой. Отметив неординарность этой прозы, он взял себе на заметку обязательно еще раз вернуться к книге и прочесть ее внимательнее. Но сборник «Синхронно», который Бахман сочиняла в перерывах работы над романом, захватил его с первых же страниц. По собственному признанию, он прочел его «на одном дыхании»: «...чувство общей судьбы не покидало меня, хотя она и я принадлежали к разным поколениям, и ей – по сравнению со мной – довелось вкушать хлеб чужбины не при столь драматичных обстоятельствах. Это чувство не было заблуждением: ибо вскоре я наткнулся на то место, где она говорит о “человеке с французской фамилией, жившем в Австрии, а потом переселившемся в Бельгию”, который написал что-то о пытках» [9. S. 201].

Однако далеко не все восприняли оказавшуюся последней книгу Бахман так восторженно. Ее обвиняли в сентиментальности и мелодраматиз-

¹ В этом праве ей отказывает Ирэн Хайдельбергер-Леонард, с особой настойчивостью подчеркивающая несопоставимость страданий узников концлагеря с каким бы то ни было иным видом угнетения, см., например: [7. S. 159].

² Тонкий очерк о поэтических, драматургических и прозаических опытах Бахман, освещающий литературную эволюцию писательницы, см.: [8].

³ Во время работы на радио в начале 1950-х гг. Бахман написала эссе о знаменитом философе, которое позднее переработала в сценарий радиопрограммы. Оба текста опубликованы в 4-м томе ее Собрания сочинений, см.: [10. S. 103–127, 12–23].

ме, нарциссизме и жеманстве, а возглавлял этот хор недоброжелательных голосов самый маститый литературный критик ФРГ Марсель Райх-Раницкий. Некогда с большим энтузиазмом поддерживавший юную поэтессу, он и в отзыве на ее первый сборник рассказов «Тридцатый год» (1961) высказался весьма неодобрительно о переходе Бахман к прозаическому жанру. В рецензии же на «Синхронно» он не оставляет ей как писательнице ни единого шанса, относя эту книгу к разряду «чтива для дам, что листают иллюстрированные журналы в парикмахерских или комнате ожидания у зубного врача» [11. S. 192]. С нарочитой жестокостью он объявляет Бахман «падшим лириком» [11. S. 189], и в этом хлестком выражении, подхваченном многими, проскальзывает аллюзия не только на «павшего ангела», но и на «падшую женщину»¹.

В знак солидарности с Бахман Амери публикует собственную рецензию², стремясь таким образом защитить автора от незаслуженных нападок, а кроме того, тем же окольным путем печатного слова подать знак, что ее дружеская реплика достигла его. Тему, которую поднимает Амери в своей статье, можно считать ключевой для объяснения их мгновенного взаимопонимания: это любовь-ненависть к Австрии, их общей родине, со всеми вытекающими отсюда вопросами касательно давней и недавней истории, наследуемой и опровергаемой традиции, памяти и намеренного замалчивания прошлого, двойственной роли языка в крушении и сохранении ценностных ориентиров. Примечательно, что, опровергая упреки критиков Бахман, Амери приводит в пример имена выдающихся предшественников и задает тем самым ее творчеству соответствующий масштаб: «Сочувствие к себе? Ну да – все зависит от того, кто его испытывает и как претворяет в языке; рассказчик *Поисков утраченного времени*, позволю себе заметить, тоже не был от этого свободен. Отказ понимать мир и “общественную действительность” легко вменить в вину и Джеймсу Джойсу. Манерность – даже в рамках одного и того же поэтического дарования – можно отнести то к грандиозным достижениям, а то к бесславному провалу, вспомните только о Рильке» [14. S. 195–196].

Амери не ждал, что Бахман отреагирует на его статью. И доподлинно неизвестно, увидела ли она его слова поддержки. Но как бы то ни было, осенью 1972 г. он получил от писательницы, к тому времени уже давно обитавшей в Риме, еще одно известие. Несколько австрийских тележурналистов навестили Амери в Брюсселе, чтобы взять у него интервью. Незадолго до этого та же съемочная группа побывала у Бахман, которая воспользовалась подвернувшейся возможностью и попросила уточнить у са-

¹ Видимо, Райх-Раницкий намеренно хотел вызвать подобную ассоциацию, намекая на то, что все рассказы сборника «Синхронно» ведутся от лица женщин. Сегодня же смелый, откровенно немужской пафос поздней прозы Ингеборг Бахман дает основания причислять ее к зачинательницам феминистического типа письма, см. об этом: [12].

² По замечанию литературоведа Зигрид Вайгель, создательницы интеллектуальной биографии Бахман, текст Амери представляет собой «один из самых умных» анализов, появившихся при жизни писательницы, см.: [13. S. 331].

мого автора, выходил ли уже знакомый ей текст отдельным изданием¹. Амери с готовностью откликнулся на просьбу соотечественницы и подписал для нее экземпляр своей книги: «Ингеборг Бахман с добрыми пожеланиями. Жан Амери. Брюссель, сентябрь 72». Он сохранился в библиотеке Бахман, и в комментаторской литературе часто воспроизводится эта дарственная надпись². Но лишь сравнительно недавно было обнаружено письмо Амери, вложенное в ту книгу, – единственный случай прямого эпистолярного контакта: «Брюссель, 19 сентября 1972 г. Уважаемая госпожа Бахман, пара милых молодых людей с австрийского телевидения были у меня. Они передали мне Ваши приветы и сообщили, что Вы спрашиваете о моей статье “Пытка”. Эссе находится в книге, которую я Вам отправляю той же почтой. Надеюсь, не только эта глава, но и другие вызовут Ваш интерес. С дружественным приветом, преданный Вам Жан Амери» [15. S. 46].

Надежды Амери были оправданны: Бахман всегда стремилась как можно больше узнать об этих трагических страницах немецкой истории. Как уцелевших узников концлагеря нередко преследуют угрызения совести по отношению к тем, кто не выжил, так и у Ингеборг Бахман – еще со времен ее юности и близкого знакомства с Паулем Целаном – сложился своеобразный комплекс вины, вины человека, по воле судьбы и факту происхождения оставшегося не задетым волной массовых истреблений. В отличие от многих интеллектуалов, по разным причинам предпочитавших не оглядываться назад, Бахман изучала все доступные свидетельства и материалы, связанные с преступлениями национал-социалистов против человечности. Когда в мае 1973 г. по приглашению Варшавского института австрийской культуры она оказалась в Польше, одним из самых сильных впечатлений от этой поездки стало посещение концлагеря Аушвиц-Биркенау, расположенного в непосредственной близости от Аушвиц-Моновиц, где весь 1944 г. провел Жан Амери. В интервью польской журналистке Бахман откровенно признается, что пережила шок: «Я полагала, что я знаю все, что я все прочла, все видела – и вроде как я действительно все знала. <... > Но никакого толку в том, что ты это знаешь, ибо в то мгновение, когда ты там стоишь, все совершенно иначе. Я не могу говорить об этом, потому что... и сказать-то нечего. Раньше я могла говорить об этом, но с тех пор, как я это увидела, думаю, я больше не смогу» [16. S. 131]³.

¹ Судя по всему, Бахман читала эссе Амери в печатной версии, впервые появившейся в 1966 г. в журнале «Меркур». Однако уже в том же году в небольшом мюнхенском издательстве увидел свет сборник «По ту сторону преступления и наказания», в который помимо упомянутой работы о пытках вошли и другие размышления Амери.

² См., например: [14. S. 331; 15. S. 43].

³ Сходное ощущение недостаточности памяти и слов воспроизводит В.Г. Зебальд в романе «Аустерлиц» (2001), когда его герой попадает в крепость-музей Бриндонк, где после ареста пытали Амери: «Даже теперь, когда я силюсь вспомнить это, когда я держу перед собой ракообразную схему Бриндонка и вчитываюсь в описания... даже теперь эта тьма не рассеивается, а, наоборот, сгущается при мысли о том, как мало мы в

Спустя несколько месяцев после польского турне, 17 октября 1973 г., Ингеборг Бахман не стало. Три недели она находилась в больнице после пожара, который возник в ее римской квартире, как считается, из-за потушенной сигареты. Однако обстоятельства смерти писательницы до сих пор остаются предметом споров и кривотолков: наряду с несчастным случаем выдвигаются версии о самоубийстве и даже об убийстве¹. Предчувствие близкого конца сквозит в разных текстах Бахман (не говоря уже о самом замысле цикла «Виды смерти», призванного проиллюстрировать обреченность женщины в современном обществе). В романе «Малина» героиня, пребывая в сомнамбулическом состоянии, с трудом удерживается от того, чтобы не совершить роковой шаг и не поджечь себя. Повесть «Три дороги к озеру» обрывается в тот момент, когда Элизабет, очнувшись ото сна, понимает, что истекает кровью: «И все же она успела сказать себе: “Спокойно! Спокойно! Со мной уже ничего не может случиться. Со мной все может случиться, но не должно ничего случиться”» [3. С. 335]. И хотя эта фраза предполагает открытый финал, такая форма заклинания склоняет к мысли о трагической развязке. Похожий рефрен звучит и в строках «Песен на дорогах бегства»: «Отпусти меня! Я не могу умирать так долго. / Но у святого иные заботы: / оберегает он город и хлеб добывает. / Простыня чересчур тяжела для веревки, / но, упав, она меня не накроет. / Подыми меня. Я виновна. / Не виновна я. Подыми меня» [20. С. 56].

Узнав о смерти Ингеборг Бахман, Амери сочинил некролог с красноречивым названием «На могилу неизвестной подруги». Будучи словами прощания с большим литературным талантом, речь Амери – вопреки несостоявшемуся личному знакомству – выдает его глубокую скорбь не столько по безвременному уходу поэта, сколько по утрате близкого. Он сетует об упущенной возможности и сожалеет, что так и не реализовал свое намерение поехать в Рим или хотя бы позвонить. «Кто не окончательно глух и слеп, тот должен был увидеть за “текстом” человека, от которого в конечном счете зависит все. У меня по-прежнему стоит перед глазами духовный образ этой женщины, которая больше, чем просто “текст”, и нечто иное, чем он» [9. S. 202]. Это может показаться случайностью, но и у Бахман однажды имя Амери всплывает как символ «избирательного сродства». В романе «Малина» есть эпизод, где героиня пишет письмо непри-

состоянии удержать в нашей памяти, как много всего постоянно предается забвению, с каждой угасшей жизнью, как мир самоопустошается оттого, что бесчисленное множество историй, связанных с разными местами и предметами, никогда никем не будут услышаны, записаны, рассказаны...» [17. С. 30–31].

¹ Иницированное другом Бахман, композитором Ханцом Вернером Хенце уголовное дело об убийстве было закрыто итальянской полицией в 1974 г. за отсутствием доказательств, см.: [18. S. 152]. Полученные Бахман ожоги не были смертельными, и, скорее всего, к летальному исходу привел неверно выбранный курс лечения, не учитывавший ее многолетнюю зависимость от сильнодействующих успокоительных средств. Факты и мифы, сложившиеся вокруг смерти Бахман, разбирает в своей статье Е. Евграшкина [19].

ятному ей корреспонденту – знакомому литературному критику Ганцу (в русском переводе – господину Целому). Ее отвращение распространяется на саму его фамилию, и она начинает фантазировать: «Даже если бы Вы прозывались Мейер, Майер, Майр или Шмидт, Шмид, Шмитт, у меня была бы возможность думать не о вас, когда произносятся эти фамилии, а вспоминать кого-то из моих друзей, кого тоже зовут Мейер, или некоторых людей с фамилией Шмидт, сколь бы различно она ни писалась» [6. С. 115]¹. Принимая во внимание, что Бахман придавала исключительное значение именам собственным при создании литературных произведений², выдвигаемая гипотеза выглядит вполне оправданной.

В эссе «Сколько родины нужно человеку?» Амери вспоминает, что до своего бегства в Бельгию простое немецкое имя Ханс Майер, полученное им при рождении, и австрийский диалект составляли основу его идентичности. Но неожиданно оказавшись в чужой стране непрощенным гостем, он ощутил полное отсутствие элементарных экзистенциальных и социальных ориентиров: «Я перестал быть я и не принадлежал более к сообществу *мы*. У меня не было ни паспорта, ни прошлого, ни денег, ни истории. Был только ряд предков, состоявший из печальных, безродных, преданных анафеме рыцарей. Задним числом у них отняли еще и право на родину, и мне пришлось взять с собой в изгнание только тени» [5. С. 82]. Смена языка на чужбине была мерой, продиктованной необходимостью, а кроме того, немецкий ассоциировался с языком захватчиков, оккупантов, а не их жертв. Однако после освобождения из лагеря Амери сознательно берет себе другое, французское имя. Этот жест не столько вызов предавшей его родине, сколько естественный акт, потому что Ханс Майер, превратившийся сначала в «анонима», «безымянного беженца» [5. С. 85], а позже и вовсе насильно лишенный индивидуальности, которую заменил набор цифр на руке, постепенно стал призраком, «фигурой очень далекой, которой на самом деле больше не существует» [22. S. 132]. Нечто подобное переживает и герой Бахман в рассказе «Тридцатый год», когда приезжает в добровольно покинутую им в ранней юности Вену: «Он почувствовал вдруг, что его возвращение нереально по многим причинам. С таким же успехом мог бы возвратиться назад покойник. Никому не дано продолжить то, что уже оборвано» [23. С. 89].

Имя и язык, определявшие субъективность Амери, – это и базовые понятия Венского кружка, того интеллектуального движения, к которому в разные годы принадлежали как он сам, так и Бахман. Амери считал своими учителями Мориса Шлика и Рудольфа Карнапа, которых слушал в университете до войны, Бахман же в конце 40-х защитила диссертацию под руко-

¹ Хотя фамилия Майер, равно как и Шмидт, является одной из самых распространенных в немецкоязычных странах, все три варианта ее написания, которые использовала в данном фрагменте Бахман – Meier, Maier, Mayer, действительно фигурировали в качестве имени Амери в аттестационных бумагах школьных времен.

² См. об этом ее Франкфуртские лекции: [21. S. 62–78].

водством Виктора Крафта, последнего представителя прославленной плеяды логических позитивистов. Для обоих писателей философская рефлексия языка в духе Витгенштейна, выходя за рамки чисто умозрительной проблемы, постоянно оставалась живой, настоящей заботой¹. В.Г. Зебальд даже высказывает предположение, что в 30-е гг. аналитическая мысль оборачивается для австрийского изгнанника спасительным пристанищем: «Взросление Америки началось с захвата власти национал-социалистами. В той мере, в какой через границу распространяются новости о бойкотах евреев, сожжении книг, лагерях для интернированных, становится ощутимым и медленное превращение родины во вражескую страну. Амери вынужден искать себе новую родину, и таковой оказывается Венский кружок, безвоздушное пространство правильных, неопровержимых предложений. Эстетике иррационализма он противопоставляет отныне эстетику логики, как если бы таким образом он мог обороняться против нарастающего вокруг порядка несправедливости» [22. S. 136].

Витгенштейновская идея об онтологической первичности языка находит в судьбе Америки свое буквальное подтверждение. Разве что опыт, который провоцирует его на такое философствование, является сугубо негативным и связан с ощущением потери – потери мира, превращающей язык в перечень пустых констатаций, и потери языка, делающей мир необитаемым местом. Согласно Амери никто не в силах обрести новую отчизну взамен отобранной родины детства и раствориться в чужом языке без остатка: «...как учишься родной речи, не зная грамматики, так познаешь и родной окружающий мир. Родная речь и мир родины растут вместе с нами, вырастают в нас и становятся интимным знанием, гарантирующим нам уверенность» [5. С. 88–89]. Чувство уверенности выступает для Америки смысловым наполнением понятия родины – «если родины нет, впадаешь в хаос, растерянность, протрацию» [5. С. 88]. Знакомое каждому эмигранту состояние беспомощности, «речевой неполноценности» [5. С. 94] отзывалось в Америке особенно остро еще и потому, что – в отличие от многих своих соотечественников – он не сам выбрал себе роль изгнанника, а его страна выбрала ее за него.

Румынский философ Эмиль Чоран, которого роднит с Америкой не только эмигрантский удел, но и дух категорического отрицания, изобрел афоризм: «Человек живет не в стране, он живет внутри языка. Родина – это язык и ничего больше» [25. С. 27]. Но если Чоран решается на мучительный переход во французскую речь, в которой надеется обрести новый дом, то Америка остается болезненно верен своей родине – даже в модусе ее отсутствия. Уже в первые годы жизни в Бельгии он наблюдает за теми процессами языкового отмирания, которые происходят непосредственно в нем самом. Узкий круг тем для обсуждения и ограниченное число собеседников невольно обедняют родную речь, сводя ее к набору готовых формул или коверкая вкраплениями чужого диалекта. В такой ситуации чувствовать себя

¹ О влиянии Витгенштейна на Бахман и ее критической рецепции его теорий см.: [24].

«хранителем» великого немецкого языка представляется затруднительным. Как ни прискорбно, но его хранители и продолжатели находятся по другую сторону, в нацистской Германии, и сколь бы сомнительным ни казалось обогащение лексикона за счет идеологической риторики, именно там немецкое слово напрямую соотносится с действительным положением вещей. Поскольку между ними не существует непреодолимого разрыва, даже напичканный фашистским жаргоном язык способен творить метафоры, что и составляет ту живую вербальную стихию, поддерживать которую в изолированной среде беженцев практически нет шансов. Как пишет Амери, «всякая развитая речь предполагает метафоры, идет ли речь о дереве, упрямо тянущем к небу голую ветку, или о еврее, по каплям вливающим яд Передней Азии в тело немецкого народа. Материал для метафор всегда дает очевидная, чувственная реальность» [5. С. 95]. О ее удаленности сигнализирует и семантический сбой, то и дело возникающий при чтении Амери немецких газет: например то, что называлось в них «вражескими самолетами», имело для него полностью противоположное значение. Восприятие Третьего рейха как противника, с которым он сражался, вынуждало Амери изживать в себе и немецкий язык. Победа в любом случае оборачивалась поражением: искоренение родной речи не могло иметь своим следствием ничего, кроме саморазрушения.

Ту же внутреннюю надломленность испытывает и один из центральных персонажей повести «Три дороги к озеру» Йозеф фон Тротта. Оглядываясь на свои романтические увлечения, Элизабет понимает, что в его лице она потеряла главную любовь всей жизни. Считается, что прототипом этого героя стал Пауль Целан, весть о самоубийстве которого потрясла Ингеборг Бахман. Но многие комментаторы отмечают и сходство Тротты, «изгоя, человека пропавшего» [3. С. 272], числящего своей родиной давно исчезнувшую Австро-Венгерскую монархию, с Жаном Амери. Еще важнее, что и сам Амери идентифицировал себя с ним. Подобное узнавание не в последнюю очередь могло случиться потому, что имя, нрав, судьба Тротты были перенесены в повествование Бахман прямо из романа Йозефа Рота «Склеп капуцинов» (1938)¹, книги, которая до сих пор откликается ностальгическим эхом в каждом австрийце. Даже рецензию на сборник Бахман Амери озаглавливает «Тротта возвращается», и в этом названии прорывается надежда не только на возвращение большой литературы, но и на восстановление своих прав в стране, когда-то его отторгнувшей, ибо лишь при условии отождествления родины с литературой Амери согласен на репатриацию².

¹ Не только Тротта, но и другие мужские характеры в «Трех дорогах к озеру» заимствованы из «Склепа капуцинов». Роман Рота заканчивается накануне Второй мировой войны, когда главный герой, разочарованно созерцающий крушение своей страны, отсылает малолетнего сына Франца Йозефа Евгения фон Тротта в Париж. Именно этот образ, едва намеченный Ротом, Бахман в своей повести делает символом собственного потерянного поколения. Подробнее об интертекстуальных связях в тексте Бахман см.: [26].

² О сохраняющемся на протяжении всей жизни Амери интересе к австрийской литературе, классической и современной, см.: [27].

Пожалуй, наиболее бросающейся в глаза особенностью, общей для бахмановского Тротты и Амери, является их амбивалентное отношение к немецкой речи. В духе радикализма, присущего Амери, возлюбленный Элизабет предлагает «запретить немцам разговаривать по-немецки» [3. С. 281], подчеркивая тем самым, что вина за совершенные злодеяния лежит и на языке. Для Тротты язык выступает не случайной формой мысли и действия, а естественной стихией их порождения, и потому единственное средство изменить немцев и австрийцев он видит в том, чтобы заставить говорить их на другом наречии. Тротта со своими утопическими фантазиями не находит понимания у Элизабет, которая привыкла использовать суггестивную силу языка для убеждения и верит, что настоящая журналистика поможет преобразовать общество. Как не находит поддержки – даже у бывших узников концлагеря – Амери со своим бескомпромиссным ресентиментом, нежеланием забыть, простить и жить дальше. Развивая высказанную однажды Томасом Манном в сердцах идею, что все книги, вышедшие в Германии с 1933 по 1945 г., следовало бы списать в макулатуру, Амери доводит ее до логического завершения: «Если бы немецкий народ духовно пустил в макулатуру не только книги, но все, что натворил за эти двенадцать лет, это стало бы отрицанием отрицания – в высокой степени позитивным, спасительным актом» [5. С. 134].

«Реактивная злость», как расшифровывает Амери ницшевское понятие *ressentiment*¹, приобретает в его одноименном эссе свойства этического феномена. В противовес негласно принятой в обществе установке примириться с прошлым и во имя сохранения «здоровья» социального тела устремиться в будущее, Амери выступает с крайне непопулярной программой исторической справедливости. «Мне кажется, за два десятилетия размышлений о том, что со мной произошло, я понял, что вызванное социальным нажимом прощение и забвение аморальны» [5. С. 123]. Категорический императив, который предлагает Амери, зиждется не на проповеди отвлеченного гуманизма с его предпосылкой, что человек по природе добр, а на знании того, что ближний способен на любое злодеяние. Ярость Амери распространяется на тех, кто его пытал, на тех, кто обслуживал бездушную машину истребления, на тех, кто молчал, на тех, кто, практикуя бездействие, выбрал и продолжает выбирать уютную форму конформистского существования². Он восстает против самого времени, чей размеренный ход

¹ Термин «ресентимент», введенный Ницше в культурный обиход, имел в его философии исключительно негативные коннотации и обозначал зависть и злобу, которые испытывают «слабые» по отношению к «сильным». Согласно Ницше возникновение христианской морали обусловлено именно этими низменными чувствами. Амери же, признавая разрушительность ресентимента, тем не менее видит в нем активное начало, побуждающее к действиям и поступкам.

² Мишенью критики Амери стали не только правые и консерваторы, но и либерально настроенные интеллектуалы: он не щадит ни Мартина Бубера «с его пафосом всепрощения» [5. С. 114], ни Габриэля Марселя, который объявил режим Гитлера «несчастливым случаем немецкой истории» [5. С. 116], ни Теодора Адорно, возложивше-

способствует все большему отдалению, абстрагированию и в конечном счете стиранию произошедшего.

Заживляющая природа времени позволила немцам восстановить страну из руин, заново запустить экономику, наладить внешнеполитические связи и в значительной степени консолидировать общество. Однако, по мнению Амери, она «антиморальна», поскольку оставляет нерешенным конфликт между жертвами и палачами. На стороне «естественного» развития событий – наука, логика и здравый смысл, на стороне Амери – этика. В этом неравном противостоянии его оружием служит ресентимент: «...я... выдвигаю нравственное, но абсурдное требование повернуть время вспять» [5. С. 131]. Он жаждет не реабилитации, не сатисфакции, не сведения счетов – на свой странный манер он стремится к общему согласию, но согласию не ценой прощения и совместного погребения минувшего, а ценой пробуждения в каждом настоятельной потребности исправить прошлое. Американский исследователь Холокоста Фред Алфорд уточняет, что нереальность притязаний Амери вовсе не означает их несостоятельности, а напротив, оказывается залогом их этической действенности: «Требовать от преступников и очевидцев желать столь же сильно, как и он сам, чтобы случившегося никогда не случилось, чтобы история могла быть преодолена, это идеалистично, но не невозможно. И конечно же, не более невозможно, чем просить каждого предполагать, что произошло бы, если бы принцип, по которому он или она собираются действовать, стал универсальным законом, известным нам как категорический императив» [28. Р. 39]. Напоминающая кантовское учение этика Амери ригористична и индивидуальна. Но коль скоро под «коллективной виной» немцев он понимает сумму всех частных проступков, то и универсальность морали складывается для него из совокупности единичных нравственных действий. В этот процесс очищения прошлого, который Амери именует «морализацией истории», должны быть вовлечены обе стороны: и те, кто пострадал, и те, кто причинял страдания. Первые не вправе молчать о своем травматическом опыте, дабы сохранять общественное спокойствие, вторые – использовать это молчание, чтобы оставаться безнаказанными. Поэтому Амери заявляет: «...мой ресентимент нужен затем, чтобы преступление стало для преступника моральной реальностью, чтобы его вовлекло в правду его злодеяния» [5. С. 121].

Представление о моральной правде, которая не удобна ни для жертв, ни для их мучителей, которая нарушает неписанные социальные конвенции и выносит на всеобщее обозрение неприглядные вещи, разделяет и Ингеборг Бахман. Даже в первом сборнике своей прозы она поднимает тему неизбывности старых привычек в стране, громогласно отринувшей фашизм. В рассказе «Среди убийц и безумцев» (1961) Бахман показывает разные формы приспособленчества к новой действительности, противопоставляя им позицию героя, который на глазах у прежних попутчиков режима со-

го на Просвещение ответственность за появление фабрик смерти, ни Ханну Арендт, которая на процессе Эйхмана вывела формулу о банальности зла.

вершает самоубийство из-за невозможности заглушить свое чувство вины. А в поздних произведениях, подчиненных идее, что война не закончилась, но всего лишь мимикрировала под мирное время, писательница сосредоточивается на анализе убийственных межличностных отношений в повседневной жизни. Она отваживается затрагивать проблемы, которые принято было не замечать – в самом широком диапазоне от нагнетания гонки вооружений до домашнего насилия. И часто в ее собственном голосе, как и в голосах ее протагонистов, различимы нотки ресентимента¹. В одном из интервью Бахман говорит: «...ведь агрессия тоже бывает конструктивной, не только деструктивной, так что ее упразднение не всегда приносит пользу» [16. S. 128]. Крайне маргинальным в этом плане получился и образ Тротты, воплотивший в себе дух несогласия и внутреннего негодования. Виной тому (как и в случае Амери) не скверный характер, а упорное нежелание отступить от моральной правды. И чем больше он упорствует, тем более одиноким оказывается. Его суждения об австрийцах, которые «не могли понять, почему их предают анафеме за какие-то несколько миллионов убитых» [3. С. 282], или о журналистах, которые лезли под пули ради публичного признания их геройства, даже в глазах Элизабет выглядели настолько неуместными, что она не помышляла взять его с собой в какую-нибудь компанию.

Подобную бестактность Амери сделал априорной формой этического высказывания. Ибо такт – это светская добродетель, призванная обходить молчанием истинное положение дел, чтобы сохранить видимость мирного сосуществования. Но есть ситуации, в которых утаиваемая правда ничем не отличается от сознательно осуществляемой лжи, и тот, кто отваживается на ее вынесение в публичное пространство, неизбежно нарушает правила вежливости. Двадцать послевоенных лет до процесса над освенцимскими надзирателями Амери держал свои сомнения при себе. Однако в тот момент, когда он решается свидетельствовать, его слово приобретает масштаб морального действия. Свидетель – фигура трагическая не только потому, что он сам прошел через страшные унижения, о которых должен поведать миру, но и потому, что обязан говорить за тех, кто не выжил, и найти выражение тому, что превышает пределы выразимого². Моральный конфликт, разыгрывающийся в сознании свидетеля, обнаруживает границы языка. Дана Амир, исследующая психолингвистические аспекты травматического опыта, пишет в связи с Амери: «Поскольку любое свидетельство находится на пересечении того, “что не может быть сказано”, и того, что в действительности говорится, каждый акт свидетельства является одновременно крахом языка и его созиданием: крахом – поскольку свиде-

¹ Видный специалист по творчеству Бахман Курт Барч полагает, что именно чтение Амери придало ей уверенности, смелости и сил в личной борьбе с «обыкновенным фашизмом», см.: [29. S. 132].

² Итальянский философ Джорджо Агамбен, апеллируя к участи лагерного мусульманина, выстраивает теорию свидетельства как результата совместного усилия того, кто обладает речью, и того, кто утратил этот навык. См.: [30. С. 153–160].

тельствование о том, что не может быть подтверждено, делает свидетельство бессмысленным событием... а созиданием – поскольку там, где языку удается говорить не вопреки лакунам, а от их имени, не за их пределами, а через них, язык становится реальным событием свидетельства, тем, что составляет предмет свидетельствования как такового. Другими словами, чтобы отдавать себе отчет, человек должен одновременно ходить над пропастью и обитать в ней; он должен удерживать – внутри языка – непреодолимый разрыв между тем, что может быть сказано, и тем, что, будучи сказано, тонет в молчании. ...Свидетель находится в изгнании по определению: либо в отношении самого себя, либо в отношении языка» [31. Р. 161–162].

Свидетелем канувшего прошлого – родины, языка, человеческого достоинства – ощущает себя и Тротта. Отравляя своими разочарованиями общество, которое всеми силами стремится возродиться к жизни, и не имея возможности вновь обрести утраченное, герой Бахман, француз поневоле, возвращается в Вену, но только затем, чтобы пустить себе пулю в лоб. Тот же символический жест спустя пять лет после смерти Бахман совершает и Амери. В зальцбургской гостинице «Австрийский двор», куда он приезжает из Германии, внезапно прервав свои литературные чтения, писатель кончает жизнь самоубийством, приняв огромную дозу снотворного. «Самой большой бестактностью» Амери провозглашает этот поступок Дэвид Хайд, профессионально занимающийся этическими вопросами мыслитель, имея в виду вызов, бросаемый одиночкой социальным тенденциям к примиренчеству [32. Р. 97]. Амери в книге «Наложить на себя руки» (1976), увидевшей свет за два года до его смерти (и спустя два года после первой попытки суицида), стремился реабилитировать осуждаемое с религиозных, психологических, житейских позиций самоубийство в качестве акта свободной воли. Это экзистенциальное решение человек принимает тогда, когда будущее теряет свое значение, когда – если воспользоваться терминологией Сартра – исчезает перспектива разворачивания индивидуального проекта. То, что наука диагностирует такой вид смерти как результат сильнейшего аффекта или даже временного помешательства, означает лишь неспособность охватить этот феномен методами дискурсивной логики. Подобно ресентименту или моральному действию, самоубийство не поддается постижению с помощью рассудочных средств¹. Предсмертная записка в этом плане – не столько объяснение своего намерения, сколько последняя просьба о понимании. В 1974 г. Амери оставил несколько строк близким, в которых главной причиной своего ухода назвал неспособность продолжать пи-

¹ Альтернативное видение этой проблемы, и случая Амери в частности, дает художественная литература. Венгерский писатель Имре Кертес, чье творчество тоже проходит под знаком Освенцима, в качестве главной сюжетной линии своего романа «Самоликвидация» (2003) изображает добровольную смерть бывшего заключенного концлагеря, одним из прототипов которого, по признанию автора, послужил Амери. Катастрофа, которую герой носит в себе, не позволяет ему овладеть «искусством жизни», и, чувствуя губительную силу своего ресентимента, затрагивающую родных ему людей, он кончает с собой. См.: [33].

сать. В 1978 г. прощального письма не было. Правда, среди его бумаг в номере отеля обнаружилось шесть стихотворений Ингеборг Бахман¹, одно из которых – «Изгнание» – вполне можно признать за таковое:

Я живой мертвец на чужбине,
навсегда лишенный прописки,
никому не известный в царстве префектов,
сверхсметный в городах под золочеными крышами
и в селах зеленых.

Со мною давно покончено,
нет у меня ни кола, ни двора, ни крова –

только ветер, и время, и бремя песен.

Я тот, кому нет места среди людей.

Но есть у меня немецкая речь,
и она словно облачко вокруг меня,
и она вокруг меня как летучий дом,
и лечу я в нем
сквозь все языки и наречья.

О, как оно мрачнеет, это облако,
но из темных отзвуков грома
лишь немногие падают наземь.

И туча светлеет и возносит мертвого ввысь [34. С. 137].

Однажды Бахман устами своего героя определила человечность как «умение не приближаться вплотную» [23. С. 77]. Такого рода дистанция сохранялась и в отношениях между Амери и Бахман, что во многом объясняет тот факт, почему исследователи, отмечая отдельные параллели в их текстах, не предпринимали попыток взглянуть на судьбы и творчество двух выдающихся австрийцев с точки зрения их принципиального единомыслия. Проведенный сравнительный анализ показывает, что несмотря на все внешние расхождения – жизненного опыта, закрепленного в общественном сознании поверхностными категориями «успешная молодая поэтесса» и «жертва Холокоста», избранных творческих стратегий, а собственно, прямого и непрямого говорения, публичных ролей – их голоса оказываются на удивление созвучны друг другу. Те болезненные вопросы, которые Амери поднимает в своих эссе, Бахман изображает языком художественной прозы. Ввиду профессионального призвания оба уделяют осо-

¹ Все они – «Freies Geleit», «Hotel de la Paix», «Exil», «Geh, Gedanke», «Strömung», «Ihre Worte» – датируются 1959–1961 гг. и относятся к числу тех немногих, которые она сочинила уже после своего поворота к прозе. Эти сведения приводит в своей статье Хайдельбергер-Леонард, см.: [7. S. 158, 162].

бое внимание родной речи, которая неизбежно несет на себе печать недавней трагической истории. Через призму языка пропущены их размышления о родине, памяти, вине, ответственности – темах, которые в послевоенной Германии не принято было акцентировать, но обсуждение которых впоследствии станет решающим для обновления духовного климата в стране. Непреклонность Жана Амери в моральном плане делала его настолько неудобной фигурой, что зачастую даже бывшие узники концлагерей осуждали его радикальную позицию. Поддержку он нашел не в среде собратьев по несчастью и не в кругах политических активистов, а в лице Ингеборг Бахман и ее героев, которые усилили реальность его свидетельства средствами художественного вымысла.

Литература

1. *Kanz Ch.* «Viel couragierter als unsere Herren» – Elisabeth Matrei in «Drei Wege zum See» // Werke von Ingeborg Bachmann / hrsg. von M. Mayer. Stuttgart : Reclam, 2002. S. 196–219.
2. *Сонтаг С.* Смотрим на чужие страдания / пер. с англ. В. Голышева. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 96 с.
3. *Бахман И.* Три дороги к озеру / пер. с нем. Л. Черной // Избранное. М., 1981. С. 253–335.
4. *Heidelberger-Leonard I.* Jean Améry : Revolte in der Resignation. Stuttgart : Klett-Cotta, 2004. 408 S.
5. *Амери Ж.* По ту сторону преступления и наказания : Попытки одоленного одолеть / пер. с нем. И. Эбаноидзе. М. : Новое издательство, 2015. 200 с.
6. *Бахман И.* Малина / пер. с нем. С. Шлапоберской. М. : Аграф, 1998. 368 с.
7. *Heidelberger-Leonard I.* Versuchte Nähe : Ingeborg Bachmann und Jean Améry // Text + Kritik. Heft 6 : Ingeborg Bachmann. 1995. S. 154–162.
8. *Ерохин А.В.* Ингеборг Бахман // История австрийской литературы XX века. Т. 2: 1945–2000. М., 2010. С. 235–255.
9. *Améry J.* Am Grabe einer ungekannten Freundin (1972) // Kein objektives Urteil – nur ein lebendiges. Texte zum Werk von Ingeborg Bachmann / hrsg. von Chr. Koshel, I. von Weidenbaum. München, Zürich : Piper, 1989. S. 200–202.
10. *Bachmann I.* Werke. In 4 Bde. Bd. 4 : Essays, Reden, Vermischte Schriften, Anhang / Hrsg. von Chr. Koshel, I. von Weidenbaum, Cl. Münster. 6. Aufl. München, Zürich : Piper, 1993. 541 S.
11. *Reich-Ranicki M.* Die Dichterin wechselt das Repertoire (1972) // Kein objektives Urteil – nur ein lebendiges. Texte zum Werk von Ingeborg Bachmann / hrsg. von Chr. Koshel, I. von Weidenbaum. München, Zürich : Piper, 1989. S. 188–192.
12. *Weigel S.* Die Stimme der Medusa : Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen. Dülmen-Hiddingsel : Tende, 1995. 379 S.
13. *Weigel S.* Ingeborg Bachmann. Hinterlassenschaften unter Wahrung des Briefgeheimnisses. Wien : Paul Zsolnay Verlag, 1999. 465 S.
14. *Améry J.* Trotta kehrt zurück (1972) // Kein objektives Urteil – nur ein lebendiges. Texte zum Werk von Ingeborg Bachmann / hrsg. von Chr. Koshel, I. von Weidenbaum. München, Zürich : Piper, 1989. S. 192–196.
15. *Reilani L.* „Heimkehr nach Galicien“. Heimat im Werk Ingeborg Bachmanns. Mit einem bisher unveröffentlichten Brief von Jean Améry an Ingeborg Bachmann // Topographien einer Künstlerpersönlichkeit. Neue Annäherung an das Werk Ingeborg Bachmanns (Internationales Symposium, Wien 2006) / hrsg. von B. Agnese und R. Pichl. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2009. S. 31–46.

16. *Bachmann I.* Wir müssen wahre Sätze finden. Gespräche und Interviews / hrsg. von Chr. Koshel, I. von Weidenbaum. 4. Aufl. München, Zürich : Piper, 1994. 176 S.
17. *Зебальд В.Г.* Аустерлиц / пер. с нем. М. Кореновой. СПб. : Азбука-классика, 2006. 352 с.
18. *Hoell J.* Ingeborg Bachmann. 2. Aufl. München : DTV, 2004. 160 S.
19. *Evgrashkina E.* Tod in Rom: Über einen biographischen Mythos und seine literarischen Erscheinungsformen // Эволюция и трансформация дискурсов. Самара : Самарский университет, 2016. Вып. 1. С. 358–368.
20. *Бахман И.* Из песен на дорогах бегства / пер. с нем. А. Исаевой // Избранное. М., 1981. С. 53–57.
21. *Bachmann I.* Frankfurter Vorlesungen. Probleme zeitgenössischer Dichtung. München : Piper, 1980. 105 S.
22. *Sebald W.G.* Verlorenes Land – Jean Améry und Österreich // Sebald W.G. Unheimliche Heimat : Essays zur österreichischen Literatur. 4. Aufl. Frankfurt a. M. : Fischer Taschenbuch Verlag, 2012. S. 131–144.
23. *Бахман И.* Тридцатый год / пер. с нем. А. Исаевой // Бахман И. Избранное : Сборник. М. : Прогресс, 1981. С. 69–104.
24. *Коваль О.А., Крюкова Е.Б.* Образ языка Людвиг Витгенштейна и язык образов Ингеборг Бахман // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 145–161.
25. *Чоран С.* Признания и проклятия : Философская эссеистика / пер. с фр. О. Акимовой. СПб. : Симпозиум, 2004. 206 с.
26. *Dippel A.* “Österreich – das ist etwas, das immer weitergeht für mich”. Zur Fortschreibung der “Trotta”-Romane Joseph Roths in Ingeborg Bachmanns Simultan. St. Ingbert : Röhrig, 1995. 155 S.
27. *Doll J.* Morbus austriacus. Jean Améry und die österreichische Literatur // An den Grenzen des Geistes : Jean Améry zum 100. Geburtstag / hrsg. von B. Hewera und M. Mettler. Marburg : Tectum Verlag, 2013. S. 121–134.
28. *Alford C. F.* Jean Améry and the Generational Limits of Resentment as Morality // Jean Améry. Beyond the Mind’s Limits / ed. by Y. Ataria, A. Kravitz, E. Pitcovski. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 35–54.
29. *Bartsch K.* Ingeborg Bachmann. 2. Aufl. Stuttgart, Weimar : Metzler, 1997. 208 S.
30. *Агамбен Дж.* Номо sacer: Что остается после Освенцима : архив и свидетель / пер. с ит. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. М. : Европа, 2012. 192 с.
31. *Amir D.* Language in Exile, Exile in Language // Jean Améry. Beyond the Mind’s Limits / ed. by Y. Ataria, A. Kravitz, E. Pitcovski. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 159–169.
32. *Heyd D.* The Ethics of Resentment : The Tactlessness of Jean Améry // Jean Améry. Beyond the Mind’s Limits / ed. by Y. Ataria, A. Kravitz, E. Pitcovski. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 85–102.
33. *Кертес И.* Самоликвидация : роман / пер. с венг. Ю. Гусева. М. : Текст, 2005. 187 с.
34. *Бахман И.* Изгнание / пер. с нем. А. Голембы // Бахман И. Воистину : Стихи / под ред. Е. Соколовой. М., 2000. С. 136–137.

Between Poetry and Truth: Ingeborg Bachmann and Jean Améry on the Meaning of the Homeland, Language, and Morality

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 268–288. DOI: 10.17223/19986645/74/15

Ekaterina B. Kriukova, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kriukova.jr@yandex.ru

Oxana A. Koval, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ox.koval@gmail.com

Keywords: language, ethics, resentment, philosophy and literature, Bachman, Améry.

The paper is written with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFFI), Project No. 19-311-60010: The ethical dimension of language: modern literature as a way to approach the limits of words.

The focus of the article is the story of two Austrian intellectuals: the poetess and authoress Ingeborg Bachmann and her older contemporary Jean Améry, a brilliant essayist who was one of the first to try to comprehend the Holocaust phenomenon, relying on his own tragic experience. The article aims to show how Bachmann's poetic discourse corresponds to the rational-philosophical type of Améry's writing and complements it in their common efforts to create a legitimate space for moral expression. Despite the fact that they did not meet in person, traces of the presence of the other can be found in the life and work of each of them. Using biographical, comparative, and hermeneutic methods, the article reconstructs the history of the relationship between Bachmann and Améry. This story develops into an invisible dialogue that takes place in the border area of reality and fiction. Language, homeland, memory, crimes of the past, trauma, guilt, and responsibility are the key topics of their conversation: these existential questions set the moral horizon of their thought and outline the main vectors of the ethical quest in post-war Europe. Particular attention in the article is paid to the concept of resentment (the sense of destructive anger). Améry elevates it to a moral category, which makes it possible to reveal the conflict between the individual and society. His social criticism, presented in the book *Beyond Guilt and Atonement*, is embodied in the literary world of Ingeborg Bachmann. In the short story "Three Paths to the Lake", she mentions Améry's essay "On Torture" and integrates her own reflections into the structure of the literary work. In addition, there is a character named Franz Joseph Trotta, who, due to his uncompromising stand and intolerance of falsehood, becomes an outsider. In the features of this most attractive and charismatic male character, you can guess the personality and views of Améry himself. Améry was disappointed in the possibilities of historical, documentary, psychological, confessional discourses to grasp and convey the truth about the anthropological catastrophe that had happened, and Bachmann seemed to offer him another space for witnessing, namely fiction. It is concluded that, for an exiled person who was forcibly deprived of his homeland and under no circumstances wished to make peace with it, literature is almost the only way to regain lost time, place, home, and language. For both Bachmann and Améry, the value of language lies not in its instrumental function, but in its ontological power, which gives the moral dimension of human existence the status of a true being. The article is intended to make up for the lack of studies on a comparative analysis of the philosophical insights of Jean Améry and the poetic intuitions of Ingeborg Bachmann.

References

1. Kanz, Ch. (2002) Viel couragierter als unsere Herren – Elisabeth Matri in "Drei Wege zum See". In: Mayer, M. (eds) *Werke von Ingeborg Bachmann*. Stuttgart: Reclam. pp. 196–219.
2. Sontag, S. (2014) *Smotrim na chuzhie stradaniya* [Regarding the Pain of Others]. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: Ad Marginem Press.

3. Bakhmann, I. (1981) *Tri dorogi k ozeru* [Three roads to the lake]. Translated from German by L. Chernaya. In: Bakhman, I. *Izbrannoe: Sbornik*. [Favorites: Collection]. Moscow: Progress. pp. 253–335.
4. Heidelberger-Leonard, I. (2004) *Jean Améry: Revolte in der Resignation*. Stuttgart: Klett-Cotta.
5. Améry, J. (2015) *Po tu storonu prestupleniya i nakazaniya: Popytki odolennogo odolet'* [On the other side of crime and punishment: Attempts to overcome the overcome]. Translated from German by I. Ebanoidze. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
6. Bakhmann, I. (1998) *Málina*. Translated from German by S. Shlapoberskaya. Moscow: Agraf.
7. Heidelberger-Leonard, I. (1995) *Versuchte Nähe: Ingeborg Bachmann und Jean Améry*. Heft 6: Ingeborg Bachmann. pp. 154–162.
8. Erokhin, A. V. (2010) Ingeborg Bakhman [Ingeborg Bachman]. In: Sedel'nik, V.D. (ed.) *Istoriya avstriyskoy literatury XX veka*. [History of Austrian literature of the 20th century]. Vol. II: 1945–2000. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. pp. 235–255.
9. Améry, J. (1989) Am Grabe einer ungekannten Freundin. In: Koshel, Chr. & Weidenbaum, I. (eds) *Kein objektives Urteil – nur ein lebendiges. Texte zum Werk von Ingeborg Bachmann*. München, Zürich: Piper. pp. 200–202.
10. Bachmann, I. (1993) *Werke. In 4 Bde.* Bd. 4. Edited by Chr. Koshel, I. Weidenbaum & Cl. Münster. 6. Aufl. München, Zürich: Piper.
11. Reich-Ranicki, M. (1989) Die Dichterin wechselt das Repertoire. In: Koshel, Chr. & Weidenbaum, I. (eds) *Kein objektives Urteil – nur ein lebendiges. Texte zum Werk von Ingeborg Bachmann*. München, Zürich: Piper. pp. 188–192.
12. Weigel, S. (1995) *Die Stimme der Medusa: Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen*. Dülmen-Hiddingsel: Tende.
13. Weigel, S. (1999) *Ingeborg Bachmann. Hinterlassenschaften unter Wahrung des Briefgeheimnisses*. Wien: Paul Zsolnay Verlag.
14. Améry, J. (1989) Trotta kehrt zurück. In: Koshel, Chr. & Weidenbaum, I. (eds) *Kein objektives Urteil – nur ein lebendiges. Texte zum Werk von Ingeborg Bachmann*. München, Zürich: Piper. pp. 192–196.
15. Reilani, L. (2009) "Heimkehr nach Galicien". Heimat im Werk Ingeborg Bachmanns. In: Agnese, B. & Pichl, R. (eds) *Topographien einer Künstlerpersönlichkeit. Neue Annäherung an das Werk Ingeborg Bachmanns*. Würzburg: Königshausen & Neumann. pp. 31–46.
16. Bachmann, I. (1994) *Wir müssen wahre Sätze finden. Gespräche und Interviews*. 4. Aufl. München, Zürich: Piper.
17. Sebald, W.G. (2006) *Austerlitz*. Translated from German by M. Koreneva. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
18. Hoell, J. (2004) *Ingeborg Bachmann*. 2. Aufl. München: DTV.
19. Evgrashkina, E. (2016) Tod in Rom: Über einen biographischen Mythos und seine literarischen Erscheinungsformen. In: *Evolutsiya i transformatsiya diskursov* [Evolution and transformation of discourses]. Vol. 1. Samara: Samara National Research University. pp. 358–368.
20. Bakhmann, I. (1981) *Iz pesen na dorogakh begstva* [From songs on the roads of escape]. Translated from German by A. Isaeva. In: Bakhman, I. *Izbrannoe: sbornik* [Selected works: collection]. Moscow: Progress. pp. 53–57.
21. Bachmann, I. (1980) *Frankfurter Vorlesungen. Probleme zeitgenössischer Dichtung*. München: Piper.
22. Sebald, W.G. (2012) Verlorenes Land – Jean Améry und Österreich. In: Sebald, W.G. *Unheimliche Heimat: Essays zur österreichischen Literatur*. 4. Aufl. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. pp. 131–144.

23. Bakhmann, I. (1981) Tridtsatyy god [Thirtieth year]. Translated from German by A. Isaeva. In: Bakhman, I. *Izbrannoe: Sbornik* [Selected works: Collection]. Moscow: Progress. pp. 69–104.
24. Koval', O.A. & Kryukova, E.B. (2018) Ludwig Wittgenstein's Image Language and Ingeborg Bachmann's Image Language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 51. pp. 145–161. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/51/12
25. Choran, S. (2004) *Priznaniya i proklyatiya: Filosofskaya esseistika* [Confessions and curses: Philosophical essay]. Translated from French by O. Akimova. Saint Petersburg: Simpozium.
26. Dippel, A. (1995) "Österreich – das ist etwas, das immer weitergeht für mich". *Zur Fortschreibung der "Trotta"-Romane Joseph Roths in Ingeborg Bachmanns Simultan*. Sankt Ingbert: Röhrig.
27. Doll, J. (2013) Morbus austriacus. Jean Améry und die österreichische Literatur. In: Hewera, B. & Mettler, M. (eds) *An den Grenzen des Geistes: Jean Améry zum 100. Geburtstag*. Marburg: Tectum Verlag. pp. 121–134.
28. Alford, C.F. (2019) Jean Améry and the Generational Limits of Resentment as Morality. In: Ataria, Y., Kravitz, A. & Pitcovski, E. (eds) *Jean Améry. Beyond the Mind's Limits*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 35–54.
29. Bartsch, K. (1997) *Ingeborg Bachmann*. 2. Aufl. Stuttgart, Weimar: Metzler.
30. Agamben, G. (2012) *Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Homo sacer. What remains after Auschwitz: an archive and a witness]. Translated from Italian by I. Levina, O. Dubitskaya & P. Sokolov. Moscow: Evropa.
31. Amir, D. (2019) Language in Exile, Exile in Language. In: Ataria, Y., Kravitz, A. & Pitcovski, E. (eds) *Jean Améry. Beyond the Mind's Limits*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 159–169.
32. Heyd, D. (2019) The Ethics of Resentment: The Tactlessness of Jean Améry. In: Ataria, Y., Kravitz, A. & Pitcovski, E. (eds) *Jean Améry. Beyond the Mind's Limits*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 85–102.
33. Kertes, I. (2005) *Samolikvidatsiya: Roman* / translated from Hungarian by Yu. Guseva. Moscow: Tekst.
34. Bakhmann, I. (2000) Izgnanie [Exile]. Translated from German by A. Golemba. In: Sokolova, E. (ed.) *Voistinu: Stikhi* [Truly: Poems]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. pp. 136–137.

УДК 82-6

DOI: 10.17223/19986645/74/16

М.Д. Кузьмина

УЧИТЕЛЬСТВО И УЧЕНИЧЕСТВО В СЛАВЯНОФИЛЬСКОМ ОБЩЕНИИ: ПЕРЕПИСКА А.С. ХОМЯКОВА С Ю.Ф. САМАРИНЫМ¹

Анализируются отношения учительства и ученичества между идеологом славянофильского кружка А.С. Хомяковым и членом кружка Ю.Ф. Самариным, нашедшие отражение в их переписке. Выявляется, что Самарин направляет Хомякову доверительно-исповедальные письма, а Хомяков отвечает проповедью, в которой разъясняет корреспонденту его состояния, советует, утешает. Делается заключение, что их отношения напоминают отношения духовного отца и духовного сына.

Ключевые слова: А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, славянофильство, переписка, письмо, эпистолярный, исповедь, проповедь, притча

Хотя для кружка славянофилов было принципиально важным отсутствие главы, замещение идеи взаимоподчинения – идеей соборности, в глазах их современников и потомков основополагающая роль принадлежала А.С. Хомякову. «Всякий вопрос о славянофилах и славянофильстве, – писал в свое время прот. Г. Флоровский, – на три четверти, кажется, обращается в вопрос о Хомякове и сама славянофильская группа мыслится как “Хомяков и другие”». Справедливо ли это? Полагаем, что да <...>. Хомяков был и остается идейным центром и руководителем славянофильской мысли...» [1. С. 149]. Современные исследователи, вторя друг другу, в разных формах выражают ту же идею – объявляют Хомякова «основоположником и выразителем духа славянофильского учения» [2. С. 77]. Действительно, он был идеологом и «выразителем духа славянофильского учения», и потому, что, как отметил прот. Г. Флоровский, преимущественно исследовал «...тот священный центр, из которого исходили и к которому возвращались думы славянофилов – Церковь» [1. С. 149], и потому, что всей душой жил в лоне Церкви, и потому, что нес христианскую проповедь в мир. Все эти три грани его жизнедеятельности нашли яркое отражение в эпистолярной, составив едва ли не исчерпывающее содержание большинства писем, которые, кстати сказать, адресовались преимущественно друзьям и единомышленникам – славянофилам и близким к ним лицам.

Хомяков богословствовал и проповедовал в славянофильском кружке, с одной стороны, направляя и корректируя суждения соратников, с другой – откликаясь на их запросы. Но его эпистолярный диалог с разными корре-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46021, «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

спондентами складывался неодинаково. Яркий пример – приятели и ровесники К.С. Аксаков (р. 1817) и Ю.Ф. Самарин (р. 1819), один за другим вступившие в славянофильский кружок и подпавшие под влияние Хомякова, который превосходил их, как писал И.С. Аксаков, «...не только зрелостью лет (он родился в 1804 г. – М.К.), опытом жизни и универсальностью знания, но и удивительным гармоническим сочетанием противоположностей их обеих натур. В нем поэт не мешал философу, и философ не смущал поэта; синтез веры и анализ науки уживались вместе <...> в безусловной, живой полноте своих прав...» [3. С. 236–237]. Если в случае с К.С. Аксаковым, категоричным в своих славянофильских суждениях, это влияние со временем ослабевает, то в случае с Самариным – сохраняет актуальность. В переписке с первым, богословствуя и проповедуя, Хомяков выступает в роли старшего друга-единомышленника, иногда антагониста, тогда как в переписке со вторым – в роли старшего друга и учителя. Самарин сам дал ему над собой такие права, высказав потребность в духовном руководстве. Думается, не в последнюю очередь на это повлиял его вынужденный переезд из Москвы в представлявшийся славянофилам гибельным Петербург. Опасаясь за себя и остро переживая одиночество, Самарин вызывает к Хомякову. Опасаясь за него и откликаясь на его воззвание, Хомяков берет его под свое руководство. В их переписке отображаются отношения по модели учитель – ученик, чем-то похожие на отношения духовного отца и духовного сына.

В одном из писем, созданном через год после переезда в Петербург, Самарин доверчиво открывается Хомякову. Он начинает с «чистосердечного покаяния». Автор осуждает себя за то, что «...во все <...> время <...> никому не сделал никакой пользы (из-за «мелкого самолюбия, боязни показаться смешным, чувства гордости с примесью лени») и сам «испытал много душевного вреда от Петербурга» [4. С. 390]. Северная столица изображается им в традициях прозы Н.В. Гоголя, и в первую очередь повести «Невский проспект», – как абсурдно-фантастическое, лживое, inferнальное пространство: «Все мутится в голове моей; то, что возбуждало во мне негодование и презрение, облекается в моих глазах в благовидные формы и лукаво крадется в душу. Остальное, во что я верил и что любил, как будто теряет для меня цену и оподозривается. То, что я слышал вчера, нынче повторяется во мне самом и как будто от моего лица. Это невыносимо тяжело. Я рвусь отсюда, но не знаю, куда идти, потому что я потерял сознание моего призвания. Оно было для меня ясно, как день, я видел его перед собою, хотя и вдали, но этот бесконечный год отбросил меня Бог ведает в какую глушь» [4. С. 391]. Лейтмотивом становится повторяемый автором судьбоносный вопрос: «...что мне делать?» [4. С. 391] – аллюзия на Евангелие, вопрос, заданный Иоанну Предтече людьми, пришедшими креститься (ср.: «И спрашивал его народ: что же нам делать? <...>. Пришли и мытари креститься, и сказали ему: учитель! что нам делать? <...>. Спрашивали его также и воины: а нам что делать?» (Лк. 3: 10–14)). В тех или других формах он повторяется и в последующих письмах. Письма Хо-

мякова дают ответ, представляя собой, в сущности, одну развернутую повесть.

Думается, действенность его учительного слова определялась прежде всего уверенностью, с которой он его произносил. На смятение Самарина Хомяков ясно, спокойно и твердо отвечал, что нужно делать, разъяснял ему его состояния, утешал, стремился рассеять тоску, выражал неколебимую веру в будущее. «Для вас не прошло еще время борьбы и не наступило примирение, – писал он. Оно вам по-прежнему кажется невозможным. Так и должно быть» [5. С. 245]. «Что же делать? Во-первых, не унывать; во-вторых, трудом внутренним, который требует мало времени и всегда возможен, заменить невозможный труд внешний. Пожалуйста, не забывайте, что Бэкон был канцлером, а в вас я предполагаю довольно силы, чтобы сохранить себя везде и во всех обстоятельствах крепким и неприкосновенным...» [5. С. 261]. Останавливаясь на актуальных проблемах, Хомяков иногда апеллирует к прошлому, но гораздо чаще – к будущему. Будущее становится господствующей темпоральной категорией его писем к Самарину (ср.: «Придет непременно время...» [5. С. 245]; «Все эти выводы <...> сольются для вас в одну общую гармонию...» [5. С. 245]; «Жизнь свое возьмет» [5. С. 247]; «...мы теперь или позже, а принадлежим Москве...» [5. С. 259]), и, как правило, оно сопряжено с установкой на пророчество, что придает учительному слову авторитетность, даже сакральность. Идеолог кружка предрекает путь и своему корреспонденту, и славянофильству, и всей России. Время от времени указывает на уже сбывшиеся пророчества: «Вы, может быть, вспомните наш разговор с вами и Аксаковым, когда я вам обоим обещал внутреннюю борьбу и даже пророчил, что она начнется у вас прежде, чем у него» [5. С. 239]; «Вспомните, пожалуйста, мои слова пред вашим отъездом и какого добра я ждал для вас от Петербурга» [5. С. 245]; «В Англии уже предложены те употребления сжатого воздуха, которые я предсказал в статье о железных дорогах» [5. С. 258]; «Я отчасти предвидел теперешнее искушение и осенью писал об нем к К.С. Аксакову...» [5. С. 293]. Характерно постоянное употребление слов «пророчил», «предсказал», «предвидел».

Многие хомяковские тезисы о будущем и настоящем (такие как «Жизнь свое возьмет») звучат афористично, что сближает их с пословичными выражениями – плодами народной мудрости и через это придает им весомость. Иногда автор письма берет за основу одно из таких выражений и надстраивает на него, в параллель ему, свое, позиционируемое как равноценное («...все перемелется и будет мука <...> все ошибки исправятся силою жизни...» [5. С. 256]), одновременно прибегает к игре слов и дефразеологизации («...мы можем радоваться вестям об вас, но не за вас <...>. Терпи, казак, хоть атаманом и не будешь» [5. С. 262]), за счет чего суждение преподносится как авторитетное и вместе с тем личное, смелое, способное остановить на себе внимание адресата, убедить его и рассеять его хандру.

Хомяков подкрепляет свои тезисы авторитетом не только народной мудрости, но и – прежде всего – Церкви. Религиозный дискурс вводится за

счет апелляции к церковнославянскому языку (ср.: «...пошлость всеобщая нашего читающего, аки бы думающего мира» [5. С. 268]; «...я <...> старался его истинный смысл выразить елико возможно ясно» [5. С. 273]), придающего высказыванию характер сакрального и одновременно ироничного по отношению к тому, что не вызывает одобрения. Религиозный дискурс вводится также за счет апелляции к библейской образности. Рождается целая группа тропов, восходящих к ветхо- и новозаветным. В частности, это метафоры с отрицательной семантикой, при помощи которых Хомяков обрисовывает Самарину современную Россию: метафора пустыни («...неужели наша московская почва не только хороша, но хоть сколько-нибудь сносна? Неужели это не совершенная пустыня в нравственном и даже умственном отношении?» [5. С. 263]) и метафора болезни («Привычки, устаревшие <...> и в то же время питаемые всем современным строем, должны быть брошены разом?! На всех язвах должно нарасти румяное тело?! Возможно ли? Правда, пророк говорит: “Ты очистишь меня, и проказа моя ссыплется с членов моих <...>” <...> но такое личное обновление не принадлежит обществам» [5. С. 296]; «Горько, тяжело современное, но говорю с полным беспристрастием. Тело, оголившееся от мазей, которыми его смазывали <...> далеко еще не так гнусно, как я ожидал» [5. С. 297]). Последнюю он применяет и для характеристики состояния своего корреспондента («Вот, любезный Юрий Федорович, лекарство для вас, за которое ручаюсь» [5. С. 295]; «Горькое чувство современных болезней и особенно бесчувственности больных к своим болезням в вас теперь особенно сильно» [5. С. 297]). Себе он тем самым отводит роль врача, ставящего и всему обществу, и своему ученику-корреспонденту диагнозы и назначающего лечение. Это очень высокое положение, ведь в Священном Писании Христос – Врач, видящий и исцеляющий духовные и телесные недуги. Примечательно, что обе метафоры, восходящие к библейскому тексту, – болезнь и пустыня, – хотя и заключают в себе отрицательные коннотации, не несут идеи непоправимости: в Божьей власти исцелить любую болезнь и оживотворить бесплодную почву пустыни. Но необходимо произволение самого человека, его соработничество Богу. Со стороны Самарина, признающего себя «больным» и жаждущего исцеления, оно есть, поэтому Хомяков уверенно предрекает ему лучшее будущее.

Не случайно в письмах Хомякова очень важную роль играет метафора битвы, также имеющая библейские корни. Битва рассматривается как непреложное условие победы. Хомяков прибегает к этой метафоре, характеризуя деятельность переехавшего из Петербурга в Ригу Самарина: «...говорят, что сражение, проигранное вами <...> еще не совсем невозвратно погубило дело и что теперь есть надежда возобновить войну...» [5. С. 274]. Он благословляет своего ученика на борьбу: «С Богом, любезный Юрий Федорович, на новый нежданный путь! <...>. Да будет воин вооруженным гражданином! С Богом!» [5. С. 285]. Не только деятельность Самарина, но и современное состояние России, и в первую очередь столкновение славянофилов и западников, изображается Хомяковым в «воен-

ной» терминологии: «бой» [5. С. 267, 275], «противники» [5. С. 268], «ра-тоборцы» [5. С. 268], «борьба» [5. С. 269, 276, 277] и т. п. Сражение и на личном, и на общественном поприще понимается в письмах в соответствии с христианскими представлениями как совершаемое в разных формах в течение земной жизни сражение за спасение души.

Учительное слово Хомякова обретает черты притчи: в проповедь включается аллегорическая образность, синтезирующая профанный и сакральный планы, с установкой возвести адресата от первого ко второму. Анализируя структуру евангельской притчи, Ю.И. Левин указывал на характерную двуплановость: в евангельской притче традиционно «повествуется о событиях, которые происходят <...> в царстве *низкой*, обыкновенной жизни», «но текст <...> имеет двойную семантику» и одновременно повествует о событиях, «...относящихся к тому, что происходит <...> в приобщенной к Богу сфере реальности <...>». Этот второй ряд и образует толкование притчи» [6. С. 530–531]. Такая двуплановость налицо в епистолярной Хомякова. «Толкование притчи» очень эксплицированно представлено в одном из писем: «...та борьба, в которую мы вступили, – проповедует его автор Самарину, – есть только отрывок не только вековой, но и вечной борьбы, на которую осуждено человечество...» [5. С. 297]. «...Борьба наша не к крови и плоти», поэтому «мы не можем ничего ожидать скорого», – поясняет в другом письме, цитируя апостола Павла [5. С. 277]. Те же слова из «Послания к ефесянам»: «Несть наша борьба крови и плоти» (ср.: «...наша брань не против крови и плоти...» (Еф. 6: 12)), – приводит в письме к К.С. Аксакову [5. С. 351]. Тем самым всякий раз оценивая актуальные проблемы в перспективе будущего, Хомяков это будущее вписывает в контекст вечности, ассимилируя свое слово с библейским, что, с одной стороны, не могло не утешать его корреспондента в моменты временных «поражений», а с другой – не могло не вызывать к его слову предельного доверия.

Лаконично актуализируя библейский образно-смысловой план, одним-двумя словами отсылая Самарина к евангельским притчам и создавая в параллель им свои, как правило, очень редуцированные, – Хомяков в свержавторитетной тональности обрисовывает борцов и результаты борьбы. Его характеристика славянофилов, которым необходимо объединиться: «Лучинки разрозненные горят да гаснут: вместе связанные, они передают огонь целому костру», – напоминает евангельский образ зажженной свечи – христианской души, призванной светить миру [5. С. 260] (ср.: «Вы – свет миру. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми...» (Мф. 5: 14–16), как напоминает и о «малом стаде» (Лк. 12: 32). Суждение о современности: «Дурное <...> она должна исключить из своей мысли, чтобы хорошее могло приносить плоды» [5. С. 281] – отсылает к притче о бесплодной смоковнице и одновременно к словам Христа из Нагорной проповеди: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7: 16). В целом ряде писем Хомяков проповедует необходимость активной деятельности славянофилов в современной России, метафориче-

ски понимая эту деятельность именно как попечение о «добрых плодах» и видя миссию своих соратников в том, чтобы «вспахать» «чистое поле» «и засеять семенем живым», как он писал А.Н. Попову. Лейтмотивом эпистолярных посланий к Самарину становится: «...никто из нас не доживет до жатвы» [5. С. 252]; «сейте, где можно и сколько можно; где взойдет, никто не возьмется сказать» [5. С. 286]; «мы с вами увидим хлеб в краске, хотя зеленой настоящих не увидим» [5. С. 299]. В этих строках очевидна отсылка сразу к нескольким евангельским фрагментам (ср., например: «...возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве. Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий, и жнущий вместе радоваться будут...» (Ин. 4: 35–36)), и прежде всего к притче о сеятеле и образу-символу хлеба (ср.: «...Я есмь хлеб жизни...» (Ин. 6: 35)). Славянофилы, основывающие свое учение на православной вере, объявляются, таким образом, учениками Христа, последователями апостолов.

Значительно реже и совсем в другой тональности, но также подкрепляя авторитет своего слова словом библейским, Хомяков обрисовывает Самарину тех, кто отказывается от борьбы: «Человек <...> может с утомления закрыть глаза, насильно на себя наложить забвение, но последующий за этим мир есть гроб повапленный, из которого не выйдет никогда ни жизни, ни живого» [5. С. 239] (ср.: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным (по-церковнославянски: повапленным.— М.К.) гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты...» (Мф. 23: 27–28)); «...общество пляшет, дворянство играет в карты, чиновник крадет, поп меняет каноны на гри-венники; да ведь это делали всегда; разом не переменишься. И тогда, когда придет Сын Человеческий, разве не то же? Он найдет мир, плетущийся по своим привычным колеям» [5. С. 297] (ср.: «И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. <...> так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится» (Лк. 17: 26–30)). Этот мир и составляет ту бесплодную почву «пустыни», которая пока не выказывает произволения, чтобы быть оживотворенной, но которую славянофилам надлежит пахать и засеивать.

В обращенной к соратникам проповеди, развернутой в письмах к Самарину, Хомяков постоянно использует характерную для жанра проповеди «мы»-форму (о ней подробнее см.: [7. С. 43]) («...та борьба, в которую мы вступили...»; «...борьба наша не к крови и плоти»; «...никто из нас не доживет до жатвы» и мн. др.), ставящую его в положение соучастия по отношению к адресату и позволяющую не довольств. над ним, выступать в роли друга, не выходя из роли учителя-проповедника. «Мы»-форма становится одной из форм выражения лейтмотивного для эпистолярия Хомякова сопереживания Самарину, разделения с ним его ошибок, трудностей и горестей (ср.: «...болезнь ваша – моя болезнь» [5. С. 296]), преодоления странства; она становится в конечном счете одной из форм выражения

любви, которую не мог не чувствовать и на которую не мог не отозваться адресат.

Примечательно, что в письмах к Самарину Хомяков никогда не использует «мы»-форму в составе логических парадоксов с целью переубеждения адресата и вообще не использует эти парадоксы (их структура такова: тезис – мнение адресата, с которым Хомяков имитирует согласие; антитезис – мнение самого Хомякова, которое якобы разделяется адресатом; синтез, в основе которого лежит мнение Хомякова, преподносимое как их общее, компромиссное решение), так широко применяемые им в посланиях к другим корреспондентам и в печатных работах (подробнее см.: [8; 9]). Казалось бы, в письмах к Самарину, которого идеолог славянофильского кружка считал логиком, подобные логические манипуляции наиболее естественны. Но их отсутствие не случайно: между Хомяковым и его учеником не было идейных разногласий, и доверительные отношения не допускали интеллектуальных уловок.

Под определяющим ли влиянием Хомякова или вследствие существовавшего между обоими корреспондентами единодушия и единомыслия Самарин, подобно своему учителю, оперирует преимущественно категорией будущего времени («Правда ли, что вы нынче летом едете за границу?» [4. С. 400]; «...зная лично кн. Черкасского, я уверен, что с ним нетрудно будет ужиться <...> занятия мои будут такого же рода, как и прежние...» [4. С. 404]; «Весьма вероятно, что в скором времени домашние обстоятельства заставят меня возвратиться навсегда в Москву...» [4. С. 409]), от начала к концу переписки все чаще прибегает к метафоризации («...я <...> поглотил до 15 довольно толстых томов. После такого приема я остаюсь при том убеждении, что это наука...» [4. С. 404]; «...пустота, <...> утомление <...> неисчислимыми путями пролагает себе дорогу в душу» [4. С. 407]; «...все <...> ступени антихристианского, а у нас и антиисторического развития нами пройдены, и мы уже заносим ногу на самую последнюю» [4. С. 408], «Общество глубже и глубже опускается в соблазны чудовищной роскоши и комфорта, как в мягкие кресла...» [4. С. 409], «Дисциплина <...> должна удовлетворить ум, наполнить и оживить сердце, подпереть пошатнувшийся свод религиозных убеждений...» [4. С. 409]). На фоне этих сближений нетрудно заметить разительное отличие эмпирико-практической тональности, господствующей в письмах Самарина, от философско-богословской тональности писем Хомякова. Очевидно, сказывалось несовпадение рода деятельности (занятость по службе у первого и отсутствие таковой у второго) и особенностей личностного устройства. Противоположность этого устройства не меньше, чем единодушные и единомыслие, могла способствовать сближению. Она не касалась главного для них обоих – православной веры и славянофильской деятельности.

Самарин, оставаясь в эмпирико-практической сфере, отстаивает то и другое, идя за своим учителем. Знаковы у него и отсылки к евангельскому тексту («...кажется, чаша сия прошла мимо меня» [4. С. 393–394]; «Вот

сколько предстоит дела, а если б вы посмотрели на призванных делателей!..» [4. С. 396], «Немудрено отойти в сторону и умыть руки...» [4. С. 396]), и введение церковнославянизмов («Практический вывод из всего мною виденного и слышанного заключается в том, что ничего более не остается делать, как напоминать беспрестанно, елико то возможно, о духовном начале...» [4. С. 409]), и постоянное сокрушение о своем несовершенстве, потребность в исповеди, с которой он время от времени обращается к Хомякову как духовный сын к духовному отцу: «Я опустил, чувствую, что с каждым днем мысль притупляется» [4. С. 398]; «Скажу вам только одно: я очень чувствую, что многое во мне должно было вас оскорблять, и не вас одних, но поверьте, что я вполне сознаю недостатки, делающие меня подчас нестерпимым; я сам страдаю от них никак не менее, больше других; я прошу вас только любить меня по-прежнему, несмотря на эти недостатки, которых преодолеть не отчаиваюсь» [4. С. 408]. С.И. Скороходова небезосновательно замечает о Самарине: «Политическая философия хотя и доминирует в философско-исторических взглядах русского мыслителя, но рассматривается им в духовном и историческом измерениях. <...>. И если бы политические вопросы не захватили все помыслы Юрия Федоровича, то вероятнее всего, что в XIX в. появился бы еще один блестящий богослов» [10. С. 233].

В переписке с идеологом славянофильского кружка раскрывается этот потенциал личности Самарина. По-новому раскрывается в ней и потенциал личности Хомякова, известного современникам и потому вошедшего в историю русской общественной мысли как «бретер диалектики» [11. С. 156], приверженец софистики, любитель споров (см., например: [12. С. 312–314; 13. С. 227]). Действительно склонный к полемике, он часто прибегал к ней с целью проповедания истины. Но в переписке с Самариным эта задача решается другим способом – в форме доверительного дружеского общения и одновременно общения по модели учитель – ученик. Выросший на почве дорогой для славянофилов православной традиции и демонстрирующий ее своеобразный светский вариант, эпистолярный диалог Хомякова и Самарина дает глубокое представление о том, чем жили в своей сокровенной, скрытой от посторонних глаз жизни и за что «сражались» «ратоборцы» кружка.

Литература

1. Флоровский Г., *прот.* Около Хомякова // Символ. 1986. № 16. Декабрь. С. 140–226.
2. Еремичева Е.А., Межуева Е.О. Категория любви в философии славянофильства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). С. 77–81.
3. Аксаков И.С. Предисловие <к публикации писем А.С. Хомякова к Ю.Ф. Самарину> // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. : в 8 т. М., 1900. Т. 8. С. 235–238.
4. Самарин Ю.Ф. Письма Алексею Степановичу Хомякову. 1843–1850 // Собр. соч. : в 5 т. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб., 2016. Т. 3. С. 389–411.
5. Хомяков А.С. Письма // Полн. собр. соч. : в 8 т. М., 1900. Т. 8. 522 с.
6. Левин Ю.И. Структура евангельской притчи // Избранные труды. Поэтика, семиотика. М., 1998. С. 520–541.

7. Прохвятилова О.А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 46 с.
8. Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова: Заметки и наблюдения. М. : Индрик, 2004. 216 с.
9. Кузьмина М.Д. Принцип парадокса в письмах А.С. Хомякова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2018. № 2. С. 82–91.
10. Скороходова С.И. К вопросу о философии религии Ю.Ф. Самарина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, № 1. С. 224–234.
11. Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. : в 30 т. М., 1956. Т. 9. 354 с.
12. Кошелев А.И. Мои воспоминания об А.С. Хомякове // Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. М., 2015. С. 307–317.
13. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. [М.] : М. и С. Сабашниковы, 1929. 294 с.

Teaching and Apprenticeship in Slavophile Communication: Aleksey Khomyakov's Correspondence with Yuri Samarin

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 289–298. DOI: 10.17223/19986645/74/16

Marina D. Kuzmina, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint Petersburg, Russian Federation), Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Keywords: Aleksey Khomyakov, Yuri Samarin, Slavophilism, correspondence, letter, epistolary works, confession, sermon, parable.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-68-46021: Slavophilism in the religious-philosophical dialogue: 1836–1917.

The article examines the correspondence of two prominent representatives of the Slavophil circle – Aleksey Khomyakov and Yuri Samarin. The relations that developed between them and which were vividly reflected in the epistolary dialogue were friendly, yet they were built according to the teacher–student model, a secular version of a spiritual father and a spiritual son. In the study of the epistolary dialogue between Khomyakov and Samarin, the historical-literary and structural-typological methods of literary criticism are used. A significant age difference (Khomyakov was born in 1804, while Samarin was born in 1819) and, accordingly, the experience of life and philosophizing also affected this dialogue. Samarin was forced to leave for service in St. Petersburg, which seemed hostile and disastrous to the Slavophiles. He desperately appealed to the senior comrade Khomyakov (an authority, the ideologist of the Slavophil circle) who stayed in Moscow. Samarin, in letters to Khomyakov, confesses his weaknesses and blunders, realizing his imperfection and recognizing the influence of the unhealthy Petersburg atmosphere on himself, cries out for help, and, finally, simply asks what to do, asks to show the way. To the confusion of Samarin, Khomyakov clearly, calmly and firmly answers what needs to be done (literally point by point), explains Samarin's condition, comforts, seeks to dispel melancholy, expresses unshakable faith in the future. His word gains super convincingness due to the fact that he appeals to the biblical imagery, aphoristically, often actualizes the category of the future tense, taking on the role of a prophet, and, using this opportunity, he reminds Samarin of his fulfilled "prophecies". Evoking confidence in his words and in his personality, Khomyakov raised Samarin, led him along. It is characteristic that, in letters to Samarin, Khomyakov never resorts to logical paradoxes in order to (re)convince the addressee (their structure is as follows: the thesis is the opinion of the addressee, with whom Khomyakov imitates he agrees;

the antithesis is the opinion of Khomyakov himself, which is allegedly shared by the addressee; the synthesis is based on the opinion of Khomyakov, presented as their general, compromise solution); although he widely uses them in messages to other correspondents and in printed works. It would seem that, in letters to Samarin, whom the ideologist of the Slavophil circle considered a logician, such logical manipulations would be the most natural, but their absence was not accidental: there were no ideological disagreements between Khomyakov and his student, and the trusting relationship did not allow intellectual tricks. Khomyakov was not mistaken, his word in his epistolary dialogue with Samarin was extremely effective. The young man willingly followed the ideologist of the Slavophil circle.

References

1. Florovskiy, G. (1986) Okolo Khomyakova [Near Khomyakov]. *Simvol – Symbol*. 16. December 1986. pp. 140–226.
2. Eremina, E.A. & Mezhueva, E.O. (2016) Kategoriya lyubvi v filosofii slavyanofil'stva [The Category of Love in the Philosophy of Slavophilism]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo – Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*. 24 (245). pp. 77–81.
3. Aksakov, I.S. (1900) Predislovie k publikatsii pisem A.S. Khomyakova k Yu.F. Samarinu [Preface to the publication of A.S. Khomyakov to Yu.F. Samarin]. In: Khomyakov, A.S. *Poln. sobr. soch.: v 8 t.* [Complete works: in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Universitetskaya Tipografiya. pp. 235–238.
4. Samarin, Yu.F. (2016) Pis'ma Alekseyu Stepanovichu Khomyakovu. 1843–1850 [Letters to Alexei Stepanovich Khomyakov. 1843–1850]. In: Samarin, Yu.F. *Sobr. soch.: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols]. Vol. 3. Edited by A.N. Nikolyukin. Saint Petersburg: Rostok. pp. 389–411.
5. Khomyakov, A.S. (1900) Pis'ma [Letters]. In: Khomyakov, A.S. *Poln. sobr. soch.: v 8 t.* [Complete works: in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Universitetskaya Tipografiya.
6. Levin, Yu.I. (1998) Struktura evangel'skoy pritchi [The structure of the gospel parable]. In: Levin, Yu.I. *Izbrannye trudy. Poetika, semiotika* [Selected works. Poetics, semiotics]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury. pp. 520–541.
7. Prokhvatilova, O.A. (2000) *Rechevaya organizatsiya zvuchashchey pravoslavnoy propovedi i molitvy* [Speech organization of a sounding Orthodox sermon and prayer]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
8. Koshelev, V.A. (2004) *Paradoksy Khomyakova. Zametki i nablyudeniya* [Khomyakov's paradoxes. Notes and observations]. Moscow: Indrik.
9. Kuz'mina, M.D. (2018) The principle of paradox in the letters of A.S. Khomyakov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Ser. 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki – Vestnik of St. Petersburg state university of technology and design. Series 2: Art criticism. Philological sciences*. 2. pp. 82–91. (In Russian).
10. Skorokhodova, S.I. (2018) On the issue of the Philosophy of religion Yu.F. Samarin. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Review of the Russian Christian academy for the humanities*. 19 (1). pp. 224–234. (In Russian).
11. Gertsen, A.I. (1956) Byloe i dumy [Past and thoughts]. In: Gertsen, A.I. *Sobr. soch.: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols]. Vol. 9. Moscow: USSR AS.
12. Koshelev, A.I. (2015) Moi vospominaniya ob A.S. Khomyakove [My memories of A.S. Khomyakov]. In: Kaplin, A.D. (ed.) *Aleksey Khomyakov v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov* [Alexey Khomyakov in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries]. Moscow: Institut Russkoy Tsivilizatsii. pp. 307–317.
13. Chicherin, B.N. (1929) *Vospominaniya. Moskva sorokovykh godov* [Memories. Moscow of the forties]. Moscow: M. i S. Sabashnikovy.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/74/17

Н.С. Футляев, Д.Н. Жаткин

РУССКАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ РОБЕРТА БЕРНСА «A MAN'S A MAN FOR A' THAT...»

Впервые рассматривается история русской переводческой рецепции стихотворения Роберта Бернса «A Man's a Man for A' That...» (1795) – от ранней интерпретации В.Д. Костомарова до новейших переводов Е.В. Витковского, С. Сапожникова, Е.Д. Фельдмана. Особое внимание уделяется переводам 1930–1950-х гг., вызвавшим пристальный интерес к стихотворению русской литературной критики и литературоведения (переводы С.Я. Маршака, С.А. Орлова, Т.Л. Щепкиной-Куперник).

Ключевые слова: Р. Бернс, поэтический перевод, рецепция, традиция, межкультурная коммуникация

В конце жизни Роберт Бернс с волнением наблюдал за событиями Великой французской революции, не только кардинально изменившей политическую систему Франции, но и ставшей поистине эпохальным поворотом в истории всей Европы. В 1795 г., когда якобинская диктатура сменилась термидорианской реакцией, уже не было в живых Робеспьера и его ближайших сторонников и, напротив, укреплялись политические позиции генерала Наполеона Бонапарта, которому совсем вскоре, в ноябре 1799 г., предстояло совершить государственный переворот и стать первым консулом, Бернсом было написано стихотворение «A Man's a Man for A' That...», во многом ставшее откликом на французский политический процесс, преломленный через его восприятие в консервативной Англии. Идеологом английского неприятия Великой французской революции был парламентарий, политический деятель, публицист Эдмунд Берк (1729–1797), который последовательно изложил свои консервативные принципы в книге «Размышления о Французской революции» («*Reflections on the Revolution in France*», 1790); признавая как данность иерархическую структуру общества, Э. Берк решительно осуждал любые попытки перераспределения собственности, способные обернуться катастрофой, разрушением духовных ценностей общества, уничтожением исторического наследия, выходом свободы за границы закона и порядка, называл революционеров «бунтовщиками и преступниками, восставшими против законного монарха» [1. С. 268]. В марте 1791 г. писатель, философ Томас Пейн (1737–1809) опубликовал обширную брошюру «Права человека» («*Rights of Man*»), в которой, в противовес Э. Берку, характеризовал Великую французскую революцию как «плод философских размышлений о правах человека» [2], провозглашал единство людей как основной постулат мировых религий, гово-

рил об естественности, прирожденности гражданских свобод, разумности принципов гуманизма, необходимости развития благосостояния нации путем смены системы управления сельским хозяйством, торговлей, мануфактурой и ремеслами. Т. Пейн настаивал на изменении государственной власти, необходимости обеспечения потребностей обездоленных слоев населения, что получило поддержку многих современников (в том числе Р. Бернса, У. Вордсворта), однако вызвало судебный процесс и обвинения Т. Пейна в оскорблении короля и конституции. Призывы Т. Пейна в первую очередь были ориентированы на соотечественников, но, по мере развития революционных успехов во Франции, приобретали интернациональный характер: «...и хотя некоторые деревья и растения будут погружены в сон дольше, чем другие, и хотя некоторые из них расцветут, быть может, не раньше, чем через два-три года, все они покроются листвою летом, за исключением тех, которые сгнили» [3. Р. 284].

По признанию самого Р. Бернса, отправлявшего стихотворение «A Man's a Man for A' That...» в письме Джорджу Томсону в январе 1795 г., он был вдохновлен «Правами человека» Т. Пейна и решился переложить оттуда в стихотворной форме «две-три весьма неплохие прозаические мысли», рассуждая о равенстве людей, «о великом звании Человек, которое никто не может ни подарить, ни отнять, о том, что каждый имеет право на труд, на мир, на свободу» [1. С. 272]. Открыто сочувствовавший Великой французской революции Бернс еще в 1792 г. был задержан в Дувре за отправку приобретенных с аукциона пушек в дар французскому Национальному конвенту, после чего ему, встревоженному на будущность семьи, «пришлось написать несколько заверений в благонадежности», и «это унижение оставило на нем тяжелые следы» [4. С. 625] (см. также: [5. С. 72]). После этой истории он предельно осторожно и аккуратно откликнулся на французские события, в том числе и в «Честной бедности»: «А между тем дурак и плут / Одеты в шелк и вина пьют / И все такое прочее. / <...> / Вот этот шут – природный лорд. / Ему должны мы кланяться. / Но пусть он чопорен и горд, / Бревно бревном останется! / <...> / Король лакея своего / Назначит генералом, / Но он не может никого / Назначить честным малым» (перевод С.Я.Маршака) [6. С. 187–188].

Р.Я. Райт-Ковалева обратила внимание на еще одну причину осмотрительности шотландского поэта – выход приказа короля Георга III «О различных подрывных и бунтарских писаниях», угрожавшего последствиями не только за сочинение или публикацию вольнодумной литературы, но и за ее чтение; Бернс, явно остававшийся под пристальным вниманием, не желал держать экземпляр «Прав человека» в своем доме и отнес его соседу Джорджу Хоу, сапожнику, тайно распространявшему антиправительственную литературу [1. С. 271–272]. События во Франции все больше склоняли Бернса к размышлениям о «свободе общественной», искоренении насилия, наделении людей равными правами (см. об этом: [7. С. 12; 8. С. 5]), однако постепенно веру в поступательное улучшение условий жизни сменяли пессимистические мысли о тщетности любых усилий, особенно угнетавшие

поэта после смерти младшей дочери в 1795 г. Бернс, зависящий от владельца арендуемой земли, за каждодневными заботами, не всегда мог до конца вникнуть в суть французских волнений, однако, видя напыщенных и «просвещенных» эдинбургских лордов, хваставших древностью своего рода и считавших поэта «самоучкой из безвестной деревушки» [9. С. 226], а его творчество – диковинкой на шотландском диалекте, понимал всю очевидную закономерность происходящего. Сознывая с годами, что «гордость и стремление к независимости не были только его личными качествами», Бернс всё больше ощущал себя певцом той «крестьянской Шотландии, что пахала, сеяла, жала хлеб, кормила, обувала и одевала страну» [10. С. 14–15]; он переживал за судьбу каждого жителя Шотландии, бросившего свои фермы и пашни, покидавшего родной дом, отправлявшегося на поиски лучшей жизни, но при этом верил в их будущее.

Цензурные ограничения в России второй половины XIX в. побуждали переводчиков избирательно подходить к выбору бернсовских оригиналов, а также смягчать их общественное звучание. В частности, выбор М.Л. Михайлова пал на произведения, изображавшие трудности повседневной крестьянской жизни (например, «To a Mountain Daisy, On Turning One Down With The Plough», «To A Mouse»), И.И. Козлов интерпретировал стихотворение «The Cotter's Saturday Night», идеализирующее патриархальную сельскую жизнь. Тенденция к консервативному переосмыслению творчества Бернса отчетливо выразилась в переводах В.Д. Костомарова, избравшего, наряду с шуточными (например, «Who is that at my bower-door?..»), и общественно значимые произведения шотландского автора.

В 1862 г. на страницах сборника «Поэты всех времен и народов» был впервые опубликован перевод стихотворения Бернса «*A Man's a Man for A' That...*», выполненный В.Д. Костомаровым [11]. Отметим, что сборник, увидевший свет в 1862 г., был подготовлен значительно раньше, в частности, цензурное разрешение на него получено 11 февраля 1861 г. [12. С. 274]. Отсылающее к «Правам человека» Т. Пейна заглавие оригинала, декларативно звучащее в дословном переводе как «Человек есть (это) прежде всего человек», было изменено В.Д. Костомаровым на нейтральное – «Прежде всего». Современники весьма доброжелательно оценили старания В.Д. Костомарова, так, Д.И. Писарев в рецензии «Вольные русские переводчики» (1862) поблагодарил интерпретатора за «замечательный по идее и выполнению» перевод, осуществленный «просто и изящно», сохранивший «тот оттенок юмора и ту непринужденность оборотов, которыми отличается подлинник» [13. С. 248–249]. Д.И. Писарев высоко оценил четыре начальные строфы, «превосходно» передавших «гордое сознание человеческого достоинства и спокойное презрение к искусственным понятиям знатности и светской чести», и два заключительных стиха «Чтоб человеку человек / Был брат прежде всего» [14. С. 14], которые «спасли общее впечатление» [13. С. 249]. При этом критик негативно воспринял пятый куплет, «грешащий пиетизмом» («Молитесь все, чтоб Бог послал / Нам царствие свое, / Чтоб честный труд на свете стал / Почетнее всего»

[14. С. 14]), а также предварявшую переводы весьма поверхностную оценку произведений Бернса, сводившуюся лишь к «прибавлению эпитетов превосходная, прекрасная, прелестная» [13. С. 248].

На рубеже XIX–XX вв. перевод В.Д. Костомарова вызывал противоречивые суждения. В статье «Роберт Бэрнс», опубликованной в № 8 журнала «Русская мысль» за 1896 г., И. Иванов оценивал его как «весьма неточный в самых характерных местах» [15. С. 88]. В 1904 г. интерпретация, лишенная вольнолюбивых настроений шотландского оригинала, была републикована в сборнике «Роберт Борнс и его произведения в переводе русских писателей» [14. С. 13–14]. В анонимной рецензии на сборник, увидевшей свет в № 2 журнала «Русская мысль» за 1905 г., перевод В.Д. Костомарова, открывавший книгу, вновь назывался «очень удачным» [16. С. 53], причем это был единственный во всем издании перевод «остросоциального» произведения, несмотря на возраставший интерес к общественной тематике на фоне событий первой русской революции.

В советском литературоведении ранний перевод «*A Man's a Man for A' That...*», осуществленный В.Д. Костомаровым, вызывал категорическое неприятие. С.А. Орлов в статье «Бэрнс в русских переводах» (1939) отметил в пятой строфе костомаровского перевода нарочитое искажение оригинального замысла, «приспособление стихотворения в своих классовых целях» [17. С. 235], смягчение его тональности. Схожа в оценках и А. Бобылева, отметившая в статье «Роберт Бэрнс в русских переводах» (1959), что В.Д. Костомаров «видел в Бэрнсе не гордого и смелого борца за человеческое достоинство, а смиренного певца “чистых и звонких песенок”», отчего голос поэта «сменяется голосом проповедника из благотворительного общества» [18. С. 143]. Следует отметить, что, размышляя об атмосферности перевода, исследователи забывали непосредственно о его содержании, в силу специфики которого смена тональности, откровенный пиетизм, изменения оттенков описания являлись далеко не самыми главными промахами. Основная проблема прочтения В.Д. Костомарова заключается в стремлении переводчика адаптировать оригинальное произведение для отечественного читателя, заменив шотландские реалии крестьянской жизни откликом на чаяния простого русского труженика.

В.Д. Костомаров смог вытеснить Бернса практически из каждого стиха; в частности, если оригинал начинается с вопроса, должен ли честный нищий склонить свою голову («Is there, for honest poverty / That hangs his head, and a'that?» [19. P. 219]), заставляющего задуматься, кому адресовано сказанное – аристократической элите или крестьянскому люду, а заодно подчеркивающего полемизм и общественную значимость описания, то первые стихи перевода представляют собой обращение к бедняку с призывом оставаться честным и трудиться, причем повторяющаяся лексема *трудись* явно указывает на причину нищенствования крестьянина: «Бедняк, будь честен и трудись, / Трудись прежде всего!» [14. С. 13]. Мысль Бернса о трусливом рабе («the coward-slave, we pass him by, / We dare be poor for a'that!» [19. P. 219]) остается непонятой В.Д. Костомаровым, который не

осознает, что под «*the coward-slave*» поэт, вероятно, подразумевает арендодателя земли (вельможу), отбирающего последние крохи у фермера, и переводит выражение просторечием *холоп*, к тому же добавляя чуждый оригиналу оттенок – «отвернись с презрением». Концовка первой строфы перевода сохраняет от текста подлинника лишь оборот «*the guinea's stamp*» [штемпель / печать гиней]: «Прежде всего, прежде всего / Пред знатым не бледней, – / Ведь знатность *штемпель у гиней* / И больше ничего!» [14. С. 13]. Мысль Бернса много глубже: поэту важно подчеркнуть, что усилия крестьян остаются незамеченными («*our toils obscure*»), что титулы и звания – всего лишь печать на монете, тогда как человек является тем золотом, из которого эти монеты чеканятся («*the man's the gowd for a' that*»); напротив, костомаровский призыв «не бледнеть» перед знатностью, оставаясь общим местом без особого содержательного наполнения, ослабляет идейную глубину подлинника.

Переводческие вольности можно видеть по всему русскому тексту, причем в отдельных случаях В.Д. Костомаров использует экспрессивные, просторечные лексемы, диссонирующие с обыденностью, повседневностью бернсовского описания, например *домашняя пища* (*homely fare*) заменена на *черствый хлеб*, оборот *одеты в грубый твид* (*wear hoddin grey*) русифицирован – *из поскони кафтан*, *показной блеск* (*tinsel show*) превращен в *глупый звон*, слова о человеке *независимого мышления* (*The man o' independent mind*) заменены упоминанием о *детях труда*. Если для оригинала Бернса характерны глубокие суждения афористического типа, то для перевода В.Д. Костомарова – купирование этих суждений с акцентировкой отдельных деталей и полной утратой идейного наполнения, ср.: «*Gie fools their silks, and knaves their wine*» [19. P. 219] (*Дайте дуракам их шелка, а лжецам их вино*) – «*Другой и в бархат разодеет*» [14. С. 13]; «*Tho' hundreds worship at his word*» [19. P. 219] (*Хотя сотни поклоняются его слову*) – «*Что он своим богатством горд*» [14. С. 14]; «*The pith o' sense, an' pride o' worth, / Are higher rank than a' that*» [19. P. 219] (*Смысл разума и ценность гордости / Есть высший титул*) – «*Честь наша – высшие чины / И ум прежде всего*» [14. С. 14]. В заключительном октете переводчик решительно отдаляется от замысла шотландского поэта, подчеркнув второстепенную деталь – *let us pray* (*давайте помолимся*) – и тем самым отчасти лишив описание демократической направленности. Стихотворение Бернса наполнено верой не в божий промысел, а в обретение счастья в общечеловеческом единении, при котором люди становятся братьями (см.: [20. С. 374]).

В 1936 г. в сборнике «Избранной лирики» Р. Бернса в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник увидело свет новое прочтение «*A Man's a Man for A' That...*», озаглавленное как «Честная бедность»; впоследствии это, несомненно, удачное название перевода было использовано С.Я. Маршак-ом, С.А. Орловым, Е.Д. Фельдманом. Несмотря на отдельные огрехи, обусловленные небрежностью в выборе лексем из синонимического ряда (придавить, одёжа, выставка, рожа, синклит), привнесением неоправданных художественных деталей (пусть скудно мы едим и пьем, произвести

<...> в вельможи), Т.Л. Щепкина-Куперник добилась желаемого результата – «перевела его [стихотворение Бернса] честно» [21. С. 315], «внешне близко к подлиннику» [22. С. 80]. Следует отметить пиетизм начала и концовки перевода, не свойственный оригиналу, но вполне уместный с позиций передачи эмоциональной атмосферы подлинника. Наконец, в переводе сохранены и великолепно обработаны «ключевые» стихи, заключающие в себе мысли, волнующие шотландского поэта: «Хоть бедны, но горды мы все же. / <...> / Безвестен труд наш – слова нет, / <...> / Дурак – в шелках, а плут – с вином... / <...> / Нас мишурой не обмануть; / Все ленты, звезды, ордена, – / Как эта выставка смешна / Тому, кто независим все же! / <...> / Создать же истинную честь / И сам король не в силах все же! / <...> / Настолько больше есть цены / В уме и благородстве все же!» [23. С. 93–94].

Т.Л. Щепкина-Куперник отчетливо передала социальную тональность подлинника, в котором ощущаются нарастающее недовольство повседневным укладом жизни, ироничное высмеивание сложившихся устоев элитарного общества, надежда на грядущие перемены. В заключительных стихах «Наступит тот счастливый век, / Что человеку человек / И вправду братом будет...» переводчица, будто припомнив трагическую судьбу шотландского поэта, умершего от болезней спустя всего год после написания стихотворения (см.: [24. С. 65]), пророчит нескорое, но вместе с тем и неизбежное гуманистическое обновление мира, изменение отношения людей друг к другу. Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник и поныне, несмотря на множество попыток новой интерпретации «A Man's a Man for A' That...», является, по нашему мнению, наиболее удачным, поскольку сохраняет не только общий смысл, но и атмосферу доверительного общения со свойственными ему незатейливостью и глубиной, умением увидеть вокруг и сиюминутное и вечное. Выполненный, по оценкам исследователей середины XX в., «интонационно бедно» [21. С. 315], лишенный «прелести игры словом, ритмичности словесных сочетаний, музыки стиха» [25. С. 13], а также значимого для подлинника припева, «подхватываемого хором с бодрым, плясовым ритмом» [22. С. 81], этот перевод переоценивается и воспринимается ныне как вполне удачный опыт мастера художественного слова.

Переводы «A Man's a Man for A' That...», созданные С.Я. Маршаком (1938) [3. Р. 187–188; 26; 27. С. 5] и С.А. Орловым (1959) [28. С. 25–26], акцентировали внимание на музыкальной составляющей бернсовского стихотворения, подчеркивали его песенную форму, приближенность к народной шотландской балладе. Появление перевода С.Я. Маршака привлекло внимание советских литературоведов к бернсовскому оригиналу и возможностям его интерпретации. В частности, Л.М. Аринштейн отметил заимствование начальной строки и припева стихотворения из шотландской фольклорной песни, бытовавшей в нескольких текстовых вариантах [29. С. 645]. С.А. Орлов считал источником бернсовского вдохновения «старо-шотландские баллады, песни, полные красок, живописи и чувств», которые приобрели «особую прелесть», оказавшись «в руках мастера»; поэзия Бернса, таким образом, становилась «плоть от плоти и кость от кости шот-

ландской народной поэзии» [17. С. 227]. Т.Б. Лиокумович также видел основы напевности бернсовского стихотворения в «музыкальных мотивах народной песни» [30. С. 76]. Акцентируя внимание на свидетельстве Бернса, что именно старые народные песни, услышанные в детстве, помогали прорасти в его сознании дремавшим зернам поэзии и что мелодия всегда являлась к нему раньше стиха, Б.Е. Галанов назвал основной задачей переводчика «A Man's a Man for A' That...» сохранение «народно-песенной стихии», позволяющей представить бернсовское произведение «в устах фермера, идущего за плугом, или веселых девушек и парней, пляшущих под скрипку на сельской вечеринке» [31. С. 240]. Однако не только очарование фольклором собственной страны объясняется столь верное следование песенной структуре; А.А. Голиков, комментируя плачевное состояние шотландской народной песни в конце XVIII в., отмечал, что «патриотическим долгом» Бернса было «записать все сохранившиеся тексты и фрагменты народных песен» и «восстановить то, что было искажено, дописать то, что было утеряно» [32. С. 116]. В зависимости от состояния оригинального материала песня либо оставалась в ее первоизданном виде, либо претерпевала незначительную редакционную правку, либо полностью обрабатывалась Бернсом, сохраняя первоначальную идею и при этом насыщаясь фольклорными реминисценциями. Опираясь на высказывание Вальтера Скотта, утверждавшего, что «редко какая-либо песня <...> прошла через его [Бернса] руки, не подвергшись тем магическим прикосновениям, которые, не изменяя ее значительно, возрождали ее первоначальный дух», А.А. Голиков называл Бернса «не столько творцом, сколько передатчиком старых песен» [32. С. 117]. По наблюдению исследователя, «мелодия и припев "A Man's a Man for A' That..." взяты из якобинских песен, отдельные фразы – из непристойных застольных песен» [32. С. 117], тогда как смысл и дух стихотворения принадлежат Бернсу.

В статье Е.С. Белашовой «Роберт Бернс в переводах С. Маршака» (1958) краткие упоминания неудачных интерпретаций «A Man's a Man for A' That...» В.Д. Костомаровым, искажившим идею подлинника, и Т.Л. Щепкиной-Куперник, которая при всей «внешней близости» [22. С. 80] оригиналу навязывала ему чуждые настроения, соседствуют с подробным панегирическим рассмотрением маршаковского перевода. На взгляд Е.С. Белашовой, С.Я. Маршак смог передать читателю «и содержание, и живой юмор¹, и своеобразие стиля подлинника», позволил «почувствовать прелесть игры слов, ритмичность словесных сочетаний, музыку стиха» [22. С. 80]. Исследовательница отчетливо видит многочисленные ошибки С.Я.Маршака как переводчика, однако всячески стремится подчеркнуть то, что они «очень незначительны» и не способны затмить метко-

¹ Вряд ли целесообразно искать юмор в мятежном стихотворении, создававшемся больным, полностью разочарованным жизнью Бернсом. Впрочем, веселье и юмор пытался найти в этом произведении и Е.Г. Эткинд, назвавший перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник «мертвым слепком яркого, веселого подлинника» [21. С. 315].

сти, афористичности оригинальных стихов; содержание, хотя и подвергалось изменениям, «сжато, но не скомкано» [22. С. 80], замены сохранили «рамки стиха и ясность мысли», а привнесенные строки выразили «чувство презрения» (см.: [22. С. 80–81]). Вместе с тем уже в первой строфе С.Я. Маршак отказался от интерпретации конца третьей и целиком четвертой строк оригинала «...we pass him by, / We dare be poor, for a'that!» [19. P. 219] (...мы пройдем мимо него, / Мы не боимся быть бедными, несмотря на все), ввел в описание дополнительную деталь («самый жалкий из людей»), а оборот «hang his head» (вешает голову) заменил глаголом стыдиться. Варьирующийся в четных строках рефрен for a' that переведен С.Я. Маршаком как и прочее, что не соответствует шотландскому несмотря на все; впрочем, в пятой и шестой строках неожиданно появляется разговорная параллель с английским оригиналом: «При всем при том, / При всем при том». Другими текстуальными изменениями, допущенными С.Я. Маршаком в первом октете, были замена лексемы guinea (гинейя) субстантивированной лексемой золотой, не в полной мере отражающей историческую реалию¹, лексемы the man (человек) на мы сами; вместо чинов и титулов (rank) С.Я. Маршак говорит о богатстве, наконец, глубокая мысль подлинника «Our toil's obscure» (Труд наш безвестен) превращается у русского переводчика в запоминающийся, но бессодержательный повтор при всем при том.

Второй октет также претерпел изменения, кардинально уводящие перевод от шотландского источника. Подыскивая более сильные синонимы, стремясь к сохранению ритма, С.Я. Маршак рисует картину беспросветной жизни бедняка, питающегося лишь хлебом и водой (вместо скудной пищи), укрывающегося тряпьем (в оригинале – носящего грубую одежду). Использование лексемы укрываться создает ощущение неуютности, бездомности, подчеркивает желание спрятаться от непогоды, что никак не коррелирует с образом честного труженика. Вновь переводчиком опущено начало первой строки – *what though (что с того)*, в результате чего появляется отсутствующая в оригинале анафора: «Мы хлеб едим и воду пьем, / Мы укрываемся тряпьем» [3. P. 187]. Контекст последующих строк перевода остался искаженным в силу опущения ключевого бернсовского вывода, ср.: «*Gie fools their silks, and knaves their wine / A man is a man for all that*» [19. P. 219] (Дайте дуракам их шелка, а лжецам их вино / Человек является человеком, несмотря на все) – «*A междо тем дурак и плут / Одеты в шелк и вина пьют*» [3. P. 187]. Отмечая, что «полнозвучие рифмы и добавочная рифмовка нечетных строк компенсируют потерю бернсовских созвучий» [22. С. 82], Е.С. Белашова готова простить переводчику нарушения мелодичности подлинника, о восхитительности которой рассуждала ранее.

¹ Упоминание золотого (золотого рубля) являет собой очевидный пример русификации, тем более неоправданной в силу разных «весовых категорий» двух денежных единиц: если 1 золотой рубль приравнялся к 0,774234 г. чистого золота, то 1 гинейя – к 7,322382 г. чистого золота.

В концовке второго октета, по наблюдению Е.С. Белашовой, «в основном отраженной [переводчиком] полностью» [22. С. 82], от Бернса в реальности не остается ни строки, поскольку С.Я. Маршак создает оригинальные стихи с самой общей опорой на ключевые смысловые образы шотландского поэта. Именно здесь Е.С. Белашова усматривает «большую поэтическую верность» [22. С. 82] подлиннику, ср.: «For a' that, and a' that, / Their tinsel show, an' a' that; / The honest man, tho' e'er sae poor, / Is king o' men for a' that» [19. P. 219] (Несмотря на все это и все прочее, / На их парадный блеск и все прочее; / Честный человек, хоть он так беден, / Король над людьми, несмотря на все) – «При всем при том, / При всем при том, / Судите не по платью. / Кто честным кормится трудом, / Таких зову я знатью» [3. P. 187].

В третьем октете Е.С. Белашова вновь наблюдала за «более яркими», «полнее отражающими интонации бернсовских стихов» текстуальными отклонениями С.Я. Маршака, проявившимися в опущениях строк («The man o' independent mind / He looks an' laughs at a' that» [19. P. 219]), добавлении тавтологических повторов («бревно бревном останется! / <...> / Бревно останется бревном» [3. С. 188]), замене отдельных художественных деталей (шотландское слово *birkie* (самодовольный щеголь) переведено на русский язык как *шут*). Примечательно, что в ранней версии перевода, напечатанной в «Литературной газете» в августе 1938 г., спустя месяц после его первой публикации в июле 1938 г. на страницах журнала «Крокодил» [26], вместо лексемы *шут* была использована другая – *хлыщ* [27. С. 5].

По наблюдению Е.С. Белашовой, контекст четвертого восьмистишия в переводе «предельно сжат» в угоду его форме, С.Я. Маршак «жертвует второстепенными деталями» [22. С. 87]. Действительно, лексемы из двух стихов *a belted knight* (рыцарь в ремнях), *a marquis* (маркиз), *duke* (герцог) оказались заменены одним существительным – *генерал*; выражения *can mak* (может сделать) и *abon his might* (выше его возможностей) переданы дважды одним и тем же глаголом *назначить*, ср.: «A prince can mak a belted knight, / A marquis, duke, an' a' that; / **But an honest man's** abon his might, / Gude faith, he maunna fa' that!» [19. P. 220] – «Король лакея своего / Назначит генералом, / Но он не может никого / Назначить **честным малым**» [3. P. 188].

В заключительном восьмистишии Е.С. Белашова акцентирует внимание лишь на опущении С.Я. Маршаком выражения *let us prey* (так помолимся), выпадающего из общей тональности описания. Восторженно оценивая маршаковскую интерпретацию, сохранившую «демократические мотивы, обличительную струю, характерные образы и своеобразную форму шотландской народной песни» [22. С. 89], Е.С. Белашова решительно не обращает внимания на затянутость перевода, его увеличение с 40 до 52 стихов, во многом из-за чрезмерного удвоения строк «при всем при том», подчеркивавших всю неизбежность демократических изменений. Ради сохранения формы стихотворения С.Я. Маршак пожертвовал основным бернсовским образом, идеалом честного независимого человека, к которому шотландский поэт возвращался по всему тексту снова и снова – «*honest poverty*», «*the honest man*», «*an honest man*», «*the man of independent mind*».

Схожую оценку результатам переводческой работы С.Я. Маршака дал К.И. Чуковский, охарактеризовавший интерпретацию «*A Man's a Man for A' That...*» как «наиточнейшую», «воспроизводящую “не букву – буквой, но юмор – юмором, красоту – красотой”» [33. С. 61]. В дневниковой записи от 1 марта 1964 г. К.И. Чуковский сообщал о творческом вечере, на котором С.Я. Маршак прочитал свой перевод «Честная бедность» [34. С. 385]. Сравнив два четверостишия из второго и третьего октетов оригинала с переводом С.Я. Маршака, К.И. Чуковский не обнаружил в них «ни “бревна”, ни “шута”, ни “природного лорда” <...>, ни “щегольства”, ни “важной походки”, ни взоров обличаемого автором вельможи, ни благоговения “со-тен” перед каждым словом этого глупого щеголя <...> нет ни “воды”, ни “тряпья”, а повелительное наклонение заменено изъяснительным» [33. С. 61–62]. И при этом он отметил «максимальную точность» переводчика, справившегося с передачей «мыслей и эмоций» подлинника, воссоздавшего его «крылатую афористичность» и «саркастическую интонацию» [33. С. 62]. На наш взгляд, перевод С.Я. Маршака логичнее считать оригинальным стихотворением на мотив «*A Man's a Man for A' That...*» Бернса, нежели собственно переводом. В статье «Некрасов и зарубежная поэзия (поэзия Некрасова в ее отношении с литературным процессом за рубежом)» (1969), опубликованной в пятом выпуске «Некрасовского сборника», А.Л. Григорьев отметил сходство маршаковского прочтения «Честной бедности» с «Песнью о труде» Н.А. Некрасова и объяснил это сходство ориентированностью С.Я. Маршака на творчество великого предшественника, общим для них «демократическим пониманием человеческого достоинства» (см.: [35. С. 118]).

Перевод С.А. Орлова, ставший некой «пробой пера» литературоведа, ориентировался на интерпретацию С.Я. Маршака и потому перенял многие ее недостатки. В опубликованном в 1959 г., к 200-летию со дня рождения Бернса, переводе С.А. Орлов отказался от деления на строфы, а также использовал для большей мелодичности перекрестную рифмовку. Перевод увеличился на четыре стиха вследствие повтора «при всем при том», заменяющего припев и слегка размывающего структуру строф. Стараясь изобразить «бунтующего» Бернса, С.А. Орлов огрубляет описание, делает его жестче, оценочнее и категоричнее: «Раба и труса жалок вид»; «Дурак в шелку, богач с вином, / Но разве это люди?»; «Мы тряпкой ленту назовем» [28. С. 25]. Заключительные стихи перевода С.А. Орлова почти полностью повторяют перевод С.Я. Маршака, при том что подражание всегда уступает образцу, ср.: «Настанет день и час пробьет, / Когда уму и чести / На всей земле придет черед / Стоять на первом месте» (С.Я. Маршак; [3. Р. 188]) – «Еще таится день во мгле, / Когда, скажу по чести, / И ум и честь по всей земле / На первом станут месте» (С.А. Орлов; [28. С. 26]).

Высылая стихотворение «*A Man's a Man for A' That...*» Джорджу Томсону, Бернс иронически парировал мнение критика, считавшего «любовь и вино» единственными темами народной песни: «...ниже следующее стихотворение не относится ни к тому, ни к другому предмету, следовательно,

не песня» [36. С. 140]. В таком случае рассуждения об обязательной для перевода «A Man's a Man for A' That...» мелодичности, равно как и попытки отечественных интерпретаторов создать произведение, внешне напоминающее народную песню, представляются если не ошибочными, то, по крайней мере, далеко не единственно правильными. А.А. Елистратова отметила, что это стихотворение являлось не «случайным экспромтом», а «кристаллизацией мыслей и поэтических мотивов» [36. С. 140] всего творческого наследия Бернса; оно должно рассматриваться как «демократический манифест передовой общественной мысли Шотландии» [36. С. 140] своего времени. Нарочито простая лексика подлинника, соответствовавшая его духу, позволила поэту выступать от имени толпы, — он изъяснялся языком людей труда, а не «языком просветительских абстракций» [36. С. 140].

Появившиеся практически одновременно современные переводы «A Man's a Man for A' That...» Бернса Е.В.Витковского (2013) [37. С. 118–119], С. Сапожникова (опубл. 2014) [38. С. 547–549] и Е.Д. Фельдмана (опубл. 2017) [39. С. 322–324] верно передали атмосферу общественной нетерпимости и возмущения, однако совершенно не следовали тексту подлинника, вольно трактуя бернсовские строки, внося новые идеи и смыслы. В прочтении Е.В. Витковского, находящемся где-то на грани между переводом и оригинальным сочинением, невнимание к историческим и жизненным реалиям привело к расстановке иных акцентов и ориентиров. Весь посыл прочтения Е.В. Витковского сводится к «покорности» честного труженика, простого поселянина, ведь «кто чует сам в себе раба — тот раб и есть» [37. С. 118]; в итоге огонь страстей, пафосность ослабевают, сменяясь описанием каждодневности. Отметим и смену акцентов в потребностях бедняка: если у Бернса он жаждет единства и сытости, то у Е.В. Витковского нуждается в том, чем уже обладает, — в «куске земли да зернах» [37. С. 118]. Вместо «будущего, которое принесет свободу и равенство» [40. С. 159], условия жизни, при которых каждый человек станет друг другу братом (см. об этом: [41. С. 4]), в финальных строках возникает тривиальная утопия: «Все войны — под запретом, / А брата брат отныне рад / Обнять пред белым светом!» [37. С. 119].

С. Сапожников, предложивший новый вариант заглавия перевода — «Но люди — мы при этом...», поспешен, многословен и тем чужд оригиналу с его максимальной выразительностью, достигавшейся тщательным подбором слов, *наиболее компактных, запоминающихся фраз, отходом от абстрактности и многосложности*. Переводчик разрушает лексико-стилевое единство подлинника, неудачно используя просторечия и бытовизмы (*поник башкой, сплошь в цацках двор, вот тот вон тип, чурбан*). В числе достоинств перевода отметим удачные, максимально точные трактовки отдельных строк, в частности концовки первой строфы, где переводчик мастерски справился с вызывавшими сложности оборотами и выражениями «toil obscure», «the guinea stamp», «the Man's the gowd» («For a' that, an' a' that. / Our toils obscure an' a' that, / The rank is but the guinea's stamp, / The Man's the gowd for a' that» [19. P. 219] — «При этом, при этом, / Наш труд сокрыт, при

этом, / *Чин – на гинее штампа след, / А золото – мы, при этом*» [38. С. 547]), а также концовки четвертого октета, ср.: «For a' that, an' a' that, / Their dignities an' a' that; / *The pith o' sense, an' pride o' worth, / Are higher rank than a' that*» [19. Р. 220] – «(При этом, при этом, / Напыщен двор, при этом). / Но сила разума и честь / *Важней чинов, при этом*» [38. С. 547].

Среди прочих современных прочтений «*A Man's a Man for A' That...*» особый интерес вызывает перевод Е.Д. Фельдмана, в определенной степени передавший мелодичность и художественность бернсовского подлинника. Переводчик не сохранил размер стихотворения, заменив четырехстопный ямб четырехстопным амфибрахией с оригинальным чередованием мужских и женских рифм. В каждой строфе перевода отчетливо слышна сопричастность крестьянскому миру. Сохранив социально-демократические мотивы, нарастающие протестные ноты, саркастические оценки традиционных устоев и порядков, построенных на власти денег и лицемерия, Е.Д. Фельдман простым включением лексемы *шотландцы* в каждую строфу позволяет гордому чувству независимости звучать еще громче и напористее. Творческая задумка Е.Д. Фельдмана никак не искажает бернсовского замысла, наоборот – позволяет сказать то, что шотландский поэт вуалировал в своем произведении.

Русская литература отозвалась на стихотворение Бернса, причем первые из откликов появились в 1960-е гг., когда, благодаря многочисленным массовым изданиям перевода С.Я. Маршака, размышления шотландского поэта о «честной бедности» стали широко известны и популярны в литературной среде. Последующие общественные события, продвижение значимости материальных благ, их превалирование над духовными ценностями усилили внимание к устойчивому образу «честной бедности» со стороны многих представителей творческой интеллигенции, называвших себя подлинной элитой и противопоставлявших миру корысти и алчности богатство своего духовного мира. Так, стихотворение Бернса читают герои романа Л.С. Рудневой «Память и надежда» (1967); юмористический рассказ М.А. Мишина «Грани» (1998) завершается очевидной аллюзией из перевода С.Я. Маршака – «Все люди станут – братья»; в повести Г.Е. Фукса «Двое на барабане» (2003) содержатся размышления о «неприкрытой честной бедности», что проступает через «каждый предмет домашнего скарба». С.Н. Есин писал об аккуратности как «знамени» честной бедности («Стоящая в дверях», 1992), а М.М. Чулаки в своем последнем романе «Примус» (2002) – о людях, что «в жизни только и жаждут денег, а от романов или опер с балетами ждут бескорыстия и прославления честной бедности». В романе А.М. Терехова «Каменный мост» (2009) привычка к честной бедности и чтению книжек становится отличительной особенностью старожилов Дома на набережной, передавшейся им с генами старых большевиков. В своих дневниковых записях, относящихся к концу апреля – началу мая 1968 г., К.И. Чуковский, отмечая хищничество и «пиратские склонности» С.Я. Маршака, готов был простить ему это, вспоминая строки из «Честной бедности»: «Ибо “при всем при том” я не мог не видеть, что Маршак великоле-

пый писатель, создающий бессмертные ценности, что иные его переводы <...> производят впечатление чуда, что он неутомимый работяга и что у него есть право быть хищником» [34. С. 495]. Наконец, сохранилась и эпиграмма, сочиненная неизвестным недоброжелателем С.Я. Маршака, непосредственно под впечатлением от «Честной бедности», и распространявшаяся изустно: «При всем при том, / При всем при том, / При всем при том, при этом / Маршак остался Маршаком, / А Роберт Бернс – поэтом».

Для творчества Бернса была значима не всемирная отзывчивость, не склонность к нарочитым обобщениям, а подлинная, глубинная народность, состоявшая во внимании к личному и национальному. В этой связи «*A Man's a Man for A' That...*» следует воспринимать скорее как декларацию гордости и достоинства шотландского землепашца, нежели как «дерзкую оду» [42. С. 138], «Марсельезу простого люда» [1. С. 272], произведение, проникнутое «республиканской гордостью» [36. С. 65]. Роберт Бернс доподлинно знал, о чем писал, и его голос был голосом народа, «независимо от того, говорил ли он от имени осторожного любовника или буйного пьяницы, неверного супруга, солидного семьянина или гневного демократа, восклицавшего: “Этот шут – природный лорд!”» [43. С. 7]. Он не делал шотландского простолюдина лучше, нежели он был прежде, но он давал нечто более ценное, чем условная мораль, – «эстетическое сознание своих радостей и печалей, своей природы и судьбы», наделял лирического героя «новым чувством человечности» [43. С. 7]. Именно такое понимание «*A Man's a Man for A' That...*», на наш взгляд, наиболее точно передает бернсовский замысел. При всех отмеченных нами недостатках многочисленных русских интерпретаций «*A Man's a Man for A' That...*» позволяют наглядно проследить эволюцию принципов художественного перевода, понимания способности переводного текста выражать те же коммуникативные установки, что и оригинал. Результат зависел от творческой индивидуальности интерпретаторов «*A Man's a Man for A' That...*», их переводческой манеры, предпочтительного внимания к сохранению художественности, мелодичности, напевности или, напротив, способности пожертвовать ими ради точного воссоздания содержательных особенностей подлинника, наконец, от идеологической ситуации в российском обществе в период создания того или иного перевода. Многочисленные суждения русской критики и литературоведения о бернсовском произведении (в том числе представлявшие параллели с творчеством русских писателей), аллюзии на него в русской литературе (особенно многочисленные в последние десятилетия, начиная с 1960-х гг.) свидетельствуют о том, что оно, будучи неоднократно переведенным на русский язык, прочно вошло в отечественное культурное сознание, оказалось созвучно мировосприятию людей, чуждых корысти и алчности, способных довольствоваться малым, не утрачивая человеческого достоинства и в сложных жизненных ситуациях. В произведении Бернса каждый интерпретатор, критик, исследователь находит подтверждение своим мыслям, взглядам на жизнь, представлением о будущем, о человеке, его праве на свободу и счастье.

Литература

1. Райт-Ковалева Р.Я. Роберт Бернс. М. : Молодая гвардия, 1965. 352 с.
2. Рукишина К. Томас Пейн и его судьбоносный трактат «Права Человека» // Слово / Word. 2010. № 67. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2010/67/tomas-pejn-i-ego-sudbonosnyj-traktat-8220-prava-cheloveka-8221.html>
3. Paine Th. Rights of man: Common sense and other political writings. Oxford ; New York : Oxford univ. press, 1998. XXXIII, 504, [1] p.
4. Гутнер М.Н. Бернс // История английской литературы : [в 3 т.]. М. ; Л., 1945. Т. 1, вып. 2. С. 623–633.
5. Ле Кор П. Трагическая жизнь и благородная поэзия Роберта Бернса // В защиту мира. 1959. № 100. С. 63–72.
6. Маршак С.Я. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3: Переводы из английских и шотландских поэтов. М. : Худож. лит., 1969. 832 с.
7. Севрюгина Л.В. Роберт Бернс – великий шотландский поэт : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 16 с.
8. Гутнер М.Н. Роберт Бернс // Литературная газета. 1938. № 45 (15 авг.). С. 5.
9. Твардовский А.Т. Роберт Бернс в переводах С. Маршака: [Рец. на кн.: Роберт Бернс в переводах С. Маршака / вступ. ст. М.М. Морозова. М.: Гослитиздат, 1950] // Новый мир. 1951. № 4. С. 225–229.
10. Болдырев Ю. Большое сердце поэта // Бернс Р. В горах мое сердце: Песни, баллады, эпиграммы в переводах С. Маршака. М., 1971. С. 5–18.
11. Поэты всех времен и народов : сборник, издаваемый В.Д. Костомаровым и Ф.Н. Бергом. М., 1862. [4], II, 176, IV с.
12. Смирнов-Сокольский Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М. : Книга, 1965. 592 с.
13. Писарев Д.И. Вольные русские переводчики. «Сборник стихотворений иностранных поэтов» и «Поэты всех времен и народов». Переводы В.Д. Костомарова и Ф.Н. Берга. Москва. 1860–1862 гг. // Полное собрание сочинений : в 6 т. СПб., 1894. Т. 2. Стб. 235–252.
14. Бернс Р. Прежде всего («Бедняк, будь честен и трудись...») / пер. В.Д. Костомарова // Роберт Бернс и его произведения в переводе русских писателей / под ред. И.А. Белоусова. СПб., 1904. С. 13–14.
15. Иванов И. Роберт Бэрнс // Русская мысль. 1896. № 7. С. 44–65; № 8. С. 64–92.
16. Роберт Бернс и его произведения в переводе русских писателей / под ред. И.А. Белоусова ; с биограф. очерком ; изд. А.С. Суворина // Русская мысль. 1905. № 2. Библиограф. отд. С. 53–54.
17. Орлов С.А. Бернс в русских переводах // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 26: Кафедра всеобщей литературы. Л., 1939. С. 225–255.
18. Бобылева А. Роберт Бернс в русских переводах // Первый сборник студенческих работ. Вып. филологический. Орджоникидзе, 1959. С. 141–153.
19. The Complete Works of Robert Burns: Containing his Poems, Songs, and Correspondence / With a New Life of the Poet, and Notices, Critical and Biographical by Allan Cunningham. London : Virtue & Co, City and Ivy Lane, 1865. 454 p.
20. Белаишова Е.С. Переводы В.Д. Костомарова из Роберта Бернса // Научный ежегодник Черновицкого государственного университета за 1956 г. : в 2 вып. Черновцы, 1957. Вып. 2. С. 371–379.
21. Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. М. ; Л. : Сов. писатель, 1963. 431 с.
22. Белаишова Е.С. Роберт Бернс в переводах С. Маршака // Ученые записки Черновицкого государственного университета. Т. 30. Серия филологических наук. Вып. 6. Черновцы, 1958. С. 69–108.

23. Бернс Р. Избранная лирика / пер. с англ. Т.Л. Щепкиной-Куперник; ред., предисл. и коммент. С.Р. Бабуха. М. : Худож. лит., 1936. 160 с.
24. Уортон Т. История английской литературы / пер. с фр. СПб. : Издание «Вестника знания», 1910. 95 с.
25. Белаишова Е.С. Роберт Бернс в переводах С. Маршака : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Черновцы, 1959. 15 с.
26. Бернс Р. Из Роберта Бернса / пер. с англ. С.Я.Маршака // Крокодил. 1938. № 20. С. 4.
27. Маршак С. Из Роберта Бернса (Честная бедность; Джон Андерсон; Робин; Тебе одной; Лучший парень; Застольная; В горах мое сердце; Что делать девчонке?) // Литературная газета. 1938. № 45. 15 авг. С. 5.
28. Орлов С.А. Народный поэт Шотландии (к 200-летию со дня рождения Р. Бернса). Горький : [б. и.], 1959. 37 с.
29. Аринштейн Л.М. Комментарии // Бернс Р. Стихотворения / сост. И.М. Левидовой, послесл. Ю.Д. Левина, коммент. и глоссарий Л.М. Аринштейна. М. : Радуга. 1982. С. 559–670.
30. Лиокумович Т.Б. Мастерство С. Маршака – переводчика Бернса // Сборник студенческих научных работ. Смоленск, 1960. С. 74–85.
31. Галанов Б.Е. С.Я. Маршак: Очерк жизни и творчества. М. : Детгиз, 1962. 278 с.
32. Голиков А.А. Шотландские народные песни в обработке Роберта Бернса (вопросы языка и стиля) // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. Л., 1982. Вып. 3. С. 115–124.
33. Чуковский К.И. Высокое искусство // Собрание сочинений : в 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей. М., 2001. С. 3–370.
34. Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. / сост., подгот. текста и коммент. Е.Ц. Чуковской. Т. 13: Дневник. 1936–1969. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. 640 с.
35. Григорьев А.Л. Некрасов и зарубежная поэзия (поэзия Некрасова в ее отношении с литературным процессом за рубежом) // Некрасовский сборник. V. Л., 1969. С. 116–129.
36. Елистратова А.А. Роберт Бернс: критико-биографический очерк. М. : Гослитиздат, 1957. 160 с.
37. Бернс Р. При этом, при этом («У честной бедности судьба...»); Минувшие года («В былом – неугасимый свет...»); Эпитафия шотландскому поэту Роберту Фергюссону / пер. Е.В. Витковского // Вечный слушатель. Семь столетий поэзии в переводе Евгения Витковского : в 2 т. М., 2013. Т. 1. С. 118–120.
38. Бернс Р. Собрание стихотворений / пер. и примеч. С. Сапожникова. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 1192 с.
39. Бернс Р. Стихотворения / пер., ст., коммент. Е.Д. Фельдмана; ст. Д.Н. Жаткина; ил. А.Ф. Кабанина. СПб. : Вита Нова, 2017. 520 с.
40. Колесников Б.И. Роберт Бернс: Очерк жизни и творчества. М. : Просвещение, 1967. 240 с.
41. Зенкевич М.А. Шотландский песенник // Литературная газета. 1946. № 32. 3 авг. С. 4.
42. Адалис А. Народный поэт // Октябрь. 1959. № 6. С. 132–138.
43. Ллойд А. Роберт Бернс – певец свободы // Британский союзник. 1946. № 29. С. 6–7.

The Russian Fate of Robert Burns's Poem "A Man's a Man for a' That ..."

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 299–316. DOI: 10.17223/19986645/74/17

Nikita S. Futlyayev, Dmitry N. Zhatkin, Penza State Technological University (Penza, Russian Federation). E-mail: futljaev.n@yandex.ru / ivb40@yandex.ru

Keywords: Robert Burns, poetic translation, reception, tradition, cross-cultural communication.

The article first comprehends the history of the Russian translation reception of Robert Burns's poem "A Man's a Man for a' That ...". The materials for the analysis are translations of the poem made by V.D. Kostomarov, T.L. Shchepkina-Kupernik, S.Ya. Marshak, S.A. Orlov, E.V. Vitkovsky, S. Sapozhnikov, and E.D. Feldman. Methodologically, the article relies on fundamental works in the field of historical poetics, comparative study, theory and history of poetic translation, and on works of domestic researchers on understanding Burns's heritage in Russia. The author notes the responses to Burns's poem and its Russian translations in the diary of K.I. Chukovsky, in the works of L.S. Rudneva, M.M. Chulaki, A.M. Terekhov, G.E. Fuchs, M.A. Mishin, and others. As a result of a comparative analysis of the translations of "A Man's a Man for a' That ...", the author infers that Russian interpreters fail to come close to the understanding of the original due to their orientation towards a softer social context (V.D. Kostomarov, E.V. Vitkovsky), a coarser harsh but noble verse of the original through the use of deliberately lower vocabulary (S. Sapozhnikov). The most famous interpretation of "A Man's a Man for a' That ..." by S.Ya. Marshak cannot be perceived differently than the original poem based on Burns's motif, which conveyed the ideological orientation of Burns's text, some of its features, but lost the key image, the ideal of an honest independent person, to which Burns repeatedly returned in his work. The most successful translation appears to be the one by T.L. Shchepkina-Kupernik: careless in working with the word, she manages to preserve the atmosphere of the original; in particular, she notes dissatisfaction with the daily way of life, ridicules the established foundations of an elitist society, expresses hope for future changes. This translation, preserving the diversity of themes and moods of the original, its simultaneous appeal to momentality and eternity, inevitably loses to the original, being largely deprived of the freedom to use the word, the game of shades and semitones. The example of the poem "A Man's a Man for a' That ..." shows the entire infinity, the limitlessness of Burns's universe, the comprehension of which comes through the personal experience of the translators, through their desire to find in the great poet confirmation of their own thoughts, ideas, views on life, society and people.

References

1. Wright-Kovaleva, R.Ya. (1965) *Robert Berns* [Robert Burns]. Moscow: Molodaya gvardiya.
2. Rukshina, K. (2010) Tomas Peyn i ego sud'bonosnyy traktat "Prava Cheloveka" [Thomas Paine and his fateful treatise "Human Rights"] *Slovo/Word*. 67. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/slovo/2010/67/tomas-pejn-i-ego-sudbonosnyj-traktat-8220-prava-cheloveka-8221.html>
3. Paine, Th. (1998) *Rights of man: Common sense and other political writings*. New York: Oxford University Press.
4. Gutner, M.N. (1945) Berns [Burns]. In: *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English Literature]. Vol. 1 (2). Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 623–633. (In Russian).
5. Le Cor, P. (1959) *Tragicheskaya zhizn' i blagorodnaya poeziya Roberta Bernsa* [The tragic life and noble poetry of Robert Burns]. Translated from French. *V zashchitu mira*. 100. pp. 63–72.
6. Marshak, S.Ya. (1969) *Perevody iz angliyskikh i shotlandskikh poetov* [Translations from English and Scottish Poets]. In: Marshak, S.Ya. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Sevryugina, L.V. (1955) *Robert Berns – velikiy shotlandskiy poet* [Robert Burns – the great Scottish poet]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow: Moscow Regional Pedagogical University.
8. Gutner, M.N. (1938) Robert Berns [Robert Burns]. *Literaturnaya gazeta*. 45. 15 August. p. 5.
9. Tvardovsky, A.T. (1951) Robert Berns v perevodakh S. Marshaka: [Rets. na kn.: Robert Berns v perevodakh S. Marshaka / Vstup. st. M.M. Morozova. M.: Goslitizdat, 1950]

[Robert Burns in S. Marshak's translations. [Book Review: Marshak, S. (1950) Robert Burns in the translations of S. Marshak. An introduction by M.M. Morozov. Moscow: Goslitizdat]. *Novyy mir*. 4. pp. 225–229. (In Russian).

10. Boldyrev, Yu. (1971) Bol'shoe serdtse poeta [Big heart of the poet]. In: Burns, R. *V gorakh moe serdtse* [My Heart's in the Highlands]. Translated from English by S. Marshak. Moscow: Detskaya literatura. pp. 5–18.

11. Kostomarov, V.D. & Berg, F.N. (eds) (1862) *Poety vsekh vremen i narodov* [Poets of all times and peoples]. Moscow: Tip. M.N. Katkova.

12. Smirnov-Sokolsky, N.P. (1965) *Russkie literaturnye al'manakhi i sborniki XVIII–XIX vv* [Russian literary almanacs and collections of the 18th–19th centuries]. Moscow: Kniga.

13. Pisarev, D.I. (1894) Vol'nye russkie perevodchiki. "Sbornik stikhotvoreniy inostrannykh poetov" i "Poety vsekh vremen i narodov" [Free Russian translators. "Collection of poems by foreign poets" and "Poets of all times and peoples"] Translations by V.D. Kostomarov and F.N. Berg. In: Pisarev, D.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 6 t.* [Complete Works: in 6 volumes]. Vol. 2. Saint Petersburg: Erlich, Yu.N. pp. 235–252.

14. Burns, R. (1904) Prezhde vsego ("Bednyak, bud' chesten i trudis'...") [First of all ("Poor man, be honest and work ...")]. Translated from English by V.D. Kostomarov In: Belousov, I.A. (ed.) *Robert Berns i ego proizvedeniya v perevode russkikh pisateley* [Robert Burns and his works translated by Russian writers]. Saint Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina. pp. 13–14.

15. Ivanov, I. (1896) Robert Berns [Robert Burns]. *Russkaya mysl'*. 7. pp. 44–65; 8. pp. 64–92.

16. *Russkaya mysl'*. (1905) Robert Berns i ego proizvedeniya v perevode russkikh pisateley. Pod redaktsiei I.A. Belousova. S biograficheskim ocherkom. Izdanie A.S. Suvorina [Robert Burns and his works translated by Russian writers. Edited by I.A. Belousov. With a biographical essay. Published by A.S. Suvorin]. 2. pp. 53–54.

17. Orlov, S.A. (1939) Berns v russkikh perevodakh [Burns in Russian translations]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena*. 26. pp. 225–255. (In Russian).

18. Bobyleva, A. (1959) Robert Berns v russkikh perevodakh [Robert Burns in Russian translations]. In: *Pervyy sbornik studencheskikh rabot. Vyp. filologicheskii* [The first collection of student works. Vol. on Philology]. Ordzhonikidze: [s.n.]. pp. 141–153.

19. Cunningham, A. (1865) The Complete Works of Robert Burns: Containing His Poems, Songs, and Correspondence. In: Cunningham, A. *With a New Life of the Poet, and Notices, Critical and Biographical*. London: Virtue & Co, City and Ivy Lane.

20. Belashova, E.S. (1957) Perevody V.D. Kostomarov iz Roberta Bernsa [Translations by V.D. Kostomarov from Robert Burns]. In: *Nauchnyy ezhegodnik Chernovitskogo gosudarstvennogo universiteta za 1956 g* [Scientific Yearbook of Chernivtsi State University for 1956]. Vol. 2. Chernivtsi: Chernivtsi State University. pp. 371–379.

21. Etkind, E.G. (1963) *Poeziya i perevod* [Poetry and translation]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'. (In Russian).

22. Belashova, E.S. (1958) Robert Berns v perevodakh S. Marshaka [Robert Burns in the translations of S. Marshak]. *Uchenye zapiski Chernovitskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk*. XXX (6). pp. 69–108. (In Russian).

23. Burns, R. (1936) *Izbrannaya lirika* [Selected lyrics]. Translated from English by T.L. Shchepkina-Kupernik. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

24. Warton, T. (1910) *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English Literature]. Translated from French. Saint Petersburg: Edition of the Bulletin of Knowledge.

25. Belashova, E.S. (1959) *Robert Berns v perevodakh S. Marshaka* [Robert Burns in S. Marshak's translations]. Philology Cand. Diss. Chernivtsi: Chernivtsi State University. (In Russian).

26. Burns, R. (1938) Iz Roberta Bernsa [From Robert Burns]. Translated from English by S.Ya. Marshak. *Krokodil*. 20. p. 4.

27. Marshak, S. (1938) Iz Roberta Bernsa (Chestnaya bednost'; Dzhon Anderson; Robin; Tebe odnoy; Luchshiy paren'; Zastol'naya; V gorakh moe serdtse; Chto delat' devchonke?) [From Robert Burns (Is There for Honest Poverty; John Anderson; Robin; Her Answer; The Highland Laddie; Auld Lang Syne; My Heart's in the Highlands; What Can A Young Girl?)]. *Literaturnaya gazeta*. 45. 15 August. p. 5.

28. Orlov, S.A. (1959) *Narodnyy poet Shotlandii (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya R. Bernsa)* [People's poet of Scotland (on the 200th anniversary of the birth of R. Burns)]. Gorky.

29. Arinstein, L.M. (1982) Kommentarii [Comments] In: Burns, R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Raduga. pp. 559–670.

30. Liokumovich, T.B. (1960) Masterstvo S. Marshaka – perevodchika Bernsa [Mastery of S. Marshak – translator of Burns] In: Andreev, N.V. (ed.) *Sbornik studencheskikh nauchnykh rabot* [Collection of student research papers]. Smolensk. pp. 74–85. (In Russian).

31. Galanov, B.E. (1962) *S.Ya. Marshak: Ocherk zhizni i tvorchestva* [S.Ya. Marshak: Essay on life and work]. Moscow: Detgiz. (In Russian).

32. Golikov, A.A. (1982) Shotlandskie narodnye pesni v obrabotke Roberta Bernsa (voprosy yazyka i stilya) [Scottish folk songs in the processing of Robert Burns (questions of language and style)]. In: *Analiz stiley zarubezhnoy khudozhestvennoy i nauchnoy literatury* [Analysis of the styles of foreign fiction and scientific literature]. Vol. 3. Leningrad: Leningrad State University. pp. 115–124. (In Russian).

33. Chukovsky, K.I. (2001) Vysokoe iskusstvo [High art]. In: Chukovsky, K.I. *Sobranie sochineniy: v 15 t* [Collected works: in 15 vols]. Vol. 3. Moscow: TERRA – Book Club. pp. 3–370.

34. Chukovsky, K.I. (2007) Dnevnik. 1936–1969 [Diary. 1936–1969] In: Chukovsky, K.I. *Sobranie sochineniy: v 15 t* [Collected works: in 15 volumes]. Vol. 3. Moscow: TERRA – Book Club.

35. Grigoriev, A.L. (1969) Nekrasov i zarubezhnaya poeziya (poeziya Nekrasova v ee otnoshenii s literaturnym protsessom za rubezhom) [Nekrasov and foreign poetry (Nekrasov's poetry in its relation to the literary process abroad)]. In: *Nekrasovskiy sbornik* [Nekrasov collection]. Vol. 5. Leningrad: Nauka. pp. 116–129. (In Russian).

36. Elistratova, A.A. (1957) *Robert Berns: Kritiko-biograficheskiy ocherk* [Robert Burns: A Critical Biographical Essay]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

37. Burns, R. (2013) Pri etom, pri etom (“U chestnoy bednosti sud'ba...”); Minuvshie goda (“V bylom – neugasimyy svet...”); Epitafiya shotlandskomu poetu Robertu Fergyssonu [At the same time, at the same time (“Honest poverty has a fate ...”); Past years (“In the past – an unquenchable light ...”); An epitaph to the Scottish poet Robert Ferguson]. Translated from English by E.V. Vitkovsky. In: Vitkovsky, E.V. *Vechnyy slushatel'. Sem' stoletiy poezii v perevode Evgeniya Vitkovskogo: v 2 t*. [Eternal listener. Seven centuries of poetry translated by Evgeny Vitkovsky: in 2 vols]. Moscow: Aquarius. 1. pp. 118–120.

38. Burns, R. (2014) *Sobranie stikhotvoreniy* [Collection of poems]. Translated from English by S. Sapozhnikov. Saint Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

39. Burns, R. (2017) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Translated from English by E.D. Feldman. Saint Petersburg: Vita Nova.

40. Kolesnikov, B.I. (1967) *Robert Berns: Ocherk zhizni i tvorchestva* [Robert Burns: Essay on life and work]. Moscow: Prosveshchenie.

41. Zenkevich, M.A. (1946) Shotlandskiy pesennik [Scottish singer]. *Literaturnaya gazeta*. 32. 3 August. p. 4.

42. Adalis, A. (1959) Narodnyy poet [People's poet]. *Oktyabr'*. 6. pp. 132–138.

43. Lloyd, A. (1946) *Robert Berns – pevets svobody* [Robert Burns – freedom singer]. Translated from English. *Britanskiy soyuznik*. 29. pp. 6–7.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070:93/94 (571.1)

DOI: 10.17223/19986645/74/18

Н.В. Жиликова

«НА ДВА РУБЛЯ БОЛЬШЕ»: ЦЕНЗУРНЫЙ СЮЖЕТ О ПОВЫШЕНИИ ПЛАТЫ ЗА ПОДПИСКУ НА ГАЗЕТУ «СИБИРСКИЙ ВЕСТНИК» (ТОМСК, 1887–1889 гг.)

Рассматривается отражение в цензурном деле об издании газеты «Сибирский вестник» борьбы издателей за повышение платы за подписку. Выявляются причины возникновения конфликта, реконструируются его основные этапы, выясняются позиции сторон: журналистов, губернаторов, цензурного ведомства. Делается вывод о том, что цена на подписку была одним из рычагов воздействия на издателей «Сибирского вестника» и на первом месте в конфликте была идеологическая, а не экономическая составляющая.

Ключевые слова: цензура, журналистика, «Сибирский вестник», Главное управление по делам печати

Введение

Изучение цензурных дел, в которых отразилась история провинциальной периодической печати, нередко открывает неизвестные ранее сюжеты, связанные с основанием, изданием и прекращением местных газет и журналов. Наиболее важным в этом отношении является обращение к архивным делам сибирских органов печати, так как в истории сибирской журналистики до сих пор существуют «пробелы», обусловленные ее недостаточной изученностью.

Ведущие сибирские газеты – «Сибирская газета», «Сибирская жизнь», «Восточное обозрение» – постоянно находятся в поле исследовательского внимания, и многие работы, посвященные им, основаны в том числе на архивных источниках (см. например: [1–4]). Цензурная история «Сибирского вестника» отражена в гораздо меньшем количестве работ [5, 6], и многие сюжеты, которые содержатся в архивном деле этой газете до сих пор не раскрыты.

В настоящей работе представлены результаты исследования конфликта, который возник в 1887 г. между газетой «Сибирский вестник», местной губернской властью и главным российским цензурным ведомством – Главным управлением по делам печати, по поводу повышения цены за подписку на газету. Целью статьи является выявление специфики взаимоотношения провинциальной печати и цензуры, для чего в работе выявляются суть и причины конфликта, реконструируются его основные этапы,

проясняются позиции сторон – участников конфликта: издателей газеты «Сибирский вестник», представителей губернской власти и чиновников Главного управления по делам печати.

Основными методами исследования являются метод исторической реконструкции и содержательный анализ архивных дел (по материалам дела [7]).

Томские губернаторы и «Сибирский вестник»: от поддержки к противостоянию

Томская частная газета «Сибирский вестник» была основана в 1885 г. юристом В.П. Картамышевым при прямой поддержке томского губернатора И.И. Красовского (подробнее об истории «Сибирского вестника» см.: [8]). Это была вторая частная газета в Томске, основной целью которой было противодействие областнически ориентированной, оппозиционной «Сибирской газете» (1881–1888). В письме начальнику Главного управления по делам печати от 15 февраля 1885 г. И.И. Красовский (о нем: [9. С. 112–121]), описав сложившийся в Сибири союз трех изданий (томская «Сибирская газета», иркутская «Сибирь», Санкт-Петербургское «Восточное обозрение»), доказывал необходимость основания «нового органа печати, чуждого сибирской исключительности и предвзятой тенденциозности», который явился бы «лучшим противовесом вредному влиянию существующих периодических изданий, посвященных сибирской окраине» [7. Л. 3].

И.И. Красовский подчеркивал: «Я имею полное основание утверждать, что газета, о разрешении которой ходатайствует Картамышев, будет серьезным, честным, правдивым и беспристрастным органом, ибо Картамышева я знаю лично с университетской скамьи за человека вполне благонадежного в политическом отношении, искренне преданного правительству и весьма способного» [7. Л. 3]. Прошение губернатора было принято во внимание Главным управлением по делам печати, и 29 марта 1885 г. разрешение на издание газеты «Сибирский вестник» было получено [7. Л. 10].

В.П. Картамышеву удалось также получить право издавать газету три раза в неделю (в отличие от «Сибирской газеты», выходившей один раз в неделю). Однако период губернаторской поддержки закончился довольно быстро: И.И. Красовский скоропостижно скончался в июне 1885 г., а следующий томский губернатор, А.Ф. Анисьин (о нем: [9. С. 122–125]), не был склонен поощрять картамышевские инициативы. Так, например, не было поддержано стремление В.П. Картамышева издавать «Сибирский вестник» шесть раз в неделю: уже полученное от министра внутренних дел согласие на увеличение числа выпусков было отозвано из-за телеграммы А.Ф. Анисьина [7. Л. 19]. Губернатор уведомлял Главное управление по делам печати, что В.П. Картамышев «исхлопотал разрешение, игнорируя меня», а это «подрывает авторитет губернатора». Если же разрешение не будет отозвано, А.Ф. Анисьин предлагал «перевести цензуру обоих (sic) газет в Москву» [7. Л. 18]. Главное управление по делам печати приостановило свое разрешение «до получения необходимых сведений» [7. Л. 20],

и в ответ на все возмущенные письма В.П. Картамышева (от 31 мая 1886 г. [7. Л. 21–22], от 29 апреля 1886 г. [7. Л. 23–26], от 29 марта 1886 г. [7. Л. 35]) сообщило, что ходатайство «признано ненадлежащим удовлетворению» (20 сентября 1886 г.) [7. Л. 37].

В 1887 г. по настоянию губернатора А.И. Лакса (о нем: [9. С. 126–131]) «Сибирский вестник» был приостановлен на 8 месяцев; о «необъяснимом противоречии в отношениях» газеты и губернатора Главное управление по делам печати было вынуждено сообщить Н.П. Золотницкому, вице-директору Департамента общих дел Министерства внутренних дел [7. Л. 64–67]. Конфликтные отношения сложились у В.П. Картамышева и с А.П. Булюбашем, исполнявшим обязанность томского губернатора в 1888–1890-х гг. (о нем см.: [9. С. 132–135]), следствием чего стала вторая приостановка газеты на четыре месяца в 1888 г. Один из управляющих томской губернией писал, что редактор «Сибирского вестника» «вступил в открытую, если я смею так выразиться, вражду с представителями власти» [7. Л. 168–175].

Одним из этапов этой «борьбы» В.П. Картамышева с губернаторами стала его попытка поднять цену на выпуск газеты с 7 рублей сначала до 8, затем до 9 рублей в год.

«Битва за цену»: основные этапы развития конфликта

Впервые о своем желании поднять цену за выпуск газеты В.П. Картамышев заявил 2 марта 1887 г., первоначально он просил об увеличении ее только на один рубль – до 8 рублей в год. Конец же этой истории, заключающейся в том, что редактор, преодолев массу препятствий, все-таки получил разрешение поднять цену, причем до 9 рублей в год, датируется 28 сентября 1889 г.

Конфликт вокруг ситуации с подписной ценой отражен в цензурном деле следующим образом.

Первый этап. 1887 г.: Поднять цену на один рубль. 2 марта 1887: Картамышев подал «Прошение» в Главное управление по делам печати с просьбой повысить подписную цену на один рубль – до 8 руб. в год [7. Л. 38].

На это прошение 28 марта 1887 г. поступил отказ издателю «Сибирского вестника» увеличить подписную цену «ввиду отзыва о неудовлетворительности направления» (на документе на полях подписано: «Отзыв, очевидно, был словесный, так как в деле его нет») [7. Л. 39]; канцелярия Главного управления по делам печати объявила В.П. Картамышеву, что его ходатайство признано «неподлежащим удовлетворению» [7. Л. 40].

9 июня 1887 г. В.П. Картамышев пишет три письма: в министерство внутренних дел [7. Л. 51–52], губернатору А.И. Лаксу [7. Л. 53–54] и графу Д.А. Толстому, министру внутренних дел [7. Л. 55–58], в которых он описывает свой конфликт с губернатором, частью которого было нежелание Лакса поднять цену на издание на один рубль. Однако в деле отсутствуют документы, свидетельствующие о реакции на эти письма.

14 августа 1887 г. издательница «Сибирского вестника» М.Ф. Картамышева (муж передал ей дела по изданию газеты 7 июня 1887 г., см.: [7. Л. 47–50]) обратилась в Главное управление по делам печати с просьбой повысить цену до 8 рублей в год, обосновав свои траты по изданию газеты [7. Л. 77]. Чтобы принять решение, высшее цензурное ведомство попросило томского губернатора прислать «заключение по этому ходатайству» [7. Л. 78].

12 октября 1887 г. губернатор А.И. Лакс предоставил в главное управление конфиденциальный отзыв, в котором охарактеризовал Картамышеву как «фигтивную издательницу», поскольку газетой по-прежнему распоряжается ее муж, и увеличение платы «даст ему только возможность вести еще более разгульную жизнь» [7. Л. 93–94]. На основании этого отрицательного отзыва Главное управление по делам печати отказало М.Ф. Картамышевой в повышении цены на газету [7. Л. 97, 98].

Итак, первая попытка В.П. Картамышева повысить цену до 8 рублей в год не увенчалась успехом, хотя он обращался в самые разные инстанции, вплоть до министра внутренних дел (обращает на себя внимание, что в этом прошении В.П. Картамышев подчеркивал: «...тревожить Государя Императора уже не решусь» [7. Л. 55]). Высшие чиновники на жалобы В.П. Картамышева не отреагировали, а губернатор А.И. Лакс четко обозначил свое нежелание идти навстречу издателям «Сибирского вестника». Однако в 1888 г. А.И. Лакс умер от воспаления легких; до вступления в должность нового губернатора, А.П. Булюбаша, губернией временно управлял председатель Томского губернского правления Н.Н. Петухов, и В.П. Картамышев вновь решил попробовать увеличить цену на свое издание.

Второй этап. 1888–1889 гг.: Отказ на последнем этапе. 30 июня 1888 г. Н.Н. Петухов, временно исполняющий обязанности томского губернатора, уведомил Главное управление по делам печати, что он поддерживает ходатайство М.Ф. Картамышевой об увеличении цены издания с 7 до 9 руб. в год [7. Л. 123]; в приложении к документу было прошение М.Ф. Картамышевой о поднятии цены [7. Л. 124]. Приняв во внимание рекомендацию Н.Н. Петухова, Главное управление по делам печати попросило нового губернатора, А.П. Булюбаша, дать свое заключение [7. Л. 133].

15 ноября 1888 г. А.П. Булюбаш телеграфировал в Главное управление по делам печати о том, что он не против увеличения цены, обещая «подробности письмом» [7. Л. 141], однако само письмо было получено в Санкт-Петербурге только 9 января 1889 г. В этом конфиденциальном письме А.П. Булюбаша на имя начальника Главного управления по делам печати, Е.М. Феоктистова (о нем см.: [10]), обосновывалось решение губернатора поддержать увеличение цены на газету [7. Л. 146–147].

15 марта 1889 г. Главное управление по делам печати разрешило поднять цену на «Сибирский вестник». Однако на этом документе начертана резолюция: «ОТКЛЮНИТЬ» [7. Л. 148]. Е.М. Феоктистов был вынужден сообщить губернатору о том, что по докладу В.К. Плеве ходатайство об увеличении цены «не признано удобным», добавив, что «с прекращением “Сибирской газеты” материальные условия “Сибирского вестника” и без

того должны значительно улучшиться» [7. Л. 149]. 25 мая 1889 г. председатель Томского губернского правления сообщил М.Ф. Картамышевой о том, что В.К. Плеве не удовлетворил просьбу о повышении цены до 9 руб. в год [7. Л. 157].

На втором этапе «борьбы за цену» Картамышевы практически добились своего. Их поддержали и Н.Н. Петухов, и А.П. Булюбаш, и даже Главное управление по делам печати. Но товарищ министра внутренних дел В.К. Плеве неожиданно отказал в просьбе провинциального издателя, обернув против него даже тот факт, что в 1889 г. в Томске перестала выходить «Сибирская газета» – главный конкурент «Сибирского вестника», из-за чего на несколько лет Картамышев остался «монополистом» на газетном рынке в Томске.

Но В.П. Картамышев продолжил настаивать на своей просьбе, и на этот раз он обратился к бывшему министру внутренних дел, графу А.П. Игнатьеву, которого знал лично.

Третий этап. 1889 г.: вмешательство А.П. Игнатьева и разрешение ситуации. 20 сентября 1889 г. на имя бывшего министра внутренних дел А.П. Игнатьева от имени издательницы «Сибирского вестника» М.Ф. Картамышевой была составлена «Докладная записка» с описанием всей ситуации, в которой оказалась газета. Издательница предполагала, что отказ в поднятии цены «стал последствием некоторого недоверия» к ней, ее органу и сотрудникам, и надеялась на помощь А.П. Игнатьева, который был в Сибири в 1885 г., знал историю возникновения газеты и ее «главных литературных сотрудников» – В.П. Картамышева и С.К. Кузнецова [7. Л. 154–156].

28 сентября 1889 г. Главное управление по делам печати сообщило о разрешении издательнице «Сибирского вестника» поднять цену на газету на два рубля, до 9 руб. в год [7. Л. 159, 161–163].

Таким образом, расчет руководителей «Сибирского вестника» оправдался: граф А.П. Игнатьев откликнулся на их просьбу и оказал содействие. Однако понадобилось два года, чтобы добиться повышения цены на два рубля, при этом не менялась ни программа газеты, ни ее направление. Очевидно, что дело было не в экономических препятствиях: архивное дело свидетельствует о том, что цена стала аргументом в конфликте, сторонами которого были, с одной стороны, В.П. Картамышев как основатель и руководитель «Сибирского вестника», с другой – местная губернская власть в лице губернаторов А.Ф. Анисина и А.И. Лакса, а также Главного управления по делам печати.

Позиция издателей: «хозяйственный вопрос»

Свои аргументы в пользу повышения цены руководители «Сибирского вестника» – сначала В.П. Картамышев, затем М.Ф. Картамышева – излагали, раскрывая «внутреннюю кухню» газеты, а именно экономическую сторону ее существования. В.П. Картамышев в 1887 г. писал:

«Я очень молодой редактор, ибо моей газете 16 мая настоящего года исполнилось только два года; начал я издавать газету, выпуская ее один раз в неделю в размере одного печатного листа. Потом я увеличил срок до 2-х раз, а с 1 октября 1886 года выпускаю ее три раза в неделю и кроме того ежедневно даю телеграммы “Северного агентства”. В течение первых двух лет издание дало мне до 7 тысяч рублей убытку только благодаря невозможной дешевизне подписной цены, которую я имел неосторожность назначить. Для убедительности приведу следующие цифры <...>» [7. Л. 54].

Издатель сообщал о стоимости бумаги, на которой печаталась газета («бумага размера “Сибирского вестника” стоит в Томске около 8 рублей стопа, а в стопе 480 листов и, значит, каждый лист приблизительно обходится мне около 2-х копеек»), о цене за пересылку газеты («18% от цены издания, то есть 1 р. 26 коп. за каждого подписчика»), о стоимости тиражирования (3600 р. в год). В итоге, по подсчетам, «годовой экземпляр» газеты обходился ему в 2 р. 50 к., и этого было «далеко недостаточно» при 1200 подписчиках [7. Л. 54]. Этот же расчет был приведен в обращении М.Ф. Картамышевой [7. Л. 77].

В 1888 г., когда руководители газеты стали добиваться увеличения цены на подписку не на один, а на два рубля, экономика «Сибирского вестника» выглядела так: «печатаение газеты в собственной типографии стоит 4800 р. серебром, или 2 р. 40 к. за годовой экземпляр; бумага, с доставкой в Томске, обходится 8 р. стопа»; «почта взывает 16% с подписной цены <...> то есть по 1 р. 12 к. годовой экземпляр». Добавилось и указание на гонорары, которые составляли 4800 р. в год, а также траты на «содержание конторы, телеграммы, корректура и другие расходы», которые превышали 2000 руб. в год [7. Л. 124]. Каждый экземпляр газеты в итоге обходился издательнице в 9 р. 59 к. М.Ф. Картамышева констатировала: «Трехлетний опыт окончательно убедил меня, что даже при 2000 подписчиках издание газеты “Сибирский вестник” не может не приносить значительного убытка, если годовая цена газеты, с еженедельною бесплатно рассылкой телеграмм останется семь рублей в год» [7. Л. 124], убыток же составлял 5 тыс. рублей в год. В прошении также подчеркивались два момента. С одной стороны, издательница не могла рассчитывать на «быстрое и столь значительное увеличение количества подписчиков, которое покрывало бы этот, весьма чувствительный... убыток»; с другой – цена газеты «не имеет никакого влияния на ее внутреннее содержание и, будучи увеличенной, скорее может сократить распространенность издания, чем увеличить число подписчиков» [7. Л. 125].

В докладной записке на имя графа А.П. Игнатьева М.Ф. Картамышева жаловалась на повышение цены за рассылку (18%, т.е. 1 руб. 26 коп. с экземпляра), указывая, что «цена 7 р. была назначена за издание один раз в неделю, а теперь “Сибирский вестник” выходит 3 р. в неделю, что значительно увеличило редакционные расходы, потребность лишней платы за печатание газеты и увеличенный состав сотрудников» [7. Л. 154]. Имеющиеся убытки, писала издательница, не дают возможности «приглашать но-

вых сотрудников и вообще улучшать некоторые отделы издания», а также «вознаграждать полностью теперешних моих сотрудников» [7. Л. 155].

Особое внимание М.Ф. Картамышева уделила аргументу министра внутренних дел против повышения цены, заключавшемуся в том, что «Сибирский вестник» выиграет в материальном плане после закрытия конкурирующей с ним «Сибирской газеты». Издательница утверждала: «Прекращение других газет на увеличение числа подписчиков влияния иметь не может, ибо у закрытых газет был свой круг читателей, не выписывающий и не читающий никаких газет, кроме своих, или и без того выписывающих “Сибирский вестник”» [7. Л. 155]. М.Ф. Картамышева так описывала ситуацию с аудиторией: «Потребность в Сибири в чтении есть, но читатель нарождается медленно, так, что у “Сибирского вестника” – самой распространенной и большой в Сибири газеты, после 5-летнего существования, едва наберется 1300 платных подписчиков, не считая даровых и бесплатных. У других же газет число подписчиков еще меньше» [7. Л. 155]. Она приводила в пример «Восточное обозрение», которое, выходя один раз в неделю, стоило 8 рублей, «а с малоценными приложениями, выходящими без срока и совершенно неопределенной величины, 10 рублей», в то время как «Сибирскому вестнику» – «значительно большему по объему и содержанию, а значит, и требующему значительно больших редакционных и типографских расходов», в повышении цены было отказано [7. Л. 156]. При этом она подчеркивала, что этот вопрос об увеличении платы за подписку – «чисто хозяйственное распоряжение издателя», и его решение возможно без особых затруднений, если А.П. Игнатьев окажет газете свое покровительство.

Томские губернаторы: за и против

Изучение архивных дел доказывает, что для местной губернской власти «хозяйственный вопрос» о повышении цены носил совершенно другой характер. По сути дела, его пытались сделать одним из рычагов воздействия на скандального редактора.

В сохранившемся конфиденциальном отзыве губернатора А.И. Лакса от 12 октября 1887 г., рекомендовавшего «оставить без удовлетворения» просьбу М.Ф. Картамышевой об увеличении подписной цены с 7 на 8 руб., кроме указания на «фиктивность» управления газетой издательницы, поскольку ею по-прежнему руководил В.П. Картамышев, давалась общая оценка «Сибирского вестника» с точки зрения местной администрации. А.И. Лакс писал: «Когда возбуждалось ходатайство об издании в Томске второй газеты “Сибирский вестник”, имелась в виду благая цель создать здесь, в противовес существовавшим уже в Сибири трех газет, ратовавших за какую-то обособленность этого края от Европейской России, такой орган печати, который был бы чужд этой тенденции и боролся бы с ложными и вредными для Сибири теориями “Сибирской газеты”, “Сибири” и “Восточного обозрения”. Некоторое время новая газета действительно следо-

вала этому направлению, но затем обратилась в орган личных симпатий и антипатий Картамышева: столбцы ее стали пополняться глумлениями над лицами, чем-нибудь сделавшимися ему неприятными, и восхвалением тех, которые ему были или полезны, или старались угодить ему, из опасения, за свои неблагоприятные поступки попасть в печать» [7. Л. 93].

Также А.И. Лакс характеризовал В.П. Картамышева как человека «с необузданным характером, не имеющего никаких убеждений, ведущего нетрезвую жизнь и в нетрезвом состоянии способного на всякого рода бесчинства»: именно поэтому, считал, губернатор, газета терпит убытки, ведь «охотников подписываться на его газету находилось немного» [7. Л. 93].

В итоге А.И. Лакс приходил к выводу, что «удовлетворение ходатайства госпожи Картамышевой было бы некоторого рода поощрением газеты, которое менее всего может быть уместно именно теперь, когда редактор оной принял по отношению к губернатору, принимающему меры к обузданию его, вызывающее положение» [7. Л. 94]. Обращает на себя внимание, что губернатор предлагал в качестве средства снизить убытки от издания «Сибирского вестника» «издавать эту газету вместо трех два раза в неделю», но издательница на это, конечно, не согласилась.

По-видимому, отзыв А.И. Лакса произвел большое впечатление на Главное управление по делам печати, так как в 1888 г., во время второй попытки В.П. Картамышева повысить цену на издание, столичные чиновники потребовали у губернатора А.П. Булюбаша подтвердить его согласие на просьбу руководителей «Сибирского вестника».

Несмотря на то, что А.П. Булюбаш не был горячим сторонником «Сибирского вестника», прошение о повышении цены он поддержал. В его конфиденциальном письме от 9 января 1889 г. учитывались как объективные экономические факторы, так и ситуация, сложившаяся на газетном рынке Томска. Он подтверждал, что 7-рублевая стоимость головной подписки «влечет за собой более низкий уровень корреспондентов и сотрудников, способных довольствоваться самым ничтожным вознаграждением», и выражал уверенность в том, что «испрашиваемое увеличение подписной цены не на столько значительно, чтобы само по себе могло поставить прочно дело издания “Сибирского вестника” тем более, что рядом с возвышением цены явится по всей вероятности некоторое уменьшение подписчиков до той поры, пока газета своею серьезностью и содержательностью не вызовет усиленных требований на нее со стороны публики» [7. Л. 146].

Кроме того, А.П. Булюбаш считал, что в Томске по-прежнему необходим «противовес» «Сибирской газете»: она была приостановлена на 8 месяцев в 1888 г., и в 1889 г. все ждали ее возобновления; прекращение издания стало неожиданностью и для редакции, и для томского общества. Губернатор писал: «Состояние сумм типографии губернского правления не позволяет еще в настоящее время ходатайствовать о расширении программы издания “Губернских ведомостей” и постановления издания их в той форме и виде, в котором они могли бы быть желаемым органом местной печати, а рядом с этим недалеко время истечения восьмимесячного запрещения

издания “Сибирской газеты”, наполняемой преимущественно статьями политических ссыльных, газеты безусловно вредной по ее направлению вообще, а для Томска в особенности, как побудительная причина для прилива сюда со всех мест Сибири, в особенности Восточной, политических ссыльных, окончивших срок своего наказания и освобожденных от главного надзора полиции, против которой “Сибирский вестник” все же служит некоторым противовесом» [7. Л. 147].

Главным же мотивом А.П. Булюбаши поддержать прошение было обещание М.Ф. Картамышевой передать издание газеты Е.В. Коршу, «личности сдержанной, чем и устраняются те препятствия, какие были высказаны предшественником моим в отзыве от 12 октября 1887 года» [7. Л. 147]. Необходимо добавить, что газета Е.В. Коршу не была передана, издательницей ее осталась М.Ф. Картамышева, а затем вновь стал В.П. Картамышев.

Главное управление по делам печати: на стороне местной власти

Высшее цензурное ведомство, от которого в большей степени зависело решение о повышении цены на «Сибирский вестник», в первую очередь поддерживало позицию губернаторов. Все просьбы В.П. Картамышева, направленные в Санкт-Петербург, сопровождалось требованиями дать отзывы губернаторов, так как они лучше знали местные условия. Постановления Главного управления по делам печати включали такие формулировки, как «ввиду такого отзыва Главное управление по делам печати с своей стороны находит необходимым отказать просительнице в увеличении подписной цены на издаваемую ею газету “Сибирский вестник”» [7. Л. 97]; «хотя и.д. томского губернатора, препровождая в Главное управление по делам печати прошение В.П. Картамышевой, уведомил, что по местным условиям он с своей стороны признает изложенное ходатайство заслуживающим удовлетворения, тем не менее, я, ввиду отзыва от 12 октября 1887 году, за № 150, предшественника вашего превосходительства генерал-майора Лакса, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство почтить меня вашим заключением по настоящему предмету» [7. Л. 133], и т.д.

В основном в качестве аргументов, подтверждающих решение Главного управления по делам печати, использовались формулировки из губернаторских отзывов, однако в случае с отказом в повышении цены на газету В.К. Плеве ситуация была несколько другая. В письме томскому губернатору Е.М. Феокистов сообщал: «По докладу за министра внутренних дел, товарищу министра сенатору Плеве, ходатайство издательницы газеты, под названием “Сибирский вестник”, об увеличении подписной цены на газету до 9 р. за год с пересылкой, господин товарищ министра не признал удобным удовлетворить настоящее ходатайство Картамышевой, тем более, что с прекращением “Сибирской газеты” материальные условия “Сибирского вестника” и без того должно значительно улучшиться [7. Л. 149]. То есть идея о том, что закрытие «Сибирской газеты» вызовет улучшение материального положения ее противника, принадлежала именно В.К. Плеве.

Это позволяет предполагать, что в правительственных кругах уже знали и о репутации закрытой «за вредное направление» «Сибирской газеты», и о противостоянии ее «Сибирскому вестнику».

Выводы

Сюжет о повышении цены на «Сибирский вестник» является небольшой частью объемного цензурного дела, в котором отражена история томской газеты. Но изучение даже этого локального сюжета позволяет сделать несколько важных выводов.

Прежде всего, анализ документов дает возможность увидеть, насколько значительным было воздействие местной администрации на периодическую печать. От хорошего отношения губернатора зависело разрешение на издание, получение льгот при решении организационных и хозяйственных вопросов. Если же отношения были конфликтными, как это произошло с В.П. Картамышевым, то даже решение просьбы о повышении цены на издание на один либо на два рубля затягивалось на годы.

Важность «простого хозяйственного вопроса» состояла в том, что увеличение стоимости газеты стало средством воздействия на редактора «Сибирского вестника». В издательское дело оказался вплетен личностный фактор: недовольство губернаторов поведением В.П. Картамышева и его образом жизни. Однако страдали от возникшего конфликта в первую очередь авторы издания, которые не могли рассчитывать на достойное вознаграждение за свой труд, и читатели, которым в результате предлагался газетный продукт низкого качества.

Необходимо добавить, что сходство текстов, подписанных В.П. Картамышевым и М.Ф. Картамышевой, по содержанию, структуре, системе аргументации позволяет предположить, что автором этих документов был один человек, основатель «Сибирского вестника» В.П. Картамышев. Поэтому можно говорить об активной позиции В.П. Картамышева, который предпринимал все новые и новые попытки увеличить цену на издание. В этом, безусловно, помогли его юридическое образование и имеющийся практический опыт решения правовых вопросов. В попытках добиться желаемого он обращался не только к губернатору и начальнику главного управления по делам печати, но и к министру внутренних дел, и к сенатору А.П. Игнатьеву.

Одним из факторов, который повлиял на положительное решение вопроса о повышении цены на газету, стал идеологический фактор: губернатор А.П. Булюбаш и Главное управление по делам печати предполагали, что «Сибирский вестник» продолжит играть роль «противовеса» «Сибирской газете», уменьшит ее влияние на общество. Однако, как можно увидеть из дальнейших материалов цензурного дела, эти надежды не оправдались: после закрытия «Сибирской газеты» его бывший оппонент не раз навлекал на себя репрессии, нарушая правила цензурного устава.

Дальнейшее изучение архивного дела «Сибирского вестника» поможет восстановить полную историю этой газеты, отраженную в малоизученных документах РГИА.

Литература

1. Воробьев В.В. Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.). Омск : Омский гос. ун-т, 2003. 124 с.
2. Ермолинский Л.Л. Сибирская печать и царская цензура (1875–1886 гг.) // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1967. С. 32–44.
3. Жилиякова Н.В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3 (7). С. 102–115.
4. Шевцов В.В., Карташова Т.П. Инвестиционно-предпринимательская деятельность П.И. Макушина в области культуры и просвещения (по материалам томских архивов и периодической печати) // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 96–110.
5. Гольдфарб С. Газетное дело в Сибири. Первая половина XIX – начало XX в. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 312 с.
6. Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры: коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX – начала XX в. в жанре patchword. Тюмень : Мандр и Ка, 2013. Т. 1. 300 с.
7. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1885 г. Д. 19. Ч. 1. 495 л.
8. Жилиякова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 161–192.
9. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: библиографический указатель / науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Ветер, 2012. 224 с.
10. Феоктистов Евгений Михайлович // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4709040 (дата обращения: 13.08.2021).

“Two Rubles More”: A Censorship Story About an Increase in the Subscription Fee for the Newspaper *Sibirskiy Vestnik* (Tomsk, 1887–1889)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 317–328. DOI: 10.17223/19986645/74/18

Natalia V. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

Keywords: censorship, journalism, *Sibirskiy Vestnik*, Main Directorate of Press Affairs.

This article presents the results of a study of a conflict that arose in 1887 between the Tomsk newspaper *Sibirskiy Vestnik*, the local provincial government, and the main Russian censorship agency, the Main Directorate for Press Affairs, over an increase in the price of the newspaper subscription. The article aims to identify the specifics of the relationship between the provincial press and censorship. The author reveals the essence and causes of the conflict, reconstructs its main stages, clarifies the positions of the parties to the conflict: the publishers of the *Sibirskiy Vestnik* newspaper, representatives of the provincial government, and officials of the Main Directorate for Press Affairs. The main research methods are the method of historical reconstruction and a conceptual analysis of archival files (based on the materials of the Russian State Historical Archive, Fund 776. List 12. 1885. File 19. Part I). *Sibirskiy Vestnik* was founded in Tomsk in 1885 by the lawyer Vasily Kartamyshev with the direct support of the Tomsk governor Krasovsky. However, after Krasovsky's death, other Tomsk governors stopped supporting the newspaper and its publisher. One of the stages of Kartamyshev's “struggle” with the governors was his attempt to raise the price for the newspaper issue from 7 to 8, and then to 9 rubles a year. It took Kartamyshev three stages to achieve a positive result. At the first stage, the Main Directorate for Press Affairs refused the publisher's proposal on the basis of a negative response from the Tomsk governor Laks (1887). At the second stage, both the Tomsk governor Bulubash and the Main Directorate

for Press Affairs agreed to satisfy Kartamyshev's request, but the refusal came from the Ministry of Internal Affairs (1888–1889). And only at the third stage, when the leaders of *Sibirskiy Vestnik* turned to a high-ranking official who knew them personally, the consent of the Main Directorate for the Press Affairs was obtained (1889). This episode from the life of *Sibirskiy Vestnik* showed the positions of the conflicting parties. The publishers believed that the price increase was a “purely economic issue,” the solution of which would improve the newspaper's management (increase employees' salaries, etc.). However, for the local provincial authorities, the question of raising the price was of a completely different nature: they tried to make it one of the levers of influence on the scandalous editor. The Supreme Censorship Department, on which the decision to raise the price of the *Sibirskiy Vestnik* subscription depended to a greater extent, first of all, supported the position of the governors. A further study of the archives of *Sibirskiy Vestnik* will help to restore the full history of this newspaper, reflected in the little-studied documents of the Russian State Historical Archive.

References

1. Vorob'ev, V.V. (2003) *Liberal'naya periodicheskaya pechat' Sibiri v obshchestvenno-politicheskoy zhizni kraya (1907–1914 gg.)* [Siberian liberal periodicals in the social and political life of the region (1907–1914)]. Omsk: Omsk State University.
2. Ermolinskiy, L.L. (1967) *Sibirskaya pechat' i tsarskaya tsenzura (1875–1886 gg.)* [Siberian press and tsarist censorship (1875–1886)]. In: *Zhurnalistika v Sibiri* [Journalism in Siberia]. Irkutsk. pp. 32–44.
3. Zhilyakova, N.V. (2009) The Censorship History of the Newspaper “Siberian Life” (1894–1919, Tomsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (7). pp. 102–115. (In Russian).
4. Shevtsov, V.V. & Kartashova, T.P. (2016) Pyotr I. Makushin's Investing and Entrepreneurial Activity in Culture and Education (Based on Archival Documents and Periodical Press). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 96–110. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/12/7
5. Gol'dfarb, S. (2002) *Gazetnoe delo v Sibiri. Pervaya polovina XIX – nachalo XX v.* [Newspaper business in Siberia. First half of the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
6. Mandrika, Yu.L. (2013) *Tsenzura poetiki i poetika tsenzury: kolleksiya svedeniy o sibirskoy chastnoy pechati kontsa XIX – nachala XX v. v zhanre patchword* [Censorship of poetics and the poetics of censorship: Information about the Siberian private press of the late 19th – early 20th centuries in the patchword genre]. Vol. 1. Tyumen: Mandr i Ka.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 776. List 12. The year 1885. File 19. Part I. 495 p.
8. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism of Tomsk (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 161–192.
9. Yakovenko, A.V. & Gakhov, V.D. (2012) *Tomskie gubernatory: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Tomsk governors: bio-bibliographic index]. Tomsk: Veter.
10. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [Large Russian Encyclopedia]. (2021) *Feoktistov Evgeniy*. [Online]. Available from: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4709040 (Accessed: 13.08.2021).

IN MEMORIAM

УДК 070:93/94 (571.1)

DOI: 10.17223/19986645/74/19

ОЛЬГА ИОСИФОВНА БЛИНОВА – УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, ЛИЧНОСТЬ

Если коротко, одним словом охарактеризовать Ольгу Иосифовну Блинову, то я бы выбрала слово: КУЛЬТУРА. Культура в самом всеобъемлющем смысле, включающем ментальные, социальные, этические, личностные начала.

Ольга Иосифовна относится к той плеяде факультетских столпов, которые заложили научную и этическую парадигму факультета – сначала историко-филологического, а теперь филологического факультета Томского государственного университета. В ее составе: Фаина Зиновьевна Канунова, Николай Никитич Киселев, Вера Владимировна Палагина, Маина Николаевна Янценецкая, Ольга Иосифовна Блинова. Были и до них и вместе с ними достойные преподаватели, но я назвала тех, кто, по моему (конечно, субъективному) мнению создал тот образ знаменитой Томской школы, который мы – ее выпускники – носим в своем сердце, уме и поступках. Я бы назвала два признака этой школы: первое – трепетная любовь к науке, романтическое представление о ней как о высшей форме идеального бытия, а второе – любовь к Томскому государственному университету, преданность и служение ему как воплощению этого идеального бытия. Я, поработав и в других городах, других университетах, всегда говорю: Томск – лучший город Земли, ТГУ – лучший университет Земли. И это дает мне ориентиры в моей жизни, и это позволяет мне узнавать внутренним взором родных по духу выпускников нашего университета, нашего факультета.

Ольга Иосифовна – самое яркое воплощение этих качеств. Она хорошо знала и любила объект своих исследований – диалектную речь, а именно – старожильческие говоры Средней части бассейна реки Оби – как проявление народной культуры. И это отношение – знание и любовь – передавалось ее ученикам. Мне приходилось в других вузах встречать студентов, которые считали диалектологию скучным предметом, но в ТГУ эта дисциплина всегда пользовалась почетом и уважением, что передавалось в первую очередь от Ольги Иосифовны.

Ольга Иосифовна имеет международную известность как диалектолог, и в доказательство этого я приведу один факт. В середине 1990-х гг. из США приехал профессор Эдвард Вайда, основатель особого направления – географической лингвистики, как он представился нам на лекции. Он рассказал, что США – исключительно раздробленный в языковом плане ареал,

он состоит из множества диалектов, но вот диалектологии у них нет, потому что у них нет Ольги Иосифовны Блиновой, ради знакомства с которой он и приехал в нашу страну и в город Томск.

Ольга Иосифовна имеет широкую известность и признание как лексикограф. За свои знаменитые словари, написанные совместно с коллегами и учениками, она, вместе с возглавляемым ею коллективом, получила Государственную премию Российской Федерации. В области лексикографии она выступила и как теоретик, и как практик, проявив невероятную трудоспособность и исключительный организаторский талант, поскольку составление словарей – обычно дело коллективное, требующее больших временных затрат и усилий, и надо еще уговорить, сагитировать, вдохновить людей на этот научный подвиг. Как талантливый организатор науки, она создала Лабораторию общей и сибирской лексикографии при ТГУ, организовала несколько успешно работающих коллективов лексикографов Западной Сибири, приняла участие в работе около 90 международных, всесоюзных и региональных научных конференций и симпозиумов, она была постоянным членом диссертационных советов при ТГУ и КемГУ.

Ольга Иосифовна внесла вклад во многие научные направления, я лишь перечислю основное. Она обосновала и разработала оригинальное направление «описательная и сопоставительная мотивология», основательно разработала лингвистическое источниковедение, методологию и терминологию лингвистики, лингвокультурологию, ввела в научный оборот и обосновала важный теоретический тезис «лексикография как метод», обосновала и создала новые типы словарей, среди которых знаменитый двухтомный «Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья», составленный большим авторским коллективом под ее руководством и редакторством, и многое другое. Надо отметить ее значительный вклад в развитие теории образности как категории лексикологии – он отражен и в публикациях, и в серии словарей образных слов и выражений как на диалектном, так и на литературном материале. Ею опубликовано более 300 научных трудов, под ее руководством защищено 43 кандидатских и 10 докторских диссертаций, неисчислимое количество дипломных работ, ее ученики представлены в вузах и государственных структурах самых разных регионов, не только российских, но и за рубежом.

Что касается образа Ольги Иосифовны как учителя, то я бы выделила в нем два аспекта. Первый: Ольга Иосифовна относится к тому типу учителей, которые не просто заполняют сосуд знаниями, а зажигают факел. И делала она это, подавая пример увлеченности наукой и проявляя исключительное уважение к студентам и аспирантам, более того – восхищение ими, многих она называла талантами. Это давало крылья, на которых они летели дальше. Вот поэтому у нее столько учеников, вот поэтому они, рассеиваясь по огромной территории, несут свет науки, поднимают престиж Томского государственного университета. Мы все время слышали: ТГУ – кузница кадров Сибири. И не только Сибири. И Ольга Иосифовна – одна из этих «кузнецов».

Ко второму аспекту образа Ольги Иосифовны как учителя можно отнести реализацию сущностной установки: единство науки и преподавания – суть университетского духа. Первый научный семинар у меня был именно у Ольги Иосифовны. И на первых же занятиях мы на нем обсуждали серьезную научную статью Анны Анфилофьевны Уфимцевой, и вот эта модель научного семинара, этот уровень обсуждения с доверием к уму и возможностям студентов впечатались в мое сознание как идеальная, классическая модель, которую я и до сих пор воссоздаю на своих занятиях.

Ольга Иосифовна была мастером проведения научных конференций, в которые втягивались – и считали за честь участвовать – практически все преподаватели, аспиранты и многие студенты. И это тоже была прекрасная школа, и это умение мы проявляем до сих пор, где бы ни работали.

Ольга Иосифовна много лет вела знаменитый методологический семинар кафедры, который стал своего рода школой теоретического мышления. Выступить на нем с научным докладом значило пройти экзамен на настоящего ученого. И здесь благотворно сказались такие черты Ольги Иосифовны, как высокая организованность, целеустремленность, воля и организаторский талант, которые необходимы, чтобы начатое коллективное дело не останавливалось, продолжалось, преодолевая суетную повседневность, способную погасить любое благое начинание. Мы знаем много хороших дел, которые затухали, если кто-нибудь не поддерживал самоотверженно огонь творческого горения.

Ольга Иосифовна была исключительно гармоничной личностью – красивая, невероятно обаятельная, жена, мать и бабушка, она благополучно совмещала в себе собственно женские черты и черты истинного ученого, настоящего друга, гражданина, т.е. развитой во всех аспектах личности, доказав тем самым ограниченность и неумность известной антитезы – или женщина, или ученый. И за это ей от нас – женщин, реализующих себя в области науки и преподавания в высшей школе, – особое спасибо: можно счастливо совмещать в себе и то и другое.

Ольга Иосифовна умела дружить – не той женской дружбой, над которой принято иронизировать, – она была настоящим другом замечательного ученого и глубокого, незаурядного человека – профессора Майны Николаевны Янценецкой. Их дружба также стала для нас примером настоящего, правильного, красивого проявления человеческих качеств, я бы сказала, межличностного поведения. При этом они не опускались только до женских, семейных и бытовых тем, они, оставаясь учеными, обсуждали научные проблемы, например, понятия мотивации в словообразовании и лексикологии, когда Ольга Иосифовна стала разрабатывать новое направление – лексическую мотивологию.

Об Ольге Иосифовне можно много и долго рассказывать, но я закончу двумя моментами: во-первых, «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» и на перекрестке событий, когда требуется сделать выбор, перед моим умственным взором возникает светлый образ Ольги Иосифовны, и я советуюсь с ним. И второе: когда Ольга Иосифовна оказывалась в таком

же положении, она говорила: «А все равно хороших людей больше!» И тем самым, по моему мнению, она увеличивала количество добра в этом мире.

Olga Iosifovna Blinova – A Scholar, Teacher, Person

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 329–332. DOI: 10.17223/19986645/74/19

Natalia B. Lebedeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: nlebedevab@yandex.ru

Н.Б. Лебедева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЙЗИКОВА Ирина Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета.

E-mail: wand2004@mail.ru

ВЛАСОВ Михаил Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск).

E-mail: vlasov@bigpi.biysk.ru / vlasov_mikhailo@mail.ru

ГНЮСОВА Ирина Федоровна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета.

E-mail: irbor2004@mail.ru

ДУДАРЕВА Яна Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета.

E-mail: dudareva-yana@yandex.ru

ЖАТКИН Дмитрий Николаевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета.

E-mail: ivb40@yandex.ru

ЖИЛЯКОВА Наталия Вениаминовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики Томского государственного университета.

E-mail: retama@yandex.ru

ЗЕЛЕНИН Александр Васильевич – д-р филол. наук, лектор отделения русского языка, культуры и переводоведения Университета Тампере (Финляндия).

E-mail: aleksandr.zelenin@tuni.fi

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: ekivancova@yandex.ru

ИЛЬИНА Ольга Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: ilina.usu@gmail.com

ИНЬКОВА Ольга Юрьевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Женевского университета (Швейцария); ст. науч. сотр. отдела 54 «Представление знаний в информационных и управляющих системах» Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: Olga.Inkova@unige.ch

КАБЛУКОВ Евгений Викторович – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: kablukov.usu@gmail.com

КИБАЛЬНИК Сергей Акимович – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
Email: kibalnik007@mail.ru

КОВАЛЬ Оксана Анатольевна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-Петербург).
E-mail: ox.koval@gmail.com

КОСТАРЕВА Елена Вячеславовна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью Пермского политехнического университета.
E-mail: lekosta@rambler.ru

КРЮКОВА Екатерина Борисовна – канд. филос. наук., ст. науч. сотр. Социологического института Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: kriukova.jr@yandex.ru

КУЗЬМИНА Марина Дмитриевна – канд. филол. наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна; докторант кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург); науч. сотр. отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).
E-mail: mdkuzmina@mail.ru

ЛЕБЕДЕВА Наталья Борисовна – д-р филол. наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.
E-mail: nlebedevab@yandex.ru

МОРОЗОВА Мария Сергеевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: morozovamaria86@gmail.com

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, зам. зав. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета.
E-mail: rezanovazi@mail.ru

РУДНЕВ Дмитрий Владимирович – д-р филол. наук, канд. ист. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург); доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: rudnevd@mail.ru

РУСАКОВ Александр Юрьевич – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: ayurusakov@gmail.com

РЫЖОВА Ольга Владимировна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, мл. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета.

E-mail: rizhova19931993@mail.ru

СУДАКОВ Гурий Васильевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета.

E-mail: gvs035@rambler.ru

СЫЧЕВ Олег Анатольевич – канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск).

E-mail: osn1@mail.ru

ТОКМАШЕВ Денис Михайлович – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

E-mail: kogutei@yandex.ru

УТКИНА Татьяна Игоревна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь).

E-mail: utkinatat30@gmail.com

ФУТЛЯЕВ Никита Сергеевич – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета.

E-mail: futljaew.n@yandex.ru

ШИРИНОВА Раима Хакимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры французской филологии, проректор по международным связям Национального университета Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан).

E-mail: Shirinova.raima@gmail.com

ШПИЛЬНАЯ Надежда Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул).

E-mail: venata85@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2021. № 74

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 30.12.2021 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 21,6; усл. печ. л. 28,1. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4840.

Дата выхода в свет 25.03.2022 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru